

„Русская Историческая Библіотека“
№ 19.

О. В. Аптекманъ.

Изъ исторіи революціоннаго народничества

„Земля и Воля“

70-хъ годовъ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Изд. А. Суратъ.

Складъ
при книгоиздательствѣ
«Донская Рѣчь».
Цѣна 85 коп.

„Русская Историческая Библіотека"
№ 19.

О. В. Аптекманъ.

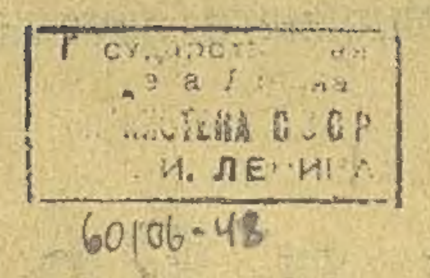
Изъ исторіи революціоннаго народничества.

„Земля и Воля"

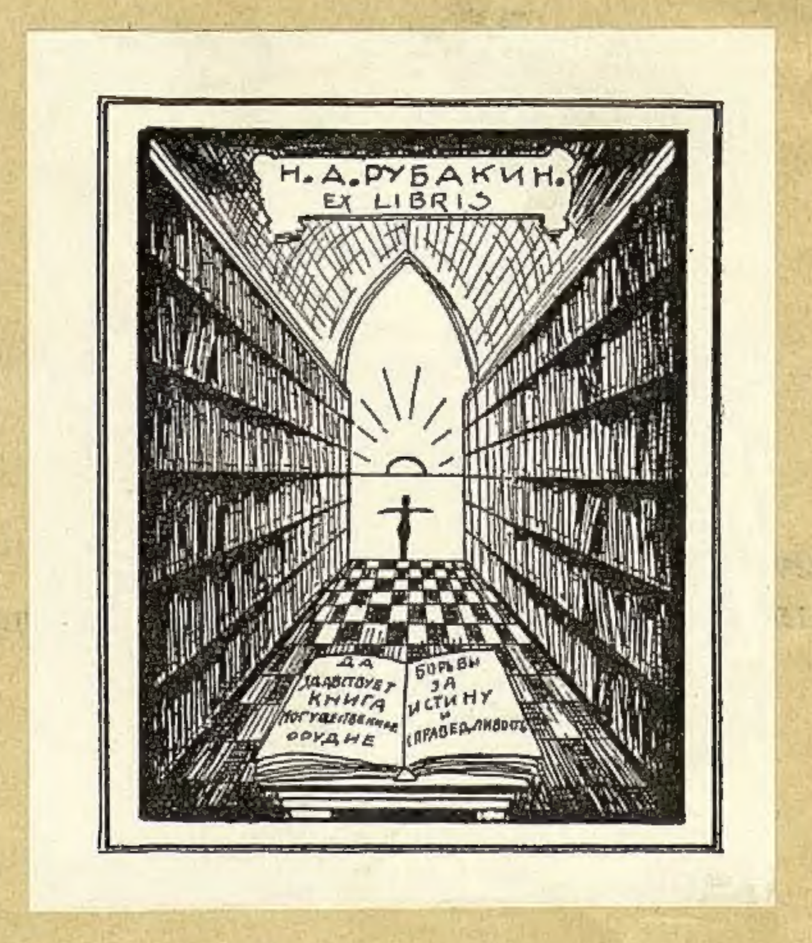
70-хъ годовъ.

(По личнымъ воспоминаніямъ.)

Съ приложеніемъ статьи автора—«Письмо къ бывшимъ товарищамъ»—помѣщенной въ № 1 „Чернаго Передѣла" за 1879 годъ.

Типографія „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

Памяти павшихъ въ борьбѣ товарищей.

„Таково во всемірной исторіи положеніе героевъ, которые, создавая своей дѣятельностью новый міръ, приходятъ въ противорѣчіе съ старымъ порядкомъ и разрушаютъ его: они являются нарушителями общественныхъ законовъ. Поэтому они гибнутъ, но гибнутъ, какъ отдѣльныя лица; ихъ наказаніе не уничтожаетъ представляемаго ими принципа........ принципъ торжествуетъ впослѣдствіи, хотя бы въ другой формѣ“.

(Гегель о Сократѣ въ „Чтеніяхъ по исторіи философіи“)

„Иной возстанетъ грозный мститель,
„Иной родится мощный родъ:
„Страны своей освободитель
„Проснется дремлющій народъ.

Отъ автора.

Воспоминанія мои о „Землѣ и Волѣ“ 70-хъ годовъ подъ названіемъ „Изъ недавняго прошлаго“ были написаны еще мною въ 1883-84 гг., во время пребыванія моего въ ссылкѣ въ Якутской области.

Я познакомилъ моихъ товарищей какъ въ Якутской области, такъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири съ содержаніемъ моихъ записокъ.

Товарищи настойчиво совѣтовали мнѣ, чтобы я не бралъ моихъ записокъ съ собою въ Россію, а оставилъ бы ихъ гдѣ-нибудь на сохраненіи въ надежномъ мѣстѣ, что я и сдѣлалъ въ Томскѣ въ 1886 году при возвращеніи моемъ на родину. Изъ Томска мои воспоминанія попали (кажется, черезъ Л. Э. Шишко) въ Парижъ, въ библіотеку П. Л. Лаврова.

П. Л. Лавровъ удостоилъ мои воспоминанія своимъ вниманіемъ и использовалъ ихъ въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“, а именно: въ статьяхъ „Народники-пропагандисты“.

Многое изъ моихъ воспоминаній также легло въ основу извѣстной брошюры Е. А. Серебрякова „Общество Земля и Воля“ (раньше этотъ очеркъ печатался въ упомянутыхъ уже „Матеріалахъ“ П. Л. Лаврова).

Термины „деревенщина“ и „деревенщики“, а равно и многіе другіе техническіе термины нашей довольно сложной землевольской организаціи и также много фактическаго матеріала позаимствовалъ изъ моего „недавняго прошлаго“ г. Серебряковъ.

Такъ: характеристика землевольскихъ поселеній, описаніе структуры нашего Общества, характеристика нашей дѣятельности какъ пропагандистской, такъ и агитаціонной среди учащейся молодежи, описаніе нѣкоторыхъ нашихъ совѣтовъ и съѣздовъ, въ томъ числѣ и Воронежскаго,—все это и многое другое вошло въ брошюру г. Серебрякова.

Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ г. Серебряковъ и ссылается на мои воспоминанія, ставитъ ихъ въ кавычки, цитируя ихъ: „неизданныя воспоминанія землевольца“.

Наконецъ, на мои якутскія воспоминанія же ссылается неоднократно и Л. Э. Шишко въ своихъ примѣчаніяхъ къ певоду „Исторіи революціонныхъ движеній въ Россіи“ А. Туна.

Такимъ образомъ, мои воспоминанія, помимо моей воли, стали уже въ той или другой формѣ достояніемъ печати.

Я очень радъ, что они, какъ матеріалъ для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, сослужили нѣкоторую службу. Мой трудъ, значитъ, не пропалъ даромъ.

Настоящія мои воспоминанія представляются совершенно переработанными и значительно дополненными. Мои раннія, якутскія, воспоминанія, о которыхъ я выше говорилъ („Изъ недавняго прошлаго“), конечно, вошли и въ настоящія воспоминанія. Они мѣстами входятъ цѣлыми отрывками почти безъ всякихъ измѣненій или съ небольшими редакціонными или фактическими измѣненіями. Эти отрывки я ставлю обыкновенно въ кавычкахъ, съ указаніемъ откуда этотъ отрывокъ взятъ. Многое же мною написано совершенно *зановоː* какъ по личнымъ моимъ воспоминаніямъ, такъ и на основаніи кое-какихъ литературныхъ матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ 70-мъ годамъ вообще и періоду „Земли и Воли“ въ частности.

Настоящія мои воспоминанія, за исключеніемъ лишь первыхъ трехъ главъ ихъ, впервые были напечатаны въ журналѣ „Современная Жизнь“ (октябрь, ноябрь и декабрь 1906 года и январь 1907).

Вотъ списокъ литературныхъ пособій, которыми я пользовался, между прочимъ, при составленіи настоящей моей работы.

1) А. Тунъ. „Исторія революціоннаго движенія въ Россіи“. (Пользовался *обоими* переводами: съ предисл. Плеханова и съ примѣчаніями и дополненіями Шишко).

2) Г. В. Плехановъ. Сочиненія. т. I. ч. 1 и 2. 1905 г. Изданіе Библіотеки научнаго соціализма. Женева.

3) Г. В. Плехановъ. „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“. Изданіе второе, испр. и дополн. 1902 г.

4) „За сто лѣтъ“. В. Л. Бурцевъ.

5) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“. Сборникъ подъ редакціею Базилевскаго.. Paris, 1905.

6) „Матеріалы для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“ X.

7) Общество „Земля и Воля“. Е. А. Серебряковъ. Лондонъ. Типографія „Жизни“. 1902 г.

Вмѣсто предисловія.

Мои воспоминанія о революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ обнимаютъ собою періодъ времени въ 10 лѣтъ—съ начала 1870 года по 1880-й.

За этотъ періодъ времени революціонное движеніе завершило почти полный циклъ своего развитія. Я говорю «почти» потому, что въ послѣдующіе затѣмъ ближайшіе годы—съ 80-го по 84-й годъ—жизнь революціонной партіи стала уже угасать, вспыхивая лишь порою предсмертными судорогами отчаянной борьбы...

Съ тѣхъ поръ прошло 25 лѣтъ. Оглядываясь назадъ на путь, пройденный нашей революціонной молодежью, мы должны признать, что это былъ тернистый путь самоотверженной борьбы и геройскихъ подвиговъ. Много жертвъ легло на этомъ пути. Много могильныхъ холмовъ воздвигнуто на немъ. И теперь, 25 лѣтъ спустя, когда на нашей родинѣ разыгрывается одна изъ величайшихъ народныхъ революцій, когда старый кличъ «земля и воля!» раздался по всей родной землѣ раскатами грома, когда народная расправа готова уже разнести въ прахъ отживающій приказно-крѣпостническій государственный строй,—теперь, говорю я, съ особенной силой и яркостью выступаетъ предо мною то великое дѣло, которое молодая интеллигенція 70-хъ годовъ хотѣла поднять на свои плечи!.. Ноша оказалась непомѣрно тяжелая—и революціонная молодежь, сокрушенная, пала подъ ея гнетомъ... Глубоко трагична судьба этой молодежи. Поучительна исторія ея революціонной борьбы. Будущему историку этого движенія предстоитъ серьезная задача выяснить съ строго-научной объективностью дѣйствительныя причины его крушенія. Я же, какъ современникъ этого движенія, скажу вотъ что: пусть это пораженіе было, въ силу лежавшихъ въ основѣ этого движенія причинъ, неизбѣжно! И все-таки велико въ историческомъ смыслѣ значеніе этого движенія: оно, во-первыхъ, оставило намъ традицію революціонной борьбы, стремившейся опереться на народныя массы, на трудящійся классъ; оно, во-вторыхъ, несмотря на крупныя его ошибки и ложные шаги,—а, можетъ быть, именно поэтому,—значительно обогатило нашъ опытъ, оно, наконецъ, въ-третьихъ, значительно способствовало распространенію въ обществѣ тѣхъ идей, за которыя оно само, это движеніе, поплатилось своей гибелью. Мы видимъ, что даже во вторую половину 80-хъ годовъ,—въ эту эпоху разброда общественныхъ силъ и идейнаго шатанія,—многія требованія семидесятниковъ, за

которыя эти послѣдніе подвергались преслѣдованію, становятся предметомъ какъ публичнаго сужденія, такъ и законодательныхъ мѣропріятій. Такъ, въ 70-е годы о безземельи крестьянъ нельзя было и обмолвиться подъ страхомъ тяжкой уголовной кары, а въ 80-е годы это уже признается даже оффиціальными сферами.

Обращаясь теперь къ моимъ воспоминаніямъ, я считаю нужнымъ оговориться. Я буду говорить не только о томъ, что я видѣлъ, слышалъ, что переживалъ, въ чемъ я, какъ скромный работникъ, принималъ участіе, но я намѣренъ еще хоть въ общихъ чертахъ коснуться тѣхъ общихъ соціальныхъ явленій нашей русской дѣйствительности, современникомъ которыхъ я былъ.

Насъ окружала опредѣленная, исторически-данная соціальная обстановка: пореформенная Россія, съ ея политической организаціей, экономическимъ строемъ, правовыми нормами и общественнымъ движеніемъ, въ широкомъ смыслѣ этого послѣдняго слова. Какъ же эта обстановка вліяла на насъ, семидесятниковъ? Какъ она отразилась въ нашемъ сознаніи? Какъ мы, молодое поколѣніе 70-хъ годовъ, реагировали на эту обстановку—и теоретически, и практически?

И дальше. Помимо непосредственныхъ воздѣйствій нашей родной русской дѣйствительности, на насъ посредственно еще вліяла западно-европейская жизнь, съ ея особенно выдающимися явленіями того времени: научнымъ соціализмомъ, съ его теоріей и практикой.

Все это импонировало намъ и опредѣлило въ послѣднемъ счетѣ наше направленіе и нашу окончательную тактику. Обо всемъ этомъ мнѣ придется говорить на нижеслѣдующихъ страницахъ, такъ какъ все это входило въ содержаніе «практической и теоретической мысли» молодежи 70-хъ годовъ, выработало опредѣленнымъ образомъ эту молодежь и рѣшительнымъ образомъ обусловило ея дѣятельность. Я буду обо всемъ этомъ говорить еще потому, что это входило также въ кругъ личныхъ моихъ воспоминаній, какъ интегральная часть того, что я съ молодежью пережилъ и передумалъ за это десятилѣтіе. Постараюсь быть правдивымъ.

Глава I.

Крѣпостнически-народная политика правительства Александра II. Экономически - буржуазная политика правительства. Настроеніе пореформенной деревни. Общественное настроеніе въ пореформенной Россіи. Литературныя теченія въ пореформенной Россіи. (60—70 г.г.).

Съ уничтоженіемъ крѣпостного права въ хозяйственной жизни Россіи начинается глубокій процессъ ликвидаціи старыхъ ея «устоевъ» и постепеннаго созиданія новыхъ. Процессъ этотъ совершается медленно, но неуклонно. При поверхностномъ наблюденіи казалось, что «все обстоитъ благополучно», все—«по старому», «какъ наши дѣды и отцы, такъ и мы». Для вдумчиваго же наблюдателя,—а таковой былъ и въ мое время,—было ясно, какъ день, что въ глубинахъ народной жизни совершается глубокій процессъ ломки—рушится старое зданіе народной жизни, рушатся „устои", „старые законы". Да иначе и не могло быть. Ужъ въ самой «крестьянской реформѣ»,—этой кардинальной реформѣ такъ называемой «эпохи великихъ реформъ»,—кроились всѣ зародыши неизбѣжнаго разрушенія.

По манифесту 19 февраля, «свободный хлѣбопашецъ» надѣляется такимъ количествомъ земли, которое должно было не только обезпечить его существованіе, но и гарантировать ему возможность оставаться „исправнымъ плательщикомъ" государству. Мягко стелетъ, да жестко спать. „Свободный хлѣбопашецъ", несмотря на то, что онъ «вольный», получаетъ въ надѣлъ земли меньше, чѣмъ владѣлъ въ крѣпостное время. Мало того. Земля въ общемъ худшаго качества. Запутанная система максимовъ и минимумовъ надѣловъ вносила съ самаго начала въ дѣло освобожденія крестьянъ массу недоразумѣній, замѣшательствъ, конфликтовъ, окончившихся, какъ ниже увидимъ, кровавой расправой. Послѣдствія «великой крестьянской реформы» сказались уже на другой день реформы. Однородное въ экономическомъ отношеніи крѣпостное крестьянское населеніе разслаивается: на одномъ полюсѣ масса крестьянскаго населенія съ сильно урѣзаннымъ душевымъ надѣломъ—малоземельные, на другомъ—значительная группа „хлѣбопашцевъ" съ «четвертнымъ» или „нищенскимъ" надѣломъ, т. е. почти что безземельные. Интересы помѣщиковъ-крѣпостниковъ были соблюдены. Это несомнѣнно. Крестьяне, какъ мас-

са, какъ сословіе, имѣющее превратиться въ процессѣ исторіи въ классъ, были принесены въ жертву жаднымъ аппетитамъ сословія крѣпостниковъ,—будущему классу аграріевъ. Такъ,—

„Цѣпь великая ударила
Однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику"...

«Баринъ» насъ пока мало интересуетъ, а „мужикъ"...... на это отвѣтилъ страшнымъ взрывомъ народнаго негодованія. Вѣками лелѣянная народомъ надежда на землю и волю разбита. Гдѣ она, эта столь желанная земля и воля? И «дни великаго гнѣва» настали ужъ на другой день крестьянской „воли": вспыхнулъ цѣлый рядъ бунтовъ, безпощадно залитыхъ народною кровью. Они, эти бунты, обнимаютъ собою цѣлые уѣзды, много волостей сплошь. Красной, кровавой нитью проходятъ они черезъ все „десятилѣтіе великихъ реформъ", и послѣднія запоздалыя волны этихъ бунтовъ доходятъ до насъ еще въ теченіе первой половины 70-хъ годовъ.

Я отмѣчу лишь здѣсь болѣе крупныя изъ этихъ крестьянскихъ волненій.

Въ 1861 году въ Безднѣ, Казанской губерніи, вспыхнуло подъ предводительствомъ Антона Петрова форменное возстаніе, въ которомъ принимало участіе 10 тысячъ крестьянъ. Въ ходъ пущена полевая артиллерія. Убито до 100 крестьянъ. Антонъ Петровъ казненъ 19 апрѣля того же года. Въ томъ же году волненія въ Воронежской губ., убито 40 чел. крестьянъ. Далѣе: волненія въ Пензенской губ., много убитыхъ, раненыхъ, наказанныхъ шпицрутенами сквозь строй, наказанныхъ розгами, сосланныхъ и проч.

Можно безъ преувеличенія сказать, что во время освобожденія крестьянъ не было ни одной губерніи или уѣзда, гдѣ бы не происходили крестьянскіе безпорядки въ той или другой формѣ, съ обычными ихъ спутниками—военными экзекуціями, постоями, тюремнымъ заключеніемъ, ссылками и разореніемъ. Въ 1862 го у снова крестьянскія волненія въ Волынской, Курской и другихъ губерніяхъ. Крестьянскіе безпорядки не прекращаются, какъ мы ше уже говорили, вплоть до второй половины семидесятыхъ годо они вспыхиваютъ періодически то тамъ, то сямъ въ Кіевской губ. (бунтъ чигиринскихъ крестьянъ).

Мы будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что крестьянская реформа не была реформой «эпохи великихъ реформъ», данной крестьянамъ «сверху» сердобольнымъ Александромъ II. Нѣтъ! это была «крестьянская война», растянувшаяся на 1½ десятка слишкомъ лѣтъ; война, въ которой высказался протестъ народа противъ многовѣкового гнета крѣпостнически-полицейскаго государственнаго строя....

Крестьянскія волненія, стихійныя и разрозненныя, были повсемѣстно задушены, «порядокъ возстановленъ». Въ деревнѣ воцарилась «тишь и гладь». Но это только казалось. Разрушительный процессъ начинающагося оскудѣнія деревни все наросталъ и наросталъ. Надвигалось новое народное бѣдствіе,—тоже стихійное и неумолимо жестокое.

Я говорю о народныхъ голодовкахъ. Первая голодовка «пореформенной Россіи» появилась уже 6—7 лѣтъ послѣ „воли", т. е.

въ 1867—68 гг. Она охватила девять губерній: пять—сѣверныхъ и четыре—центральныхъ.

Вторая голодовка упала на насъ, какъ снѣгъ на голову: ее открылъ Левъ Толстой. Это—страшный голодъ Самарской губ. въ 1873—74 гг.

Начиная съ 80-хъ годовъ,—скажу я въ скобкахъ,—голодовки все болѣе и болѣе учащаются, періоды ихъ появленія сокращаются; онѣ захватываютъ все большія и большія пространства нашей родины, поражая десятки милліоновъ жителей и унося сотни тысячъ до милліона жертвъ—отъ голода непосредственно,—во-первыхъ, и отъ роковыхъ его спутниковъ—„голоднаго тифа", цынги и прочихъ болѣзней,—во-вторыхъ. Голодовки и смерть отъ нихъ становятся хроническими......

О, поле, поле, кто тебя усѣялъ такъ мертвыми костями?

Наши голодовки, это—настоящія общественныя катастрофы, періодически появляющіяся съ желѣзною необходимостью естественнаго закона.

Каждая такая катастрофа подтачиваетъ въ корнѣ народное хозяйство, расшатывая постепенно „исконные народные устои".

Но ни однѣми катастрофами проявлялся процессъ ликвидаціи стараго порядка деревни. Параллельно и одновременно съ этимъ въ томъ же направленіи дѣйствовали и другіе моменты. Укажемъ на болѣе важные: 1. Семейные раздѣлы. Паденіе крѣпостного права уничтожило правовую зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, какъ отъ „командующаго класса". И хотя безправіе крестьянъ по отношенію къ государству сохранилось еще въ полной силѣ, уничтоженіе крѣпостного права все-таки было шагомъ впередъ въ смыслѣ начинающагося пробужденія правового сознанія въ массѣ, а въ особенности въ молодомъ поколѣніи, выросшемъ «на волѣ». Молодое поколѣніе скоро показало это. Проснувшееся въ немъ сознаніе человѣческаго достоинства, сознаніе личности особенно ярко сказалось въ быстро послѣдовавшихъ за освобожденіемъ крестьянъ „раздѣлахъ семьи". „Сыны" возстали противъ „отцовъ". „Въ доброе старое время"—время крѣпостного права,—это было немыслимо. Крѣпостной гнетъ держалъ семью крестьянскую въ ежевыхъ рукавицахъ—семейные раздѣлы строго воспрещались. И крестьяне жили тогда „большими семьями".

Съ паденіемъ же крѣпостного права, внѣшняя, сплачивающая и сдерживающая семью сила исчезла. „Старики", какъ ревностные хранители обычаевъ, традицій (какъ отцы, такъ и мы) головою стояли за единую, нераздѣльную семью: раздѣлъ, это-де раззоръ. Молодежь соглашалась съ этимъ, но жажда свободы, озлобленіе противъ опеки,—однимъ словомъ, чувство собственнаго достоинства властно требовало раздѣла, хотя бы дорогою цѣною хозяйственнаго разоренія. И раздѣлы совершались съ такой, можно сказать, головокружительной стремительностью, что уже въ началѣ 70-хъ годовъ можно было въ любомъ селѣ, при въѣздѣ въ него, увидѣть „новые поселочки", „порядки", съ маленькими, словно на курьихъ ножкахъ, избушками (издебками), ютя-

щимися гдѣ-то за селомъ, „за околицей“, или вокругъ оврага-„на бутыркахъ“. Ни „двора“, ни „надворныхъ построекъ“ какихъ, нибудь. Это—своего рода импровизированные „шатры“, куда „безпокойный Израиль“ новой деревни собрался „на всякій случай“.

Это—поселенія „одинокихъ“, „маломощныхъ“ семей. Это—резервная армія нашего сельскаго пролетаріата. Она еще не готова, но она уже формируется. Достаточно одного неурожая или иного какого-либо несчастнаго случая—и бѣлыми нитками сшитое хозяйство разсыпается въ прахъ: надѣлъ, „душа“ сдается въ „опчество“, избенка заколачивается и „хозяева“, какъ вольныя птички, снимаются и уходятъ—, въ батраки“, „въ казаки“, куда-нибудь „наймоваться“.

Раздѣлы эти, само собою, сильно расшатываютъ хозяйственную независимость «старыхъ» семей, подготовляя разложеніе патріархально-крѣпостнической семьи. На встрѣчу семейнымъ раздѣламъ идетъ другой процессъ распада стараго уклада жизни:

2. Бѣгство крестьянъ изъ деревень. «Бѣгутъ врозь» цѣлыя семьи, деревни и общества. Бѣгутъ потому, что «тѣсно стало». Замѣчательно, что это бѣгство началось еще въ первое 10-лѣтіе «великихъ реформъ»—въ 1868 году. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, крестьяне трехъ волостей Смоленской губерніи „крестьяне-одиночки“, обремененные семействами,—по словамъ оффиціальнаго репортера (исправника),—распродавъ свое имущество, движимое и недвижимое, переселяются въ другія губерніи. Дома жить нечѣмъ: малоземелье, безысходная нужда и голодъ. Ихъ ловятъ и возвращаютъ назадъ, а они съ тупымъ отчаяннымъ упорствомъ твердятъ: „убѣгемъ!“ „Все равно пропадать!“ Имъ грозятъ тюрьмою, а они съ стоическимъ спокойствіемъ стоятъ на своемъ, „лбами уперлись“: предпочитаютъ тюремный хлѣбъ домашнему голоду.

Такъ дѣйствовало на деревенскіе „устои“ „малоземелье“.

3. Фискъ обостряетъ, усиливаетъ и углубляетъ еще больше начавшійся процессъ разслоенія въ деревнѣ. По отношенію къ крестьянамъ, какъ мы знаемъ, государство стало въ чисто-крѣпостническія оброчныя отношенія: высокіе выкупные платежи и масса другихъ денежныхъ повинностей, падающихъ непосредственно на землю, „на душу“, поглощаютъ не только весь доходъ крестьянина съ надѣла, но крестьянину, для удовлетворенія государственныхъ нуждъ и для поддержанія своего полуголоднаго существованія, приходится посторонними заработками, „отхожими промыслами“, вырабатывать еще въ $1\frac{1}{2}$—2 раза больше, чѣмъ даетъ ему доходъ съ его надѣла. (См. „Опытъ статистическаго изслѣдованія о надѣлахъ и платежахъ“ проф. Янсона). А это приводитъ неизбѣжно къ одному: слабый „маломощный“, „однолошадный“ хозяинъ, изнемогая подъ тяжестью платежей государственныхъ, бросаетъ свою землю и сдаетъ ее обществу, „міру“. Этимъ путемъ создается:

4. Концентрація общественной, „мірской“ земли въ рукахъ богатыхъ, „хозяйственныхъ мужиковъ“-односельчанъ. Образуется группа „кулаковъ“, орудующихъ нерѣдко довольно

большими участками „надѣльной земли“ и ведущихъ свое хозяйство съ наемными рабочими, которыхъ ему нетрудно найти на своемъ же деревенскомъ рабочемъ рынкѣ. Такъ, при формальномъ существованіи общественной, «мірской», «общинной, земли, долженсгвующей обезпечить землею равномѣрно всѣхъ односельчанъ, фактически надѣльная земля можетъ оказаться въ рукахъ десятка другого «кулаковъ». De jure существуетъ общество, экономически и юридически отвѣтственное предъ государствомъ, de facto же это общество—фикція: господствуетъ экономически и юридически кучка кулаковъ, деревенскихъ капиталистовъ, которые, присосавшись къ обществу, вершатъ всѣ дѣла—какъ внутри общины, такъ и внѣ ея.

Въ окончательномъ итогѣ положеніе крестьянъ, въ связи и зависимости отъ «крестьянской реформы», было таково:

А. Въ области экономической: малоземелье — въ общемъ; крайній недостатокъ въ луговыхъ, выгонныхъ и сѣянныхъ угодьяхъ—въ частности. При малоземельи—земля не всегда удовлетворительнаго качества: лучшія земли отошли къ помѣщикамъ. Масса «отрѣзковъ» окружаетъ желѣзнымъ кольцомъ крестьянскія земли, такъ что крестьянамъ негдѣ повернуться, чтобы не натолкнуться на помѣщичью черезполосицу. Недостатокъ земли, въ связи съ громадной ея обложенностью, роковымъ образомъ ведетъ къ выпахиванію ея, къ пониженію ея плодородія, а это въ свою очередь вызываетъ недороды и неурожаи. За недородами и неурожаями слѣдуютъ по стопамъ хроническое недоѣданіе и острая голодовка. Первое подрываетъ общее питаніе организма, порождаетъ хроническій маразмъ, способствуетъ физическому вырожденію; а это въ общей совокупности увеличиваетъ общую смертность, а въ особенности—дѣтскую. Второе—голодъ—дѣйствуетъ остро, кося жизнь на-право и на-лѣво. Каждая такая періодически возвращающаяся голодовка оставляетъ послѣ себя все большіе и большіе дефекты въ экономическомъ и санитарномъ состояніяхъ народнаго организма. Экономическіе дефекты, накопляясь, подрываютъ все болѣе и болѣе благосостояніе отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, еще раньше ослабленныхъ малоземельемъ и фискомъ, что въ дальнѣйшемъ приводитъ, съ одной стороны, къ фактическому полному обезземеленію одной группы населенія,—порою значительной,—и къ сосредоточенію земли въ рукахъ сравнительно немногочисленной группы населенія—съ другой. Однородная въ крѣпостное время экономическая структура деревни рѣшительно идетъ, подъ вліяніемъ крѣпостническо - народной политики правительства, къ разслоенію, и это разслоеніе становится все глубже и глубже съ ростомъ фискальнаго гнета. Въ пореформенной деревнѣ образуются двѣ діаметрально противоположныя по своимъ хозяйственнымъ интересамъ группы: группа «хозяйственныхъ» мужиковъ и группа „маломощныхъ“, «безхозяйныхъ».

Община, гдѣ она есть, не представляетъ достаточно надежной защиты своему общиннику противъ фактической его экспропріаціи и превращенія его въ пролетарія. Это—потому, что община, въ силу круговой поруки, является исключительно юриди-

чески-отвѣтственнымъ лицомъ предъ всесильнымъ азіатскимъ фискомъ. Община, подъ давленіемъ фиска, фактически превращается въ крѣпостнически-деревенскій „приказъ", опекающій, угнетающій и стерегущій, какъ тюремщикъ, своего общинника. Подъ вліяніемъ этого двойного гнета, государства и общины, въ общинникѣ прежде всего зажигается ненависть и отвращеніе къ своему обществу, какъ къ ближайшему своему угнетателю. Въ общинникѣ просыпается чувство собственнаго достоинства, просыпается неудержимое стремленіе разбить тѣсныя рамки своего крестьянскаго житья-бытья. И общинникъ бѣжитъ вонъ изъ деревни, угнетающей и обезличивающей его. Тягловую „душу" свою онъ сдаетъ „міру", а собственную свою душу онъ спасаетъ бѣгствомъ. Въ окончательномъ счетѣ—бѣгство односельчанъ подрываетъ самые „устои" общины.

В. Въ юридической сферѣ. Уничтоженіе крѣпостного права,—„воля", по мѣткому выраженію народа,— еще не означало полнаго раскрѣпощенія крестьянъ. Крестьяне, по прежнему, остались въ значительной мѣрѣ и de jure крѣпостными: „крѣпкими землѣ" сложною и запутанной сѣтью „крестьянскаго уложенія", со всѣми его исключительно сословными правовыми нормами, превратившими ихъ въ „податное", исключительно „оброчное", „тягловое" сословіе. Въ правовомъ отношеніи нашъ пореформенный крестьянинъ не выше стоитъ, такъ называемыхъ, „лишенныхъ правъ и состоянія". Ужъ одно сохраненіе тѣлеснаго наказанія въ крестьянской юрисдикціи почти уравниваетъ крестьянина съ ссыльно-поселенцами и каторжными.

Мы видѣли, какъ пагубно отразилось крѣпостнически-народная политика,—экономическая и правовая,—на всемъ крестьянскомъ пореформенномъ строѣ. Намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть, какое вліяніе на крестьянскую жизнь имѣла экономическая политика правительства, объектомъ которой служилъ не народъ непосредственно, а средній классъ, или точнѣе торгово-промышленное сословіе. Если крестьяне были пасынкомъ царскаго правительства; если „крестьянскую реформу",—освобожденіе,—народу бросили „сверху", какъ обглоданную кость злому изголодавшемуся псу,—то, наоборотъ, нашему торгово-промышленному сословію во все время царствованія Александра II весьма посчастливилось. Оно, „чумазое", стало любимцемъ, persona grata, «Царя-Освободителя». Его, „чумазаго", стали выводить въ люди, въ „общество". Оно сдѣлалось сразу необходимымъ „нужнымъ человѣкомъ".

На молодую нашу буржуазію стали, какъ изъ рога изобилія, сыпаться царскія щедроты. Желѣзнодорожныя концессіи, гарантіи, покровительственные тарифы, всяческія акціонерныя компаніи, банки и проч.,—все это быстро выростало, какъ грибы послѣ дождя. На сцену выступаютъ новые люди,—„дѣльцы", къ которымъ въ качествѣ приказчиковъ пристраивается наше „родовитое дворянство". Да какъ же иначе? Дерунову нужна ширма, „протекція", „имя". И вотъ во главѣ разныхъ предпріятій красуются имена

графовъ, бароновъ, князей, въ томъ числѣ и «великихъ князей», —подъ сурдинкой, конечно,—и разныхъ другихъ высшаго ранга сановниковъ.

Капиталистически-предпринимательская горячка все растетъ и растетъ. Она становится заразительной. Она втягиваетъ въ сферу своей дѣятельности и «либеральные» элементы нашего общества.

«Либеральное» земство и «отцы городовъ» сами вовлекаются въ предпринимательскій круговоротъ: организуютъ акціонерныя общества, ходатайствуютъ для себя концессіи,—конечно, все это не для себя, а для народа—все для народа!—и, ухлопавши уйму народныхъ денегъ, строятъ плохія желѣзныя дороги, разоряя народъ вконецъ.

Но буржуазіи не только нужна матеріальная поддержка и покровительство «сверху»,—она не менѣе того нуждается въ содѣйствіи и помощи знанія, науки, а также и текущей прессы. И вотъ либеральная пресса—научная, публицистическая и газетная—рѣшительно санкціонируетъ капиталистическія предпріятія, пропагандируя ихъ urbi et orbi. «Идеологи» и «практики» буржуазіи подаютъ другъ другу руки и идутъ по одной дорожкѣ. Правительство, буржуазія и либералы образуютъ, такимъ образомъ концертъ реальныхъ силъ. Картина умилительная.

И работа закипѣла и въ городахъ, и въ деревняхъ—повсюду.

Оставимъ городъ въ сторонѣ и посмотримъ, какія завоеванія сдѣлала молодая буржуазія въ деревнѣ. Прежде всего она явилась въ деревню, какъ обладательница торговаго капитала, и энергично занялась куплей-продажей. Она покупаетъ охотно все, но прежде всего хлѣбъ. Желѣзныя дороги, съ подъѣздными путями, пароходы облегчаютъ транспортъ въ ближайшіе торговые центры, для отправки за-границу.

Хлѣбный экспортъ изъ года въ годъ все растетъ и растетъ. «Торговый балансъ» преуспѣваетъ. Правда, съ вывозомъ за границу зерновыхъ хлѣбовъ, земля, при существующихъ агрикультурныхъ условіяхъ, все болѣе и болѣе истощается.

Но что же дѣлать? Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ. Капиталистъ продолжаетъ свою работу. Не о единомъ хлѣбѣ онъ бываетъ живъ. Въ деревняхъ споконъ вѣку существовали, такъ называемые, домашніе промыслы. Капиталистъ и ихъ облюбовалъ: въ «золотыхъ рукахъ» его—а у капиталиста ужъ несомнѣнно руки золотыя,—домашніе промыслы легко могутъ превратиться въ солидную статью дохода. Сказано—сдѣлано. Торговый капиталъ постепенно овладѣлъ этими промыслами. Въ качествѣ же промышленнаго капитала, при дальнѣйшемъ ростѣ этого послѣдняго, онъ разъединяетъ производителя домашнихъ промысловъ отъ его орудій производства, превращая перваго въ наемнаго рабочаго—въ пролетарія.

Такимъ образомъ, какъ въ качествѣ ростовщичьяго и торговаго капитала, такъ и еще болѣе въ качествѣ промышленнаго капитала, тенденція деревенскаго капитала остается неизмѣнно одна и та же, а именно: наростающая капитализація

домашнихъ промысловъ. Таково непосредственное воздѣйствіе капитала на деревню. Но и посредственное вліяніе, какъ разрушающее, такъ и созидающее, капитала въ деревнѣ тоже чрезвычайно велико,—все равно: является ли капиталъ въ деревнѣ, какъ капиталъ земледѣльческій, въ собственномъ смыслѣ этого слова, или, какъ капиталъ добывающей и обрабатывающей промышленности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ не только создаетъ новыя производительныя отношенія, но нерѣдко создаетъ новыя подсобныя отрасли труда для самой деревни. Приложеніемъ капитала къ разнообразнымъ отраслямъ промышленности, кромѣ земледѣльческой, вызываются къ жизни новые городскіе промышленные рынки, для привлеченія избыточнаго въ деревнѣ населенія въ городъ. Между деревней и городомъ устанавливаются опять-таки совершенно новыя отношенія. Городъ становится центромъ тяготѣнія для деревни. Прежняя обособленность деревни мало-по-малу исчезаетъ. Мало того. Тамъ, гдѣ вокругъ деревень возникаютъ промышленныя учрежденія, выростаютъ совершенно новыя деревни, новые поселки, разростающіеся съ теченіемъ времени въ новые города, со совсѣмъ особеннымъ пролетарско-фабрично-заводскимъ населеніемъ, порывающимъ нерѣдко всякую связь, какъ матеріальную, такъ и духовную, съ своей деревней-метрополіей. Да и сама метрополія совершенно преображается. «Рубль» и «купонъ» вдохнули новую жизнь въ архаическую деревенскую «тишь и гладь». «Рупь» въ глазахъ деревни выростаетъ въ громадную, мистически-чудодѣйственную силу. Патріархальная простота отношеній какъ въ семьѣ, такъ и въ деревнѣ, замѣняется сложными, запутанными отношеніями. Индивидуализмъ выростаетъ, какъ антитеза первобытному чувству солидарности и согласія въ дореформенной семьѣ и общинѣ. Семейныя узы и общественныя связи, подъ напоромъ капитала, разслабляются и рвутся. Таково непосредственное и посредственное дѣйствіе капитала на деревню.

Резюмируемъ сказанное.

Буржуазно-экономическая политика правительства Александра II, поставившая себѣ ближайшей цѣлью развить въ Россіи крупную капиталистическую промышленность, воздѣйствовала на деревню въ смыслѣ дезорганизаціи ея «исконныхъ устоевъ» еще болѣе рѣшительно, чѣмъ крѣпостнически-мужицкая политика того же правительства. Наше «первоначальное капиталистическое накопленіе» прежде всего отразилось на громадномъ ростѣ нашего государственнаго бюджета, расплачиваться за который своими боками приходилось исключительно «податной» деревнѣ. И безъ того надорванныя крестьянской реформой, производительныя силы деревни еще болѣе ускореннымъ темпомъ идутъ на-убыль. Производительныя силы деревни съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаютъ и истощаются. А это одно уже ведетъ къ роковому паденію «стараго порядка» въ деревнѣ. Одновременно съ этимъ, въ томъ же направленіи, хотя и болѣе медленно, неуклонно дѣйствуетъ все развивающаяся и наростающая новая экономическая сила деревни—капиталъ. Послѣдній не только разрушаетъ, но и транс-

формируетъ деревню—и трансформируетъ ее во всѣхъ направленіяхъ. Начатое первоначально государствомъ разслоеніе деревни ведется далѣе неукоснительно и послѣдовательно ужъ капиталомъ, какъ таковымъ, въ силу ужъ присущихъ ему одному, т. е. капиталу, тенденцій. Прежде совершенно сплошная и сплоченная, деревня теперь превращается, подъ вліяніемъ капитала, въ деревню, такъ сказать, полиморфную, разрозненную и антагонистическую. Такова была деревня въ семидесятые годы.

Мы познакомились съ соціальнымъ положеніемъ пореформенной деревни. Каково же было тогда настроеніе деревни? Какъ она реагировала на «новые» порядки? Мы уже знаемъ, какъ народъ отнесся къ кардинальной реформѣ «эпохи великихъ реформъ»—къ крестьянской реформѣ. Возстаніями, бунтами и всяческими безпорядками отвѣтилъ онъ уже на другой день «19 февраля». Горькое разочарованіе, обида, негодованіе и отчаяніе вылились въ этихъ бурныхъ и кровавыхъ протестахъ... Десятки, сотни лѣтъ—

«Гремя цѣпьми, склонивши выю,
«Онъ молился за царя!..»

Онъ молился, вѣрилъ и надѣялся! Молитва его не дошла до Бога, вѣра въ царя не оправдалась, надежды оказались тщетными... Ни земли, ни воли!.. Будущее рисуется народу въ самомъ мрачномъ видѣ. А безпросвѣтное будущее, въ формѣ грознаго сфинкса, уже надвигается на него.

«Разгадай меня или я съѣмъ тебя!»—неумолимо взываетъ къ нему этотъ сфинксъ. Гдѣ же ему, «сѣрому и темному», разгадать этотъ сфинксъ?..

Сфинксъ—это «новыя» времена, «новые» порядки. А новыя времена вышли «тяжелыми», новые порядки—«мудреными». «Жить стало тѣсно!»—жалуется деревня. «Дѣваться некуда!»—вопіетъ деревня. И эхо многомилліонными переливами разноситъ этотъ крикъ народнаго отчаянія, народнаго горя по всей русской землѣ, превращаясь «въ стонъ безконечный!..» А все болѣе усложняющіяся условія существованія императивно предъявляютъ народу все новыя и новыя требованія, все болѣе трудныя и сложныя задачи. Требованія должны быть исполнены, задачи—разрѣшены «хоть разрывайся!.. А то помирать приходится!..» И мечется наша деревня, словно ошалѣлая, во всѣ стороны. Вѣчные страхи, опасенія и тревоги. Вѣчная забота. Масса всевозможныхъ «слуховъ», обманчивыхъ и фантастическихъ, особенно слуховъ о «передѣлѣ» земли. Откуда эти слухи? Ихъ рождаетъ напряженное народное настроеніе. Ропщетъ народъ. Недоволенъ. Истрепался, изнервничался.

«Слабъ народъ сталъ!..»—жалуются «старики».

Раньше люди привыкли къ опредѣленному обиходу жизни, къ прочному порядку, къ установившемуся положенію. Раньше крѣпостной гнетъ всѣхъ уравнивалъ. Онъ же ихъ и объединялъ: и въ общихъ радостяхъ, и въ общемъ горѣ, и въ вѣковомъ многотерпѣніи, и въ великихъ «дняхъ гнѣва»... Теперь не то. Новая полоса жизни пошла. И какая жизнь! Рознь пошла между людьми:

рознь въ семьѣ, рознь въ «обществѣ». Сговориться не могутъ. Каждый въ свою сторону тянетъ. «Каторга!»—злобно ворчитъ молодое деревенское поколѣніе, почуявшее уже свободу, и тѣломъ и душою стремившееся вырваться вонъ изъ опостылѣвшей ему деревенской жизни...

И люди, какъ въ старину, при нашествіи ордынцевъ, «разбѣгаются врозь». И по мѣрѣ того, какъ новыя условія жизни выясняются, по мѣрѣ того, какъ она, эта жизнь, все болѣе и болѣе осмысливается, растетъ и крѣпнетъ народная дума. Новыя формы жизни кристаллизуются, а съ ними отливаются въ соотвѣтственныя формы и новыя понятія, новыя потребности и новыя стремленія. Сознаніе растетъ. Воля пробуждается. На старое, ветхое народъ махнулъ рукою. Онъ ищетъ новаго, новыхъ путей. На людей надо посмотрѣть и себя показать.

Лицомъ въ грязь, небось, не ударимъ!.. Пробуждается потребность къ «грамотѣ» («грамотному—куда способнѣе!»), къ знанію; появляется интересъ къ газетѣ и книжкѣ.

Самымъ яркимъ выраженіемъ начинавшагося умственнаго пробужденія народа надо считать сектантство 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Я говорю о новомъ сектантствѣ — о штундистахъ, шелапутахъ, «не нашихъ», «молчальникахъ» и проч. сектахъ, зародившихся вскорѣ послѣ паденія крѣпостного права и появленія новыхъ порядковъ въ деревнѣ. Появленіе этихъ сектъ въ это именно время—отнюдь не случайное явленіе. Повсюду и всегда, во времена крупныхъ общественныхъ переворотовъ въ жизни массы, подымается въ массѣ идейное броженіе, облекающееся обыкновенно въ форму религіозно - нравственныхъ, религіозно - мистическихъ,—порою и изувѣрски-дикихъ,—ученій. При ближайшемъ, однако, анализѣ этихъ ученій, въ нихъ вскрывается обыкновенно одна неизмѣнно основная тенденція, это—рѣзкій протестъ личности противъ существующаго строя,—во 1-хъ, и страстное стремленіе личности къ «новой правдѣ», согласно съ которой она, личность, перестраиваетъ свою жизнь,—во 2-хъ.

Таково и значеніе нашего сектантства. Грандіозная общественная ломка, совершившаяся съ такой сокрушительной силой на глазахъ наиболѣе мощной въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ части русскаго народа, поставила предъ ней роковой вопросъ: что дѣлать? Какъ устроить свою жизнь иначе? Въ жизни много зла. Міръ утопаетъ въ грѣхахъ. Много ненависти, розни и антагонизма.

«Како жити свято?» Какъ спастись отъ окончательнаго растлѣнія? Отвѣтомъ на это явилось сектантство, какъ ученіе, сектантская община, какъ форма реализаціи этого ученія, какъ практика.

Вмѣсто грубо-эгоистическаго принципа: «спасайся кто можетъ!» она внесла въ свои личныя и общественныя отношенія глубоко-гуманный и неумирающій принципъ—«положити души своя за други своя!».

Значеніе сектантства, какъ соціальнаго явленія, исключительно симптоматическое: оно указываетъ на кроющіяся въ структурѣ общества аномаліи и противорѣчія. Доктрина и

форма борьбы сектантства имѣютъ чисто историческое значеніе: это—соціологическіе пережитки мышленія и практики. Остается значеніе сектантства, какъ показателя народнаго настроенія въ извѣстную историческую эпоху.

Въ связи съ другими подобнаго рода симптомами, оно-сектантство, рисуетъ деревню 70-хъ годовъ мятущейся ,ищущей, недовольной и оппозиціонной.

«Либеральныя реформы» правительства Александра II не только не удовлетворили интеллигентнаго общества, но вскорѣ совершенно оттолкнули его отъ этого двуличнаго, слабаго, то и дѣло мѣняющаго свой курсъ правительства.

Установившееся было между обществомъ и либеральнымъ правительствомъ entente cordiale совершенно порвалось. Прошло «десять лѣтъ реформъ», а «вѣнца зданія» нѣтъ—какъ нѣтъ. И увлеченіе «либеральными начинаніями», и вѣра въ «благія намѣренія» правительства стали проходить. «Облетѣли цвѣты, догорѣли огни».

И по мѣрѣ того, какъ правительство самымъ рѣшительнымъ образомъ выступаетъ на путь реакціи, урѣзывая, искажая и совсѣмъ отымая у общества то, что оно только, такъ сказать, наканунѣ дало ему, общество становится все болѣе и болѣе оппозиціоннымъ.

Оно открыто заявляетъ свое недовольство. Оно начинаетъ даже фрондировать. Дворянскія общества, городскія и земскія учрежденія «бьютъ челомъ» царю по тому или другому поводу. Конституціонный адресъ петербургскаго дворянства въ 1865 году. Адресъ московской думы о свободѣ печати (1870 г.). Ходатайство московскаго дворянства объ упраздненіи административной ссылки въ 1872 г. Адресъ харьковскаго земства, составленный проф. Гордѣенко, въ 1878 г. Конституціонный адресъ черниговскаго губернскаго земства въ 1879 г. Иниціаторъ этого адреса И. И. Петрункевичъ сосланъ административнымъ порядкомъ на сѣверъ. И т. д., и т. д. Въ отвѣтъ на всѣ эти «челобитни», «ходатайства и адресы—административныя кары и взысканія, репрессіи и репрессіи, безумныя и суровыя. Реакція все болѣе и болѣе затягиваетъ свою мертвую петлю надъ страной.

Выдающіеся общественные дѣятели, городскіе и земскіе, подвергаются тяжелымъ карамъ: удаляются, смѣщаются съ должностей, заточаются въ тюрьмы и отправляются въ ссылку.

Характерна крайняя неискренность всей «внутренней политики» правительства: вѣчныя шатанія и колебанія,—однако, съ основной тенденціей—къ свѣтобоязни и мракобѣсію. Къ концу 70-хъ годовъ «великія реформы»—крестьянская, земская, судебная и проч., —оказались до того искалѣченными и урѣзанными разными «циркулярами» и «административными усмотрѣніями», что въ нихъ «либеральнаго» и одного грана не осталось. «Славное царствованіе» Александра III подготовлялось весьма основательно.

Единственныя организованныя общественныя силы того времени—дворянство, города и земства—пользовавшія правомъ «че-

лобитныхъ» на Высочайшее имя, съ одной стороны, и обжалованія дѣйствій «придержащихъ властей» — съ другой, — были тогда слабы, какъ классъ, а потому и всѣ ихъ, болѣе чѣмъ скромные, протесты оставались «безъ послѣдствій».

Организованнаго общественнаго мнѣнія, какъ мнѣнія вполнѣ дифференцированнаго класса, тогда еще не было. Стало быть, и организованнаго активнаго противодѣйствія реакціонному правительству тогда и не могло быть. Всякія надежды на «правовой порядокъ» были оставлены.

Общество впало въ отчаяніе. Апатія овладѣла имъ.

Уничтоженіе крѣпостного права объединило всѣ прогрессивные элементы нашей интеллигенціи. Литература, какъ выразительница общественныхъ стремленій, была охвачена тогда одной доминирующей идеей, однимъ цѣльнымъ настроеніемъ. Подъемъ интеллигентной мысли и интеллигентнаго чувства былъ на значительной высотѣ. Это было въ первую половину 60-хъ годовъ. Наша литература переживала тогда хорошее время. Это была пора «бурныхъ стремленій и натиска». Освобожденіе крестьянъ означало освобожденіе человѣка, личности отъ всякаго гнета,—гнета семейнаго и общественнаго, гнета традицій и авторитета. Зарождается и развивается нигилизмъ, какъ самое яркое выраженіе протеста со стороны интеллигентнаго разночинца. Пришелъ разночинецъ, сильный, гордый и смѣлый. Онъ почуялъ свободу и взялъ быка за рога.

Падаютъ авторитеты. Рушатся традиціи. Идетъ рѣшительная «переоцѣнка всѣхъ цѣнностей». Проблемы философіи и жизни, теоріи и практики подвергаются смѣлой критикѣ. Реальное мышленіе и автономная личность—гвоздь философской доктрины разночинца. Самымъ мощнымъ и талантливымъ представителемъ этого направленія былъ Писаревъ. Популярность его громадная. Сторонниковъ у него масса. Да оно и понятно. Это была «идеологія» «мыслящаго пролетарія», этого совершенно новаго тогда общественнаго наслоенія, выкристаллизовавшагося лишь по уничтоженіи крѣпостного права и лишеннаго всякихъ сословныхъ традицій и связей. Разночинцы, это—общественная группа безъ рѣзко опредѣленныхъ границъ, лишенная опредѣленной соціальной структуры. По аналогіи, мы бы ее, эту группу, назвали эмбріональной соціальной тканью, изъ которой уже дальнѣйшій процессъ развитія выдѣляетъ и обособляетъ рѣзко оформленныя образованія.

Въ 60-хъ годахъ, повторяю, разночинская группа именно была такая—эмбріональная, не вполнѣ дифференцированная еще. Вотъ почему и ея идеологія im Grossen und Ganzen носила характеръ надъ-сословный. Но вскрывая абстрактную оболочку этой идеологіи, мы находимъ въ ней черты, значительно сближающія ее съ идеологіей либерально - буржуазной. И это совершенно понятно. Буржуазія, какъ классъ, тоже только что «вылупилась». Ея экономическія тенденціи еще не опредѣлились, ея

идеологія не оформилась. Она только собирала свои силы, выпрямлялась. И свобода личности, свобода отъ всякихъ ограниченій и опредѣленій исторически-данныхъ конкретныхъ условій,—символъ вѣры „мыслящаго пролетарія“,—была ей, народившейся только буржуазіи, какъ-разъ на-руку. Laissez faire laissez passer. Такъ же легко пріемлемымъ въ пользу буржуазіи былъ и другой „членъ“ разночинской «вѣрую» писаревскаго «толка»—«реализмъ», „реальное мышленіе“, съ горячей пропагандой натуралистическихъ знаній. Вѣдь и реализмъ и естествознаніе—орудіе побѣды надъ природою, орудіе, подымающее производительныя силы человѣка, какъ экономической единицы общества. А это именно прежде всего и нужно буржуазіи. Этимъ орудіемъ она у насъ, какъ это и повсюду было, воспользуется первая. Конечно, ни Писаревъ, ни разночинская идеологія его направленія совсѣмъ не подозрѣвали въ то время кому они служатъ ближайшимъ образомъ. Шла энергичная ломка стараго и дружное построеніе новаго. И „каменщикамъ“ легко могло казаться, что они новое зданіе готовятъ для «народа», для массы, а не для меньшинства.

Говоря, что разночинская группа 60-хъ годовъ еще не была «вполнѣ дифференцирована», я хотѣлъ сказать, что процессъ расслоенія въ ней уже начался. И дѣйствительно. Уже въ первое 5-тилѣтіе 60-хъ годовъ, изъ разночинской массы выдѣлилась замѣтная группа, съ совершенно инымъ, чѣмъ писаревское, ученіемъ. Мы говоримъ о народнической доктринѣ литераторовъ «Современника» съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ во главѣ. Обаяніе этихъ двухъ «учителей жизни» на извѣстные слои нашей интеллигенціи было неотразимо. Оно чувствовалось еще и въ теченіе 70-хъ годовъ.

Безпощадная критика капиталистическаго строя Чернышевскаго, страстная, почти религіозная, проповѣдь народническихъ идей Добролюбова дѣйствовали захватывающимъ образомъ.

Особенно Добролюбовъ въ своихъ критическихъ и публицистическихъ статьяхъ горячо, ярко и прямолинейно противопоставлялъ интересы народа интересамъ другихъ классовъ.

Въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ,—которыхъ, къ сожалѣнію, я не имѣю теперь подъ-рукой,—онъ доходитъ прямо до вдохновенія, говоря о народѣ. Онъ не только любилъ народъ «всѣми фибрами» своей благородной души: онъ глубоко уважалъ народъ и страстно училъ другихъ уважать его. Онъ прямо звалъ въ народъ, указывая, что у народа можно многому чему научиться.

А его злая иронія, его «Свистокъ», которымъ онъ безпощадно бичевалъ либеральную посредственность и либеральное прекраснодушіе!.... Онъ не давалъ уснуть человѣческой мысли, онъ не позволялъ усыплять ее. Онъ ненавидѣлъ фразу, «гнилыя слова» (собственное выраженіе Добролюбова), а властно звалъ на «дѣло» —на народное дѣло.

«Я вашъ, друзья, хочу быть вашимъ,
«На борьбу и битву я готовъ,

«Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
«Живое дѣло вмѣсто словъ!...»

Такими словами звалъ Добролюбовъ разночинца на дѣло. И крайнее лѣвое крыло разночинцевъ отозвалось на этотъ благородный кличъ.

«Земля и Воля!» 60-хъ годовъ—духовное дѣтище Добролюбова.

Въ 70-хъ годахъ литературныя теченія,—такъ называемыя, литературныя партіи опредѣлились еще болѣе рѣзко. Да иначе и быть не могло. За это время процессъ общественнаго разслоенія вполнѣ обозначился. Уже можно было видѣть направленіе, къ которому тяготѣютъ разные слои общества. И литература 70-хъ годовъ отразила эти тенденціи, обобщила и оформила ихъ.

Если оставить въ сторонѣ литературу реакціонную, консервативную и рептильную со Страстного бульвара и задворковъ петербургскаго общества, то предъ нами встаютъ два литературныхъ направленія, съ высокимъ удѣльнымъ вѣсомъ, имѣвшія, поэтому, значительное вліяніе на общественное мнѣніе и настроеніе.

Я говорю о либерально-прогрессивной литературѣ и народнически-радикальной.

Представителями перваго направленія служатъ «Вѣстникъ Европы», «Недѣля» (70-хъ годовъ) и др.

Въ ряду названныхъ органовъ первенствующее мѣсто несомнѣнно принадлежитъ «Вѣстнику Европы», какъ вполнѣ выдержанному въ идейномъ отношеніи органу. А потому ограничимся лишь бѣглой характеристикой только этого органа.

Вокругъ «Вѣстника Европы» группировались выдающіеся ученые, публицисты и литераторы: Стасюлевичъ, Пыпинъ, Кавелинъ, Арсеньевъ, Головачевъ, Сѣченовъ, Утинъ, Слонимскій, Кони и проч.

Не касаясь философскаго міросозерцанія органа,—трудно, впрочемъ, поддающагося опредѣленію, такъ какъ рядомъ съ идеалистическими статьями Кавелина о психологіи, этикѣ и проч. идетъ рядъ статей на ту же тему чисто матеріалистическаго характера проф. Сѣченова,—мы скажемъ нѣсколько словъ о соціально-этической его доктринѣ. Въ этомъ отношеніи «Вѣстникъ Европы» является послѣдовательнымъ проводникомъ идей западноевропейскаго «либерализма».

Правда, органъ никогда прямо не высказывалъ своего политическаго credo, но лейтмотивъ его направленія легко выдаетъ это credo. Чрезъ всѣ его обозрѣнія, хроники и другія публицистическія статьи красной нитью проходитъ одинъ и тотъ же лейтмотивъ: «правовой порядокъ», законность, защита свободы совѣсти, свободы слова и печати, общественный контроль, защита труда, проповѣдь просвѣщенія и гуманности,—однимъ словомъ, «Вѣстникъ Европы»—органъ нашей просвѣщенной либеральной буржуазіи.

Нужно отдать справедливость «Вѣстнику Европы», что онъ оставался вѣренъ самому себѣ и непоколебимо стоялъ на своемъ гуманиторно-либеральномъ посту. Разъ только,—замѣчу въ

скобкахъ,—«Вѣстникъ Европы» измѣнилъ себѣ. Это было, если не ошибаюсь, въ декабрьской книжкѣ журнала за 1876 годъ. Въ своемъ «Внутреннемъ Обозрѣніи» органъ, по поводу казанской демонстраціи 6 декабря, разразился такой филиппикой противъ революціонной партіи, которая скорѣе пристала-бы публицистамъ Страстного бульвара...

Намъ, семидесятникамъ, выступившимъ тогда какъ разъ на революціонно-народническій путь, такое злобное отношеніе со стороны всегда довольно корректнаго органа казалось и обиднымъ, и несправедливымъ. Много лѣтъ спустя, а именно въ 1886 году, я проѣздомъ былъ въ Томскѣ, гдѣ видѣлся, между прочимъ, съ покойнымъ Станюковичемъ. Послѣдній объяснилъ эту выходку «Вѣстника Европы» случайностью—непредвиденнымъ въ то время отсутствіемъ отвѣтственнаго редактора, г. Стасюлевича, выѣхавшаго тогда за-границу. Самъ Стасюлевичъ,—увѣрялъ меня Станюковичъ,—никоимъ образомъ не допустилъ бы такого колѣнца. Можетъ быть это и такъ.

Народнически-радикальная литературная партія группировалась вокругъ «Отечественныхъ Записокъ». Оставаясь вѣрными великимъ традиціямъ «Современника», «Отеч. Зап.» почти безраздѣльно «властвовали надъ умами» той эпохи. Вліяніе ихъ было громадно. Цѣлое поколѣніе, поколѣніе 70-хъ годовъ, энергичное и боевое, считало «Отеч. Зап.» почти что своимъ органомъ. Семидесятые годы поставили предъ нашей молодой разночинской интеллигенціей цѣлый рядъ важныхъ проблемъ—и философскихъ и соціальныхъ.

Чуткія къ запросамъ жизни, «Отеч. Зап.» сдѣлали эти вопросы своими вопросами, своимъ дѣломъ, которому они долго, славно служили, оставаясь непреклонно на своемъ боевомъ посту.

Значительная группа крупныхъ мыслителей, высокоталантливыхъ публицистовъ и художниковъ энергично взялась за эту работу. И голосъ этихъ людей властно раздавался по Россіи. Ихъ слушали не только молодежь: и старшее поколѣніе разночинцевъ, и все интеллигентное общество съ глубокимъ интересомъ прислушивались къ этому авторитетному голосу. Журналъ читался нарасхватъ. Каждая новая книжка журнала ожидалась съ нетерпѣніемъ. Что скажутъ Михайловскій и Лавровъ? Что напишутъ Щедринъ и Грыцько (Елисѣевъ)? Что подарятъ намъ Некрасовъ, Успенскій, Златовратскій и другіе? Между журналомъ и читателемъ устанавливаются самыя тѣсныя отношенія,—отношенія взаимнаго пониманія общности задачъ и стремленій. Мало того. По мѣрѣ того, какъ молодая разночинская молодежь выростала и выпрямлялась, по мѣрѣ того, какъ она все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе выступала на революціонный путь,—она, эта молодежь, уже въ свою очередь толкала,—по крайней мѣрѣ, въ идейномъ отношеніи,—своихъ учителей въ желательномъ для нея, молодежи, направленіи. Попутно скажемъ, это вліяніе революціонной молодежи на журналъ особенно сказалось во вторую и третью стадіи развитія революціоннаго движенія молодежи 70-хъ годовъ.

Таково было значеніе народническо-радикальной литературной партіи въ общемъ.

Познакомимся теперь поближе съ ея работой. Большая это была работа. Въ центрѣ ея стоитъ опять-таки народъ, «пореформенный мужикъ», со всѣми его радостями и печалями, съ его помыслами и стремленіями,—однимъ словомъ, со всей его обиходной жизнью. Предъ нами теперь во весь ростъ выступаетъ фигура того «таинственнаго незнакомца», который еще съ 60-хъ годовъ приковалъ къ себѣ вниманіе разночинца. И вотъ черта за чертой, штрихъ за штрихомъ—и предъ нами развертывается безысходно печальная картина народнаго житья-бытья.

Наши любимцы-беллетристы Наумовъ, Успенскій и Златовратскій вынесли все это на бѣлый свѣтъ и показали всему міру. Впечатлѣніе импонирующее. А «муза мести и печали» по-прежнему поетъ намъ унылыя пѣсни о народѣ, по-прежнему намъ слышится въ нихъ «стонъ безконечный», стонъ народный!..

Рука-объ-руку съ народнической беллетристикой и въ томъ же направленіи работаетъ публицистика.

Крестьянская реформа, община, обычное право, семейныя и общественныя отношенія въ деревнѣ, административные и земледѣльческіе порядки,—словомъ, все, чѣмъ жива бываетъ деревня, становится обьектомъ изслѣдованія публицистики «Отеч. Зап.». Но не только деревня—вся современная русская дѣйствительность, со всѣми ея злобами, заполняетъ собою журналъ. Хроника общественной жизни («Внутреннія дѣла» журнала) это—мастерская картина современной дѣйствительности, нарисованная опытной и сильной рукой. Группировка фактовъ, освѣщеніе отличаются ясностью и глубиной. Молодежь буквально зачитывалась этими хрониками. Мало того. Я помню хорошо, какъ свободные часы между лекціями, мы, студенты, захвативъ съ собою новую книжку журнала, прежде всего обыкновенно набрасывались на «Внутреннія дѣла» журнала и прочитывали ихъ, при глубокомъ вниманіи, вслухъ.

Елисѣевъ былъ знатокъ своего дѣла. И не только знатокъ: его хроники были въ общемъ проникнуты тѣмъ народническимъ тономъ, который характеризуетъ въ цѣломъ весь органъ. Въ этомъ отношеніи,—замѣчу въ скобкахъ,—эти хроники, т. е. хроники Елисѣева, куда выше стояли, чѣмъ тѣ же хроники этого журнала, которыя раньше велъ Демертъ. Демертевскія хроники въ «Отеч. Зап.» были-бы больше къ лицу журналу «Дѣло».

Не могу, заговоривъ объ этихъ хроникахъ Елисѣева, не упомянуть о томъ, какъ на нихъ смотрѣла В. Н. Фигнеръ, яркая и крупная представительница 70-хъ годовъ. Я это узналъ случайно. Зимою 1886 года я былъ проѣздомъ въ Иркутскѣ. Въ это время тамъ жила мать Вѣры Николаевны. Въ одно изъ моихъ посѣщеній Фигнеръ-мать показала мнѣ послѣднюю фотографическую карточку В. Н., а равно и письмо В. Н. къ ея младшей сестрѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Это замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ письмо. Это даже не письмо, а завѣщаніе, глубоко трогательное и продуманное, завѣщаніе старшей сестры, столько передумавшей и пережившей, горячо любимой младшей сестрѣ, только что вступающей въ жизнь.

Вѣра Николаевна совѣтуетъ сестрѣ въ этомъ письмѣ основательно поработать надъ своимъ умственнымъ развитіемъ. Между прочимъ, Вѣра Николаевна горячо рекомендуетъ своей сестрѣ внимательное чтеніе «Отеч. Зап.», обращая особое ея вниманіе на хроники журнала.

Однако, это неожиданно выплывшее у меня воспоминаніе о Вѣрѣ Николаевнѣ отклонило меня въ сторону. Продолжаю характеристику «Отеч. Зап.».

Вообще журналъ отличался рѣдкимъ богатствомъ содержанія. Одинъ Щедринъ чего стоитъ!

Какъ антитеза оптимистическому въ общемъ народничеству журнала, Щедринъ былъ прямо незамѣнимъ. Его сатира, это—аттическая соль журнала. Его желчный смѣхъ, злой сарказмъ, заставлялъ людей не только смѣяться, но и трепетать. Никто, какъ Щедринъ, не умѣлъ, что называется, срывать маску, разоблачить, вскрыть пошлость, дутое благородство. Особенную идіосинкразію онъ чувствовалъ ко всяческимъ «либеральнымъ начинаніямъ», «вѣяніямъ сверху» и вообще ко всякимъ «ликованіямъ». Со свойственной ему проницательностью, онъ подъ приличнымъ ихъ покровомъ легко улавливалъ фальшь, пошлость и тупость. «Эпоха великихъ реформъ» дала сатирѣ Щедрина богатѣйшій матеріалъ, который онъ съ изумительной силой использовалъ. Въ то время, когда наши либералы пѣли: «Громъ побѣды раздавайся!», Щедринъ шипѣлъ, высмѣивая безпощадно мѣщанскую посредственность ихъ стремленій и мышленія. Отъ «земскихъ дѣятелей», «отъ полуды земской посуды» его прямо тошнило. Его «Новый Нарцысъ» вызвалъ прямо бурю въ либеральномъ лагерѣ.

Не было ни одного крупнаго явленія въ общественной жизни пореформенной Россіи, которое Щедринъ обошелъ-бы молчаніемъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что по сочиненіямъ Щедрина можно въ извѣстномъ смыслѣ познакомиться съ эволюціей русской дѣйствительности въ послѣднія два десятилѣтія пореформенной Россіи. И дѣйствительно. Его сочиненія, это—картинная галлерея, въ которой выступаютъ типичные представители различныхъ общественныхъ группъ пореформенной Россіи: представители магистратуры, съ адвокатурой включительно, представители зародившейся буржуазіи — Разуваевъ съ Деруновымъ, либералы, съ ихъ принципомъ—«съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой—надо признаться», представители дряхлѣющаго и разлагающагося крѣпостническаго дворянства («Семья Головлевыхъ»). И т. д., и т. д. Щедринъ не только сатирикъ: онъ во многихъ случаяхъ возвышается до глубокаго трагизма, особенно въ послѣдніе годы его литературной дѣятельности. Многія страницы его «Семьи Головлевыхъ», его «Имя рекъ», нѣкоторыя его «Сказки» прямо за душу хватаютъ. «Одиночество и оброшенность»,—конечно, не личнаго только характера, а главнымъ образомъ общественнаго,—выжимаютъ слезы у изстрадавшагося, изболѣвшагося сердцемъ за богомъ обиженную родину старика-писателя. Ненавистникъ „мелочей жизни", пустословія и игры въ дѣло, онъ,—можетъ быть и помимо своей воли,—звалъ на все великое и разумное!....

Сатира Щедрина, однимъ словомъ, создавала здоровое протестующее настроеніе.

Сказаннымъ отнюдь не исчерпывается то значеніе, которое «Отеч. Зап.» имѣли для семидесятниковъ. Я еще ничего не сказалъ объ отношеніяхъ этого органа къ соціализму и соціалистическому движенію на Западѣ. Я еще ничего не сказалъ о кардинальномъ теченіи этого органа—его соціологической доктринѣ.

. «Отеч. Зап.» никакъ нельзя назвать соціалистическимъ органомъ, въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, какъ это понимается на Западѣ. Не будучи соціалистическими, «Отеч. Зап.», тѣмъ не менѣе, способствовали распространенію соціалистическихъ идей въ нашей средѣ.

Научный соціализмъ на Западѣ и тѣсно съ нимъ связанное движеніе пролетаріата представляли самое крупное явленіе того времени. И «От. Зап.», конечно, не могли не отнестись къ нему со свойственной имъ въ такихъ случаяхъ отзывчивостью. И вотъ на страницахъ журнала то и дѣло появляются статьи догматическаго, критическаго, полемическаго и рецензіоннаго характера о теоріи и практикѣ соціализма. Конечно, все это въ рамкахъ цензурнаго устава. Огромный авторитетъ органа,— во 1-хъ позиція, принятая органомъ по отношенію къ соціализму,—во 2-хъ и, наконецъ, тотъ фактъ, что эта позиція органа вытекала изъ того, что соціализмъ отнюдь не противорѣчилъ соціологической доктринѣ самого органа—въ 3-хъ,—привели summa summarum къ тому, что къ соціалистическимъ идеямъ пробуждался ъ молодежи все большій и большій интересъ, а съ этимъ и изученіе этихъ идей—съ первыхъ уже источниковъ—стало все больше и больше распространяться.

Въ виду того громаднаго значенія, которое соціализмъ имѣлъ для молодежи еще въ періодѣ формированія ея міросозерцанія, съ одной стороны, а особенно въ виду рѣшающаго значенія соціализма при выступленіи молодежи на революціонный путь—съ другой,—заслуга «От. Зап.» въ этомъ отношеніи была очень велика.

Я только-что сказалъ, что «соціализмъ отнюдь не противорѣчилъ соціологической доктринѣ» «От. Зап.».

Какая же это была доктрина? Чему она учила?

Тѣнь Михайловскаго является предъ нами!

Онъ былъ тогда еще живъ, въ расцвѣтѣ своихъ творческихъ силъ, энергичный, твердый и непоколебимый литературный борецъ. Огромный литературный талантъ, свято сберегаемые лучшіе завѣты 60-хъ годовъ сразу выдвинули его и дали ему возможность занять центральное мѣсто не только въ своемъ журналѣ,— «Отеч. Зап.»,—но и во всей народнически-освободительной литературѣ. Михайловскій, какъ мыслитель, какъ литераторъ-публицистъ—типичный представитель своего времени. Михайловскій—шестидесятникъ. Это была пора, какъ мы уже говорили, особенно интенсивнаго стремленія къ освобожденію.

Не раскрѣпощенная еще личность всѣми силами, бывшими такъ долго въ потенціальномъ состояніи, порывается къ возможно

полному освобожденію. Личность почувствовала огромный приливъ освободившейся энергіи. Личности казалось, что она можетъ все сдѣлать. Такая переоцѣнка своихъ силъ психологически въ такое бурное время весьма возможна. Михайловскій жилъ въ этой средѣ, насыщенной этими бурными порывами. Михайловскій дышалъ атмосферой Sturm'a и Drang'a. На его глазахъ выросъ вызывающій нигилизмъ, возникло освободительное женское движеніе, («женскій вопросъ») образовались, между прочимъ, два кардинальныхъ литературныхъ теченія—«писаревское» и народничество «Современника». Оба теченія—боевыя. Не мудрено, что въ такой боевой соціальной обстановкѣ интеллигенціи могли зародиться представленія о великой роли «личности» въ исторіи, объ ея чуть-ли не провиденціальномъ значеніи въ «прогрессѣ» человѣчества.

Россія же, Россія экономическая и соціальная, «не напала еще тогда на слѣдъ своего естественнаго закона развитія». Она пересозидалась только.

Не мудрено, поэтому,—повторяю я,—что въ такое именно время могли зародиться идеи слишкомъ общаго, абстрактнаго характера, которыя и вылились въ формѣ той соціологической доктрины, яркимъ и послѣднимъ выразителемъ которой явился Михайловскій. Въ 1869 году эта доктрина была совершенно готова и вышла изъ головы Михайловскаго, какъ Минерва изъ пѣны морской.

Статья Михайловскаго—«что такое прогрессъ?» «составила эпоху» въ литературѣ. Въ этой статьѣ «субъективная соціологія» получила свое начало и завершеніе. Это— альфа и омега новой концепціи. «Обьективный» прогрессъ отметается прочь. На его мѣсто воздвигается—«субъективный». «Личность» становится верховнымъ критеріемъ прогресса. Прогрессивно все то, что «расширяетъ формулу жизни личности», что «увеличиваетъ физіологическое раздѣленіе труда между органами личности»,—однимъ словомъ, все, что дѣлаетъ личность «полной и цѣлостной». И наоборотъ. Все, что задерживаетъ ростъ и развитіе личности вширь и вглубь, все, что урѣзываетъ ее такъ или иначе—регрессивно, т. е. вредно, а вмѣстѣ съ тѣмъ «преступно», т. е. и «безнравственно».

Но личность живетъ въ обществѣ, въ той или другой формѣ опредѣляется имъ, обществомъ.

Какъ же должно прогрессировать общество, чтобы не задерживать прогрессивнаго развитія личности? Отвѣтъ простой. Общество должно развиваться въ направленіи обратно противоположномъ, чѣмъ личность. Это значитъ—въ противоположность «типу органическаго развитія». А потому, «общественное раздѣленіе труда» рѣшительно отвергается, какъ регрессивное.

Общество должно быть организовано по типу «простой коопераціи», т. е. какъ организованная совокупность разносторонне и полно развитыхъ личностей. Все, что вызываетъ большее раздѣленіе труда въ обществѣ, дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ на прогрессъ личности, раздробляетъ личность, расчленяетъ ее,

превращая ее, такимъ образомъ, изъ полной и цѣлостной личности, каковой она должна быть, въ, такъ сказать, «палецъ отъ ноги», говоря шекспировскимъ языкомъ. А потому, и такая, по «типу органическаго развитія» тенденція общественнаго развитія тоже вредна, нежелательна и безнравственна.

Такова сущность ученія о прогрессѣ Михайловскаго.

Въ теченіе послѣдующей многолѣтней своей литературной дѣятельности, Михайловскій остался непреклонно вѣрнымъ этой основной своей концепции прогресса. Впослѣдствіи Михайловскій расширилъ свою концепцію, дополнивъ ее ученіемъ «о типахъ и ступеняхъ развитія». «Типы», это— «синтетическія формы» организаціи. Это—«цѣлостныя, полныя» организаціи, въ которыхъ «физіологическое раздѣленіе труда» осуществлено вполнѣ.

«Ступени развитія», это — дезъинтегрированныя организаціи, въ которыхъ отдѣльные органы и функціи могутъ достигнуть высокой ступени, но, такъ сказать, за счетъ урѣзыванія, сокращенія и полной атрофіи нѣкоторыхъ или всѣхъ прочихъ органовъ и функцій. Такъ совершается развитіе въ органическомъ мірѣ. Общественная организація, развивающаяся по этому типу—регрессивная организація, а потому опять-таки нежелательна и безнравственна.

Предъ нами, такимъ образомъ, одновременно и соціологическая и этическая концепція. Она проходитъ, какъ верховный критерій, красной нитью черезъ всѣ литературныя работы Михайловскаго.

Объективныя явленія исторіи, жгучія проблемы современной дѣйствительности, «литература и жизнь»,—все рассматривается, изслѣдуется и разбирается именно съ точки зрѣнія этого критерія. И нужно отдать справедливость Михайловскому онъ сумѣлъ, благодаря своему таланту и авторитету, такъ сказать, пропитать «Отечественныя Записки» своей концепціей.

Понятно, почему «Отечест. Записки» съ Михайловскимъ во главѣ такъ сочувственно относились къ соціализму, хотя этотъ послѣдній—не ихъ доктрина. Соціалистическій строй, это—антитеза современнаго капиталистическаго строя, доведшаго общественное раздѣленіе труда, со всѣми его разрушительными для развитія личности послѣдствіями, до крайней степени. Соціализмъ стремится реорганизовать этотъ строй на новыхъ началахъ, которыми полное и разностороннее развитіе личности будетъ вполнѣ осуществлено.

Такимъ образомъ, требованія соціализма и требованія «субъективной соціологіи» не только не противорѣчатъ другъ другу, но и вполнѣ совпадаютъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ, касающихся интересовъ развитія личности, ея будущихъ судебъ. И дальше. Соціологическая доктрина Михайловскаго санкціонировала также и «народничество». Иначе и не могло быть.

«Народничество» стояло на стражѣ народныхъ интересовъ и требовало полнаго и безпрепятственнаго развитія «исконныхъ устоевъ» его, способныхъ обезпечить народу нормальное, прогрессивное общественное существованіе. Въ деревнѣ, правда, теперь по-

шла ломка: рушится старое, новое воздвигается: «Старому»—туда и дорога: вѣчная память ему! А «новое»? Новое пока вырисовывается лишь въ самыхъ смутныхъ и расплывчатыхъ очертаніяхъ. Во что оно выльется—пока трудно сказать. Между тѣмъ, разрушительный процессъ въ деревнѣ оставилъ еще нетронутыми многіе «устои» народной жизни. А эти «устои» такого характера, что, если создать для нихъ условія дальнѣйшаго нормальнаго развитія, то жизнь массы можетъ вылиться тогда въ самыя совершенныя формы.

Если выразить это въ терминахъ теоріи прогресса Михайловскаго, то получимъ слѣдующее: русскій народъ еще не вступилъ въ фазу капиталистическаго развитія; общественнаго раздѣленія труда онъ еще не знаетъ; «типъ» развитія еще сохранился крестьяниномъ; въ деревнѣ сохранилась еще община,—прототипъ «простой коопераціи»; конкурренція, или борьба за существованіе, такъ калѣчащая личность на Западѣ, у насъ едва только зарождается въ деревнѣ.

А потому развитіе русской дѣйствительности въ направленіи реорганизаціи ея строя въ строй по типу «простой коопераціи», съ одной стороны, и дальнѣйшее поступательное развитіе личности въ смыслѣ подъема сохранившагося «типа» развитія на высшую «ступень» ея—съ другой,—не представляетъ на своемъ пути непреодолимыхъ препятствій.

Такой именно выводъ сдѣлала наша молодая интеллигенція 70-хъ годовъ изъ соціологической доктрины Михайловскаго. Этимъ, попутно скажемъ, и объясняется тотъ громадный авторитетъ, которымъ Михайловскій пользовался у молодежи.

Ученіе Михайловскаго о роли личности въ исторіи, какъ фактора историческаго процесса, о значеніи личности, какъ дѣятеля прогресса, имѣло особое значеніе для семидесятниковъ. Михайловскій дѣлаетъ личность центральной фигурой исторіи. Вмѣстѣ съ Лавровымъ, Михайловскій возлагаетъ на личность всю тяжесть историческаго творчества. Во имя «истины и справедливости» (Лавровъ), во имя «двуединой правды» (Михайловскій) повелительно требуется отъ личности, «критически-мыслящей» личности, чтобы она дѣлала исторію, осуществляла прогрессъ.

И «личность» жадно хваталась за это ученіе.

Таково было значеніе для насъ, семидесятниковъ, народнически-радикальной литературной партіи «Отечественныхъ Записокъ».

Глава II.

Кружки саморазвитія или самообразованія. Библіотеки. Кассы взаимопомощи и библіотечныя кассы. Сходки. Характеристика кружковъ и сходокъ. Харьковскіе кружки. Петербургскіе кружки. Кружокъ „Чайковцевъ“. Дѣятельность этого кружка. „Книжное дѣло“. Эволюція кружковъ саморазвитія.

—

Послѣ весеннихъ студенческихъ безпорядковъ 1869 года, охватившихъ высшія учебныя заведенія Петербурга—петерб. университетъ, медико-хир. академію и технологическій инстит.,—въ которыхъ замѣшаны были Нечаевъ, Ткачевъ и Дементьева, Волховской и другіе, послѣ осеннихъ безпорядковъ того же года въ московскомъ университетѣ, жертвой которыхъ сталъ В. Смирновъ, эмигрировавшій за-границу и со 2-й половины 1873 года редактировавшій въ Цюрихѣ съ Лавровымъ революціонный журналъ «Впередъ»,—послѣ всѣхъ этихъ событій въ средѣ студенчества наступило затишье. Казалось, что жизнь въ этой средѣ замерла. Но это было только кажущееся явленіе. Подъ вліяніемъ разыгравшейся тогда правительственной реакціи вообще и спеціальныхъ репрессій по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ—въ частности, студенчество ушло въ себя.

Началась внутренняя работа. Задачи саморазвитія и самообразованія выступили на первый планъ. Оффиціальная университетская наука мало удовлетворяла молодежь. Спеціальность—нужное дѣло,—слова нѣтъ!, но выше всего развитіе. Безъ развитія нельзя шагу сдѣлать въ жизни, нельзя выполнить той работы, которую жизнь имѣетъ предъявить ей, молодежи, и которую она обязана выполнить. Развитіе становится нравственнымъ требованіемъ для личности. Черезъ развитіе и при помощи развитія личность становится „критически-мыслящей“ личностью, т. е. единственно пригодной для общественной дѣятельности. Это во-первыхъ. Но развитіе прямо необходимо личности, какъ таковой: оно подымаетъ ее, расширяетъ и углубляетъ. Цѣна личности отъ этого подымается. А это, во-вторыхъ, сугубо дѣлаетъ развитіе нравственно-обязательнымъ. Развитіе, такимъ образомъ, въ то время было для насъ вродѣ категорическаго императива: ты долженъ развиваться, а потому ты—можешь! И молодежь съ жадностью набросилась на свое развитіе. Какъ его осуществлять ближайшимъ образомъ? Естественнымъ для этого является кружкованіе. Да оно уже въ прежніе годы было испытано. Повсюду во всѣхъ университетскихъ городахъ возникаютъ кружки,—кружки саморазвитія или самообразованія. При кружкахъ обыкновенно организуются библіотеки и кассы для взаимопомощи. Часть кассовыхъ суммъ идетъ на образованіе библіотекъ и ихъ пополненіе. Это—спеціально библіотечная касса. Въ кружкахъ происходитъ общее чтеніе и обмѣнъ мыслей по поводу прочитаннаго. Серьезные вопросы вызываютъ и болѣе серьезное къ нимъ отношеніе.

Съ этой цѣлью на членовъ кружка возлагается обязанность составленія рефератовъ на интересующія кружокъ темы. Мысль

у молодежи сильно работаетъ. Жгучія проблемы теоретической и практической мысли становятся предметомъ страстнаго изученія. Въ первое время, однако, преобладаютъ задачи теоретическаго характера. Надо прежде всего выяснить себѣ многое, надо выработать себѣ міросозерцаніе. Вѣдь «надо знать, чтобы предвидѣть, предвидѣть - чтобы дѣйствовать» (Ог. Контъ). А потому практика, съ ея суровыми императивами, пока, само собою, отодвигается на задній планъ. Знать надо много. Исторія, особенно исторія революціонныхъ движеній, экономическія науки, соціологія и проч. входятъ въ программу занятій въ кружкахъ.

Кружки, такимъ образомъ, являются лабораторіями, въ которыхъ систематизируются и организуются знанія, дисциплинируется мысль и въ концѣ концовъ формируется міросозерцаніе.

Кружки не остаются изолированными, обособленными другъ отъ друга. Въ извѣстныхъ случаяхъ собираются сходки, на которыхъ участвуютъ представители кружковъ. И на этихъ сходкахъ ставятся на обсужденіе уже опредѣленные вопросы, теоретическіе или практическіе даже, но имѣющіе въ настоящій моментъ злободневное значеніе.

Сходки, какъ объединяющее кружки средство, имѣли громадное значеніе въ наше время—и практическое и теоретическое. На сходкахъ студенты знакомились между собою, сговаривались въ случаѣ возникновенія какого-нибудь практическаго общестуденческаго дѣла, намѣчались люди для выполненія этого дѣла. Это, во-первыхъ. А, во-вторыхъ,—сходки способствовали идейному объединенію молодежи, выработкѣ общей программы теоретической работы. Молодежь, такимъ образомъ, пріучалась къ коллективному мышленію и коллективной практикѣ, поскольку эта послѣдняя вызывалась неотложными, насущными интересами студенчества.

Таковы были кружки молодежи въ первую стадію ихъ развитія—стадію самообразованія или, правильнѣе сказать, выработки «критической мысли». Такихъ кружковъ было много въ каждомъ университетскомъ городѣ. Изъ университетскихъ городовъ кружкованіе распространялось периферически въ университетскіе губернскіе и уѣздные города, гдѣ оно, кружкованіе, уже захватывало учащуюся молодежь высшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній,—гимназій и семинарій.

Въ 1870 году я состоялъ студентомъ харьковскаго университета. Хотя харьковская молодежь шла тогда въ хвостѣ умственнаго движенія студенчества, но кружкованіе и тамъ развивалось. Цѣли харьковскихъ кружковъ были такія же, какія и всѣхъ русскихъ студенческихъ кружковъ. Я хочу здѣсь отмѣтить нѣкоторую ихъ особенность, отличавшую ихъ въ то время отъ другихъ извѣстныхъ мнѣ кружковъ. Это—дѣловитость ихъ. Нѣкоторыя изъ харьковскихъ кружковъ сразу, такъ сказать, выступаютъ на практическую,—правда, не выходившую изъ-за рамокъ студенческихъ дѣлъ—почву. Такъ, харьковскіе студенты устроили свою кухмистерскую, при которой была устроена читальня. Но отдѣльныя лица изъ кружковъ распространяли свою работу и за предѣлы

собственно учащейся молодежи. Такъ, студент. юрид. факультета, Немировскимъ былъ организованъ «кружокъ приказчиковъ»—тоже съ цѣлью саморазвитія. Приказчикамъ читались лекціи общеобразовательнаго характера. Въ числѣ лекторовъ, кромѣ студентовъ, былъ приватъ-доцентъ харьковск. универ., Я. И. Ковальскій. Его лекціи по физикѣ и космографіи имѣли большой успѣхъ. Какъ долго «кружокъ приказчиковъ» оставался «внѣ сферы досягаемости»—не могу сказ ть съ увѣренностью, такъ какъ я вскорѣ оставилъ харьковскій университетъ. Слышалъ я, однако, много лѣтъ спустя, что между харьковскими студентами и приказчиками отношенія на идейной почвѣ не прекращались, и что приказчики продолжали симпатизировать студентамъ. Въ 1878 году, во время студенческихъ безпорядковъ, приказчики доказали это на дѣлѣ. Мнѣ передавали, какъ достовѣрный фактъ, что, во время безпорядковъ, приказчики были въ рядахъ студенчества, вмѣстѣ съ послѣдними были на улицѣ и протестовали противъ набѣга на университетъ казаковъ и войска и противъ избіенія студентовъ казаками.

Мнѣ передавали также, что многіе изъ приказчиковъ были изрядно тогда побиты казаками.

Другое практическое дѣло, которое намъ, первокурсникамъ въ особенности, импонировало, было устройство фермъ студентами-украинофилами въ окрестностяхъ Харькова. Молодежь жила на сельско-хозяйственныхъ фермахъ трудами рукъ своихъ. Въ базарные дни студенты-фермеры, въ народныхъ костюмахъ, вывозили свои молочные продукты для продажи на базаръ, а также развозили ихъ по домамъ. Молодежь,—разсказывали мнѣ,—занималась изученіемъ народнаго быта, собираніемъ народныхъ поговорокъ, сказокъ, преданій, пѣсенъ и прочихъ продуктовъ народнаго творчества.

Поселенія эти недолго просуществовали: «недремлющее око», говорятъ, скоро настигло ихъ...

Считаю нужнымъ упомянуть еще о кружкѣ молодыхъ дѣвушекъ, группировавшихся вокругъ Я. И. Ковальскаго и Е. Н. Солнцевой-Ковальской. Кружокъ этотъ тоже преслѣдовалъ цѣли саморазвитія и самообразованія, но помогали имъ въ этомъ нѣкоторые студенты, но главнымъ образомъ тотъ же Я. И. Ковальскій. Кружку читались лекціи по разнымъ предметамъ общаго образованія. Чтенія происходили въ домѣ Солнцевой (Ковальской). Попутно скажу, что домъ Е. Н. Солнцевой служилъ центромъ, къ которому тяготѣла харьковская интеллигенція, и особенно студенческая молодежь. Хорошо было въ этомъ домѣ—просто и сердечно. Красивая хозяйка дома, Е. Н. Солнцева, умѣла быть очень привлекательной.

Я не буду здѣсь говорить объ участіи еще студентовъ въ воскресныхъ школахъ, такъ какъ это завело бы меня слишкомъ далеко.

Возвращаюсь къ собственно студенческимъ организаціямъ.

Зимою 1870 года Ковальскій былъ посланъ въ Петербургъ, какъ делегатъ отъ харьковскихъ кружковъ саморазвитія. По возвращеніи изъ Петербурга онъ собралъ сходку. Въ живой рѣчи онъ

отдалъ студентамъ отчетъ въ своей поѣздкѣ. Между прочимъ, онъ не безъ юмора передавалъ намъ, что петербургскіе наши коллеги пробрали-де его за то, что мы, харьковцы, ужъ очень то неподвижны, отстали отъ общестуденческаго идейнаго движенія... Ковальскій привезъ съ собою много книгъ, главнымъ образомъ изданія Полякова *). Въ числѣ книгъ припоминаю слѣдующія: соч. Добролюбова, Писарева, Флеровскаго:—«Положеніе рабочаго класса» и «Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати»; Щапова—«Соціально-педагогическія условія развитія русскаго народа»; Лассаля 1 т.; Людвига Берне; Миртова—«Историческія письма»; Луи Блана—«Исторія великой французской революціи» I т.

На сходкѣ было рѣшено открыть въ Харьковѣ «отдѣленіе книжнаго дѣла» петербургскихъ чайковцевъ. Цѣль «книжнаго дѣла»: распространеніе книгъ по удешевленнымъ цѣнамъ какъ въ средѣ студентовъ, такъ и вообще учащейся молодежи. Распространеніе и продажу книгъ взяли на себя кружки.

Я живо помню, съ какой, можно сказать, жадностью молодежь первыхъ двухъ курсовъ набросилась на эти книги. Особенно зачитывалась молодежь Миртовымъ, Лассалемъ, Луи Бланомъ. Этимъ исчерпываются мои воспоминанія о кружковыхъ организаціяхъ среди учащейся молодежи харьковскаго университета.

Осенью 1871 года я перевелся въ Петербургъ, въ медико-хир. академію.

Тамъ, въ Петербургѣ, для меня начинается новая жизнь. Я засталъ еще въ Петербургѣ конецъ «Нечаевскаго дѣла». Я бывалъ на судѣ и зорко слѣдилъ, съ живымъ интересомъ провинціала, за всѣмъ. Подсудимые произвели сильное впечатлѣніе, какъ на меня, такъ и на прочихъ студентовъ и вообще молодежь, бывшую тогда на судѣ. Это было для насъ новое явленіе. Рѣчи подсудимыхъ будили въ насъ новыя мысли, новыя чувства. Но въ цѣломъ «Нечаевское дѣло», какъ таковое, произвело на насъ всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Мы отнеслись къ нему отрицательно.

Масса учащейся молодежи, съ которой я тогда уже вступилъ въ довольно широкія отношенія, не была тогда еще революціонно настроена. А потому «заговоръ», «бунтъ», «народная расправа» прямо пугали ее, какъ пугалъ бы ее всякій насильственный шагъ. Меньшинство-же студенчества, уже тогда «радикально» настроенное, отнеслось рѣзко отрицательно къ «Нечаевщинѣ», какъ къ формѣ революціонной борьбы, рѣшительно противорѣчившей его взглядамъ. Еще въ 1869 году пропаганда Нечаева встрѣтила рѣшительное противодѣйствіе со стороны «чайковцевъ» (личное сообщеніе М. А. Натансона. О. А.) „Нечаевское дѣло», нечаевская революціонная попытка 70-хъ гг. представляетъ собою лишь эпизодъ, тяжелый кошмарный эпизодъ, въ исторіи революціоннаго движенія той эпохи.

По революціонной тактикѣ его, какъ заговоръ, это «дѣло» совершенно противорѣчило революціоннымъ взглядамъ меньшинства тогдашней молодежи, а по нѣкоторымъ, совершенно специ-

*) Въ 1872 году арестованы всѣ изданія Полякова на сумму свыше 100.000 р.

фическаго характера, пріемамъ организаціи, внесеннымъ въ это дѣло самимъ Нечаевымъ—іезуитизму и маккіавелизму по отношенію даже къ товарищамъ по работѣ— оно, это дѣло, подѣйствовало на молодежь отталкивающимъ образомъ. Оно стоитъ, такимъ образомъ, одиноко въ нашемъ революціонномъ движеніи, т. е. въ движеніи 70-хъ годовъ, и я глубоко убѣжденъ въ томъ, что оно навсегда останется таковымъ. Большое народное дѣло не осуществляется такимъ способомъ. И въ этомъ именно отношеніи,—какъ наглядный примѣръ отрицательной революціонной попытки,— „Нечаевское дѣло" глубоко поучительно.

Въ этомъ смыслѣ оно сдѣлало свое дѣло, сыграло свою роль.

Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan,
Der Mohr kann gehen.

Возвращаюсь къ учащейся молодежи.

Въ Петербургѣ кружкованіе совершалось въ большемъ масштабѣ и развивалось болѣе ускореннымъ темпомъ, чѣмъ въ провинціи. Петербургскіе кружки самообразованія успѣли уже въ то время—къ концу 71-го и началу 72 года—далеко подвинуться на пути своего развитія.

Первое мѣсто въ ряду другихъ петербургскихъ кружковъ несомнѣнно принадлежитъ кружку „Чайковцевъ".

Рѣдкій подборъ людей крупныхъ индивидуальностей, талантовъ, ума, знаній и нравственныхъ достоинствъ.

Въ центральный, петербургскій кружокъ «Чайковцевъ» входили: Чайковскій, М. Натансонъ, О. Натансонъ, Александровъ, Сердюковъ, Клеменцъ, Купріяновъ, Кравчинскій, Кропоткинъ, сестры Корниловы, Ободовская, Г. Лопатинъ, С. Перовская, Кувшинская, Чарушинъ, Шишко, Тихоміровъ, Клячко, Лермонтовъ и др.

Свой выдающійся организаторскій талантъ этотъ кружокъ обнаружилъ очень скоро. Теоріей и практикой кружкового движенія молодежь почти всецѣло обязана «чайковцамъ». Обладая сравнительно довольно значительными средствами, «чайковцы» предпринимаютъ рядъ практическихъ начинаній: открываютъ филліальныя отдѣленія своихъ кружковъ въ Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ университетскихъ городахъ; организуютъ «книжное дѣло» какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи. «Книжное дѣло» «чайковцевъ» сыграло крупную роль не только въ первый періодъ кружкованія,—періодъ революціонно-подготовительный, но и въ слѣдующій—революціонно-пропагандистскій періодъ.

Черезъ своихъ членовъ и членовъ другихъ кружковъ распространеніе книгъ идетъ живо. Подборъ книгъ весьма тщательный и вполнѣ соотвѣтствующій идейнымъ запросамъ молодежи. Все лучшее, что только возможно было, при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, издавать—пускалось въ обращеніе среди молодежи.

Изданія Полякова, между прочимъ, стояли на первомъ планѣ. Я выше уже назвалъ кое-какія сочиненія этого издателя. «Чай-

ковцы» вошли въ соглашеніе съ Поляковымъ,—впрочемъ, не только съ нимъ однимъ—и другіе либеральные издатели, напримѣръ, Евдокимовъ, главный управляющій Черкесова, шли на встрѣчу стремленіямъ молодежи,—и ихъ изданія уступались имъ съ значительной скидкой.

Благодаря этому, книги продавались по удешевленнымъ цѣнамъ и были доступны молодежи. Больше всего книги пріобрѣтались кружками, а ужъ эти послѣдніе распространяли ихъ тѣмъ или другимъ способомъ въ провинціи. Организаціонно-пропагандистское значеніе «книжнаго дѣла», какъ я уже говорилъ, было по истинѣ велико. Надо было жить въ то время, чтобы оцѣнить по заслугамъ это дѣло.

Знаніе иностранныхъ языковъ у насъ вообще не очень распространено даже въ настоящее время, а тогда тѣмъ болѣе. Среди же книгъ, распространяемыхъ «Чайковцами», было много переводныхъ иностранныхъ капитальной важности. Въ кружкѣ «Чайковцевъ»,—скажу en passant,—было немало членовъ, знающихъ иностранные языки. М. Натансонъ мнѣ передавалъ, что кружкомъ были переведены Ланге («Рабочій вопросъ»), Геккель («Естественная исторія мірозданія»), Консидерана (названія не помню) и другія. Нѣкоторые изъ ихъ переводовъ такъ и не увидѣли свѣта. Дѣятельностью «Чайковцевъ», однимъ словомъ, были даны тонъ и направленіе всему кружковому движенію молодежи того времени.

Въ качествѣ уроженца Екатеринославской губерніи я, вскорѣ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, вступилъ въ «Екатеринославскій земляческій кружокъ». Черезъ одного изъ нашихъ членовъ, технолога Янчича, нашъ кружокъ находился въ сношеніи съ «Чайковцами». Кружокъ «екатеринославцевъ» ничѣмъ особенно не выдавался, особенно въ практическомъ отношеніи. Въ теоретическомъ отношеніи выдавались рефераты по біологіи и политической экономіи: рефератъ «о дарвинизмѣ» Оршанскаго (теперь профессоръ, кажется, Харьковскаго университета), рефератъ о «законѣ Мальтуса» пишущаго эти строки; далѣе рефераты по отдѣльнымъ вопросамъ политической экономіи другихъ членовъ кружка и систематическое изложеніе Маркса («Капитала») того же Оршанскаго и проч.,—таковы были предметы занятій «Екатеринославскаго кружка-землячества». Одновременно съ этимъ я порою посѣщалъ и другіе кружки,—технологовъ и университетскихъ студентовъ.

Я долженъ отмѣтить одну; весьма характерную черту въ эволюціи тогдашнихъ петербургскихъ кружковъ. Я раньше уже упомянулъ, что молодежь въ первое время стояла далеко вообще отъ практическихъ вопросовъ и дѣлъ, кромѣ тѣхъ, которые непосредственно вытекали изъ ея кружковой работы, такъ сказать, органически связаны были съ этой работой. Оговариваюсь. Говоря о молодежи, я здѣсь имѣю въ виду массу молодежи, молодежь, какъ цѣлое, а не отдѣльные выдающіеся кружки, какъ, напримѣръ, кружки—«Чайковцевъ», составлявшихъ авангардъ кружкового движенія молодежи и уже въ то время—71-72 годахъ—выступившихъ на «радикальный», революціонный путь. Масса же молодежи,

повторяю, стояла еще тогда на пути выработки «критической мысли». Но жизнь, съ ея роковыми вопросами, опередила-таки мысль. Какъ ни отстраняла себя молодежь до поры до времени отъ жизни, она, эта жизнь, съ ея «проклятыми вопросами», помимо воли молодежи, властно ворвалась-таки въ ея психику. И русская дѣйствительность во всей ея, такъ сказать, наготѣ встала предъ молодежью. Вопросы общаго характера—философскіе, біологическіе, экономо-политическіе и соціальные уступаютъ мѣсто ближайше-русскимъ вопросамъ: вопросамъ русской исторіи,—во-первыхъ, и вопросамъ современной русской дѣйствительности—во-вторыхъ. И исторія, — исторія русскаго «народоправства», казачества, народныхъ бунтовъ, крестьянства, дворянства и проч., съ одной стороны, текущая научная, публицистическая и беллетристическая литература —съ другой, завладѣли молодежью. Костомаровъ, Мордовцевъ, Хлѣбниковъ, Бѣляевъ, Щаповъ рядомъ съ Гакстгаузеномъ, Соколовскимъ и другими авторами по русской общинѣ, Янсонъ, Шелгуновъ («Податной вопросъ») и другіе изслѣдователи народной жизни входятъ въ программу занятій молодежи. Все это теперь имѣло для нея не только теоретическій, но и глубоко практическій интересъ. Отъ любимыхъ своихъ авторовъ, а особенно отъ любимыхъ своихъ беллетристовъ-народниковъ, она узнала, какъ живется народу и какова русская дѣйствительность вообще. Они же научили ее, какъ отнестись ко всей этой дѣйствительности. И направленіе мысли молодежи все болѣе становится критическимъ. Революціонная мысль мало-по-малу зрѣетъ, крѣпнетъ и обосновывается. Настроеніе становится все болѣе и болѣе тревожнымъ и мятущимся. Молодежь прямолинейна: опредѣленныя теоретическія предпосылки обязываютъ ее къ опредѣленнымъ практическимъ выводамъ. Возникаетъ роковой вопросъ: что дѣлать? Его надо рѣшить во что бы то ни стало. Но какъ? Отъ старшаго поколѣнія разночинцевъ молодежь знаетъ, какъ этотъ же роковой вопросъ былъ имъ рѣшенъ. Она знаетъ, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права, оно, это старшее поколѣніе, двинулось въ народъ. Оно двинулось туда, чтобы узнать народъ, изучить его, чтобы понять его, опредѣлить свои отношенія къ нему, чтобы, наконецъ, создать въ средѣ его, народа, операціонный базисъ для возможной практической дѣятельности. И оно, дѣйствительно, взялось за эту работу. Многіе и теперь еще работаютъ тамъ, въ народѣ. Но молодежь знаетъ и другое. Она знаетъ—и знаетъ это опять-таки отъ своихъ же старшихъ братьевъ,—какою цѣною эта работа, культурная работа, покупается, и какое значеніе она, эта работа, имѣетъ для многомилліонной массы еще фактически закрѣпощеннаго народа. «Шиломъ моря не нагрѣешь»,—категорически рѣшаетъ молодежь. И тотъ же жгучій вопросъ: что дѣлать? неотступно стоитъ предъ молодежью. Какъ его рѣшить?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ получился изъ-за границы.

Глава III.

Революціонное вліяніе на молодежь Бакунина и Лаврова. Программы Бакунина и Лаврова.

Въ 70-хъ годахъ за границей, въ Швейцаріи, жили многіе русскіе эмигранты, бѣжавшіе изъ Россіи по разнымъ политическимъ причинамъ.

Я назову лишь тѣхъ, которые имѣли рѣшающее значеніе въ исторіи революціоннаго движенія того времени, благодаря ихъ огромному вліянію на молодежь. Во главѣ стоятъ Бакунинъ и Лавровъ.

Личность Бакунина пользовалась особеннымъ обаяніемъ. Его бурное революціонное прошлое, его многолѣтнее заключеніе въ петропавловской и шлиссельбургской крѣпостяхъ, его ссылка въ Сибирь, бѣгство оттуда, его участіе въ французскомъ коммунальномъ движеніи 71 года, наконецъ, энергичная дѣятельность его въ «Международномъ обществѣ рабочихъ»,—все это окружало личность Бакунина какимъ-то ореоломъ полу-сказочнаго, полу-миѳическаго богатыря былинныхъ временъ. Онъ—современный Святогоръ, котораго русская земля не можетъ снести. Пылкая натура, волевой характеръ, страстная рѣчь Бакунина дѣйствовали неотразимо. Онъ, революціонеръ по темпераменту, дѣйствовалъ прежде всего на чувства молодежи, революціонизировалъ ея настроеніе, побуждалъ ея волю. Его глубокая непримиримая ненависть къ гнету государства,—всякаго гусударства, а русскаго въ особенности,—сдѣлала изъ него революціонера par excellence. Онъ глубоко вѣрилъ въ революціонный путь и въ революціи видѣлъ высшій разумъ (ultima ratio) освободительной борьбы.

Таковъ былъ испытанный въ бояхъ ветеранъ революціи, Бакунинъ. Чему-же онъ училъ молодежь, когда она, мятущаяся и изболѣвшая душой, поставила вопросъ ребромъ: что дѣлать?

Бакунинъ на это отвѣтилъ:

.....«Что можетъ дѣлать нашъ умственный пролетаріатъ, русская, честная, искренняя, до конца преданная соціально-революціонная молодежь?

Она должна итти въ народъ несомнѣнно, потому что нынѣ вездѣ, по преимуществу же въ Россіи, внѣ народа, внѣ многомилліонныхъ черныхъ массъ, нѣтъ болѣе ни жизни, ни дѣла, ни будущности.

Но какъ и зачѣмъ итти въ народъ?...»

Бакунинъ знаетъ только одинъ путь, въ него онъ вѣритъ и только отъ него ждетъ спасенія «нашего бѣднаго мученика-народа». Какой же путь?

........«Путь боевой, бунтовской....Надо поднять вдругъ всѣ деревни. Что это возможно, доказываютъ намъ громадныя движенія народныя подъ предводительствомъ Стеньки Разина и Пугачева. Эти движенія доказываютъ намъ, что въ сознаніи нашего народа живетъ дѣйствительный идеалъ, къ осуществленію котораго онъ стремится......»

Не отрицая пользы частныхъ бунтовъ, «частныхъ вспышекъ», вызвать которые «ничего не стоитъ», такъ какъ народъ находится въ отчаянномъ состоянiи,—Бакунинъ центръ тяжести революцiонной работы видитъ во «всенародномъ возстанiи».

Чтобы обезпечить успѣхъ такого возстанiя, необходимо прежде всего разбить ту замкнутость, «разъединенность между деревенскими общинами, которыя до сихъ поръ парализовали успѣхъ народнаго возстанiя».

«Надо во что бы то ни стало,—говоритъ Бакунинъ,—разбить эту замкнутость и провести между отдѣльными мiрами живой токъ революцiонной мысли, воли и дѣла. Надо связать лучшихъ крестьянъ всѣхъ деревень, волостей и по возможности областей, передовыхъ людей, естественныхъ революцiонеровъ изъ русскаго крестьянскаго мiра, между собою, и тамъ, гдѣ это возможно, провести такую-же живую связь между фабричными работниками и крестьянствомъ....

Надо убѣдить прежде всего этихъ передовыхъ людей изъ крестьянства, а черезъ нихъ, если не весь народъ, то, по крайней мѣрѣ, значительную и наиболѣе энергичную часть его, что для цѣлаго народа, для всѣхъ деревень, волостей и областей въ цѣлой Россiи, даже и внѣ Россiи, существуетъ одна общая бѣда, а потому и одно общее дѣло. Надо ихъ убѣдить, что въ народѣ живетъ несокрушимая сила, противъ которой ничто и никто устоять не можетъ; и что если она до сихъ поръ не освободила народа, такъ это только потому, что она могуча только, когда она собрана и дѣйствуетъ одновременно, вездѣ, сообща, за одно и что до сихъ поръ она не была собрана.

Для того же, чтобы собрать ее, необходимо, чтобы села, волости, области связались и организовались по одному общему плану и съ единой цѣлью всенароднаго освобожденiя».

Какая же цѣль этого всенароднаго возстанiя?

Бакунинъ отвѣчаетъ: «соцiальная революцiя! это въ настоящее время всеобщiй идеалъ, нынѣ во всѣхъ народахъ живущiй и дѣйствующiй».

«Существуетъ-ли такой идеалъ, спрашиваетъ самъ Бакунинъ,-въ представленiи народа русскаго? Нѣтъ сомнѣнiя, что существуетъ, и даже нѣтъ необходимости слишкомъ далеко углубляться въ историческое сознанiе нашего народа, чтобы опредѣлить главныя его черты.

Первая и главная черта, это всенародное убѣжденiе, что земля, вся земля, принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и оплодотворящему ее собственно-ручнымъ трудомъ. Вторая столь-же крупная, что право на пользованiе ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ, мiру, раздѣляющему ее временно между лицами; третья черта, одинаковой важности съ предыдущими, это квази-абсолютная автономiя, общинное самоуправленiе, и, вслѣдствiе того, рѣшительно враждебное отношенiе общины къ государству.

Вотъ три главныхъ черты, которыя лежатъ въ основанiи русскаго народнаго идеала. По существу своему онѣ вполнѣ со-

отвѣтствуютъ идеалу, вырабатывающемуся за послѣднее время въ сознаніи пролетаріата латинскихъ странъ, несравненно ближе нынѣ стоящихъ къ соціальной революціи, чѣмъ страны германскія».

Ставя предъ русской молодежью такія цѣли и задачи, Бакунинъ убѣждаетъ ее, что никакимъ другимъ путемъ эти цѣли и задачи не могутъ быть достигнуты, какъ только организаціей всеобщаго народнаго возстанія.

Всякая же предварительная работа въ народѣ,—будь-то чисто культурная или даже пропагандистически-революціонная,—все равно,—безусловно отвергается Бакунинымъ, какъ непроизводительная трата революціонныхъ силъ.

..........«Никакой ученый,— говоритъ по этому поводу Бакунинъ,—не въ состояніи научить народъ, не въ состояніи опредѣлить даже для себя, какъ народъ будетъ и долженъ жить на другой день соціальной революціи. Это опредѣлится, во 1-хъ, положеніемъ каждаго народа, и, во 2-хъ, тѣми стремленіями, которыя въ нихъ проявятся и будутъ сильнѣе дѣйствовать, отнюдь же не руководствами и уясненіями сверху и вообще никакими теоріями, выдуманными наканунѣ революціи».

Обращаясь затѣмъ къ народнымъ просвѣтителямъ, Бакунинъ спрашиваетъ ихъ: «Чему вы станете учить народъ? Не тому ли, что сами не знаете, не можете знать, и чему сами должны прежде всего выучиться у народа?» И далѣе Бакунинъ вопрошаетъ опять:

......,«Чему они намѣреваются учить народъ? Хотятъ-ли они преподать народу раціональную науку? Сколько намъ извѣстно, ихъ цѣль (Бакунинъ здѣсь разумѣетъ искреннихъ адептовъ просвѣщенія) не такова. Они знаютъ, что правительство остановило-бы на первомъ шагу всякаго, кто бы захотѣлъ внести науку въ народныя школы, и знаютъ, кромѣ того, что самому народу нашему, въ его настоящемъ, слишкомъ бѣдственномъ положеніи, совсѣмъ не до науки. Для того, чтобы сдѣлать доступною для него теорію, надо перемѣнить его практику, и прежде всего преобразовать радикально экономическія условія его быта, вырвать его изъ повсемѣстной и почти поголовной голодной бѣды...»

Въ концѣ своего воззванія къ молодежи, Бакунинъ обращается къ ней съ слѣдующими многознаменательными словами:— «Скажемъ только одно: русскій народъ только тогда признаетъ нашу образованную молодежь своей молодежью, когда онъ встрѣтится съ нею въ своей жизни, въ своей бѣдѣ, въ своемъ дѣлѣ, въ своемъ отчаянномъ бунтѣ. Надо, чтобы она присутствовала отнынѣ не какъ свидѣтельница, но какъ дѣятельная и передовая, себя на гибель обрекшая соучастница*), повсюду и всегда, во всѣхъ народныхъ волненіяхъ, какъ крупныхъ, такъ и самыхъ мелкихъ.

Надо, чтобы, дѣйствуя сама по строго обдуманному и положенному плану, и подвергая въ этомъ отношеніи всѣ свои дѣйствія самой строгой дисциплинѣ, для того, чтобы создать то едино-

*) Курсивъ вездѣ нашъ О. А.

душіе, безъ котораго не можетъ быть побѣды, она сама воспиталась и воспитала народъ не только къ отчаянному сопротивленію, но также и «къ смѣлому нападенію».

Такъ говорилъ Бакунинъ къ молодежи.

Лавровъ—тоже крупная революціонная индивидуальность, но совсѣмъ въ другомъ родѣ.

Философъ, кабинетный ученый, публицистъ, онъ не столько дѣйствовалъ на настроеніе молодежи, сколько на ея умъ. Молодежь давно его знала и относилась къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, какъ къ «учителю жизни», въ полномъ смыслѣ этого слова.

Если философское міросозерцаніе Лаврова осталось для молодежи «книгой за семью печатями запечатанной», то этого нельзя было сказать о его соціологической концепціи и всей его многолѣтней публицистической дѣятельности, связанной съ этой концепціей. Предъ молодежью во всеоружіи буквально подавляющей эрудиціи и величіи нравственной красоты выступалъ этотъ неутомимый борецъ за «истину и справедливость»! Его «Историческія письма» были не только настольной книгой молодежи 70-хъ годовъ—нѣтъ! это была книга жизни, революціонное Евангеліе, философія революціи. Она читалась и перечитывалась. Нѣкоторыя главы ея—«Личность и Прогрессъ»—даже списывались. Чтобы понять значеніе этой книжки для семидесятниковъ, надо было жить въ 70-хъ годахъ, самому быть семидесятникомъ. Книжка отвѣчала на самые жгучіе «проклятые вопросы», терзавшіе тогда совѣсть молодежи; она гармонировала съ ея настроеніемъ.

Проблемы этики, личной и общественной, разрѣшались въ этой книгѣ въ смыслѣ, наиболѣе удовлетворявшемъ молодежь.

Личное поведеніе и общественная дѣятельность связываются единымъ, самосущимъ ихъ принципомъ. Этотъ принципъ—«развитіе».

Нравственно-развитая личность, это—«критически-мыслящая» личность. Такая личность должна стремиться къ воплощенію въ жизнь—въ общественный строй—«идеала истинной справедливости».

Въ этомъ заключаются существенныя требованія этики, въ этомъ заключается и содержаніе прогресса. Личность должна творить прогрессъ: это—требованіе личной и общественной этики.

Соціологія и этика, какъ и у Михайловскаго, другъ друга покрываютъ, поглощается одна другой.

Но Лавровъ былъ извѣстенъ молодежи не только, какъ авторъ «Историческихъ писемъ». Молодежь еще знала его, какъ автора многочисленныхъ статей и работъ по психологіи, исторіи, соціологіи и этикѣ.

Его литературная работа поистинѣ энциклопедична. Молодежь хорошо помнила еще его замѣчательныя статьи въ «Отеч. Зап.» по этикѣ («Современныя ученія о нравственности»), а также рядъ статей подъ названіемъ «Цивилизація и дикія племена». Хотя Лавровъ писалъ въ разныхъ журналахъ подъ псевдонимомъ,

мѣняя не рѣдко и псевдонимъ, но молодежь всегда узнавала своего любимаго писателя, заставлявшаго ее думать головою.

Всѣ работы Лаврова проникнуты глубоко-захватывающей гуманностью. Свѣтлой нитью проходитъ чрезъ нихъ вѣчно-юное стремленіе нашего благороднаго писателя воплотить въ нихъ, въ этихъ работахъ, неумирающіе принципы истины и справедливости, къ осуществленію которыхъ въ жизни онъ такъ звалъ молодежь.

Въ Швейцаріи Лавровъ тоже пользовался громаднымъ авторитетомъ. Вокругъ него группировался значительный кружокъ русской молодежи, учившейся въ швейцарскихъ высшихъ школахъ— медики, медички, политехники и проч.

Лавровъ нерѣдко читалъ имъ лекціи по исторіи, соціологіи и другимъ интересующимъ молодежь темамъ. Вліяніе его, однимъ словомъ,—умственное вліяніе его,— не прекращалось.

Не слѣдуетъ забывать, что въ Цюрихѣ, т.-е. за-границей вообще, Лавровъ предсталъ предъ молодежью еще въ новомъ свѣтѣ. Онъ—не только любимый мыслитель и писатель, онъ—соціалистъ, горячій сторонникъ соціализма, идейный защитникъ пролетаріата и его «Международной ассоціаціи рабочихъ».

И молодежь, въ то время уже революціонно-настроенная, имѣла право требовать отъ своего стараго учителя-философа и отъ теперешняго Лаврова-соціалиста отвѣта на свой вопросъ: что дѣлать?

И Лавровъ обязанъ былъ отвѣтить. И отвѣтъ послѣдовалъ.

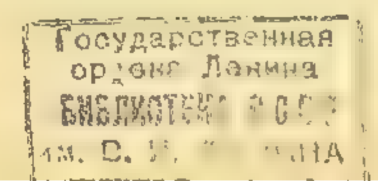
Въ 1873 году вышелъ въ Цюрихѣ журналъ «Впередъ», подъ редакціей П. Л. Лаврова.

Ниже мы подробнѣе остановимся на оцѣнкѣ значенія этого органа для революціонной молодежи. Пока же ограничимся только нѣкоторыми, отвѣчающими на вопросъ молодежи цитатами изъ статьи «Наша программа», помѣщенной въ № 1-мъ «Впередъ».

........«Соціальный вопросъ есть для насъ вопросъ первостепенный. Мы видимъ въ немъ самую важную задачу настоящаго, единственную возможность лучшаго будущаго. Въ союзѣ большинства рабочихъ въ свободную ассоціацію, въ организаціи этого союза для совокупнаго и могучаго дѣйствія, въ торжествѣ этой организаціи и въ установленіи новаго общественнаго строя на развалинахъ промышленно-легальныхъ государствъ и сословій настоящаго мы видимъ единственное средство осуществить это будущее.....»

......«Вопросъ политическій для насъ подчиненъ соціальному и въ особенности экономическому. (N. B. Курсивъ нашъ О. А). Государства такъ, какъ они существуютъ*), враждебны рабочему движенію, и всѣ они должны окончательно разложиться, чтобы дать мѣсто новому общественному строю, гдѣ самая широкая свобода личности не будетъ препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной кооперации для общей цѣли.....» .....«Для русскаго соціальная почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго населенія въ

*) Курсивъ П. Л. Лаврова.

томъ смыслѣ, который указанъ общими задачами нашего времени, есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ. Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общинной собственности частную*), дать крестьянству образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ котораго оно никогда не сумѣетъ воспользоваться легальными своими правами, какъ-бы они широки ни были, и никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплоатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота,—вотъ спеціально-русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству».—«Но какими средствами,— спрашиваетъ Лавровъ,—можно осуществить эти цѣли?.....

На первое мѣсто мы ставимъ положеніе, что перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ цѣлью народнаго блага, не только для народа, но и посредствомъ народа».

Лавровъ рѣшительно высказывается противъ политическихъ переворотовъ и всяческихъ заговоровъ...

«Мы не хотимъ новой насильственной власти!—восклицаетъ Лавровъ,—тотъ, кто желаетъ блага народу, долженъ стремиться не къ тому, чтобы стать властью при пособіи удачной революціи и вести за собою народъ къ цѣли, ясной лишь для предводителей, но къ тому, чтобы вызвать въ народѣ сознательную постановку цѣлей, сознательное стремленіе къ этимъ цѣлямъ и сдѣлаться не болѣе какъ исполнителемъ этихъ общественныхъ стремленій, когда настанетъ минута общественнаго переворота».

Что-же должна дѣлать молодежь? Какъ можетъ подготовить этотъ успѣхъ интеллигентная личность?

На эти вопросы Лавровъ отвѣчаетъ:

— «Человѣкъ, принадлежащій къ цивилизованному обществу, можетъ, вооружившись основательнымъ знаніемъ и усвоивъ народныя потребности, итти въ народъ, отказавшись отъ всякаго участія въ государственномъ строѣ современной Россіи; ставъ въ ряды чернорабочихъ, въ ряды страждущихъ и борющихся за дневное существованіе, если только онъ въ силахъ сдѣлать это, онъ отдастъ на народное дѣло всю свою умственную подготовку и употребитъ ее на уясненіе своимъ братьямъ-труженикамъ того, на что они имѣютъ право; того, къ чему они обязаны стремиться во имя своего человѣческаго достоинства; того, наконецъ, чего они могутъ достигнуть, если твердо захотятъ и сумѣютъ сплотиться для осуществленія своей воли»...

Далѣе Лавровъ горячо убѣждаетъ молодежь въ необходимости основательной подготовки къ революціонной дѣятельности не путемъ спеціальныхъ знаній—нѣтъ!—а путемъ выработки реальнаго міросозерцанія, критической способности мышленія, безъ которыхъ немыслима правильная постановка соціологическихъ во-

*) Курсивъ нашъ О. А.

просовъ, въ которыхъ заключается вся будущность человѣчества. «Кто воображаетъ,—говоритъ Лавровъ,—что можетъ рѣшить угадываніемъ или инстинктомъ трудныя и сложныя задачи, которыя представляетъ установка новаго общественнаго строя, тотъ приготовляетъ себѣ неминуемое пораженіе въ минуту, когда задача станетъ предъ нами со всей своей практической неизбѣжностью. Онъ окажется безполезнымъ дѣятелемъ въ то самое время, когда его силы будутъ всего нужнѣе; онъ станетъ игрушкою въ рукахъ шарлатановъ или эгоистовъ, которые лучше всего подготовились въ области мысли. Если же онъ проповѣдуетъ систематически вражду къ строгой и основательной подготовкѣ въ области мысли, то онъ готовится вести своихъ товарищей и союзниковъ на гибель въ битвѣ съ лучше подготовленными врагами, онъ готовится вести народъ къ революціи безъ будущности, мгновенный успѣхъ которой неизбѣжно вызоветъ подавленіе, потому что у народной партіи не будетъ доставать знанія — единственнаго орудія возможной побѣды»...

Разсматривая революцію, какъ сложный историческій процессъ, обусловленный совокупностью закономѣрно-дѣйствующихъ моментовъ, Лавровъ горячо предостерегаетъ молодежь отъ опасныхъ «попытокъ» искуственно вызывать народныя возстанія, потому что вызванныя такими попытками общественныя потрясенія тяжело ложатся именно на самое бѣдное большинство, которое приноситъ при этомъ самыя значительныя жертвы. Помимо непосредственной опасности этихъ «попытокъ» для массы, послѣднія еще нецѣлесообразны въ смыслѣ революціонной тактики, ибо искуственно революцій вызывать нельзя, и силы, потраченныя на такую работу,—потерянныя силы революціи. Ближайшая цѣль дѣятельности,—по мнѣнію Лаврова,—всякаго, кто желаетъ блага Россіи, это— «подготовлять успѣхъ народной революціи, когда она станетъ необходима, когда будетъ вызвана теченіями историческихъ событій и дѣйствіями правительства». Къ этому торжественному моменту и зоветъ Лавровъ молодежь приготовиться. «Готовьтесь къ этой минутѣ умственнымъ развитіемъ, житейскимъ опытомъ, выработкою въ себѣ твердаго характера. Готовьте къ ней народъ русскій, уясняя ему его истинныя потребности, его вѣчныя права, его грозныя обязанности, его могучую силу. А затѣмъ, когда минута настанетъ, идите съ народомъ на завоеваніе этихъ правъ, на исполненіе этихъ обязанностей, на развитіе этой силы. Идите впередъ, чего бы это ни стоило вамъ, чего бы это ни стоило народу. Какова бы ни была цѣна этого будущаго, оно должно быть завоевано»...

Такъ училъ Лавровъ молодежь.

Глава IV.

Авангардъ революціонно-пропагандистскаго движенія въ 1871-72 годахъ: чайковцы, долгушинцы и лавристы. Соціально-революціонное пропагандистское движеніе 74-76 годовъ. „Лавровисты" („пропагандисты") и „бакунисты" („бунтари" „вспышкопускатели"). Молодые бакунисты-анархисты. Прокламація ихъ: „Къ русскимъ революціонерамъ". „Сочувствующіе". Хожденіе въ народъ Характеристика этого движенія. Итоги. Крушеніе его. Аресты. Личныя воспоминанія.

Въ это время, когда масса молодежи находилась еще на распутьи, передовая часть нашей учащейся молодежи уже окончательно формулировала свои стремленія, опредѣлила окончательно тотъ ближайшій путь, по которому ей надлежало направить свои творческія силы. Я говорю о кружкахъ чайковцевъ, долгушенцевъ и лавристовъ. «Чайковцы» еще съ 1871 г. первые начинаютъ дѣятельную пропаганду среди учащейся молодежи; въ 1872 г. они распространяютъ уже свою пропаганду среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Дѣятельность ихъ не ограничивается только Петербургомъ, а, черезъ провинціальныхъ членовъ ихъ кружка, пропаганда энергично также ведется въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ и др. городахъ. Въ 1873 году многіе изъ членовъ кружка идутъ уже «въ народъ», съ цѣлью соціально-революціонной пропаганды (С. Перовская, Кравчинскій, Клеменсъ и др.). Это—первые пропагандисты. Одновременно съ «чайковцами», съ болѣе рѣшительною боевою программой—программой бунтарства,—выступаетъ небольшой, но энергичный кружокъ Долгушина. Главные члены его: Долгушинъ, Дмоховскій, Панинъ, Гамовъ, Плотниковъ. Этотъ кружокъ первый, еще до появленія бакунинской программы, выступаетъ съ пропагандою немедленнаго призыва народныхъ массъ къ возстанію. Устроивъ въ Москвѣ небольшую тайную типографію, «долгушинцы» напечатали въ ней двѣ прокламаціи: «Къ интеллигентнымъ людямъ» и «Къ русскому народу» и народную брошюру: «Какъ должно жить по закону природы и правды»; затѣмъ они стали распространять прокламаціи и брошюры, обращенныя къ народу, по деревнямъ Московской губерніи Въ сентябрѣ 1873 года всѣ они были арестованы, а въ іюлѣ 1874 г. были приговорены къ каторжнымъ работамъ и отправлены въ харьковскую центральную тюрьму. Судьба этого перваго бунтарскаго кружка глубоко трагична: всѣ почти члены его погибли. Гамовъ не выдержалъ «централки» и вскорѣ умеръ тамъ, а Плотниковъ съ ума сошелъ. Въ 1881 г. по пути въ Кару, въ иркутской тюрьмѣ скончался отъ натуральной оспы Дмоховскій, душа кружка, золотое сердце. Самъ голова кружка, Долгушинъ, которому уже недолго оставалось до окончанія срока каторги, далъ пощечину смотрителю красноярской тюрьмы во время тюремныхъ безпорядковъ, вызванныхъ побѣгомъ Малавскаго. Это дорого стоило Долгушину: ему былъ удвоенъ первоначальный срокъ каторги, послѣ чего онъ уже не вышелъ изъ тюрьмы. Послѣ извѣстнаго побѣга съ Кары 8-ми человѣкъ, Долгушинъ былъ въ 1882 г. переведенъ сначала въ Петербургскую крѣпость, а потомъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и умеръ въ 1884 или

1885 г. Такъ погибъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ по индивидуальности и уму революцiонеровъ 70-хъ годовъ, первый рѣшительный и энергичный бунтарь. Съ Долгушинымъ и Дмоховскимъ,—говоря попутно,—я познакомился впервые въ 81 г., въ красноярской тюрьмѣ, гдѣ мы, въ ожиданiи дальнѣйшей отправки, пробыли 2 или 3 недѣли. Вся наша тюремная артель,—а артель была велика: въ красноярской тюрьмѣ сошлись три партiи политическихъ арестованныхъ: «централисты» изъ мценской пересыльной тюрьмы и большая группа террористовъ по дѣлу Квятковскаго изъ петропавловской крѣпости, а также всѣ заключенные въ вышневолоцкой пересыльной тюрьмѣ,—приблизительно 100 человѣкъ всѣхъ «государственныхъ»—относилась съ глубокимъ уваженiемъ и симпатiей къ Долгушину и Дмоховскому. Послѣднiй былъ у насъ старостой. Гуманный, терпимый къ людямъ, Дмоховскiй, какъ староста, былъ незамѣнимъ. Его неожиданная смерть была большимъ горемъ для товарищей. На тюремной могилѣ его, подавленные несчастiемъ, товарищи услышали послѣднее слово, обращенное къ погибшему товарищу, сказанное другимъ великомученикомъ русской революцiи И. Мышкинымъ. Послѣднее «прости» Мышкина прозвучало призывомъ къ борьбѣ за великое дѣло освобожденiя народа.

Съ Панинымъ, также дѣятельнымъ членомъ долгушинскаго кружка, я познакомился уже въ якутской области, если не ошибаюсь, весною 1883 года. Панинъ жилъ тогда въ Амгѣ, селенiе якутскаго округа. Вмѣстѣ съ Вл. Гал. Короленко, М. А. Натансономъ и М. Ромасемъ, Панинъ завелъ въ Амгѣ небольшое хозяйство: занимались хлѣбопашествомъ, сѣнокосомъ и огородничествомъ; держали пару лошадей. Это было необходимо, потому что надо было кормиться. Панинъ, какъ хорошiй хозяинъ, стоялъ во главѣ. Жилось не сладко. Раннiе заморозки, начиная уже съ первыхъ чиселъ iюля, убивали не только урожай, но и огородные продукты. Выручалъ только съ грѣхомъ пополамъ сѣнокосъ. Въ послѣднiй годъ пребыванiя Панина въ Амгѣ намъ повезло; хлѣбъ уродился хорошо, огородныя овощи—еще лучше. Благодаря урожаю, мы не только оказались въ состоянiи, распродавъ часть хлѣба, снабдить Панина необходимыми средствами на дорогу, но и намъ, оставшимся еще въ Амгѣ, досталось на долю достаточно хлѣба. Жила наша артель вполнѣ согласно. Всѣ работали дружно, по своимъ способностямъ. Лучшими работниками по хозяйству были Панинъ, Короленко и Ромасъ. Я, какъ физически слабый, завѣдывалъ домашнимъ хозяйствомъ: пекъ хлѣбъ, варилъ пищу, держалъ въ порядкѣ юрту и т. д. Панинъ работалъ, какъ волъ; очевидно, онъ въ работѣ искалъ забвенья. Всегда занятый, онъ мало говорилъ о своемъ революцiонномъ прошломъ. Бывало наѣдутъ къ намъ товарищи изъ сосѣднихъ улусовъ, поднимаются горячiе споры. Панинъ только внимательно слушаетъ и лишь порою, какъ бы невзначай, онъ вставляетъ пару—другую словъ, роняетъ то или другое замѣчанiе, причемъ совершенно неожиданно для насъ обнаруживаетъ большую память и начитанность. Мнѣ казалось, что Панинъ почему-то тщательно прячетъ свои знанiя, свой умъ, свои симпатiи. А симпатiи у него были! Онъ былъ очень привязанъ къ

В. Г. Короленко, хотя внѣшнимъ образомъ онъ этого ничѣмъ особеннымъ не выдавалъ. Только при прощаніи съ В. Г. Короленко, Панинъ, обливаясь слезами, сказалъ: «знайте, В. Г., что послѣ Плотникова я васъ больше всѣхъ любилъ!»...

Въ 1884 г. Панинъ по манифесту вернулся на родину.

Въ послѣдній разъ я съ Панинымъ видѣлся въ Тюмени, въ 1886 г., при возвращеніи моемъ на родину. Гдѣ онъ теперь, я не знаю. Такъ сошелъ со сцены весь кружокъ долгушинцевъ, оставивъ послѣ себя не только добрую память, но и дорогой нашему сердцу завѣтъ революціонной борьбы. Этотъ завѣтъ вылился цѣликомъ еще въ прокламаціи этого кружка: «Къ интеллигентнымъ людямъ».

Этотъ документъ интересенъ въ двоякомъ отношеніи: во 1-хъ, какъ обращеніе передовой части молодежи къ молодежи же, во 2-хъ,—какъ яркое выраженіе революціонной мысли, воли и дѣла въ то время, когда революціонное движеніе 70-хъ годовъ едва только зарождалось. Въ виду огромной важности этой прокламаціи, приводимъ ее цѣликомъ:—«Къ вамъ, интеллигентные люди, которые вполнѣ поняли крайнюю ненормальность современнаго порядка вещей,— къ вамъ мы обращаемся и приглашаемъ васъ итти въ народъ, чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства. Пусть, кто только можетъ, направитъ всѣ свои силы на дѣло народнаго освобожденія и не думаетъ, чтобы какая бы ни была жертва была для него слишкомъ велика. И гдѣ можно болѣе принести пользы? Такъ не въ земствѣ ли, куда рвутся наши молодыя силы, обманутыя внѣшностью? но земство безправно, оно—лживая форма, наполненная и постоянно направляемая рукою деспота, которому никогда не понять, въ чемъ собственно заключается благо народа. Или хотите вы заниматься устройствомъ артелей? но вѣдь это значитъ вливать новое вино въ старые мѣха, потому что артель предполагаетъ принципъ солидарности, а вы хотите втиснуть ее туда, гдѣ абсолютно господствуетъ грубый личный эгоизмъ. Подготовьте же сначала почву, если хотите, чтобы принялось новое растеніе. Вспомните Рочдельскую артель: вотъ вамъ хорошій примѣръ того, какъ вырождается новый принципъ, когда онъ окруженъ старыми несоотвѣтственными ему условіями. Благотворительность? но она не выдерживаетъ никакой критики...

Что же еще? Ужъ не хотите-ли быть примѣрными отцами семейства и заняться воспитаніемъ дѣтей, чтобы сдѣлать изъ нихъ людей съ новыми воззрѣніями? или будете вы добиваться такъ называемой личной независимости?.... но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ вамъ придется цѣлую жизнь быть эксплоататорами и паразитами?... Неужели васъ не замучитъ эта гнетущая мысль?.. Да! нигдѣ, нигдѣ вы не будете такъ полезны, какъ въ роли народнаго пропагандиста новой лучшей жизни. Вспомните слова Прудона: «Воля и вѣра провозглашались во всѣ времена величайшими силами природы и человѣчества; въ насъ живетъ вѣра въ справедливость нашего дѣла, въ правду нашихъ принциповъ, въ вѣчность нашихъ догматовъ,—намъ-ли не достаетъ воли?».

Неужели мы не представимъ въ одинъ прекрасный день новое зрѣлище людей, убѣжденныхъ и непреодолимыхъ въ ихъ вѣрованіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительныхъ и постоянныхъ въ своемъ предпріятіи? Докажемъ, что мы искренни, что наша вѣра горяча,—и нашъ примѣръ измѣнитъ лицо земли. И не думайте, чтобы русскій народъ не могъ понять васъ и грубо оттолкнулъ бы васъ отъ себя; если это говорятъ иногда, то говорятъ только на основаніи фактовъ, которые всегда доказываютъ только неумѣнье дѣйствовать, а чаще всего отсутствіе искренней преданности дѣлу. Кто не знаетъ, какъ русскій человѣкъ любитъ сочувствіе и какъ онъ умѣетъ цѣнить того человѣка, который страдаетъ его страданіями, лишь только подмѣтитъ эту симпатію? Но если онъ видитъ, что съ нимъ только бобы разводятъ, онъ справедливо раздражается и даритъ презрѣніемъ. Такъ пусть люди, которымъ дорога правда, для которыхъ проводить истину въ жизнь стало органическою потребностью, пусть эти люди идутъ въ народъ, не страшась ни гоненій, ни смерти...

Нашъ лозунгъ—равенство, свобода;
Къ оружію, впередъ, друзья!
Да погибнетъ врагъ народа—
. . . . и бояре, и князья!..»

Третій кружокъ революціоннаго авангарда, открывшій свою пропагандистскую дѣятельность еще въ 1872 г., извѣстенъ подъ названіемъ «лавристовъ» (его не слѣдуетъ смѣшивать съ фракціей лавровистовъ или пропагандистовъ). Лавристы по преимуществу вели дѣло въ городѣ (Петербургѣ) среди молодежи, распространяли заграничныя революціонныя изданія, особенно изданіе Лаврова. «Лавристамъ» вмѣстѣ съ «чайковцами» принадлежитъ иниціатива въ изданіи за границей центральнаго органа соціально-революціонной партіи и въ выработкѣ предварительной программы органа. Отъ этихъ двухъ кружковъ были посланы делегаты еще въ 1872 году къ Лаврову для привлеченія его по этому дѣлу. И уже 1 августа 1873 г. вышелъ № 1 «Впередъ»—непеAfter іодическій органъ «пропагандистовъ».

Во главѣ этого кружка стоялъ тогда студентъ выпускного курса м.-х. академіи, человѣкъ умный, знающій и энергичный, въ настоящее время врачъ-хирургъ, Л. Г. Самъ Л. Г. пользовался популярностью среди молодежи, его можно было встрѣчать на сходкахъ того времени, на которыхъ онъ всегда выступалъ, какъ умный защитникъ пропаганды соціалистическихъ идей въ Россіи, какъ сторонникъ Лаврова. Онъ вносилъ, благодаря своей начитанности и дисциплинѣ мысли, не только оживленіе въ наши горячіе споры, но и порядокъ и толкъ. Его охотно слушали. Вокругъ него группировался небольшой кружокъ хорошихъ головъ, но,—за исключеніемъ развѣ одного «Антошки», живого, дѣятельнаго и блестящаго,—всѣ люди безъ темперамента, «солидные» люди не по годамъ ихъ, а по направленію ихъ мыслей, по настроенію ихъ. Одного изъ нихъ такъ и назвали «гражданиномъ» за его твердость, сдержанность и спокойствіе въ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ. Онъ те-

перь еще здравствуетъ и, какъ и нѣкоторые другіе члены этого кружка, занялъ почетное общественное положеніе. Въ числѣ членовъ этого кружка,—по крайней мѣрѣ, близкій къ этому кружку,—былъ и Евгеній Степановичъ Семяновскій. Я лично зналъ его мало, но онъ врѣзался въ моей памяти, какъ чрезвычайно симпатичный и благородный образъ мыслящаго человѣка, вотъ по какому случаю Это было весною 1874 года. Я уже порѣшилъ съ академіей и пошелъ «въ народъ». Настроеніе мое, къ слову сказать, было тогда очень приподнятое, причемъ спеціально въ религіозномъ направленіи.

Я столкнулся съ Семяновскимъ въ тѣсномъ кругу близкихъ товарищей моихъ по выпуску. Вскорѣ между нами завязался горячій споръ на вопросы дня: говорили о пропагандѣ въ народѣ, объ ея задачахъ, о пріемахъ и прочее. Я высказался, между прочимъ, за желательность вести пропаганду въ народѣ, опираясь на евангеліе. Я сослался на недавній опытъ свой въ этомъ направленіи въ Псковской губ. Семяновскій горячо, искренне и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко выступилъ противъ меня. Онъ убѣждалъ меня не поддаваться непосредственному чувству религіозности, а вести дѣло пропаганды въ народѣ, опираясь исключительно на знаніе и реальное мышленіе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ,—говорилъ Семяновскій,—можно, пожалуй, пользоваться евангеліемъ, какъ орудіемъ пропаганды, въ отдѣльныхъ случаяхъ такая пропаганда можетъ быть и не безуспѣшной, а потому и цѣлесообразной, но рекомендовать такой пріемъ, какъ методъ, тактику соціалистической пропаганды въ деревнѣ, никоимъ образомъ нельзя: пропаганда должна быть чиста и прозрачна, какъ хрусталь, она должна прояснять, а не затуманивать народное самосознаніе.

Онъ говорилъ такъ убѣдительно, горячо и логично, подкрѣпляя свою аргументацію подходящими ссылками на историческій опытъ европейскихъ народовъ, что не могъ не произвести на меня сильнаго впечатлѣнія. Онъ тутъ же попутно коснулся вообще историческаго значенія религіозныхъ народныхъ движеній, причемъ указалъ на ихъ весьма подчиненную и ограниченную роль въ историческомъ процессѣ. Я отстаивалъ свою точку зрѣнія и указалъ, между прочимъ, на расколъ въ нашей исторіи, какъ на своеобразную форму протеста народа противъ государственнаго гнета, сослался тутъ же на Щапова, а именно: на его «Земство и расколъ». Семяновскій при этомъ чуть-чуть улыбнулся и, обратившись ко мнѣ, проговорилъ мягко: «Не обращайтесь, другъ мой, за справками и поученьями къ нашимъ историкамъ. Наши историки еще не выработали строго-научныхъ методовъ историческаго преподаванія. Учитесь у западныхъ историковъ, тѣ васъ научатъ понимать исторію!» Нашъ споръ, помнится, длился очень долго,—по крайней мѣрѣ, два часа. Но мы не устали,—теоретическій турниръ, наоборотъ, придалъ намъ еще больше бодрости и свѣжести. Мы разстались, крѣпко пожавъ другъ другу руки. Это было послѣднее пожатіе. Больше я съ Евг. Ст. Семяновскимъ не встрѣчался. Въ октябрѣ 1876 года онъ былъ привлеченъ къ суду по дѣлу о пропагандѣ въ войскахъ Спб. военнаго округа и, въ числѣ дру-

гихъ,—Богданова, Дьякова и проч.,—былъ осужденъ на каторгу, гдѣ на Карѣ покончилъ съ собою въ 1881 году.

Вернемся къ нашей молодежи.

Какъ ни велико было значеніе революціоннаго авангарда въ пропагандистскомъ движеніи 70-хъ годовъ, но авангардъ все-таки не армія, а армія, т. е. молодежь въ цѣломъ, еще не была тогда, въ концѣ 1873 г., сформирована, а тѣмъ болѣе мобилизована. Для того и другого необходимо было авторитетное воздѣйствіе, необходимъ былъ боевой кличъ, который объединилъ бы разрозненныя силы молодежи и двинулъ бы ихъ на рѣшительный шагъ. И эта санкція, этотъ лозунгъ пришли, и пришли они, какъ мы уже знаемъ, отъ сильныхъ и авторитетныхъ людей. Этотъ лозунгъ былъ: «въ народъ». Электрическимъ ударомъ пробѣжалъ онъ по массѣ молодежи и всколыхнулъ ее. Молодежь ожила. Не то, чтобы путь, указанный ей ея учителями изъ-за границы, былъ новъ для нея—нѣтъ! Она, молодежь, раньше знала уже, что не миновать ей этого пути. Молодежь всегда тянуло, почти физически тянуло къ народу. Страданія народа глубоко трогали молодежь. Народу надо помочь. Это—ея долгъ, историческій долгъ, который надо во что бы то ни стало уплатить. Надо, стало быть, итти въ народъ. Другого пути нѣтъ. Это, повторяю я, знала молодежь и раньше. Что же новаго для молодежи было въ этомъ лозунгѣ? Новымъ было содержаніе этого лозунга, новой была цѣль, во имя которой мобилизировали молодежь. Правда, «долгушинцы» первые изъ ея же рядовъ поставили предъ нею эту цѣль съ поразительной ясностью и силой.

Но «долгушинцы» и другіе кружки—лишь капля въ общей массѣ молодежи. Чтобы преодолѣть инерцію массы, нуженъ сильный толчекъ, а этотъ толчекъ могли дать только Бакунинъ и Лавровъ, благодаря ихъ авторитету и знаніямъ, опирающимся на западно-европейскій и русскій историческій опытъ. На Западѣ развертывали свое красное знамя «международное общество рабочихъ» и соціалъ-демократія. На Западѣ только два года тому назадъ разыгралась величайшая въ исторіи человѣчества міровая трагедія—Парижская Коммуна. Все это въ общей совокупности и дало определѣнное рѣшеніе роковому вопросу молодежи: что дѣлать? Итакъ, рѣшеніе найдено. Нѣтъ больше сомнѣній, нѣтъ колебаній. Чистое, какъ хрусталь, настроеніе, цѣльное, почти религіозное чувство охватило молодежь. И, выпрямившись во весь ростъ, она, добрая, свѣтлая, глубоко-вѣрующая, потянулась къ тому,—

„Кто все терпитъ во имя Христа,
„Чьи не плачутъ суровыя очи,
„Чьи не ропщутъ нѣмыя уста,
„Чьи работаютъ грубыя руки,
„Предоставивъ почтительно намъ
„Погружаться въ искусство и науки,
„Предаваться мечтамъ и страстямъ!.."

Итти въ народъ! Что это означало? Это означало не только отдать народу свои силы, свои знанія во имя и ради народной

революціи, но это означало еще—жить его радостями и страданіями, дѣлить съ нимъ его свѣтлыя надежды и горькія разочарованія! А это опять-таки означало: надо оставить высшія учебныя заведенія, оффиціальную науку, разстаться съ родными и близкими, со всѣми привычками и удобствами досужей культурной жизни и, стряхнувши все это съ себя, какъ несправедливое, незаслуженное и вредное, погрузиться на самое дно, въ самую гущу многострадальной народной жизни!.. Нужно, стало-быть, разъ навсегда сбросить съ себя культурную шкуру и предстать предъ народомъ въ его грубо-рабочей шкурѣ.

Таково было тогда настроеніе молодежи: цѣльное, оно должно было вылиться въ неудержимо-самоотверженный порывъ воли. Это было въ концѣ 1873 года. Движеніе среди молодежи растетъ, все повышаясь. Я такого движенія среди молодежи не припомню въ другое время. Новые кружки выростаютъ въ большомъ числѣ. Параллельно съ этимъ возникаютъ и развиваются сходки. Это—митинги молодежи того времени. Пора толкованій, преній и самоуясненій уже миновала, теперь на очереди жгучія проблемы практической дѣятельности—революціонной практики. Изъ-за границы получена масса изданій революціоннаго содержанія: «Впередъ» № 1, «Государственность и анархія» Бакунина, прокламація отъ революціонныхъ обществъ русскихъ анархистовъ, «молодыхъ бакунистовъ»,—Ралли, Эльсница, Голльштейна и пр. Молодежь съ жадностью набросилась на эти изданія, какъ на источникъ живой воды. Программы вожаковъ революціи дебатируются страстно, какъ въ кружкахъ, такъ и на сходкахъ. Живой обмѣнъ мыслей приводитъ къ разслоенію массы молодежи на двѣ группы: группу «радикаловъ», рѣшительно занявшую революціонную позицію какъ въ идейномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, и группу «сочувствующихъ» лишь направленію первой группы. «Сочувствующіе» активно не выступаютъ въ борьбу, а ограничиваются лишь оказаніемъ всяческаго содѣйствія «радикаламъ»: снабжаютъ послѣднихъ матеріальными средствами, даютъ пріютъ нуждающимся въ этомъ революціонерамъ, снабжаютъ ихъ адресами и пр. и пр.

Среди самой группы «радикаловъ» дифференціація далѣе выразилась образованіемъ двухъ революціонныхъ фракцій—фракціи «пропагандистовъ» или «лавровистовъ» и фракціи «бакунистовъ» или «бунтарей» («вспышкопускателей» тожъ). Какъ показываютъ названія этихъ фракцій, различія въ ихъ революціонной теоріи и практикѣ обусловливаются цѣликомъ различіями тѣхъ программъ, представителями которыхъ являются Лавровъ и Бакунинъ.

Лавровисты или пропагандисты группировались вокругъ программы Лаврова, а бакунисты—Бакунина. Мы уже знакомы съ программами Лаврова и Бакунина, а потому, не останавливаясь больше на нихъ, отмѣтимъ лишь ихъ черты сходства и различія. Какъ лавровистовъ, такъ и бакунистовъ объединяетъ одна великая цѣль: это соціальная, народная революція, осуществленная не только во имя народа, для народа, но и посредствомъ народа.

иницiаторомъ въ этомъ великомъ дѣлѣ должна быть русская революцiонная молодежь. Это—«неоплатный долгъ интеллигенцiи предъ народомъ».

Въ этомъ обѣ фракцiи революцiонной молодежи сходятся вполнѣ. Далѣе идутъ уже разногласiя. Лавровисты, согласно ученiю Лаврова, требуютъ мирной, серьезной и продолжительной пропаганды соцiалистическихъ идей въ народѣ, съ тѣмъ, чтобы этимъ «подготовлять успѣхъ народной революцiи, когда она станетъ необходима, когда она будетъ вызвана теченiями историческихъ событiй и дѣйствiями правительства». Бакунисты на это отвѣчали: «Мы имѣемъ полную вѣру въ инстинкты народныхъ массъ и понимаемъ революцiю, какъ организованный взрывъ того, что называется революцiонными страстями, и какъ разрушенiе того, что на томъ же буржуазномъ языкѣ зовется общественнымъ порядкомъ»*).

...«Всякiй изъ насъ долженъ понять,—говорили бакунисты,—что въ дѣлѣ революцiи самый знающiй и самый умный человѣкъ, даже генiй, можетъ дать массамъ лишь то, что они уже заключаютъ въ себѣ, въ своихъ дѣйствительныхъ нуждахъ, инстинктахъ и стремленiяхъ; только осмысленную научную формулу того, что они чувствуютъ и желаютъ. Кто дѣйствительно знаетъ народъ, тотъ знаетъ и то, что каждому изъ насъ приходится болѣе получать уроковъ отъ народа, чѣмъ давать ихъ ему. Всякiй изъ насъ долженъ понять, что время выдающихся личностей прошло. Владычество личностей было совершенно естественнымъ и логичнымъ въ политическихъ революцiяхъ, такъ какъ всякая такая революцiя имѣла цѣлью замѣну одного правительства другимъ. Оно совершенно неумѣстно и невозможно въ соцiальной революцiи, которая, имѣя единственною цѣлью освобожденiе массъ, должна уничтожить самый принципъ власти. Въ соцiальной революцiи можетъ быть мѣсто только для коллективной мысли, воли и дѣятельности.

Программа эта не наша,—это программа народа, ясно выраженная во всѣхъ его стремленiяхъ. Народъ всегда и вездѣ шелъ этимъ путемъ; всегда и вездѣ отклоняли его съ этого единственнаго вѣрнаго пути люди личной инициативы, мечтавшiе о возможности учить народъ. Только та революцiя восторжествуетъ, гдѣ учителей этихъ не будетъ. Поэтому повторяемъ, эта программа не есть новая, выдуманная нами, форма, къ которой мы хотимъ приноровить дѣйствiя народа; это результатъ изученiя народа, народныхъ инстинктовъ и идеаловъ, отрицанiе всякой опеки, всякаго руководженiя народомъ». Такъ формулировали свои взгляды на тактику революцiонной дѣятельности въ народѣ обѣ фракцiи. Такимъ образомъ, лавровисты, стоя на почвѣ соцiализма, проповѣдуютъ мирную пропаганду. Бакунисты же, наоборотъ, опираясь на народные интересы, народныя стремленiя и народные идеалы, требуютъ агитацiи въ народѣ «дѣйствiемъ»—

*) Примѣчанiе. Курсивъ вездѣ авторовъ прокламацiи „Къ русскимъ революцiонерамъ“. Мы цитируемъ изъ этой прокламацiи наиболѣе характерныя и яркiя мысли и взгляды бакунистовъ, особенно молодыхъ.

«бунтами», организацiи въ народѣ «боевыхъ дружинъ путемъ объединенiя лучшихъ крестьянъ всѣхъ деревень, волостей и, по возможности, областей между собой» съ цѣлью вызвать всеобщее народное возстанiе.

Нужно отдать справедливость бакунистамъ, что они стояли ближе къ реальной народной дѣйствительности, глубже поняли народную психологiю, чѣмъ лавровисты. Отсюда и радикальное различiе въ ихъ взглядахъ на способы и прiемы дѣйствiя въ народѣ.

Во всю вторую половину 1873 года молодежь была вся поглощена обсужденiемъ этихъ программъ. Никакихъ споровъ и разногласiй не вызвало требованiе обѣихъ программъ дѣйствовать въ народѣ въ положенiи рабочаго человѣка. Это казалось тогда аксiомой,—о чемъ же тутъ спорить? Не въ примѣръ больше споровъ и разногласiй возбуждалъ вопросъ о размѣрахъ необходимой для революцiонера теоретической подготовки. Лавровисты, какъ пропагандисты, само собою стояли за основательную предварительную подготовку: чтобы учить народъ, надо самому, прежде всего, многому научиться, многое знать и понимать. Бакунисты же, какъ агитаторы, сводили эту предварительную подготовку почти на минимумъ: не намъ-де учить народъ, а, наоборотъ, учиться у него, у народа, намъ слѣдуетъ,—его опытъ богаче нашего, его инстинкты и стремленiя надежнѣе, дѣйствительнѣе, чѣмъ наше теоретическое знанiе и руководство. Нѣкоторые въ этомъ отношенiи хватали черезъ край, совсѣмъ отрицали всякую подготовку:—«ну, если хотите, достаточно 4-хъ правилъ ариѳметики и баста!» заявилъ разъ на сходкѣ, при дружномъ смѣхѣ присутствующихъ, одинъ изъ бакунистовъ. Конечно, все это—крайности и преувеличенiя, вполнѣ возможныя въ такую горячую пору. Однако, и въ этомъ случаѣ, бакунисты были болѣе искренни и правдивы, чѣмъ лавровисты. Охваченные горячей любовью и преданностью народу, они считали всякую проволочку въ революцiонной дѣятельности преступной. Сколько времени надо употребить на подготовку? Что можетъ служить безошибочнымъ критерiемъ моей подготовленности? Кто будетъ моимъ судьею?.. Вѣдь практически это можетъ свестись на то, что придется сидѣть у моря и ждать погоды. «Умственное развитiе», «житейскiй опытъ», «выработка твердаго характера»,—все это прекрасно, слова нѣтъ! Но пока мы будемъ все это вырабатывать въ себѣ,—разсуждали бакунисты,—«роса очи выѣстъ» у народа: вмѣсто того, чтобы скорѣе способствовать освобожденiю народа, мы своей критической работой мысли будемъ только задерживать это освобожденiе, своимъ развитiемъ, при существующихъ условiяхъ, будемъ только косвенно способствовать его угнетенiю. Я долженъ при этомъ замѣтить, что молодежь,—по крайней мѣрѣ, по отношенiю къ этому вопросу,—стояла цѣликомъ на сторонѣ бакунистовъ. Я помню хорошо, какъ оскорбила молодежь одна статья изъ «Впередъ»,—кажется, № 2,—трактовавшая эту тему слишкомъ ужъ въ доктральномъ тонѣ. «Не думаетъ ли редакцiя «Впередъ» открыть приготовительные курсы для революцiонеровъ съ премiей на аттестатъ революцiонной зрѣлости?»—

спрашивали мы другъ друга огорченные. Во всякомъ случаѣ жизнь не удается загнать въ испанскіе сапоги: проповѣдь «основательной подготовки» не удержала молодежи отъ охватившаго ее страстнаго стремленія двинуться въ народъ, и ужъ весной 1874 г. все было готово къ походу.

Весною 1874 г. волна революціонно-пропагандистскаго движенія въ Петербургѣ достигла своей крайней высоты. Кружки и сходки прекратились. Онѣ теперь ужъ не нужны. Всѣ вопросы рѣшены. Время ужъ итти въ народъ. Надо приготовить все необходимое для этого. Но прежде всего нужно научиться физическому труду. И работа закипѣла. Одни отправляются на заводы, фабрики, гдѣ, съ помощью спропагандированныхъ рабочихъ, устраиваются и приступаютъ къ работѣ. Поступокъ этихъ студентовъ импонируетъ товарищамъ, примѣръ ихъ заразителенъ. Тѣ, которые почему-либо не могутъ послѣдовать этому, страдаютъ отъ огорченія. Другіе,—такихъ было, если не ошибаюсь, большинство,—бросаются на изученіе ремеслъ,—сапожнаго, столярнаго, слесарнаго и пр. Этому можно скорѣй научиться, да и ремесло пригодится въ ссылкѣ. Надо быть готовымъ. Во многихъ частяхъ Петербурга,—на Выборгской, Петербургской сторонахъ, въ Измайловскомъ полку, на Васильевскомъ островѣ и проч.—открываются такія мастерскія, въ которыхъ выучка, подъ руководствомъ опять-таки рабочаго-революціонера, идетъ довольно успѣшно. Война, говорятъ, родитъ героевъ. Революціонная необходимость научиться ремеслу обнаружила положительно таланты по этой части среди нашей молодежи.

Мастерскія, устраивавшіяся молодежью, были всѣ почти на одинъ манеръ. Мастерскія были одновременно и «коммунами». Зайдемъ въ такую мастерскую-коммуну. Небольшой деревянный флигель изъ трехъ комнатъ, съ кухней, на Выборгской сторонѣ. Скудная мебель. Спартанскія постели. Запахъ кожи, вара бьетъ въ носъ. Это—сапожная мастерская. Трое молодыхъ студентовъ сосредоточенно работаютъ. Одинъ особенно занятъ прилаживаніемъ двойной толстой подметки къ ботфортамъ. Подъ подошву надо спрятать паспортъ и деньги—на всякій случай. У окна, согнувшись, вся ушла въ работу молодая дѣвушка. Она шьетъ сорочки, шаровары, кисеты для своихъ товарищей, собирающихся на-дняхъ итти въ народъ. Надо торопиться—и иголка такъ и мелькаетъ въ воздухѣ. Лица—молодыя, серьезныя, бодрыя и ясныя. Говорятъ мало, потому что некогда. Да и о чемъ разговаривать? Все уже рѣшено, все ясно, какъ день.

То же самое и при встрѣчахъ на улицахъ. Лаконическіе вопросы: «куда направляетесь? куда ѣдете?..» и такіе же отвѣты: «На Волгу! на Уралъ! на Донъ! на Запорожье!..» И т. д. и т. д. въ этомъ родѣ.

Крѣпкія рукопожатія и всяческія благія пожеланія. Въ путь дорогу!..

Это революціонная молодежь, полная вѣры въ народъ и въ свои собственныя силы, охваченная какимъ-то экстазомъ, потянуласьвъ далекій невѣдомый путь. Позади остались дорогіе образы родныхъ и близкихъ, вошедшіе въ кровь и плоть, культурныя при-

вычки, высшія учебныя заведенія, съ ихъ «правами и льготами». Всѣ корабли сожжены. Возврата нѣтъ.

Пропаганда разлилась по всей Россіи. Она охватила 37 губерній, по оффиціальнымъ даннымъ. Арестовано было больше 1000 чел., все цвѣтъ учащейся молодежи. Они томились въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ и казематахъ. Ужъ одно число арестованныхъ, сосланныхъ еще до суда, отданныхъ подъ надзоръ и пр. указываетъ на то, что революціонное движеніе молодежи 70-хъ годовъ отличалось массовымъ характеромъ. Уходили въ народъ небольшими организованными группами—«кружками»—въ 15 - 20 чел. и больше, уходили и въ одиночку.

Это—«вольница», лица, предпочитавшія все дѣлать на свой страхъ и рискъ, не укладывавшіяся въ тѣсныя рамки «кружковщины».

Говорятъ, что революціонное движеніе 70-хъ годовъ было не только массовымъ, но и стихійнымъ. Мы сами когда-то думали такъ. Но это не совсѣмъ вѣрно. Подъ стихійнымъ движеніемъ разумѣютъ неорганизованное, лишенное всякой планомѣрности движеніе. Это—взрывъ чувствъ, накопляющихся годами и выливающихся наружу въ судорожной, такъ сказать, рефлекторной формѣ.

Такъ дѣйствуетъ безсознательная природа. Движеніе молодежи не было таковымъ, хотя эмоціональный элементъ въ немъ несомнѣнно преобладалъ. Движеніе молодежи подготовлялось исподволь, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ общественныхъ моментовъ, постепенно оно созрѣвало, пока не вылилось окончательно въ опредѣленную форму. Массовому движенію предшествовало движеніе организованнаго меньшинства молодежи. Само же массовое движеніе молодежи отнюдь не было безформеннымъ, неорганизованнымъ—оно не было централизованнымъ,—это правда!, но неорганизованнымъ его нельзя назвать! Я помню хорошо, какъ зимою 1873 г., на сходкахъ, а особенно въ кружкахъ самымъ тщательнымъ образомъ обсуждался вопросъ о выступленіи, о походѣ молодежи: намѣчались тѣ мѣста, которыя, на основаніи историческихъ справокъ, оказывались наиболѣе благопріятными для революціонной дѣятельности—туда мобилизація молодежи и была направлена. Слѣдовательно, не совсѣмъ ужъ она была такъ слѣпа, какъ думаютъ многіе. На излюбленныхъ молодежью мѣстахъ она устраивалась не зря, а по плану: въ ближайшемъ городѣ заводился «центръ», въ которомъ и сосредоточивались всѣ административныя функціи кружка: пріисканіе пристанища, завязываніе связей, добываніе паспортовъ, денегъ и различныхъ свѣдѣній.

Я не стану здѣсь перечислять всѣ революціонные кружки того времени. Это заведетъ меня слишкомъ далеко. Я назову еще «московскій кружокъ 50» или, какъ насмѣшливо окрестили лавристы — «кружокъ цюрихскихъ барышенъ», кружокъ Жебуневыхъ, кружокъ «Кіевской коммуны»...

Эти кружки отнюдь не дѣйствовали совершенно особливо: они вступали въ федеративныя связи съ другими кружками, по поводу

тѣхъ или другихъ услугъ, въ которыхъ могли нуждаться. Общность цѣлей и стремленій обязывала, помимо формальныхъ договоровъ, къ такой солидарности. И кружки не только другъ друга поддерживали, чѣмъ могли, въ этой общей революціонной работѣ, но и оказывали большую поддержку и одиночкамъ. Указываютъ на ошибки и промахи этого движенія, роковымъ образомъ приведшія его къ провалу, какъ на доказательство его стихійности и неорганизованности. Ошибки и промахи были—слова нѣтъ! но это были неизбѣжныя ошибки новичковъ въ революціи, за которыми тогда еще не было ни революціоннаго опыта, ни преемственности, ни традиціи. Движеніе было громадное, порывъ былъ неудержимый. Немудрено было при такихъ обстоятельствахъ надѣлать много промаховъ и ложныхъ шаговъ и при наличности даже стройной, строго выдержанной, централизованной организаціи. Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ...

Оглядываясь теперь назадъ на путь, пройденный молодежью въ 74-мъ году, мы не можемъ не видѣть той поразительной энергіи и предпріимчивости, какую сумѣла развернуть молодежь за это короткое время. Не забудемъ опять-таки, что это были первые ея шаги, не забудемъ также того настроенія, которое она тогда переживала. Это былъ порывъ, аффектъ, выражаясь психофизіологическимъ языкомъ.

Потребность въ пропагандѣ своихъ идей была такъ непреодолима, такъ властна, что революціонеръ не могъ не отдаться ей всецѣло. Немудрено, поэтому, что революціонеръ нерѣдко пускался въ воду, не спросивши броду. Я слышалъ отъ многихъ моихъ товарищей, какъ глубоко они страдали, когда имъ почему-бы то ни было не удавалось ужъ въ теченіе 3—5 дней вести пропаганду. Ихъ мучило сознаніе своей вины передъ народомъ, ихъ мучила отвѣтственность передъ товарищами. Это такъ. И я знаю это—tranchons le mot!—по собственному опыту. Я самъ переживалъ такіе моменты. Примѣръ. Ѣду въ 1874 г. домой черезъ Харьковъ. Въ Харьковѣ встрѣчаюсь съ хорошей моей знакомой «радикалкой»—медичкой (нынѣ женщина-врачъ) В. П. И—цкой. Мы съ ней пошли въ университетскій садъ. Была чудная лѣтняя ночь. Углубившись въ садъ, мы вдругъ услышали хорошее малороссійское пѣніе. Пѣли сильные мужскіе голоса. Насъ такъ и потянуло къ нимъ. Пошли. Скоро мы натолкнулись на небольшую группу солдатъ харьковскаго гарнизона. Это они-то и пѣли. Поздоровались и попросили позволенія слушать пѣніе. Солдаты были польщены просьбой миловидной барышни, и пѣсни полились съ новой силой. Незамѣтно мы завязали разговоръ, — безразличный, помнится. Но мнѣ ужъ становилось не по себѣ: захотѣлось пропагандировать. И я началъ говорить горячо, молодо... Помню, что 4—5 человѣкъ солдатъ изъ этой группы черезъ нѣкоторое время ушли, тепло распрощавшись съ нами; осталось лишь двое. Мы сѣли на скамейку и пропаганда, уже болѣе интимная, продолжалась. Солдаты слушали насъ съ интересомъ. Въ особенности насъ поразилъ одинъ изъ нихъ, по фамиліи Н—овъ. Умный, развитой и вдумчивый,—онъ весь былъ одно вниманіе. Бесѣда продолжалась съ часъ времени.

Потомъ, проводивъ В. П. на ея квартиру, мы пошли въ... кабакъ. Солдаты захотѣли выпить, а мнѣ не хотѣлось оборвать пропаганду. Водка была отвратительная, но я глоталъ эту гадость, не желая отстать отъ компаніи. Это былъ первый мой опытъ пропаганды, и мнѣ казалось, что если я буду пить съ тѣми, которыхъ я пропагандирую, то это меня сблизитъ съ ними. Мы засидѣлись въ кабакѣ до поздней ночи. При прощаніи Н—овъ попросилъ меня, чтобы я съ нимъ еще разъ повидался. Мы условились встрѣтиться на другой день. Мы дѣйствительно встрѣтились въ условленномъ мѣстѣ,—помнится, что это было на Московской улицѣ. Я передалъ Н—ву списокъ книгъ для чтенія, нарочито мною составленный для него, по его просьбѣ, и повелъ его къ медику Витте для дальнѣйшей его обработки. Таковъ одинъ только фактъ изъ моей практики. Само собою, что «благоразумнаго» въ моемъ поступкѣ ничего не было: вѣдь я могъ легко нарѣзаться на серьезный скандалъ, чтобы не сказать больше. Но я иначе тогда поступить не могъ. Съ моей стороны это не было ухарствомъ—къ подобнымъ штукамъ я по натурѣ своей не способенъ! Не было это также и легкомысліемъ... Что же меня все-таки толкнуло на такой рискованный шагъ? Одно и только одно: непреодолимая потребность пропаганды, страстное желаніе подѣлиться моими мыслями, стремленіями съ людьми, которые показались мнѣ въ то время почему-то способными понять меня. Это—прозелитизмъ, которымъ я, какъ и вся революціонная молодежь того времени, былъ охваченъ. Какъ отъ него освободиться? Онъ—всесиленъ: онъ толкаетъ на геройскіе подвиги, но можетъ практически вылиться и въ смѣшную форму, натолкнувшись на житейскую ограниченность, пошлость, можетъ вылиться и въ трагическую — встрѣтивъ подлость, трусость и предательство. Такъ, какъ я поступилъ тогда, поступали десятки, сотни моихъ современниковъ. Молодежь переживала тогда состояніе прозелитизма. Она набрасывалась съ горячностью на пропаганду, она не хотѣла, она не могла ждать.

И рядомъ съ неизбѣжными, вполнѣ понятными ошибками, она могла совершить въ такомъ настроеніи также и великія дѣла. Пропагандисты 70-хъ годовъ, къ сожалѣнію, не успѣли вершить ихъ, но подвигъ они все-таки совершили! И этотъ подвигъ заключался въ той беззавѣтной рѣшимости, съ какой пропагандисты, обрекая себя на гибель, выступили на революціонный путь. Въ этомъ подвигѣ заключался залогъ возможной побѣды. Къ сожалѣнію, русская дѣйствительность тогда такъ сложилась, что разсчитывать на такую побѣду въ скорости нельзя было. Мы это почувствовали уже въ концѣ 74 года, когда наше массовое хожденіе въ народъ, наше «паломничество» потерпѣло такое сильное крушеніе. Разбитые на голову, мы бросились въ города, въ университетскіе, въ особенности, стараясь собрать наши разсѣянные легіоны. Не всѣ еще, слава богу, заарестованы, не всѣхъ еще захватили правительственныя ищейки-жандармы и прокуроры. Уронъ мы получили значительный, но не все еще было потеряно. Молодежь не потеряла головы, но прежняго беззавѣтнаго увлеченія уже не было.

Жизнь намъ дала хорошій серьезный урокъ и заставила насъ

поразмыслить надъ тѣмъ, что произошло. Она, суровая и безжалостная, заставила насъ, увлекающихся, научиться болѣе правильному, болѣе объективному, болѣе реальному пониманію условій и требованій дѣйствительности. Конечно, это не сразу намъ далось, но работа въ этомъ направленіи уже началась, т. е. начался пересмотръ наличнаго идейнаго революціоннаго содержанія—его теоріи и практики. Мы еще не знали тогда—это было въ концѣ 74 г. и въ первую половину 75—къ чему мы придемъ, но переломъ уже начался, и элементы ближайшей необходимой эволюціи нашего революціоннаго развитія уже выкристализовывались. Прежде всего отъ насъ отдѣлилась часть молодежи, втянувшаяся въ революціонный процессъ, въ періодъ хожденія въ народъ, подъ вліяніемъ подражанія, внушенія—если хотите-психической заразы. Это неизбѣжно бываетъ при всякомъ массовомъ движеніи и также имѣло мѣсто и въ нашемъ. Обособившаяся, так. обр., революціонная молодежь, хотя тогда не сорганизовалась еще въ стройное, согласованное во всѣхъ своихъ частяхъ единое цѣлое, но зато она, такъ сказать, болѣе рѣзко и опредѣленно отмежевалась отъ всей массы прочей молодежи. И дальше.

Весной 1874 г. въ народъ ушли, какъ оказалось потомъ, многіе отнюдь не съ революціонными цѣлями: ушли, чтобы узнать народъ, испытать свои силы, научиться работать и проч. Многіе изъ этихъ послѣднихъ совершенно отстали отъ общаго революціоннаго движенія въ народъ, намѣтивъ себѣ другіе пути дѣятельности; одни, напр., сосредоточили свою работу исключительно въ городахъ, работая среди ремесленнаго, фабричнаго и заводского населенія. Это, во 1-хъ, не выбивало ихъ изъ обычной жизненной колеи, не требовало отъ нихъ жертвъ и лишеній, неизбѣжно связанныхъ съ работою въ народѣ: студенты, напр., продолжали свои занятія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и жертвовали для пропаганды среди городскихъ рабочихъ лишь своимъ досугомъ. А во 2-хъ, работа въ городѣ,—что казалось имъ особенно важнымъ, представлялась и болѣе цѣлесообразною и болѣе производительною. Цѣлесообразною потому, что они считали городскихъ рабочихъ болѣе воспріимчивыми къ пропагандѣ соціализма, чѣмъ деревенскихъ, а, слѣдовательно, и возможный успѣхъ этой пропаганды, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, оказывался болѣе обезпеченнымъ, т. е. затраченный на пропаганду трудъ болѣе производительнымъ.

Сторонники этихъ взглядовъ впослѣдствіи сформировались въ группу революціонной молодежи, извѣстную подъ именемъ «марксистовъ». Впрочемъ, мы вернемся къ нимъ ниже.

Такимъ образомъ, съ отпаденіемъ отъ массы революціонной молодежи той части ея, которая случайно пристала къ ней, а также и городскихъ пропагандистовъ, осталась еще значительная часть молодежи, до конца вѣрная лозунгу: «въ народъ!...»

Нашъ первый революціонный опытъ въ народѣ—говорили мы—продолжался слишкомъ короткое время и притомъ протекалъ съ такой стремительностью и торопливостью, что было бы совер-

шенно непозволительно дѣлать на этомъ основанiи какiе-либо выводы о своевременности или несвоевременности всеобщаго возстанiя, о трудности или легкости вызвать въ народѣ частный бунтъ, о томъ или иномъ значенiи пропаганды въ деревнѣ, это—во 1-хъ. А, во 2-хъ—летучая пропаганда, которую мы такъ широко практиковали въ 1874 г., оказывается совершенно нецѣлесообразною, какъ прiемъ борьбы. Она могла бы имѣть значенiе въ томъ лишь случаѣ, когда революцiонное настроенiе массы оказалось бы вполнѣ созрѣвшимъ, когда слово, слѣдовательно, должно было сыграть роль искры, превращающей въ пожаръ горючiй матерiалъ народной жизни. Надо, поэтому, говорили мы,— осѣсть на одномъ мѣстѣ, пожить нѣкоторое время въ народѣ, чтобы, согласно указанiямъ опыта, внести—буде это окажется нужнымъ—тѣ или другiя измѣненiя въ нашу программу или тактику. И движенiе въ народъ не прекращалось. Правда, оно не имѣло того массового характера, какимъ оно отличалось весною 1874 г., но зато оно оказалось болѣе опредѣленнымъ и вдумчивымъ. Подготовлялся поворотъ къ новому направленiю въ революцiонномъ движенiи. Окончательно же этотъ поворотъ опредѣлился въ ближайшемъ будущемъ.

Таковы итоги перваго опыта хожденiя въ народъ.

Въ то время, когда описываемыя мною событiя 1873—74 гг. все болѣе и болѣе развертывались, я былъ студентомъ 5-го курса м.-х. академiи и готовился уже къ окончательному экзамену. Я былъ студентомъ занимающимся, работящимъ. Товарищи и нѣкоторые профессора считали меня однимъ изъ возможныхъ кандидатовъ, которые ежегодно оставляются при академiи для «усовершенствованiя въ наукахъ». Я и самъ объ этомъ мечталъ.

Моими любимыми занятiями были патологическая анатомiя и терапiя. Мои первые учителя въ этихъ областяхъ, Рудневъ и Манасеинъ, безповоротно опредѣлили мой выборъ. Это были самые лучшiе наши учителя въ академiи. Особенно Манасеинъ не жалѣлъ себя: онъ работалъ съ нами и вечеромъ, по окончанiи лекцiй, и рано утромъ— до начала ихъ. И Рудневъ, и Манасеинъ положили прочный фундаментъ нашимъ медицинскимъ знанiямъ: Рудневъ—по патологической анатомiи, Манасеинъ—по методамъ клиническаго изслѣдованiя. Я много работалъ по своей спецiальности. Но это не заглушало во мнѣ потребности къ общему развитiю, залегшей во мнѣ крѣпко еще съ послѣднихъ классовъ гимназiи. Тогда Писаревъ владѣлъ мною всецѣло. Онъ будилъ мысль, толкалъ къ развитiю.

Во время студенчества кружки продолжали начатое Писаревымъ. Я тщательно работалъ надъ собою, чтобы выработать изъ себя «критически-мыслящую личность», но, какъ я ужъ сказалъ, не пренебрегалъ и своей спецiальностью. Да и не могъ, если бы захотѣлъ. Спецiальныя занятiя давали столько положительнаго матерiала для знанiя, такъ обогащали умъ фактами реальнаго мышленiя, что не только не тормазили общаго развитiя, но

способствовали ему, расширяя и углубляя его. Какое глубокое, помню, впечатлѣніе произвела на меня «Целлюлярная Патологія» Вирхова, хотя и значительно уже устарѣвшая въ то время! Тутъ дѣйствовали и философское мышленіе ученаго, и научная методологія его. Мимоходомъ замѣчу, что совершенно тождественное впечатлѣніе на меня произвели такіе труды, какъ «Ученіе о жизни» Биша, «Происхожденіе человѣка» Дарвина, «Капиталъ» К. Маркса, «Очерки политической экономіи» Чернышевскаго и проч., проч.

Мои медицинскія занятія и обще-образовательная работа шли параллельно, дополняя другъ друга. Начавшееся революціонное движеніе среди молодежи, конечно, захватило и меня. Но я на первыхъ порахъ долго не поддавался ему. Не то, чтобы я былъ принципіальнымъ противникомъ его—о, нѣтъ! я тогда ужъ былъ соціалистомъ. Предшествовавшая работа мысли привела меня роковымъ образомъ къ соціализму.

Меня смущало сильно совсѣмъ другое обстоятельство: мнѣ казалось, что преждевременно еще выступать съ пропагандою соціалистическихъ идей въ народѣ, какъ это настойчиво требовала молодежь. Русскій народъ—говорилъ я,—недавно только вышелъ изъ крѣпостного состоянія, онъ почти не жилъ историческою жизнью, онъ теменъ и невѣжественъ, робокъ и забитъ,—гдѣ же ему понять то ученіе, которое народилъ многовѣковой тяжелый историческій опытъ на Западѣ?... Соціализмъ на Западѣ купленъ дорогой цѣною: ему предшествовала Великая Французская Революція, революція 48 года, его создалъ западно-европейскій соціальный строй; тамъ это ученіе имѣетъ свой raison l'être, тамъ оно ученіе пролетаріата. Мнѣ на это возразили:—«Вы не знаете народа, не знаете русской исторіи!...»

И то, и другое было правда. Народа я не зналъ, такъ какъ родился въ городѣ, деревни почти что не видалъ, да, кромѣ того, я—былъ чужимъ этому народу по крови. Русскую исторію я тоже плохо зналъ. Признаться, не любилъ я ея. Ужъ очень скучной она мнѣ казалась. И я, такой любознательный и прилежный, прочитавшій такъ много по исторіи Запада, а особенно по исторіи революціонныхъ движеній на Западѣ, ничего не читалъ по русской исторіи. Мнѣ казалось, что она ничего не можетъ сказать ни моему уму, ни моему сердцу. Это, конечно, было заблужденіе, обычное заблужденіе невѣжества. Молодежь задала мнѣ за это порядочный нагоняй. Мнѣ указали на цѣлый рядъ нашихъ историковъ, труды которыхъ проливаютъ яркій свѣтъ на наше прошлое; мнѣ указали на то, что это прошлое отнюдь не бѣднѣе красками, драматизмомъ событій, содержательностью, чѣмъ исторія западныхъ народовъ; мнѣ указали, дальше, на то, что исторія русскаго народа меня научитъ понять, уважать и любить народъ; что, наконецъ, изъ исторіи русскаго народа я узнаю, что онъ отнюдь не такъ далекъ отъ соціализма, какъ я полагаю. Я взялся за русскую исторію. Соловьевъ, Костомаровъ, Бѣляевъ, Аристовъ, Хлѣбниковъ, Щаповъ, Мордовцевъ, Антоновичъ и др. появились на моемъ столѣ и прочитывались отъ доски до доски. Нѣкоторыхъ

книгъ нельзя было тогда достать въ книжныхъ магазинахъ; приходилось разыскивать ихъ у букинистовъ. Костомаровъ, Бѣляевъ и Хлѣбниковъ на меня произвели сильное впечатлѣніе. Русская исторія, дѣйствительно, сдѣлалась болѣе понятною мнѣ. Хлѣбниковъ особенно меня поразилъ новизною историческаго взгляда: я бы сказалъ теперь, что въ свое историческое изслѣдованіе онъ внесъ матеріалистическое пониманіе исторіи. Помнится, что меня тогда особенно удивилъ его тщательный анализъ экономическаго состоянія различныхъ общественныхъ группъ тогдашней Россіи.

Кромѣ работъ по исторіи, мнѣ предстояло еще познакомиться съ изслѣдованіями, касающимися различныхъ сторонъ современной русской дѣйствительности—общины, обычнаго права, раскола и сектантства и пр. Я со всѣмъ этимъ справился, а остальное додѣлали товарищи, кружки и сходки. Къ веснѣ 1874 года я былъ совершенно готовъ. Я рѣшилъ оставить академію и пойти въ народъ. Предо мною встали нѣкоторыя, совершенно спеціальныя для меня затрудненія.

Я—еврей. Меня сильно смущало это обстоятельство. Какъ отнесется народъ къ моей пропагандѣ—придастъ ли онъ ей вѣру или нѣтъ? Я высказалъ свои опасенія товарищамъ. Меня успокоили тѣмъ, что изъ всѣхъ народовъ русскій народъ менѣе всего нетерпимъ въ національномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ,—во-первыхъ, а во-вторыхъ, внѣшность у меня не типично-еврейская и рѣчь совсѣмъ хорошая, а потому стоитъ-де мнѣ лишь переодѣться въ рабочій костюмъ и огрубѣть внѣшнимъ образомъ—такъ я сойду за русскаго человѣка.

Я рѣшилъ научиться ремеслу какому-нибудь, такъ какъ по слабому моемъ тѣлосложенію въ чернорабочіе я совершенно не годился. Но все-таки я рѣшилъ попытаться и съ этой цѣлью написалъ письмо къ Энгельгардту въ Смоленскую губ., въ которомъ я изложилъ ему мои мотивы, по которымъ я бы желалъ научиться крестьянской работѣ. У Энгельгардта въ то время—къ слову сказать,—ужъ работали интеллигентные люди. Суровый рабочій режимъ, въ который Энгельгардтъ съ самаго начала поставилъ «интеллигентовъ», казался мнѣ хорошей предварительной школою для будущаго пропагандиста. Я долго ждалъ отвѣта и когда онъ, наконецъ, получился, я былъ ужъ по дорогѣ на родину, гдѣ мнѣ удалось, благодаря содѣйствію хорошаго моего пріятеля К. Каца, устроиться въ деревнѣ у столяра-хохла, согласившагося за небольшую плату научить меня столярному ремеслу.

Попутно нѣсколько словъ о моемъ пріятелѣ Кацѣ.

Онъ былъ тогда (въ 1874 г.) еще очень молодой человѣкъ, но уже прекрасно начитанный, талантливый и энергичный. Онъ стоялъ очень близко къ харьковскому кружку учащейся олодежи, къ которому принадлежали и многіе семинаристы. Въ 1875 г., если не ошибаюсь, спасаясь отъ преслѣдованій правительства, Кацъ бѣжалъ въ Румынію и въ 1877 г. былъ обманомъ увезенъ изъ Румыніи русскимъ правительствомъ, заточенъ въ Петропавловскую крѣпость и административно сосланъ въ Мезень (Архангельской губ.). Изъ

Мезени онъ моремъ черезъ Норвегію бѣжалъ и благополучно пробрался снова въ Румынію, гдѣ онъ и остался навсегда. Въ Румыніи онъ извѣстенъ, какъ прогрессивный талантливый писатель (Геро-Доброджано).

Вотъ у этого-то Каца я устроился. Насъ, учениковъ, было тогда трое: самъ хозяинъ, Кацъ, студентъ университета Кулажко и я. Мы всѣ учились работать: Кацъ—кузнечному ремеслу, я и Кулажко—столярному. Одновременно съ этимъ я занимался гимнастикой.

Какъ я ликовалъ, когда сталъ замѣчать, что мускулы мои крѣпнутъ, а на ладоняхъ показываются мозоли. Я работалъ очень прилежно, но—увы!—работа у меня не спорилась. Въ то время, когда Кулажко черезъ 2 мѣсяца уже научился дѣлать вѣялки, я едва-едва овладѣлъ самыми элементарными пріемами: струганіемъ, пилкою и сшиваніемъ досокъ. Я былъ въ отчаяніи. Мой хозяинъ—умный хохолъ, хорошо знавшій, для какой именно цѣли я стремлюсь стать ремесленникомъ, рѣшился разъ, наконецъ, поговорить со мною по-душѣ.—«Послушайте—серьезно обратился онъ ко мнѣ, —послушайте, что я вамъ скажу! Бросьте вы, панычъ, это дѣло! Пусть вотъ они (кивнулъ головою въ сторону Кулажко) да Кацъ себѣ работаютъ: они способны къ этому, а вамъ, умному и ученому, мой добрый совѣтъ — быть докторомъ лучше всего на свѣтѣ!»

Когда я на послѣднія слова отрицательно покачалъ головою, мой хохолъ, не спуская съ меня глазъ, спокойно продолжалъ:—«Не говорите того! (Я собственно ничего не говорилъ, но онъ словно читалъ мои мысли.) И докторомъ будете—еще лучше! Будетъ васъ народъ уважать и слушать, ну, хоть-бы у насъ, въ Славянкѣ!...» Я, наконецъ, заговорилъ, сталъ ему возражать, указалъ на то, что въ положеніи врача, я, какъ баринъ, буду чужой народу, что мнѣ непремѣнно надо сдѣлаться рабочимъ. Хозяинъ слушалъ меня внимательно и когда я, взволнованный, окончилъ, онъ мнѣ спокойно отвѣтилъ:—«Нѣтъ! нѣтъ! не то вы говорите! Не знаете вы простого человѣка! Это все ваши книги мудрятъ! Перемудрили! Простому человѣку нуженъ тоже человѣкъ съ башкой да съ правдою —барчукъ-ли, мужикъ-ли—байдуже!... (Замѣчу, что хозяинъ говорилъ по-малороссійски). Вотъ что, коли хотите, скажу вамъ: будьте, фершаломъ,—право, добрый это совѣтъ! И для васъ хорошо, и для дѣла вашего тоже добре!...»

Этотъ совершенно неожиданный совѣтъ до того поразилъ меня, что я не нашелся что отвѣтить. Но мысль моего хозяина засѣла крѣпко въ моей головѣ. Мои товарищи, Кацъ и Кулажко, неоднократно возвращались къ ней и высказывали полное сочувствіе плану нашего хозяина. Мы продолжали работать, но стали замѣчать, что отношенія къ намъ хозяина начинаютъ измѣняться. Въ деревнѣ появился жандармскій унтеръ-офицеръ и сталъ собирать негласно свѣдѣнія о насъ.

Позвали въ волость крестьянку, у которой я и Кулажко столовались, допрашивали о чемъ-то и нашего умнаго учителя-столяра. Хозяйка отказала намъ вскорѣ отъ «харчей», а столяръ

нашъ совсѣмъ куда-то исчезъ—пошелъ-де работать по экономіямъ. Наконецъ, недѣли двѣ спустя къ отцу Каца заявился становой и просилъ передать намъ, что для нашего благополучія было-бы лучше всего убраться намъ изъ села. О повальныхъ арестахъ и наѣздахъ жандармски-прокурорскихъ мы были достаточно освѣдомлены. Въ сосѣдствѣ съ тѣмъ селомъ, гдѣ мы жили, былъ арестованъ одинъ изъ Жебуневыхъ. Мы рѣшили разъѣхаться.

Я вернулся въ Петербургъ уже позднею осенью. Я засталъ молодежь растерянною, но не подавленною. Молодежь, какъ я уже говорилъ, собиралась съ силами. Кружки и сходки стали возникать, но нѣсколько вяло. Но вотъ случилось одно обстоятельство, которое послужило сигналомъ къ болѣе интенсивному кружкованію молодежи съ одной стороны, и къ усиленному распространенію сходокъ—съ другой. Я говорю о студенческихъ безпорядкахъ въ м.-х. академіи. Ближайшимъ поводомъ къ нимъ послужило назначеніе на каѳедру физіологіи въ академію д-ра Ціона. Назначеніе это послѣдовало, помимо конференціи, черезъ военное министерство. Такое грубое нарушеніе правъ конференціи глубоко возмутило молодежь. Это—во-первыхъ. А, во-вторыхъ, проф. Ціонъ, хотя несомнѣнно талантливый и знающій свое дѣло физіологъ, однако, съ первыхъ шаговъ его преподавательской дѣятельности такъ себя поставилъ по отношенію къ студентамъ, что вызвалъ всеобщій дружный протестъ противъ себя всей академіи. Когда открылись лекціи, второкурсники устроили ему бурную демонстрацію, требуя отъ него, чтобы онъ немедля оставилъ академію. Второй курсъ былъ закрытъ по распоряженію академической администраціи. По инціативѣ группы студентовъ 5-го курса созвана была сходка всѣхъ студентовъ, на которой и было постановлено немедленно прекратить посѣщеніе лекцій и занятій на всѣхъ курсахъ. Назначено было слѣдствіе подъ предсѣдательствомъ, если не ошибаюсь, проф. Юнге, въ присутствіи представителя отъ блаженной памяти «третьяго отдѣленія». Человѣкъ 30-35 были привлечены къ суду, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, допрошены и отправлены въ Литовскій замокъ.

Безпорядки распространились и на другія высшія учебныя заведенія — технолог. институтъ, лѣсной и отчасти университетъ. Это были первые безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ это десятилѣтіе. Они послужили прологомъ къ цѣлому ряду студенческихъ безпорядковъ большей или меньшей силы и интенсивности, не прекращавшихся въ теченіе всего слѣдующаго пятилѣтія 70-хъ годовъ. Я отмѣчаю этотъ фактъ потому, что исторія революціоннаго движенія молодежи 70-хъ годовъ тѣсно связана и органически, такъ сказать, переплетается съ судьбами этой же молодежи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Революціонная партія, какъ извѣстно, рекрутировала свои боевыя силы, главнымъ образомъ, изъ среды учащейся молодежи; оттуда она непрерывно черпала новые элементы для пополненія выбывшихъ изъ строя старыхъ (революціонеровъ). Понятно, почему партія такъ зорко слѣдила за судьбами студенчества и всячески старалась, чтобы этотъ взлюбленный ею съ давнихъ временъ операціонный базисъ ея ре-

волюціонной дѣятельности, не былъ бы вырванъ изъ-подъ ея ногъ. Особенно партія слѣдила за броженіемъ умовъ среди студенчества и всячески стремилась использовать его въ революціонно-освободительномъ смыслѣ. Всякое студенческое движеніе вообще создавало благопріятную обстановку для возникновенія и развитія кружковъ и сходокъ, съ одной стороны, и для распространенія революціонной пропаганды—съ другой. Такъ было и въ 1874 году. За студенческими безпорядками въ м.-х. академіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ послѣдовало довольно энергичное кружковое движеніе, а съ нимъ и учащеніе сходокъ.

Жизнь молодежи снова забилась ускореннымъ темпомъ. Пропагандисты, стоявшіе во главѣ студенческихъ движеній, внесли въ эти послѣднія энергію революціонной мысли и воли, вывели ихъ изъ тѣсныхъ рамокъ учебныхъ интересовъ на широкій путь народно-революціонныхъ интересовъ. Пропаганда соціалистическихъ идей среди молодежи усилилась, движеніе въ народъ возродилось. Какъ и прежде, ближайшими инстанціями, къ которымъ аппелировала молодежь при обсужденіи всѣхъ злободневныхъ вопросовъ пропаганды, были кружки и сходки. Я долженъ здѣсь отмѣтить одну характерную черту тогдашнихъ сходокъ и кружковъ, это—ихъ солидность, серьезность и вдумчивость. Вопросы не рѣшались теперь съ такимъ апломбомъ, какъ въ предыдущемъ году, наоборотъ: молодежь стремится отдать себѣ ясный отчетъ во всемъ, вникаетъ въ суть самого дѣла. Рефераты, которые въ то время читались, были положительно превосходны; нѣкоторые изъ нихъ, впослѣдствіи, въ переработанномъ видѣ нашли себѣ мѣсто въ нашихъ лучшихъ журналахъ.

Я съ особеннымъ удовольствіемъ припоминаю рефераты о Прудонѣ и объ исторіи соціалистическихъ ученій въ Европѣ (послѣдній рефератъ былъ составленъ, если не ошибаюсь, по Л. Штейну). На меня зима 1874-75 гг. произвела вообще благопріятное впечатлѣніе. Нѣкоторые представляютъ это время унылымъ, подавленнымъ. Я не могу согласиться съ этимъ. Правда, прежняго порыва и экстаза не было, но зато чувствовалось, что подъ наружной апатіей скрывается что-то новое, мощное и увѣренное, что это новое надвигается и уже готово появиться на свѣтъ.

Когда студенческіе безпорядки въ м.-х. академіи завершили полный циклъ своего развитія, т. е. когда проф. Ціонъ былъ, по нашему требованію, удаленъ изъ академіи, когда арестованнымъ по этому дѣлу товарищамъ нашимъ дали полную амнистію,—я рѣшилъ тогда окончательно распроститься съ академіей. Меня тянуло всѣми силами въ народъ. Я рѣшилъ поселиться гдѣ-нибудь въ деревнѣ въ качествѣ фельдшера. Друзья мои и товарищи вполнѣ одобрили мой планъ. Я завелъ по этому поводу переписку съ знакомымъ врачомъ. Тѣмъ временемъ я принялъ приглашеніе отъ хорошо извѣстнаго мнѣ врача, М. М. С—ча, погостить у него нѣкоторое время въ д. Буригахъ (Псковской губ.), гдѣ онъ завѣдывалъ больницей при общинѣ св. Магдалины. Я торопился уѣхать изъ Пе-

тербурга, такъ какъ опасался административной высылки изъ столицы за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ. Помню хорошо послѣдній день, который я пробылъ въ Петербургѣ. День выдался на славу, чудесный, солнечный. Морозило. Я и другъ дѣтства, впослѣдствіи товарищъ по «Землѣ и Волѣ», Алекс. Хотинскій, сидѣли въ Лѣтнемъ саду, наблюдая гуляющихъ. Я былъ въ какомъ-то мечтательномъ настроеніи. Положительный другъ мой, замѣтивъ это, взглянулъ на меня лукаво и сказалъ: «Ну, а что, Осипъ, если черезъ годъ или два тебѣ захочется опять сюда, назадъ, въ культурную среду, подышать культурнымъ воздухомъ, а?.. полюбоваться вотъ этими (онъ кивнулъ головою по направленію гулявшихъ дамъ и дѣвицъ)?..» Какъ не неожиданъ былъ для меня вопросъ моего друга, но я на него сразу совершенно спокойно отвѣтилъ: «Никогда... Этого не должно быть, Александръ!..»—«Значитъ, сжегъ всѣ корабли?..» Я молча кивнулъ утвердительно головой. На другой день мы разстались: Хотинскій уѣхалъ въ Симбирскую, я—въ Псковскую губернію.

Я попалъ въ совершенно необычайную для меня обстановку. Больница, какъ я уже упомянулъ, находилась при общинѣ сестеръ милосердія, основанной на средства княжны М. М. Дондуковой-Корсаковой. Княжна, къ слову сказать, стояла тогда во главѣ «пашковскаго» толка. Въ общинѣ господствовалъ монашескій, крайне ригорическій режимъ. Акафисты утромъ и вечеромъ. Сестры не только ухаживали за больными, подъ руководствомъ врача, но должны были вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть разнообразныхъ работъ по большому хозяйству общины. Сестры, старшія и младшія, рекрутовались исключительно изъ крестьянской среды. Тамъ были сестры не только изъ Псковской, но и изъ другихъ губерній.

Чтобы не сидѣть, сложа руки, я сталъ помогать д-ру С—чу по больницѣ. Работы было очень много, потому что кромѣ больницы при общинѣ была еще небольшая больничка на 10-12 кроватей, особо устроенная земствомъ спеціально для сифилитическихъ женщинъ и дѣтей. На обязанности врача лежало не только завѣдываніе общей больницей общины, но и сифилитической больницей земства, а равно еще большимъ врачебнымъ участкомъ. Я вскорѣ вошелъ въ курсъ дѣла и, д-ръ С—чъ предоставилъ мнѣ обѣ больницы почти въ самостоятельное завѣдываніе.

Я энергично взялся за дѣло, и оно спорилось у меня, да къ тому работа эта мнѣ, какъ новичку еще, доставляла большое удовольствіе. Разъ или два раза въ недѣлю я еще читалъ сестрамъ лекціи по анатоміи, физіологіи и малой хирургіи.

Я сказалъ уже, что въ общинѣ господствовалъ суровый религіозный порядокъ. Для меня, какъ еврея и интеллигентнаго человѣка, это былъ совершенно новый міръ. Я невольно заинтересовался имъ. Посѣщалъ обѣдни, былъ даже на акафистахъ, началъ читать Евангеліе, котораго раньше совсѣмъ не зналъ. Въ свободное время я бесѣдовалъ съ сестрами на разныя темы, но по необходимости, въ силу основного тона жизни въ общинѣ, наши бесѣды такъ или иначе сводились на сложныя религіозныя проблемы.

Между сестрами рѣзко выдѣлялась одна изъ младшихъ сестеръ, Прасковья Бухарицина или, какъ мы всѣ ее проще называли, Параша. Это была чудная дѣвушка. Дочь крестьянина Саратовской губ., она была послана въ общину отцомъ для того, чтобы научиться уходу за больными, чтобы затѣмъ эти познанія свои примѣнить къ своимъ-же односельчанамъ. Семья Параши, какъ я узналъ изъ ея словъ, была хорошей интеллигентной зажиточной семьей, въ которой всѣ дѣти были грамотны; тамъ царили согласіе и миръ и безусловная трезвость (вино не допускалось даже по праздникамъ). Параша отличалась глубокой религіозностью—не формальной, обрядовою—нѣтъ! а дѣловою, дѣятельною, толкающей людей на великіе подвиги любви и самоотреченія. Мистическаго элемента въ ней и помину не было. Цѣльная, словно выточенная вся изъ одного куска, она смотрѣла на міръ здраво, реально, какъ истая дочь русскаго крестьянина. Но въ свой реализмъ она вносила такъ много душевной красоты, такъ много безсознательнаго величія, что этой простой, скромной на видъ дѣвушкѣ удивлялись: она положительно покоряла всѣ сердца, всѣ любили и глубоко уважали ее. Злословіе, сплетни, грязь житейская, столь свойственныя такимъ закрытымъ и замкнутымъ учрежденіемъ, какъ община, не коснулись Параши. Она была со всѣми, но выше всѣхъ. И притомъ, сама не сознавала всей своей силы, своей душевной красоты. Я не встрѣчалъ больше въ деревнѣ такой красоты, да и въ интеллигентной средѣ такія индивидуальности—большая, очень большая рѣдкость. Я глубоко сожалѣю, что не обладаю хоть крошечнымъ художественнымъ талантомъ, чтобы нарисовать чудный образъ этой крестьянской дѣвушки.

По внѣшности она не была красивой. Это была плотная, средняго роста, крѣпко сложенная дѣвушка, смуглая, съ темно-карими, умными добрыми глазами. Ей было, помнится, не болѣе 23 лѣтъ. Между мною и ею вскорѣ установились хорошія отношенія, какія устанавливаются обыкновенно между людьми идейными. Я говорю «идейными», потому что Параша была идейный человѣкъ. Между моимъ идейнымъ содержаніемъ и идейнымъ содержаніемъ Параши была, правда, громадная разница:—я соціалистъ, а Параша христіанка, но эмоціональная основа у насъ была общая; и я тогда не думалъ о себѣ, готовъ былъ на возможныя жертвы, а Параша была вся—одно самопожертвованіе. Наша добрая дружба росла съ каждымъ днемъ, не вызывая ни въ комъ ни ревности, ни досады. Въ свободное отъ работы время между мною и Парашей происходили длинныя бесѣды. Предметомъ ихъ былъ прежде всего соціализмъ. Я сталъ ее знакомить съ сущностью этого ученія, съ его задачами и цѣлями; разсказалъ ей о нашемъ пропагандистскомъ движеніи, о стремленіяхъ нашей интеллигенціи и о жертвахъ, ею уже принесенныхъ.

Параша слушала меня обыкновенно очень внимательно, напряженно, вдумываясь въ каждое мое слово, каждое мое положеніе, каждую мою мысль. Вначалѣ она туго поддавалась моему вліянію. Сдержанно, но упорно она отстаивала свои взгляды, свои понятія. Она оперировала исключительно своимъ здоровымъ смы-

сломъ, прекраснымъ знаніемъ крестьянскаго житья-бытья и Евангеліемъ, какъ верховнымъ, нравственно-религіознымъ критеріемъ всего сущаго. Она соглашалась, что положеніе народа, дѣйствительно, тяжелое, но не въ такой уже степени, какъ мы, молодежь, представляемъ себѣ это. Ему лучше, чѣмъ въ крѣпостное время, и онъ благословляетъ царя за волю. Параша была безусловно противъ насилія, бунта, и «народъ тоже не пойдетъ на это дѣло,—говорила она—народъ смиренъ, боится бога и почитаетъ царя; если бывали бунты, то все это отъ народной темноты, бунтъ—несчастіе».... И раскрывая Евангеліе, Параша прочитывала мнѣ тѣ мѣста священнаго писанія, которыя требуютъ смиренія, повиновенія властямъ. Мнѣ оставалось одно—вооружиться ея же оружіемъ и направить его противъ нея же. Я сталъ не читать только, а изучать Евангеліе: я читалъ и перечитывалъ его одинъ и вмѣстѣ съ Парашей. Я полюбилъ это ученіе, но незамѣтно для себя я сталъ вносить въ него то, что мнѣ было дорого, то, чѣмъ я тогда былъ живъ—соціализмъ, и какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мое собственное же твореніе объективировалось для меня какъ нѣчто независимое отъ меня,—и я сталъ считать Евангеліе императивомъ для себя, императивомъ, которому я долженъ повиноваться, въ силу присущихъ самому Евангелію повелѣній. Параша торжествовала. Я становился для нея христіаниномъ. Но того она не замѣтила, что Евангеліе стало въ моихъ рукахъ орудіемъ пропаганды соціалистическихъ идей, что само Евангеліе превратилось въ соціализмъ и, отдавшись моему пониманію Евангелія, она сама стала соціалисткой. Я пошелъ дальше. Параша отличалась незаурядными умственными запросами, и я рѣшилъ по мѣрѣ возможности удовлетворить ихъ. Я началъ съ нею читать. Кромѣ нелегальныхъ, изъ которыхъ особенно сильное впечатлѣніе на нее произвела брошюра долгушинцевъ: «Какъ жить по закону природы и правды»,—я прочелъ съ нею все лучшее, что было у меня подъ руками изъ нашей беллетристики и по революціоннымъ движеніямъ на Западѣ.

Параша съ каждымъ днемъ выростала. Она рѣшила сократить время пребыванія своего въ общинѣ—тѣмъ болѣе, что подъ моимъ руководствомъ она много успѣла уже, какъ сестра милосердія—и лѣтомъ же отправиться къ себѣ на родину, въ свое родное село, и тамъ испытать свои силы на революціонно-пропагандистскомъ пути. По прежнему она осталась мирною и признавала только мирную пропаганду, продолжительную и постоянную.

Въ то время, когда складывались мои отношенія къ Парашѣ, въ больницѣ лежалъ крестьянинъ Ярославской губ., Даниловскаго уѣзда, Иванъ Мурашковъ. Это былъ разбитной, смышленный, живой и остроумный ярославецъ-лѣпщикъ. Парень, что называется, бывалый: бывалъ въ столицахъ и во многихъ городахъ. Иванъ—полная противоположность Парашѣ. Иванъ—экспансивенъ, подвиженъ, легко воспріимчивъ, слабохарактеренъ. Параша—натура глубокая, сдержанная, твердая, какъ сталь. Иванъ сильно привязался къ намъ обоимъ. Параша смотрѣла на Ивана сверху внизъ, но не безъ нѣжности, какъ старшая сестра, пожалуй, хотя она была

много моложе Ивана. Она частенько говорила мнѣ:—«Осипъ Васильевичъ, Иванъ—слабый человѣкъ, безъ васъ онъ сопьется, ему нельзя всего сказать... За нимъ нуженъ присмотръ... Онъ бѣгаетъ по деревнѣ и болтаетъ много... Какъ бы чего-нибудь не вышло...»

Дѣло въ томъ, что Иванъ, по выздоровленіи своемъ, былъ постояннымъ соучастникомъ моихъ бесѣдъ и занятій съ Парашей и, надо ему отдать справедливость, довольно скоро усвоилъ суть моего курса по пропагандѣ. Понявши по своему мою пропаганду, Иванъ, ничто-же не сумняшеся, пустилъ ее тутъ же въ обращеніе среди больныхъ крестьянъ въ лечебницѣ, во-первыхъ, а потомъ и среди здороваго крестьянства на селѣ—во-вторыхъ. Въ головѣ Ивана соціализмъ преломился,—казалось мнѣ тогда—совершенно своеобразнымъ образомъ: онъ переложилъ его на языкъ, такъ сказать, непосредственныхъ народныхъ требованій и понятій. Со свойственнымъ ему природнымъ юморомъ и живостью, онъ развертывалъ передъ слушателями яркую картину мужицкой обездоленности; и земли не хватаетъ, и подати большія, и начальство прижимаетъ, и кулакъ заѣдаетъ, и подрядчикъ разоряетъ и т. д., и т. д.

А потому-де съ ними, «кровопивцами», и церемониться нечего: воевать съ ними надо, цѣлымъ міромъ, не жалѣючи живота!... Рѣчи Ивана дѣйствовали сильно: его «словечки и примѣры попадали прямо въ цѣль... Къ сожалѣнію, Иванъ любилъ временами заворачивать въ кабакъ, гдѣ и давалъ волю своему «злому языку». Его по-неволѣ приходилось попридерживать, дабы «чего не вышло», по словамъ Параши.

Наступила весна 1875 года. Я получилъ, наконецъ, столь желанное мѣсто фельдшера въ пензенской губерніи. Условія были вполнѣ подходящія; я за эти 4 мѣсяца работы въ Буригахъ напрактиковался, а потому рѣшилъ уѣхать и собрался въ путь. Здѣсь же оставаться дольше не представлялось для меня удобнымъ. Во 1-хъ потому что служебное мое положеніе было здѣсь неопредѣленно: студентъ выпускного курса, работалъ даромъ, безъ жалованья, какъ-бы мимоходомъ. Правда, я пользовался въ общинѣ большимъ уваженіемъ и авторитетомъ, но этого все-таки было недостаточно: полицейскія власти, пронюхавъ, что въ Буригахъ живетъ студентъ «безъ опредѣленныхъ занятій», стали наѣзжать... Пошли темные слухи. На Пасхѣ Иванъ разошелся... Пріѣхалъ исправникъ, долго шептался съ начальницей общины. О чемъ они толковали—осталось для всѣхъ тайною. Но ни меня, ни Ивана пальцемъ не трогали.

Княжна М. М. Дондукова-Корсакова была слишкомъ важная особа, чтобы посмѣть въ ея общинѣ произвести обыскъ или арестъ. Но это, во 2-хъ, ускорило мой отъѣздъ: лучше самому убраться по добру и здорову, чѣмъ бы тебя попросили «пожаловать».. Я распрощался съ Иваномъ и Парашей.

Прощаніе съ Иваномъ потрясло насъ—меня и Парашу: онъ истерически рыдалъ, обнимая насъ. Мы проводили его за околицу и тамъ, при послѣднемъ прощаніи, онъ совершенно «ослабъ», какъ выразилась Параша: онъ упалъ на землю и долго судорожно

всхлипывалъ. Съ большимъ трудомъ мы его успокоили. Онъ, чужой въ этой сторонѣ, батракъ, дѣйствительно, всей душою привязался къ намъ. Я направилъ его въ Петербургъ, снабдилъ его деньгами и далъ ему вѣрный адресъ, по которому онъ долженъ былъ-бы меня разыскать. Но я больше съ нимъ не встрѣчался. Я писалъ на родину его, но и оттуда ничего хорошаго не получилъ: «плутаетъ—писалъ мнѣ какой-то деревенскій литераторъ,—плутаетъ безпутный человѣкъ... Семья съ голода пухнетъ»... Пропалъ, должно быть, «слабый человѣкъ»...

Совсѣмъ иначе я попрощался съ Парашей: сдержанно, спокойно, но трогательно.

Тихимъ, но твердымъ голосомъ она попросила меня, чтобы я лѣтомъ навѣстилъ ее у родныхъ («какъ рады ужъ будутъ наши!» говорила Параша), причемъ самымъ дѣловымъ образомъ снабдила меня подробнымъ маршрутомъ туда и дала мнѣ адресъ для писемъ. Община и деревушка тоже сердечно распрощались со мною. Я оставилъ общину и Буриги бодрый, съ сильно-приподнятымъ настроеніемъ. Эти 4 мѣсяца не пропали для меня даромъ: я кое-чему научился, я сталъ довѣрять моимъ силамъ. А прошлое мое мнѣ казалось такимъ жалкимъ и малымъ!...

Это была весна моей пропагандистской жизни.

Въ Петербургѣ я повидался съ моими товарищами, съ которыми я подѣлился моими новыми деревенскими впечатлѣніями. Товарищи вообще относились хорошо ко мнѣ и раньше, во время моего студенчества (я, къ слову сказать, начиная съ 3 курса безсмѣнно состоялъ членомъ библіотечной комиссіи), а теперь, послѣ того, какъ я отказался отъ диплома и ушелъ въ народъ, симпатіи и уваженіе ко мнѣ товарищей еще больше возросли. Мнѣ потомъ, уже много лѣтъ спустя, передалъ одинъ изъ врачей, бывшихъ моихъ товарищей по академіи, что выходъ мой изъ академіи наканунѣ, такъ сказать, полученія мною званія врача, произвелъ прямо «фуроръ» среди студентовъ. Моему примѣру послѣдовало нѣсколько товарищей выпускного курса (между ними былъ и Мошковъ, талантливый молодой человѣкъ, хорошій анатомъ), а равно многіе изъ первыхъ двухъ курсовъ.

Товарищи съ большимъ интересомъ слушали мои сообщенія о мужикѣ, о деревнѣ и проч. и сердечно напутствовали меня на дальнѣйшую работу. Только двое изъ товарищей, покойные Семяновскій и М. Ю. Гольдштейнъ (послѣдній убитъ въ прошломъ году погромщиками въ Архангельскѣ), уловили черезчуръ приподнятое, экзальтированное мое настроеніе. О разговорѣ моемъ съ Е. Семяновскимъ я выше говорилъ, что же касается М. Ю. Гольдштейна, съ которымъ я былъ въ близкихъ отношеніяхъ, то онъ, вполнѣ соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ о значеніи Евангелія въ пропагандѣ, любовно предостерегалъ меня... отъ совсѣмъ другого: —«Вы, А—нъ, очень возбуждены! Берегите свои нервы!.. Какъ-бы не наступила тяжелая реакція: упадокъ энергіи и... горькое разочарованіе?!...»—Это случилось, но много лѣтъ спустя...

Я, дѣйствительно, тогда былъ экзальтированъ, при томъ еще и въ религіозномъ отношеніи. Это было сложное и довольно-таки

путанное душевное состояніе, въ которомъ рядомъ уживалось реально - соціалистическое міросозерцаніе съ евангелически-христіанскимъ.

Можетъ быть, здѣсь, помимо моей воли, на меня дѣйствовала совершенно необычная для меня религіозно - монашеская обстановка общины, можетъ быть, не послѣднюю роль здѣсь играла Параша, можетъ быть, наконецъ, это было инстинктивное стремленіе слиться духовно съ народомъ, съ тѣмъ народомъ, которому я былъ чуждъ по крови и вѣрѣ, но который приметъ меня, если я буду одной съ нимъ вѣры.

И дѣйствительно. Въ Петербургѣ я рѣшилъ прежде, чѣмъ поѣхать въ деревню, принять православіе. Никто изъ близкихъ и товарищей не зналъ этого, хотя ужасно удивились, когда разъ застали меня погруженнымъ въ молитвенникъ и катехизисъ. Крещеніе мое состоялось. И скажу вамъ: я почувствовалъ себя тогда словно обновленнымъ. «Я иду въ народъ—думалъ я—не евреемъ ужъ, а христіаниномъ, я пріобщился къ народу!...»

Въ Петербургѣ мнѣ повезло. Передъ тѣмъ, какъ совсѣмъ уѣхать, я вдругъ неожиданно на улицѣ встрѣтился съ Парашей. Какая радость была! Она повела меня къ себѣ,—кажется, по набережной Фонтанки. Параша сообщила мнѣ, что ѣдетъ домой. Я разсказалъ ей, что на-дняхъ только я принялъ крещеніе, лицо ея засіяло. Мы провели три славныхъ дня вмѣстѣ. Я таскалъ къ ней всякую нелегальщину и мы вмѣстѣ все это прочитывали. Въ послѣдній день она снова попросила меня, чтобы я пріѣхалъ къ ней въ деревню.—«А, можетъ быть, и останетесь у насъ докторомъ (званіе «фельшера» ее коробило), хорошо будетъ, О. В!...» Я ей отвѣтилъ, что сейчасъ я связанъ словомъ, но моя жизнь такова, что мнѣ придется блуждать по міру и—кто знаетъ? «можетъ быть, судьба заброситъ меня къ вамъ, Прасковья Мироновна! Тогда вмѣстѣ и работать будемъ—а пока надо врозь!...» Мы распрощались. Судьба, дѣйствительно, безцеремонно швыряла меня туда и сюда по всей обширной и необъятной Россіи, но ни разу не выбросила она меня на ту пристань, гдѣ жила и работала моя первая ученица, Параша!..

Я нѣсколько разъ писалъ ей, но отвѣты ея не доходили до меня. Такъ я ее потерялъ навсегда...

Я устроился въ с. Муратовкѣ, Мокшанск. уѣзда, Пензенской губ., устроился хорошо. Врачъ, завѣдывавшій больницей и участкомъ, оставилъ службу, не поладивъ съ либераломъ-предсѣдателемъ. Для допотопнаго коллеги «либералы», къ которому онъ и меня причислилъ, представляли собою что-то дьявольски-опасное, отъ чего надо бѣжать, не оглядываясь. Я остался одинъ фактически отвѣтственнымъ лицомъ за больницу и весь медицинскій участокъ, хотя оффиціально считался лишь фельдшеромъ на жалованьѣ въ 15 р. въ мѣсяцъ. Другой фельдшеръ, способный малый, сорви-голова, тоже вскорѣ оставилъ службу. Я, такимъ образомъ, остался совершенно одинъ. Тѣмъ лучше. Больница была старая, ветхая,

совершенно запущенная. Въ короткое время, благодаря содѣйствію предсѣдателя, мнѣ удалось вычистить Авгіевы конюшни и привести ихъ въ надлежащій порядокъ. Больница стала наполняться, амбулаторія—расти. Я вскорѣ сдѣлался популярнымъ, какъ фельдшеръ, про меня говорили, что я «бытто коренной» (т. е. настоящій докторъ, а не фельдшеръ). Моихъ паціентовъ очень заинтересовали мои методы изслѣдованія (это здѣсь было тогда совершенно новое явленіе): выстукиваніе, выслушиваніе, термометрія и проч. При изслѣдованіи какого-либо больного—на дому-ли или въ амбулаторіи —все равно —муратовцы окружали меня и зорко слѣдили за моими дѣйствіями, обнаруживая свое удивленіе порою мѣткими возгласами:— «Ишь ты—зыкъ (звукъ) совсѣмъ не тотъ, кровь, видно, привалила!...» Ихъ все интересовало. Муратовцы—бывшіе крѣпостные, народъ смирный, добродушный и покорный. Мое простое, гуманное обращеніе и добросовѣстность въ работѣ расположили ихъ вскорѣ ко мнѣ. Отношенія устанавливались хорошія. Работалось хорошо, бодро. Моя работа дала мнѣ возможность познакомиться съ народомъ—наблюдать его, изучать его изъ непосредственнаго, такъ сказать, источника. Меня все интересовало. Вѣдь раньше я совсѣмъ не зналъ народа! И вотъ и въ больницѣ, и въ амбулаторіи, и на дому у паціентовъ—между дѣломъ—у насъ завязывались разговоры, бесѣды по поводу того или другого событія семейнаго или деревенскаго. Муратовцы почуяли въ моихъ вопросахъ, разспросахъ не пустое любопытство досужаго человѣка, а что-то другое, заставляющее этого человѣка,—отнюдь не досужаго, а работящаго,—близко къ сердцу принимать ихъ деревенскіе интересы, ихъ простое житье-бытье. И они сами очень охотно вступали со мною въ разговоръ, предупреждая, такъ сказать, мои вопросы, мои желанія. Я рѣшилъ придать нашимъ случайнымъ бесѣдамъ болѣе правильный характеръ, внести въ нихъ нѣкоторую систему. И вотъ, по праздникамъ, а зимою и по буднямъ, я устраивалъ при больницѣ что-то вродѣ клуба. Мѣстомъ сборища служила большая палата для выздоравливающихъ, куда собирались мужики и бабы изъ села, нерѣдко даже съ своими чадами. Здѣсь происходили наши бесѣды. На бесѣдахъ этихъ, само собою, присутствовали лежащіе въ этой палатѣ выздоравливающіе больные, заходили сюда и выздоравливающія женщины, неотлучно присутствовала здѣсь также и палатная прислуга. Бесѣды наши отличались большимъ разнообразіемъ. То мы просто «калякали», причемъ я въ такихъ случаяхъ игралъ лишь пассивную роль—слушалъ, о чемъ говорятъ мужики и бабы, задавая имъ порою тѣ или другіе вопросы или вставляя то или иное замѣчаніе. То дирижирующая роль переходила всецѣло ко мнѣ—и тогда я разсказывалъ имъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, читалъ имъ вслухъ книги, легальныя и нелегальныя. Мои устныя бесѣды и чтенія вообще пришлись по душѣ моимъ слушателямъ и они охотно поддерживали нашъ клубъ. Я имѣлъ тогда ужъ нѣкоторый опытъ, а потому безъ особаго труда приспособился къ моей аудиторіи. Я читалъ имъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“, «Хитрую механику», «Сказку о копейкѣ», «Какъ надо жить по законамъ пророды и

правды», «Емельяна Пугачева», «Исторію одного крестьянина» и пр. Прежде чѣмъ приступить къ чтенію этихъ брошюръ, я предварительно самъ перечитывалъ ихъ внимательно, передѣлывая нѣкоторыя мѣста или совсѣмъ выключая изъ нихъ все то, что могло покоробить чувство моихъ простыхъ слушателей. Этому меня научилъ мой предыдущій опытъ въ Екатеринославск. и Псковск. губ.

Я замѣчалъ, что рѣзкія выходки противъ царя или религіи (послѣднихъ въ брошюрахъ было вообще мало) дѣйствовали крайне непріятно на крестьянъ; также сильно смущали ихъ энергичные призывы къ бунту, возстанію. Вообще, я замѣтилъ ужъ тогда, какъ чутко народъ относится къ правдѣ и какъ его коробитъ отсутствіе чувства мѣры. Беру наугадъ нѣсколько примѣровъ. Въ Пензенской губ. еще живо было тогда преданіе о пугачевскомъ бунтѣ или, какъ пензяки выражались, о «Пугачѣ». Мнѣ называли старуху, которая тогда была еще жива и хорошо помнила «Пугача», т. е. не самаго Пугачева, а бунтъ, связанный съ именемъ Пугачева. Казалось бы, что книжка о «Емельянѣ Пугачевѣ» должна была бы произвести впечатлѣніе. Ничуть.

Ореолъ, которымъ авторъ окружилъ Пугачева, остался непонятенъ мало-культурнымъ пензякамъ, и только при словесной бесѣдѣ, когда мнѣ удалось развернуть предъ ними картину крестьянской жизни во время царствованія Екатерины II, пензяки уяснили себѣ громадное значеніе этого народнаго бунта, совершенно независимо отъ личности «Пугача». Мои пензяки были страшно поражены, когда узнали, какая масса земель была расхищена казною и подарена «господамъ». Чтобы ихъ вполнѣ убѣдить въ правдѣ моихъ словъ, я принесъ Романовича-Славатинскаго (Исторія русскаго дворянства) и оттуда вычиталъ имъ соотвѣтственныя мѣста. Объемистая книга, а не тощая книжечка, подѣйствовала на слушателей моихъ весьма убѣдительно.

«Сказка о четырехъ братьяхъ», предварительно процензурованная мною, слушалась вообще очень охотно, но какъ «сказка» —и только. Съ особеннымъ напряженнымъ вниманіемъ слушала меня моя аудиторія, когда я имъ читалъ: „Какъ надо жить по закону природы и правды». Когда я заявилъ, что буду читать про «Николу», по палатѣ раздался одобрительный возгласъ: «Цитай, ну, цитай... Василицъ!...» (муратовцы „цокали").

По мѣрѣ того, какъ наши «бесѣды» подвигались впередъ, истинный ихъ характеръ сталъ само собой все болѣе и болѣе выясняться и, наконецъ, окончательно опредѣлился. Нелегальная литература мало-по-малу отодвинулась на задній планъ, а потомъ и совсѣмъ исчезла изъ программы нашего курса пропаганды. Для пропаганды у насъ нашлись другіе болѣе дѣйствительные способы. Я захватилъ съ собою изъ Петербурга глобусъ и небольшую коллекцію картограммъ, составленныхъ, если не ошибаюсь, главнымъ штабомъ. По этимъ нагляднымъ картамъ я знакомилъ моихъ слушателей съ географіей, этнографіей, съ земледѣльческимъ и промысловымъ характеромъ нашей родины. Солидные мужики особенно интересовались этими чтеніями и нерѣдко сами обращались ко мнѣ съ просьбою читать «по планту», т. е.

по картамъ. Аграрный вопросъ, конечно, болѣе всего захватывалъ ихъ. Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слушали меня мои муратовцы, когда я имъ на картѣ показывалъ ихъ Пензенскую губ., разсказывалъ имъ, сколько въ этой губерніи всѣхъ земель—государственныхъ („казенныхъ"), «господскихъ» и крестьянскихъ; сколько въ губерніи лѣсу и другихъ угодьевъ!..

Помню, какъ одинъ изъ больныхъ моихъ, раньше ничѣмъ особенно не обнаруживавшій своего интереса, вдругъ обратился ко мнѣ съ просьбою:—«ты, Василицъ, ужъ будь ласковъ, запиши все это, цыфирки эти, на грамотку, я это старикамъ нашимъ покажу!..» (больной былъ изъ другой деревни).

Порою дѣло не обходилось и безъ курьезовъ и совершенно неожиданныхъ сужденій, которыя, вначалѣ, пока я не привыкъ смущали и огорчали меня. Какъ то разъ я былъ въ ударѣ. Съ «плантомъ» въ рукахъ я развернулъ предъ моей аудиторіей картину будущаго соціальнаго строя, долженствующаго воцариться у насъ послѣ народнаго возстанія, когда самъ народъ сдѣлается хозяиномъ всѣхъ земель, лѣсовъ и водъ. На самомъ, такъ сказать, интересномъ мѣстѣ меня вдругъ прервалъ одинъ изъ моихъ слушателей торжествующимъ возгласомъ:—«Вотъ будетъ хорошо, какъ землю-то подѣлимъ! Тогда я принайму двухъ работниковъ, да какъ заживуто!..» Признаться, въ первую минуту этотъ неожиданный аргументъ меня совершенно сбилъ съ толку, и весь мой соціалистическій пылъ разлетѣлся, словно меня ушатомъ холодной воды окатили. Но, опомнившись, я указалъ моему слушателю всю безсмыслицу его сужденій, при чемъ не удержался и впустилъ ему такую шпильку, что вся аудиторія разразилась здоровымъ дружнымъ смѣхомъ. И, однако, я получилъ урокъ, хорошій урокъ, о которомъ я нѣсколько дней подрядъ думалъ.

Муратовцы любили слушать не только «науку» (собственное ихъ выраженіе), но и чтеніе нѣкоторыхъ нашихъ беллетристовъ-народниковъ. «Сила солому ломитъ» Наумова особенно нравилась имъ.—«Словно про насъ писано, не сказка, а быль», говорили они по поводу этого разсказа. Наумовъ обыкновенно служилъ поводомъ къ самому живому обмѣну мыслей. Разговоръ незамѣтно переходилъ на свои дѣла, семейныя и общественныя. Мужики жаловались на малоземелье, «тѣсноту», тяготу податей, на «барщину» (это слово тогда еще было въ ходу у пензяковъ; этимъ терминомъ они опредѣляли всяческія свои хозяйственныя отношенія къ помѣщикамъ, «господамъ»), на прижимки властей, на семейные раздѣлы и т. д. и т. д. Женщины жаловались на свое горькое «бабье житье», на своеволіе «старшихъ» въ семьѣ («работаешь, работаешь, а младенцу молока жалѣютъ, крицитъ въ истошный голосъ, а кормить нецѣмъ»... и т. д.). На меня эти бесѣды дѣйствовали поразительно освѣжающимъ образомъ. Не я уже училъ ихъ, моихъ учениковъ, а они меня. Точнѣе будетъ сказать: это были «классы взаимнаго обученія». Въ своихъ дѣлахъ мужики разбираются, можно сказать, артистически. Я отъ нихъ узнавалъ много такого, чему меня книги врядъ-ли научили-бы: какъ напр., совершаются «передѣлы», «разверстки тяголъ», семейныя дѣлежки, брачные договоры и пр. и пр.

Предо мною не скрывали ничего, не лукавили со мною, не играли политику, и я, такимъ образомъ, мало-по-малу знакомился съ тѣмъ народомъ, о которомъ я раньше почти ничего не зналъ; узнавалъ этотъ народъ не изъ «прекраснаго далека», а изъ самой непосредственной близи. И если раньше я чувствовалъ къ народу симпатію, то это была симпатія только головная, теперь-же я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался къ нему,—я бы сказалъ: чисто физической привязанностью. Я просто любилъ сидѣть около него, этого нескладнаго сѣраго, довольно-таки грязнаго пензяка. Мнѣ доставляло величайшее удовольствіе, когда какой-нибудь большой бородатый мужикъ при встрѣчѣ со мной бралъ мою руку въ свою огромную ладонь и, добродушно ухмыляясь, говорилъ:—«И рука же у тебя, Василицъ, крохотная, и самъ ты такой цыпленоцекъ!» Мнѣ все тогда нравилось въ народѣ, мнѣ все любо было. Настроеніе у меня было бодрое. Я работалъ много, но устали не зналъ. Работа меня удовлетворяла. Каждый разъ предо мною открывались все новыя и привлекательныя для меня стороны народнаго характера, народной психологіи. Про великана Антея говорятъ, что онъ, при прикосновеніи къ землѣ становился съ каждымъ разомъ все сильнѣе и сильнѣе. Я—не Антей, но при прикосновеніи съ мужикомъ каждый разъ чувствовалъ все большій и большій приливъ моральныхъ силъ. Такъ на меня дѣйствовала среда крестьянская. Наши «бесѣды» продолжались своимъ чередомъ. Нерѣдко слушатели мои просили меня прочитать что-нибудь про «божественное». Я тогда брался за Евангеліе. Я самъ любилъ Евангеліе. Я зналъ его тогда почти наизусть, и въ моихъ рукахъ оно превратилось въ орудіе пропаганды. Противорѣчія и недомолвки я умѣлъ примирять и пополнять. Въ Царе́вщинской волости, куда муратовцы принадлежали, было нѣсколько селъ, сплошь населенныхъ молоканами. Эти села тоже входили въ мой врачебный участокъ, и молокане охотно лѣчились у меня. Скажу здѣсь попутно, что пензенскіе молокане мнѣ не особенно нравились, я ихъ менѣе любилъ, чѣмъ православныхъ. Они слишкомъ застыли на своей догмѣ, окаменѣли, гордясь тѣмъ, что обрѣли якобы «правду» и презрительно относились къ окружающему ихъ православному населенію. Случалось, что и молокане попадали на наши бесѣды, тогда наши бесѣды особенно оживлялись, особенно при чтеніи Евангелія. Между молоканами попадаются знатоки библіи и Евангелія,—вообще св. писанія. Молокане тоже ловкіе діалектики, и, понятно, съ такими слушателями имѣть дѣло особенно интересно, хотя порою и не такъ то легко, какъ съ менѣе интеллигентными.

Зная все это, я за́годя подготовлялся: въ свободное время читалъ и перечитывалъ библію, пророковъ, а Евангеліе, какъ уже сказалъ, я и такъ хорошо зналъ. А потому, я принималъ бой безъ страха. Когда, бывало, мой горячій оппонентъ - молоканинъ опрокидывался на меня тяжелой артиллеріей цитатъ изъ св. писанія, о которыхъ, сознаюсь, я представленія не имѣлъ, я отпарировалъ его удары болѣе убѣдительными ссылками на исторію древняго Израиля, исторію Рима и проч. Аудиторія превращалась тогда въ

слухъ. Тишина глубокая, лишь изрѣдка прерываемая бурными возгласами сочувствія по адресу того или другого оппонента. А вопросы поднимались «проклятые»! Какъ, напр., примирить столь горячо защищаемое мною требованіе протеста противъ властей со словами евангелиста: нѣсть власти аще не отъ Бога?» Какъ, далѣе, бунтовать противъ главы государства, когда самъ пророкъ Самуилъ помазалъ Саула въ цари и далъ его народу іудейскому съ суровымъ завѣтомъ безпрекословнаго повиновенія всѣмъ его, Саула, законамъ? Я даже теперь съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ мнѣ всегда удавалось разбивать на голову моего противника при общемъ сочувствіи слушателей. Признаюсь, что иной разъ,—въ самыхъ критическихъ только моментахъ,—мнѣ приходилось прибѣгать къ нѣкоторымъ передержкамъ. Нерѣдко при чтеніи Евангелія или библіи поднимались вопросы и общественно - этическаго характера. Какъ живой стоитъ предо мной «дѣдушка», лучшій пчеловодъ въ селѣ, обратившійся ко мнѣ разъ совершенно неожиданно съ вопросомъ:—«Можетъ ли,—спрашивалъ онъ глухимъ голосомъ,—богатый попасть въ царствіе небесное?» Не дождавшись моего отвѣта, «дѣдъ» самъ же отвѣтилъ безаппеляціонно ссылкою на извѣстное мѣсто евангелиста. Старцу, очевидно, хотѣлось хвастнуть знаніемъ единственнаго евангельскаго изреченія. Я, конечно, согласился съ нимъ, но развилъ дальше эту мысль, санкціонирующую активную борьбу съ имущими, какъ эксплоататорами рабочихъ массъ. Присутствовавшій при этомъ молоканинъ сталъ на дыбы. Онъ сталъ доказывать, что и богатый, если онъ только добродѣтельный, можетъ войти въ царствіе небесное, и въ примѣръ привелъ Іова. Меня взорвало это. Я сталъ доказывать, что Іовъ дѣйствительно попалъ въ царствіе небесное, но послѣ того, какъ онъ много перетерпѣлъ, т. е. послѣ того, какъ потерялъ дѣтей и все свое богатство. Эффектъ получился, конечно, поразительный. Приходилось читать даже псалтырь. Я не охотенъ былъ до псалмовъ Царя Давида, но какъ-то разъ одному изъ моихъ слушателей вздумалось попросить меня почитать вслухъ псалтырь. Ничего не подѣлаешь—пришлось уступить. Не припомню теперь, какой именно псаломъ подвернулся мнѣ. Началъ читать. Аудиторія насторожилась. Воцарилось молчаніе,—важное, торжественное. Не прошло нѣсколько минутъ, какъ я самъ подчинился этому настроенію—и чтеніе полилось тоже торжественное. Слушатели мои остались тоже довольны.

Авторитетъ мой еще больше возросъ въ деревнѣ, когда стало извѣстнымъ, что на земскомъ собраніи единогласно было постановлено выдать мнѣ 100 руб. въ награду за мою «ревностную службу». Это событіе надѣлало тогда въ уѣздѣ много шума. Гласные—крестьяне изъ села Лупина (большое торговое село)—настойчиво просило меня къ нимъ переѣхать. Служебное мое положеніе, такимъ образомъ, вполнѣ утвердилось. Въ серединѣ зимы ко мнѣ прислали фельдшера, недавно только окончившаго пензенскую фельдшерскую школу. Это оказался юноша еще, весьма толковый и даровитый. Между нами скоро установились хорошія отношенія. Ему приходилось быть невольнымъ свидѣтелемъ моихъ собесѣдованій

съ больными и здоровыми пензяками. Онъ, помнится, никогда не вмѣшивался въ мой разговоръ, но, когда мы оставались наединѣ, онъ вступалъ со мною въ споръ, по поводу моей пропаганды и убѣжденно отстаивалъ свои, совершенно лойяльныя, убѣжденія. С. В. П—овъ,—такъ звали фельдшера,—оказался, такимъ образомъ, не только дѣльнымъ фельдшеромъ, но и искреннимъ, убѣжденнымъ человѣкомъ. Съ нимъ надо было считаться. У него были большіе умственные запросы, но онъ былъ мало развитъ и мало свѣдущъ. Я и обратилъ все свое вниманіе на его развитіе, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось только итти на встрѣчу его собственнымъ горячимъ желаніямъ. И я началъ совмѣстно съ нимъ читать. Нелегальныя и легальныя «книжки» ничуть не удовлетворяли его. Его умъ требовалъ серьезной работы. Я досталъ изъ управской библіотеки нѣсколько серьезныхъ книгъ по исторіи, беллетристики и журналистики. Шлоссера («Исторія XVIII столѣтія») мы прочли отъ доски до доски всѣ 8 томовъ. Днемъ у насъ было много работы по больницѣ, амбулаторіи и аптекѣ. Кромѣ того, по собственному предложенію П—ова, я проходилъ съ нимъ практическій курсъ діагностики внутреннихъ болѣзней, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который у насъ въ больницѣ былъ подъ руками. Въ нашемъ распоряженіи оставались только вечера и ихъ-то мы употребляли на совмѣстное чтеніе. Чтеніе пошло весьма удачно, весьма успѣшно. Юноша точно воскресъ. Умная голова его заработала энергично, а натура у него была здоровая, цѣльная. Такой человѣкъ всегда найдетъ настоящую дорогу. Моя радость была велика, когда я сталъ замѣчать, что онъ сталъ самъ интересоваться тѣми вопросами, которые такъ близки были мнѣ.

Я нерѣдко его заставалъ бесѣдующимъ съ больными по поводу тѣхъ же «проклятыхъ вопросовъ» крестьянства, которые служили и для меня нескончаемой темой для разговоровъ. Однимъ словомъ, въ умственной жизни П—ова начался тотъ благодѣтельный переломъ, который мы, интеллигентные люди, сами переживали. Такъ проходили дни за днями въ дружной работѣ и здоровомъ отдыхѣ. Но судьбѣ угодно было совершенно неожиданно для меня разлучить меня съ муратовцами и П—овымъ

Во вторую половину 1875 г. въ больницу былъ назначенъ врачъ С—ковъ. Это былъ ужъ очень пожилой человѣкъ, ветхозавѣтный и по общественнымъ своимъ воззрѣніямъ, и по медицинскимъ знаніямъ. Онъ никакъ не могъ взять со мною настоящаго тона: то онъ обращался со мною, какъ съ товарищемъ-врачемъ, предоставивъ мнѣ полную медицинскую самостоятельность, особенно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ ему, по недостатку знаній, не хотѣлось рисковать, то вдругъ третировалъ меня, какъ фельдшера. Противъ послѣдняго я собственно ничего не имѣлъ и даже желалъ этого ради моего товарища П—ова. Но онъ чувствительно задѣлъ меня особою ехидной своей манерой. Онъ зналъ, что я «красный», «демократъ», «либералъ»—все это сплелось въ клубокъ въ старой головѣ моего коллеги—а потому онъ сталъ меня частенько отрывать отъ больницы, амбулаторіи, т.-е. отъ непосредственнаго ухода за мужиками и посылать къ помѣщицамъ и помѣщикамъ—для чего-бы,

вы думали? не для того, чтобы я ихъ самъ, по своему разумѣнію или назначенію хотя бы самого С—ова лечилъ—нѣтъ! чтобы я имъ ставилъ банки, пьявки, клизмы, растиралъ и пр., потому, что этого именно требуютъ сами помѣщики и помѣщицы. Я протестовалъ; дѣло дошло до предсѣдателя, который, во избѣжаніе недоразумѣній и столкновеній, предложилъ мнѣ взять самостоятельное мѣсто фельдшера въ одномъ изъ самыхъ запущенныхъ угловъ Мокшанскаго уѣзда.

Я по необходимости согласился и, распрощавшись съ Муратовкой, выѣхалъ въ Мокшаны.

Такъ неожиданно оборвалась слишкомъ годичная работа моя въ Муратовкѣ.

Глава V.

Переходный моментъ въ исторіи революціоннаго движенія. 1876 годъ. Критическая оцѣнка пропагандистской дѣятельности въ народѣ. Возвращеніе къ „бакунизму". Зарожденіе „революціоннаго народничества". Образованіе въ концѣ 1876 года „Сѣверной революціонно-народнической группы" или общества „Земля и Воля". Составъ ея членовъ. Характеристика ихъ. Уставъ общества „Земля и Воля". Организація его. Программа его. Первое выступленіе Общества на путь дезорганизаціи и агитаціи: освобожденіе Кропоткина 28 іюня 1876 года и „Казанская демонстрація" 6 декабря того же года. Организація деревенскихъ поселеній съ цѣлью агитаціи и организаціи народа въ началѣ 1877 года. „Южная революціонно-народническая группа". Попытка Дебагорія Мокріевича, Фроленко и друг. вызвать возстаніе въ Каневскомъ уѣздѣ. Организація „Тайной дружины" или „Чигиринское дѣло" Стефановича и товарищей. „Лавристы" („марксисты" тожъ) въ Петербургѣ.

Февраль 1876 года я пробылъ въ Мокшанахъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій управы. Досуга у меня было достаточно. Досугъ же располагаетъ къ размышленію. Я оглянулся назадъ. Я прожилъ годъ слишкомъ въ Муратовкѣ. Что же я успѣлъ? Вопросъ этотъ, правда, и раньше приходилъ мнѣ въ голову, но за усиленной работой онъ не вставалъ предо мною съ такой выпуклостью, какъ теперь на досугѣ. Что же я успѣлъ?—застрялъ гвоздемъ въ моей головѣ этотъ назойливый вопросъ.

Я познакомился съ народомъ, съ народною средою. Это—несомнѣнный большой плюсъ въ моей работѣ.

Это—первый шагъ, безъ котораго дальнѣйшая моя работа была бы невозможна. Но что я успѣлъ въ смыслѣ распространенія соціалистическихъ идей въ народѣ? Я сталъ перебирать въ моей памяти впечатлѣнія послѣдняго года моей пропагандистской работы въ народѣ. Я увидѣлъ, какъ мало-по-малу, почти незамѣтно для меня самого, пропаганда соціализма въ массѣ стала отодвигаться на задній планъ и какъ, наоборотъ, насущные злободневные вопросы крестьянства выдвигались все болѣе и болѣе на авансцену. Я сталъ припоминать, какъ холодно относился народъ къ соціализму и, наоборотъ, съ какой горячностью и страстностью дебатировались тѣ вопросы, которые

касались его неотложныхъ нуждъ и потребностей, которые не выходили изъ обычнаго круга его представленій и понятій о лучшей крестьянской жизни, о лучшей долѣ. Завѣса стала спадать съ моихъ глазъ.

Если не считать единичныхъ, успѣшныхъ случаевъ пропаганды, то въ общемъ результатъ ея, пропаганды, въ народѣ почти неуловимъ. Единственное, что можно сказать съ нѣкоторой увѣренностью, это то, что пропаганда въ значительной мѣрѣ обострила въ народѣ то броженіе умовъ, которое еще раньше, вслѣдствіе другихъ вліяній, началось въ немъ.

Масса слуховъ и толковъ о передѣлѣ земли и разныхъ другихъ перемѣнахъ, имѣющихъ въ виду интересъ народа, стали распространяться въ его средѣ съ большимъ еще упорствомъ, чѣмъ прежде. Конечно, вліяніе это неуловимо, нельзя его ни измѣрить, ни вычислить, но оно несомнѣнно было.

Само собою, что этого было недостаточно для насъ.

Для меня стало ясно, что на пропагандѣ соціализма въ народѣ мы далеко не уѣдемъ, что буду ли я одинъ работать или насъ будетъ работать десятки, сотни и тысячи пропагандистовъ,—все равно, мы симъ не побѣдимъ народа, съ мѣста не сдвинемъ его...... Наша неудача лежитъ не въ насъ самихъ, не въ нашемъ неумѣньи и невыдержанности, т. е. не въ индивидуальныхъ нашихъ качествахъ. Наоборотъ. Между нами были пропагандисты талантливые, умные и производили они впечатлѣніе несомнѣнно глубокое. Но что говорили пропагандисты народу? Какія ихъ рѣчи приходились ему больше по душѣ и раскрывали ее, душу-то народную?

Не соціализмъ и не анархія, конечно, а самые животрепещущіе вопросы его повседневной сѣрой жизни: безземеліе и тягота податей были всегдашними предметами постоянныхъ и нерѣдко задушевныхъ бесѣдъ. Здѣсь пропагандистъ былъ неуязвимъ: знаніе, которымъ онъ обладалъ, давало ему возможность обобщить данные частные факты и освѣтить ихъ болѣе яснымъ свѣтомъ.

И чѣмъ талантливѣе былъ пропагандистъ, чѣмъ ярче была его рѣчь и остроумнѣе его сопоставленія, тѣмъ болѣе онъ овладѣвалъ вниманіемъ слушателей. Но стоило только тому же пропагандисту перейти на почву соціализма, какъ все совершенно измѣнялось.

Не то, чтобы его не хотѣли слушать («Пошто не послухать?») —а слушали, какъ обыкновенно слушаютъ занятную сказку: „не любо не слушай, а лгать—не мѣшай!». Пропагандисты тогда же почувствовали, что тутъ кроется что-то неладное, но торопливость, съ какой велась пропаганда, не позволяла вдуматься въ глубокое значеніе этого факта, проанализировать его съ необходимою серьезностью.

Такъ писалъ я о нашей пропагандистской дѣятельности въ народѣ еще въ 1884 году въ Якутской области: эти строки я занесъ тогда въ «неизданныя мои воспоминанія». Къ этимъ словамъ мнѣ теперь ничего не остается прибавить. Скажу только, что когда прошелъ первый порывъ возмутившагося противъ неудачнаго нашего похода въ народъ чувства,—наступила пора раздумья,

пора дѣйствительнаго анализа нашего прошлаго «съ необходимою серьезностью». Это было въ началѣ 1879 года.

Стало ясно, что пропаганда соціализма въ полномъ его объемѣ не можетъ, при теперешнемъ развитіи народа, имѣть успѣха; что необходимо считаться какъ съ имѣющимися уже въ народѣ живыми стремленіями его, такъ и съ завѣщанными ему его прошедшею исторіею взглядами и понятіями; что, далѣе, соотвѣтственно съ этимъ надо измѣнить и нашу теорію, и нашу практику.

Дѣло шло, такимъ образомъ, если не о радикальномъ переворотѣ въ революціонныхъ воззрѣніяхъ молодежи, то во всякомъ разѣ о рѣшительномъ поворотѣ фронта, если можно такъ выразиться. Я выражаюсь такъ осторожно потому, что новое революціонное направленіе, шедшее уже на смѣну старому, отнюдь не было новымъ ни по содержанію, ни по формѣ.

Бакунинъ и его молодые послѣдователи основали свою программу именно на реальныхъ потребностяхъ массы, поскольку эти потребности вылились въ исторически-данныя формы общежитія, въ опредѣленный укладъ жизни этихъ массъ.

Именно Бакунинъ предвидѣлъ возможное наше пораженіе,— конечно, идейное прежде всего,—и горячо предостерегалъ насъ отъ всякой, такъ называемой, ложной идеализаціи. Молодежь— слова нѣтъ!—чуяла, на чьей сторонѣ историческая правда, и примкнула всею своею массою,—по крайней мѣрѣ, теоретически къ Бакунину. Но пропагандистская волна, унесшая такую массу молодежи въ народъ, перетасовала тамъ, въ народѣ, всѣ направленія, уничтоживъ практически всѣ различія и оттѣнки революціонныхъ фракцій: революціонеры, словно сговорившись, дѣлали въ народѣ одно дѣло—пропагандировали идеи соціализма И вышло, что всѣ были тогда пропагандистами: и «бунтари» и «лавровисты».

И только $1\frac{1}{2}$—2 года спустя, когда пропаганда завершила полный циклъ своего развитія, молодежь, въ критической оцѣнкѣ своей пропагандистской дѣятельности, вернулась къ исходному ея пункту,—къ бакунизму, возродившемуся въ формѣ «революціоннаго народничества» съ лозунгомъ «Земля и Воля».

Вотъ почему я назвалъ новое, нарождающееся направленіе не «переворотомъ», а лишь «поворомъ фронта».

Въ то время, когда я готовился уже къ отъѣзду на новый медицинскій пунктъ, ко мнѣ неожиданно изъ Симбирск. губ., пріѣхалъ Александръ Хотинскій. Я очень обрадовался пріѣзду моего товарища дѣтства.

Мы не видѣлись больше года. Что онъ успѣлъ? къ какимъ выводамъ онъ пришелъ? Я мелькомъ взглянулъ на Хотинскаго и былъ пораженъ его внѣшностью: онъ точно постарѣлъ на много лѣтъ. Онъ не былъ удрученъ, но онъ былъ сильно озабоченъ. Очевидно, онъ много пережилъ и передумалъ за это время. Я очень дорожилъ мнѣніемъ моего положительнаго, серьезнаго, вдум-

чиваго и сосредоточеннаго друга. Онъ тоже оставилъ академію, вышелъ изъ 4 курса; одно лѣто поработалъ на фермѣ у своего брата, а въ послѣдній годъ былъ фельдшеромъ въ Симбирск. губерніи.

На дѣятельность въ народѣ онъ смотрѣлъ очень серьезно и приготовился къ ней весьма основательно. Вообще, все, что дѣлалъ Хотинскій, дѣлалъ онъ солидно. Рѣшилъ онъ, напр., сдѣлаться фельдшеромъ и, не откладывая дѣло въ долгій ящикъ, сдалъ экзаменъ въ харьковской фельдшерской школѣ, получилъ фельдшерское свидѣтельство, которое сослужило ему хорошую службу. Математическій умъ его работалъ логично, трезво. Иллюзій онъ не выносилъ. По внѣшности это былъ апатичный, инертный человѣкъ, но это только казалось: когда надо было, онъ дѣлу отдавался всецѣло, просто, безъ фразы. Надо было, напр., ему одно время „исчезнуть" и, къ несчастью, другого исхода не было, какъ поступить къ врачу (конечно, знакомому) въ лакеи. И Хотинскій вынесъ этотъ искусъ, какъ слѣдуетъ.

Немногіе знаютъ про этотъ невозможный опытъ революціонера, и я, когда узналъ объ этомъ отъ самого Хотинскаго, прямо вознегодовалъ на него; но онъ спокойно остановилъ мой порывъ простыми словами: «для революціонера нѣтъ и не можетъ быть позорнаго положенія: надо дѣлать то, чего революція требуетъ». На народъ онъ смотрѣлъ трезво, безъ идеализаціи. Надо работать въ народѣ, для народа, потому что для насъ иного пути нѣтъ. Можетъ быть, нашей работой прежде всего воспользуется буржуазія—пусть! мы должны итти своею дорогою. Онъ очень любилъ Успенскаго и плохо переваривалъ Златовратскаго. «Успенскій,—говорилъ мнѣ не разъ Хотинскій,—куда глубже Златовратскаго. Успенскій выворачиваетъ такъ сказать, всю психологію народную, а Златовратскій ее затушевываетъ. Это не только различіе художественнаго таланта, какъ думаетъ С. Кравчинскій.— нѣтъ! это различіе интеллектовъ: Успенскій умнѣе Златовратскаго!»

Хотинскій не блисталъ своимъ умомъ и не выдавался своей энергіей, но это былъ вѣрный, твердый и разумно-преданный дѣлу революціи работникъ. Въ 1877 году, по возвращеніи его изъ Сербіи, гдѣ онъ, въ качествѣ санитара, пробылъ около 8 мѣсяцевъ,— Хотинскій присталъ къ обществу «Земля и Воля», въ которомъ онъ оставался все время вплоть до раздѣленія общества на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ». Въ 1878 году, 16 апрѣля, онъ вмѣстѣ съ Александромъ Квятковскимъ отбилъ Прѣснякова на пути съ допроса въ тюрьму. Дѣло было такъ. Наши товарищи, Квятковскій (кучеръ) и Хотинскій (сѣдокъ), условились съ Прѣсняковымъ ждать его невдалекѣ отъ подъѣзда участка.

Въ условленный часъ «Варваръ» ужъ былъ наготовѣ и нетерпѣливо, словно чуя славную добычу, перебиралъ ногами въ названномъ мѣстѣ.

При выходѣ, Прѣсняковъ, замѣтивъ пролетку съ «Варваромъ», ловкимъ движеніемъ бросилъ въ глаза сопровождавшимъ его городовымъ по порядочной горсти нюхательнаго табаку. Городовые, ихъ было двое, совершенно опѣшили, а этимъ временемъ Прѣсняковъ

вскочилъ на пролетку. «Варваръ» тронулъ. Но тутъ-то случилось неожиданное совершенно обстоятельство. Одинъ изъ городовыхъ, пришедши въ себя, бросился къ пролеткѣ и повисъ на Прѣсняковѣ. Завязалась борьба между Прѣсняковымъ, Хотинскимъ и городовымъ. Хотинскій готовился уже нанести ударъ городовому по головѣ кастетомъ, какъ пролетка наклонилась на бокъ и всѣ трое —Прѣсняковъ, Хотинскій и городовой—повалились на мостовую. Къ счастью, Квятковскій во-время спохватился, осадилъ лошадь, повернулъ назадъ и захватилъ своихъ товарищей, которымъ, наконецъ, удалось смять городового.

Нашъ ретивый «Варваръ» понесся стрѣлою, унося дорогихъ товарищей нашихъ; около дома Яковлева Хотинскій и Прѣсняковъ высадились—и исчезли въ немъ безъ слѣда.

Хотинскій умеръ за границей, куда онъ эмигрировалъ вскорѣ послѣ раскола общества «Земля и Воля», въ 1884 году отъ легочной бугорчатки.

Послѣ горячихъ привѣтствій и обычно слѣдовавшихъ за ними безсвязныхъ вопросовъ и разспросовъ, мы, наконецъ, усѣлись за самоваромъ и повели разговоръ спокойно, положительно. Было о чемъ говорить старымъ друзьямъ, связаннымъ не только интимными узами дѣтства, но и общими дѣловыми симпатіями. Мы проговорили всю ночь напролетъ. Мы ничего другъ отъ друга не утаили. Я не буду передавать всего нашего разговора,—не потому, чтобы это было лишено всякаго интереса—нѣтъ! то, что созрѣло въ головахъ рядовыхъ революціонеровъ, имѣло не меньше значенія, чѣмъ то, что исходило отъ нашихъ коноводовъ,—лидеровъ, какъ бы мы теперь сказали,—но потому, чтобы не отклониться въ сторону.

Скажу, къ чему, наконецъ, мы пришли.

Мы пришли къ тому заключенію, что пропаганду соціализма надо, если не совсѣмъ оставить, то ограничить ее опредѣленными рамками, въ предѣлахъ которыхъ она можетъ имѣть еще значеніе. Это во-первыхъ. А, во-вторыхъ, и это самое важное—чтобы опереться на народъ, какъ на твердый операціонный базисъ революціонной дѣятельности, необходимо боевой лозунгъ соціализма замѣнить другимъ, болѣе дѣйствительнымъ и родственнымъ народу. Такимъ лозунгомъ могутъ быть только народныя требованія, назрѣвшія и ищущія разрѣшенія. Чтобы разрѣшить эти требованія, недостаточно одной пропаганды словомъ: надо перейти къ дѣйствію. А такая работа только подъ силу крѣпко сплоченной во всѣхъ частяхъ централизованной революціонной организаціи. Надо разъ навсегда оставить кочевую форму революціонной борьбы и замѣнить ее стройной, планомѣрной организаціей.

Въ частности, по отношенію къ намъ самимъ, т. е. ко мнѣ и Хотинскому, мы рѣшили, что намъ слѣдуетъ обязательно пристать къ такой организаціи, что внѣ ея наша работа, при измѣнившихся условіяхъ, можетъ оказаться совершенно безплодной,—сизифовой работой.

Мы рѣшили поэтому, разъѣхаться: я ѣду въ Петербургъ, а Хотинскій на югъ, чтобы и тамъ, и тутъ завязать необходимыя сношенія. Къ слову сказать, въ Симбирск. губерн., кажется, Хо-

тинскій встрѣтился съ Перовскою, отъ которой онъ узналъ, что въ Петербургѣ ожидаютъ М. Натансона, вернувшагося изъ ссылки. Мы надѣялись—и не безъ основанія—что съ возвращеніемъ такой революціонной силы, какъ М. Натансонъ, въ работѣ революціонной молодежи долженъ наступить рѣшительный поворотъ къ большей объединенности, планомѣрности и организованности.

Я взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ въ концѣ февраля 1876 г. Началась обычная бѣготня: надо у однихъ побывать, съ другими повидаться, разспросить, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ,—однимъ словомъ, позондировать почву. Оказалось, что Натансона еще нѣтъ въ Петербургѣ, что ему пока временно разрѣшили жить въ Воронежѣ. Какая досада! Снова неудача!

Помню, что въ 71 году я также пошелъ къ нему, чтобы познакомиться, а онъ неожиданно исчезъ съ горизонта—былъ высланъ въ Архангельскъ. Побывалъ, конечно, и на сходкахъ.

Удивительно живучи эти студенческіе кружки и сходки: разрушаются одни, возникаютъ другіе, однѣ идеи сходятъ со сцены, а на ихъ мѣсто появляются другія, однѣ вожаки погибаютъ, нарождаются новые!... Сходка была на Петербургской сторонѣ. Я сразу уловилъ, какой крутой переломъ совершился тогда въ воззрѣніяхъ революціонной молодежи.

Старые вопросы о «хожденіи въ народъ», «знаніи и революціи», пропагандѣ и агитаціи и т. п., занимавшіе въ предыдущіе два года молодые умы, отошли ужъ въ область преданій.

Довлѣетъ дневи злоба его. А злобою дня былъ тогда радикальный пересмотръ программы и тактики.

Въ города съѣжались тогда пропагандисты изъ разныхъ концовъ Россіи, словно сговорились. Всѣхъ мучили одни и тѣ же вопросы, всѣ искали выхода изъ этого переходнаго состоянія. Я очень обрадовался, когда убѣдился воочію, что то, что меня и Хотинскаго изгнало на время изъ деревни, привело сюда и многихъ моихъ товарищей-пропагандистовъ.

Произошелъ, конечно, живой обмѣнъ впечатлѣній и мнѣній.

Поразительно, какъ быстро схватывались извѣстныя идеи и формулировались въ общія концепціи, словно эти идеи раньше носились, какъ зародыши, въ воздухѣ и, упавши на благопріятную почву, дали обильную жатву. Не сговариваясь, люди пришли къ однимъ и тѣмъ же выводамъ, а это ужъ одно говорило за ихъ жизненность, реальность и осуществимость.

Надо измѣнить революціонную дѣятельность въ народѣ въ смыслѣ агитаціи и организаціи. Надо для этого создать въ самой интеллигенціи „сильную власть", т. е. крѣпкую, объемлющую организацію. Этими двумя положеніями исчерпывается суть всѣхъ горячихъ дебатовъ и окончательный выводъ изъ нихъ. Это сама жизнь продиктовала намъ эти два положенія. Разногласій не было. Правда, и тогда раздавались голоса противъ агитаціи, но это были одинокіе голоса бывшихъ «лавристовъ», переименовавшихся теперь почему-то въ „марксистовъ". Люди этого направленія не пользовались тогда авторитетомъ среди молодежи; они и раньше уклонялись отъ революціонной дѣятельности въ народѣ и сосре-

доточили свою работу исключительно почти въ Петербургѣ среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ.

Чтобы больше не возвращаться къ нимъ, приведу здѣсь кстати лучшую, самую объективную, по моему, характеристику „лавристовъ", данную Г. В. Плехановымъ.

„Люди этого направленія,—говоритъ Плехановъ въ своемъ «Русскомъ рабочемъ въ революціонномъ движеніи»,— были тогда въ меньшинствѣ и сходили со сцены.

Но надо имъ отдать справедливость: ихъ пропаганда, вѣроятно, была разумнѣе нашей. Правда, и они, подобно намъ, отрицали «буржуазную» политическую свободу, и они—по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ—готовы были трепетать за участь «устоевъ». Въ ихъ взглядахъ было тоже много непослѣдовательности, но ихъ непослѣдовательность имѣла одну счастливую особенность: отрицая «политику», они съ величайшимъ сочувствіемъ относились къ нѣмецкой соціальной демократіи. Нельзя быть высокаго мнѣнія о логичности человѣка, отрицающаго «политику» и въ то же время сочувствующаго названной мною политической рабочей партіи. Но своими разсказами о ней такой человѣкъ можетъ заронить сѣмя здоровыхъ понятій въ другія головы, которыя, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, сумѣютъ вполнѣ усвоить соціалъ-демократическую программу, или хоть приблизиться къ ней въ большей или меньшей степени. Въ такомъ случаѣ за нимъ останется все-таки не малая заслуга.

Именно такую заслугу и надо признать за «лавристами»".

И далѣе:........ „Если въ программѣ образовавшагося зимою 78—79 года «Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза» сильно слышалась соціалъ-демократическая нота, то это, кажется, въ значительной степени нужно приписать вліянію «лавристовъ»".

Намъ остается только подписаться подъ этой характеристикой Г. В. Плеханова.

«Лавристы» въ то время дѣйствительно «занимались съ рабочими»: читали имъ лекціи о „рабочемъ днѣ" по Марксу, а равно и другія лекціи обще-образовательнаго характера— «о каменномъ періодѣ или о планетахъ небесныхъ», по насмѣшливому выраженію того-же Плеханова. Этимъ и исчерпывается значеніе группы «лавристовъ». Однако, на сходкахъ, какъ при теоретической постоновкѣ вопросовъ, такъ особенно при практическомъ ихъ рѣшеніи, «лавристы» то и становились на дорогѣ вновь зарождающемуся революціонному теченію—«революціонному народничеству».

Попытки ихъ не удавались, конечно, но они очень характерны для «лавристовъ», какъ отмирающей группы.

Ниже мы увидимъ примѣры этому.

Кромѣ «лавристовъ», старавшихся всячески подставить ножку революціонерамъ-народникамъ, въ Петербургѣ тогда была еще одна довольно разношерстая группа изъ интеллигентовъ, въ которую входили отдѣльныя лица изъ бывшихъ «пропагандистовъ» и «сочувствующихъ», тогда уже занявшія «общественное положеніе» («разодѣтые въ соболи», по насмѣшливому выраженію молодежи). Вотъ эта именно группа «сытыхъ» старалась усыпить революціон-

ную мысль молодежи чтеніемъ лекцій на разныя темы по психологіи, соціологіи и философіи и проч. Во главѣ лекторовъ стоялъ,—говорили мнѣ,—докторъ Оршанскій (нынѣ профессоръ) и, если не ошибаюсь, также Я. И. Ковальскій. Послѣдній, кромѣ лекцій по космографіи, которыя читалъ хорошо, взялъ на себя неблагодарную задачу затуманивать головы своихъ молодыхъ слушателей лекціями по философіи эволюціи. Очень туманныя это были лекціи и, помнится, на одну изъ такихъ я случайно попалъ ужъ позже зимою 1877 года. Я заношу эти факты на страницы этихъ «воспоминаній» не потому, чтобы они были ужъ очень важны, а потому, что они все-таки довольно характерны: всѣ эти люди, въ томъ числѣ и «лавристы», были положительно мертвые люди, но, умирая, они не давали жить намъ, народникамъ-революціонерамъ. Le mort saisit le vif!.

Я собрался было оставить Петербургъ, имѣя въ виду отправиться на югъ, какъ въ Петербургѣ неожиданно случилось одно событіе, пріостановившее мой отъѣздъ на нѣсколько дней. Я говорю о демонстраціи при похоронахъ Чернышева, имѣвшей мѣсто 3 марта 1876 года.

Студентъ Чернышевъ просидѣлъ безъ малаго 3 года въ Домѣ предварительнаго заключенія. Онъ нажилъ тамъ себѣ легочную чахотку. Я видѣлъ его за нѣсколько дней до его смерти въ клиникѣ. Это былъ ужъ трупъ. Вотъ его-то и рѣшили, въ видѣ протеста, похоронить съ тріумфомъ. Насколько мнѣ помнится, къ этой демонстраціи были причастны и «лавристы». На мой вопросъ, какъ это вяжется съ ихъ взглядами, безусловно отрицающими всякаго рода публичные протесты, агитаціи и проч.,—я получилъ довольно-таки странный отвѣтъ: «Мы враги всякихъ публичныхъ манифестацій, кромѣ, однако, устройства манифестацій вродѣ похоронъ, панихидъ и проч.»

Почему? Мудрый Эдипъ, разрѣши! Во всякомъ случаѣ «лавристы» участвовали въ этой манифестаціи, которая вышла очень внушительной. Гробъ былъ усыпанъ цвѣтами. Тысячная толпа, съ обнаженными головами, шла за нимъ. Въ числѣ демонстрантовъ были и люди изъ общества: профессора, военные, адвокаты и проч. Предъ Домомъ Предв. заключенія, на Литейномъ, процессія остановилась. Дюжіе руки молодежи высоко приподняли гробъ, и въ воздухѣ раздалось импонирующее пѣніе сильныхъ молодыхъ голосовъ: „Вѣчная память, вѣчная память!“

Къ демонстрантамъ пристала уличная толпа. Полиція была захвачена врасплохъ. Процессія торжественно двинулась впередъ по Литейному, пересѣкла Невскій и дальше пошла, все возрастая на пути, по Владимірской и т. д. до кладбища.

Случилось, впрочемъ, одно курьезное обстоятельство.

Священникъ, сопровождавшій покойника, сообразилъ, наконецъ, въ чемъ дѣло и, воспользовавшись остановкой предъ Дом. Предв. зак., улизнулъ. Похоронная процессія осталась безъ духовнаго лица. Рѣшили хоронить безъ священника. Ничего не подѣлаешь. Процессія двинулась въ путь. По мѣрѣ того, какъ процессія подходила къ предмѣстьямъ Петербурга, число любопытныхъ

изъ «простого» народа все возростало. Что это за процессія? Безъ поповъ, а масса вѣнковъ, тысячная толпа. Со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы. Мы условились давать, по возможности, подробныя объясненія, чтобы, такимъ образомъ, сдѣлать похороны болѣе демонстративными и популярными.—„Кого это хоронятъ,—скажите?“—«Молодого человѣка замучили въ тюрьмѣ, за правду стоялъ, за народъ!..» Таковы были стереотипные отвѣты на любопытные вопросы толпы. Не скажу, чтобы наши отвѣты производили впечатлѣніе: я только видѣлъ глупыя лица и моргающіе глаза. Мнѣ это опротивѣло и я больше никакихъ объясненій не давалъ. На могилѣ было произнесено нѣсколько рѣчей, приличныхъ данному случаю.

Появились жандармы, встревоженные полицейскіе, и толпа демонстрантовъ, разбившись на группы, разсѣялась. Арестовъ въ тотъ моментъ не было, но нѣсколько дней спустя былъ арестованъ студентъ-медикъ Бѣльскій и высланъ на сѣверъ. По своему характеру Чернышевскую демонстрацію слѣдовало бы скорѣе отнести къ слѣдующему народническому періоду революціоннаго движенія.

Это была первая публичная демонстрація соціалистовъ (и, пожалуй, всего общества, такъ какъ всѣ ей сочувствовали) противъ правительственныхъ безобразій.

1876 годъ начался демонстраціей. Это—знаменіе времени.

Онъ и кончился демонстраціею, но совершенно иного ужъ характера,—демонстраціею на Казанской площади 6 декабря. Объ ней рѣчь будетъ ниже.

Демонстрація лично мнѣ дорого стоила. Я простудился, схватилъ серьезный бронхитъ и слегъ въ постель. Мнѣ настойчиво посовѣтовали уѣхать на югъ и основательно отдохнуть. Я такъ и поступилъ.

Мой вынужденный Монрепо́ не лишилъ меня, однако, возможности быть въ курсѣ дѣла. Мнѣ писали, что М. Натансонъ не зѣваетъ, что въ Петербургѣ уже образовалось довольно крѣпкое ядро революціонной организаціи изъ уцѣлѣвшихъ старыхъ «чайковцевъ» и приставшихъ къ нимъ какъ отдѣльныхъ группъ, такъ и лицъ одинаковаго революціоннаго направленія. Ядру этому суждено было сдѣлаться центромъ тяготѣнія для всѣхъ разбросанныхъ по Россіи революціонныхъ силъ. Уже лѣтомъ 1876 года этотъ кружокъ,—назовемъ его пока кружкомъ Натансона, Оболошева и Ал. Михайлова,—заявилъ себя весьма крупнымъ въ смыслѣ революціонной техники, фактомъ—освобожденіемъ изъ Николаевскаго военнаго госпиталя самаго выдающагося изъ чайковцевъ, П. Кропоткина.

Лакомый кусокъ какъ разъ во́-время былъ вырванъ изъ рукъ петербургскаго правительства и вырванъ артистически. Не буду описывать подробностей этого дѣла, такъ какъ они уже достаточно хорошо извѣстны публикѣ. Не могу, однако, безъ удовольствія не вспоминать эпическаго разсказа М. Натансона о томъ,

какъ имъ удалось ловко околпачить постовыхъ городовыхъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нашъ милый «Варваръ» несся стрѣлою съ дорогой своей добычей по самымъ люднымъ улицамъ Петербурга. Въ этотъ критическій моментъ какъ разъ не оказалось ни одного городового на посту: одинъ любезно давалъ какія-то справки какому-то важному господину и невольно прозѣвалъ «Варвара», другого «ловкій малый» соблазнилъ пивною, куда блюститель порядка завернулъ на минутку, чтобы съ «хорошимъ человѣкомъ» испить одну-другую бутылочку и т. д., и т. д.

Въ августѣ я настолько отдохнулъ и окрѣпъ, что могъ уже взяться за дѣло. Я уѣхалъ въ Харьковъ. Въ Харьковѣ я засталъ нѣкоторыхъ членовъ харьковско-ростовскаго кружка. Я сошелся съ ними и былъ принятъ въ кружокъ. Это въ своемъ родѣ замѣчательный кружокъ. Онъ много поработалъ на пропагандистскомъ пути, исколесилъ вдоль и поперекъ Новороссійскій край, землю Войска Донского, Кубанскую область и часть Уральской. Кружокъ этотъ не богатъ былъ матеріальными средствами, но зато умственными и моральными онъ прямо-таки выдавался. Что ни членъ кружка, то если не крупная, то во всякомъ разѣ своеобразная индивидуальность! Первое мѣсто, конечно, занимаетъ привлекательный рыцарь нашей революціи, нѣжный другъ-товарищъ, Валеріанъ Осинскій. Въ первый разъ я съ Валеріаномъ познакомился на конспиративной нашей квартирѣ въ Петербургѣ, на Басейной. Этотъ живой, экспансивный изящный молодой человѣкъ сразу завоевалъ мои симпатіи. Въ живой, остроумной рѣчи онъ познакомилъ насъ съ положеніемъ вещей и тутъ же по пути выложилъ предъ нами цѣлую кучу извѣстій изъ петербургскаго радикальнаго міра. Непосѣда—Валеріанъ живой, какъ ртуть, не зналъ покоя; для насъ Валеріанъ служилъ ходячей газетой, неугомоннымъ репортеромъ, проникающимъ повсюду и изъ всего извлекающимъ какую-нибудь пользу для кружка. Цѣлый день Валеріанъ въ бѣгахъ, весь Петербургъ исколеситъ вдоль и поперекъ, къ вечеру только возвращается физически усталый, но душевно бодрый, живой и сообщительный. Онъ буквально нагруженъ новостями и торопится подѣлиться съ вами. Много цѣннаго передастъ вамъ Валеріанъ, обычно перемѣшаннаго и пересыпаннаго съ пикантнымъ и романтически-сказочнымъ... Это своего рода Wahrheiten и Dichtungen, но въ чисто валеріановскомъ духѣ. Крайне впечатлительный и воспріимчивый, онъ легко отдавался охватившему его чувству. Когда я его узналъ, онъ тогда еще не вполнѣ развернулся. Тѣсныя рамки пропаганды,—пропаганды въ обществѣ и среди молодежи,—не дали выхода его кипучей, но скрытой еще энергіи. Годъ спустя, зимою 1877-78 гг., Валеріанъ предо мною всталъ уже въ другомъ видѣ. Вмѣстѣ съ Дмитріемъ Лизогубомъ, Михаиломъ Фроленко, Попко, Волошенко и Чубаровымъ онъ прибылъ съ юга съ спеціально дезорганизаторской миссіей—покончить съ Треповымъ за Боголюбова («Андреича»). Валеріанъ былъ тогда въ сильно приподнятомъ настроеніи, носился съ цѣлою массою плановъ и предположеній, которыя и вносилъ въ наши совѣщанія. Я тогда каждый день видѣлъ его, подолгу приходилось спорить съ нимъ, порою наши

споры доходили до краснаго каленія. Казалось, что вотъ-вотъ вцѣпимся другъ другу въ волосы, а расходимся... еще болѣе близкими, еще болѣе крѣпко связанными другъ съ другомъ. Что-то притягательное, неотразимо обаятельное было въ немъ, въ нашемъ неисправимомъ «романтикѣ», какъ охарактеризовалъ Валеріана Александръ Михайловъ («дворникъ»)... Да, это былъ романтикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова!

Александръ Михайловъ какъ-то разъ пожаловался намъ всѣмъ на Валеріана: «Посудите сами! этотъ неисправимый романтикъ все ищетъ опасностей! Онъ говоритъ: «дайте мнѣ порученіе, въ которомъ бы больше опасностей было!» Чудакъ! словно, мы и такъ не подвергаемся разнымъ опасностямъ! Его, по-моему, надо на югъ сослать—тамъ ему мѣсто, а не у насъ!»—заключилъ при общемъ смѣхѣ всѣхъ Михайловъ. И милый Валеріанъ, словно чуя, гдѣ онъ сможетъ развернуться, дѣйствительно, весною 1878 года переселился совсѣмъ на югъ. Здѣсь онъ вполнѣ показалъ себя, выпрямился, такъ сказать, во весь ростъ; здѣсь онъ создалъ свой знаменитый «Исполнительный Комитетъ», то и дѣло тревожившій въ теченіе 1878-79 гг. русское правительство своими смѣлыми нападеніями.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Валеріаномъ въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1878 года. Наканунѣ, въ виду ранняго моего отъѣзда изъ Петербурга, я попрощался съ своими товарищами—Ольгою Натансонъ, Оболешевымъ, М. Р. Поповымъ («Родіонычемъ»), Зунделевичемъ и Плехановымъ. Валеріанъ, какъ водится, былъ въ бѣгахъ. Утромъ, стоя на площадкѣ вагона 3-го класса, я вдругъ увидѣлъ пытливо оглядывающагося по сторонамъ Валеріана. Увидѣвъ меня, онъ, не говоря ни слова, бросился ко мнѣ и мы крѣпко-крѣпко обнялись. Это было послѣднее объятіе. Больше мнѣ не пришлось увидѣть нашего милаго, дорогого, незабвеннаго «эллина»!..

«Андреичъ» (Боголюбовъ—Емельяновъ), это—могучій Самсонъ. Рѣдкое сочетаніе трезваго, здороваго ума съ силою воли. Выдающійся пропагандистъ, стойкій и наблюдательный.

«Андреичу» предстояло сыграть крупную роль въ исторіи нашей революціи. По своей индивидуальности «Андреичъ»—организаторъ по преимуществу. Кружокъ возлагалъ на него большія надежды.

Вмѣстѣ съ Валеріаномъ Осинскимъ онъ осенью 1876 года былъ отправленъ въ Петербургъ, какъ делегатъ, для переговоровъ съ вновь образовавшимся тогда кружкомъ революціонеровъ-народниковъ,—съ кружкомъ Натансоновъ, Сабурова (Оболешева тожъ) и Михайлова.

Миссія, возложенная на обоихъ нашихъ делегатовъ, была вполнѣ выполнена: нашъ кружокъ цѣликомъ вошелъ въ названную организацію.

Но это была послѣдняя великая услуга, оказанная «Андреичемъ» революціи: въ день 6 декабря, т. е. въ день «Казанской демонстраціи», «Андреичъ», совсѣмъ не имѣвшій касательства къ этой демонстраціи, былъ схваченъ на улицѣ, арестованъ, жестоко

избитъ, а потомъ драконовскимъ судебнымъ приговоромъ въ январѣ 1877 года приговоренъ къ 15-тилѣтней каторгѣ. 13 іюля того же года тупой опричникъ, Треповъ, подвернулъ „Андреича" тѣлесному наказанію въ Домѣ Предварительнаго заключенія за то, что „Андреичъ", при встрѣчѣ съ нимъ, не снялъ шапки. А потомъ этого избитаго, измученнаго, раздавленнаго человѣка въ заключеніе всего отправили въ одинъ изъ самыхъ вонючихъ карцеровъ Литовскаго замка на хлѣбъ и воду. Горькая судьба и дальше его не пощадила. Она отняла у него что есть самое дорогое, самое цѣнное въ индивидуальной жизни—разумъ: въ центральной тюрьмѣ „Андреичъ" тяжко заболѣлъ душевно. По разсказамъ его товарищей по централкѣ, „Андреичъ" былъ одержимъ буйнымъ помѣшательствомъ. Его дикіе крики, бѣшеные порывы разрушенія, стукъ и топотъ оглашали стѣны мрачной тюрьмы, отдаваясь въ душѣ измученныхъ товарищей его тупымъ чувствомъ безнадежнаго страданія и отчаянія......

Такъ погибъ безвременно одинъ изъ самыхъ крупныхъ землевольцевъ.

„Титычъ"— самый близкій другъ и товарищъ „Андреича". Это—два Аякса: вмѣстѣ они пѣшкомъ прошли вдоль и поперекъ Кубанскую область, порядочно колесили по Уралу. Съ „Титычемъ" я впервые познакомился въ Харьковѣ, въ нашей „коммунѣ". Это былъ старый совершенно запущенный флигель изъ двухъ комнатъ на Садово-Куликовской улицѣ.

Въ одной комнатѣ была сапожная мастерская, а другая, большая, служила намъ спальней. Кроватей не было. Спали мы всѣ на полу вповалку. Зимою былъ такой бѣшеный холодъ, что, прижимаясь другъ къ другу, мы едва согрѣвались. Постоянныхъ жильцовъ,—припоминаю,— здѣсь было пять человѣкъ: два брата Новицкіе, „Титычъ", Мощенко и я. Но число обывателей могло дойти и... до безконечности: на этотъ счетъ мы не стѣснялись. Ѣли мы отвратительно.

Горячая пища,—пшенная каша съ саломъ,—была рѣдкостью.

Пробавлялись больше сомнительнаго качества колбасой да полубѣлымъ хлѣбомъ.

Изъ всѣхъ членовъ кружка, «Титычъ» на меня произвелъ съ перваго раза самое сильное впечатлѣніе. Представьте себѣ молодого человѣка, почти еще юношу, высокаго роста, съ чудными, темно-сѣраго, стального отлива, холодными глазами, сухопараго, но съ желѣзными мышцами. Глядя на него, я невольно вспоминалъ шиллеровскую характеристику человѣческихъ типовъ. Шиллеръ различалъ людей толстыхъ, жирныхъ, массивныхъ, съ одной стороны, и людей худощавыхъ, сухопарыхъ,тощихъ, съ другой. Первые вялы, апатичны, инертны,—однимъ словомъ, флегматичны. Вторые —дѣятельны, энергичны, тверды и мощны. «Титычъ» именно принадлежалъ къ послѣднему типу. Руки у него были, словно клещи: онъ подымалъ, не сгибая руки, за кончикъ штыка ружье. Этотъ кундштюкъ ему разъ дорого было стоилъ. Онъ гдѣ-то работалъ съ «Андреичемъ» въ качествѣ пильщика. Среди рабочей артели былъ и отставной «николаевскій» солдатъ, славившійся, какъ си-

лачъ. Зашла какъ-то рѣчь о силѣ и ловкости. Кто-то указалъ на молодого, почти безусаго еще работника (это былъ «Титычъ») подымающаго будто ружье за кончикъ штыка. Солдатъ вскочилъ, словно ужаленный:—«который? вотъ этотъ, да у него молоко-то еще не обсохло на губахъ?». И т. д., и т. д.

Держали пари. Откуда-то достали ружье. «Титычъ» съ холоднымъ равнодушiемъ, на виду всей артели, продѣлалъ свой кундштюкъ съ такою легкостью, словно въ рукахъ у него была тросточка. Впечатлѣнiе огромное. Солдатъ буквально освирѣпѣлъ и, ошалѣлый, бросился было въ драку. Готовилось интересное зрѣлище. Старый, заматерѣлый въ дракахъ солдатъ, съ одной стороны, и молодой, словно вылитый изъ стали, гладiаторъ —съ другой. «Андреичъ» зналъ, какъ опасенъ «Титычъ» можетъ быть въ гнѣвѣ, и предупредилъ драку. Кромѣ того, рискованно было «нелегальнымъ», съ подложными паспортами, поднять скандалъ, который могъ-бы окончиться «кутузкой».

«Титычъ» не только былъ физически силенъ, но и выдавался своимъ недюжиннымъ умомъ и силою характера. Научные запросы его были громадны. Въ его походной котомкѣ вы могли найти его неизмѣнныхъ друзей: «Капиталъ» Маркса, который онъ изучилъ до тонкостей вмѣстѣ съ своимъ другомъ «Андреичемъ», физiологiю Брюкке, Жиро-Телона (кажется, «о первобытной семьѣ»), нѣкоторые томы Спенсера и проч., и проч.

Все, что онъ читалъ, онъ поразительно прочно усваивалъ:

«Надо читать не только пассивно, но и активно»,—говаривалъ «Титычъ», употребляя спенсеровскiе термины.

Онъ не только любилъ читать, онъ любилъ также дѣлиться съ товарищами относительно прочитаннаго. Послѣ работы, бывало, далеко за полночь продолжались еще наши споры.

Голосъ у него былъ рѣзкiй, говорилъ, словно топоромъ рубилъ. Терпѣть не могъ общихъ мѣстъ.

«Говори ясными, опредѣленными терминами!

Если мысль твоя ясна, то и слово найдешь!» долбилъ, какъ дятель, «Титычъ». Онъ очень любилъ цитировать извѣстныя слова изъ «Фауста»:

... Wo die Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein.

Я очень любилъ эти наши споры и вспоминаю я и теперь о нихъ съ великимъ удовольствiемъ. Это были не простые споры— «для препровожденiя времени». У «Титыча» они вытекали изъ глубинъ его глубоко честной мысли, именно: честной мысли. «Титычъ» только тогда успокаивался, когда приходилъ къ какому-либо опредѣленному заключенiю, когда искомое онъ такъ или иначе разрѣшалъ. Конечно, рѣшенiе должно было быть всегда реальное, позитивное, матерiалистическое. Идеалистическое мiровоззрѣнiе было чуждо его положительному уму. Матерiалистическое пониманiе исторiи онъ проводилъ послѣдовательно и умно. Онъ первый указалъ мнѣ историка Хлѣбникова, у котораго онъ нашелъ эту точку зрѣнiя, если не въ полномъ развитiи, то въ зачаткѣ,—по крайней мѣрѣ. Умъ у него былъ критическiй, и, при сильной его волѣ

и замѣчательной трудоспособности, онъ былъ-бы способенъ создать что-нибудь **новое**, если-бы не чрезмѣрный **скептицизмъ** его, парализовавшій, такъ сказать, силу его ума. Его скептицизмъ порою обдавалъ товарищей словно ушатомъ холодной воды. Его полныя глубокаго юмора, а порою и грубоватыя, замѣчанія нерѣдко вызывали взрывъ хохота и буквально убивали наповалъ то или другое предложеніе товарища.

Революціонное движеніе захватило «Титыча» всецѣло. Онъ, барчукъ по рожденію, онъ, высокоинтеллигентный, порвалъ круто всѣ свои связи со «старымъ міромъ». Онъ оставался въ рядахъ революціи вплоть до конца 1879 года, т. е. до того момента, когда для вдумчиваго наблюдателя было очевидно, что движеніе идетъ къ упадку. Въ пропагандистскій періодъ онъ въ качествѣ то чернорабочаго, то ремесленника-сапожника исколесилъ ½ юга Россіи. Стоически онъ переносилъ голодъ, стужу, продолжительную работу и всяческія лишенія.

Въ «землевольскую» организацію онъ вступилъ въ концѣ 1876 г. и оставался въ ней вплоть до послѣднихъ ея дней, т. е. до раздѣленія «Земли и Воли» на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ». На Воронежскомъ съѣздѣ онъ былъ несмѣняемымъ предсѣдателемъ, вошелъ въ администрацію въ противовѣсъ исключительно террористическимъ тенденціямъ нѣкоторыхъ членовъ «Земли и Воли».

«Титычъ» пользовался глубокимъ уваженіемъ среди товарищей, какъ крупная во всѣхъ отношеніяхъ индивидуальность. Въ послѣдніе два года революціонной жизни его природный скептицизмъ, подъ вліяніемъ ряда неудачъ, постигшихъ насъ, все болѣе и болѣе и обострялся и становился почти болѣзненнымъ. Свѣтлый умъ его не могъ не предвидѣть полнаго нашего крушенія: наши «поселенія» стали все болѣе и болѣе рѣдѣть, наши работники **бѣжать** изъ деревень; разочарованіе охватило «деревенщину»; терроръ все выше и выше подымалъ голову.

Въ концѣ 1879 г. или въ началѣ 1880-го «Титычъ» уѣзжаетъ за-границу. Онъ, съ такою глубокой симпатіей и уваженіемъ относившійся къ товарищамъ, оставляетъ ихъ. Это было не бѣгство съ поля битвы—о, нѣтъ! Онъ, смѣлый, рѣшительный, не могъ долѣе оставаться на **кладбищѣ**, усѣянномъ трупами павшихъ товарищей: онъ, боевой, могъ бороться лишь за такое дѣло, въ которое вѣрилъ,—наше же дѣло онъ считалъ **безповоротно** погибшимъ.

Въ 1882 г., кажется, онъ вернулся въ Россію, былъ арестованъ, заточенъ въ тюрьму, а потомъ сосланъ въ Туркестанскій край, гдѣ и пробылъ, если не ошибаюсь, 4 года.

Рѣдко можно было встрѣтить человѣка съ такими разносторонними задатками. Онъ былъ мастеръ на всѣ руки. За что ни брался—онъ преуспѣвалъ въ томъ. Какъ сапожникъ, онъ могъ-бы поспорить съ самымъ заправскимъ по этой части мастеромъ: сапожки, которые онъ шилъ, это—своего рода шедевръ. Онъ также прекрасно рисовалъ, чертилъ. Въ качествѣ рисовальщика (рѣзчика), онъ сослужилъ «Землѣ и Волѣ» большую службу: сколько десятковъ въ совершенствѣ отдѣланныхъ печатей онъ передалъ нашей «небесной канцеляріи» (паспортному бюро)!

Большой онъ былъ оригиналъ. Возвращается онъ изъ ссылки буквально съ пустымъ карманомъ и съ чуднымъ ребенкомъ-дочерью на рукахъ. Попадаетъ въ У. Жара несносная. Одѣтъ онъ въ какомъ-то самодѣльномъ пиджакѣ, перешитомъ изъ арестантскаго халата. Ищетъ работы. Какой-то солдатъ указалъ ему на какого-то добраго генерала. Звонитъ къ генералу. Послѣднiй приглашаетъ странника въ кабинетъ.

— Чѣмъ могу служить?

— Ищу работы!

— Какую должность можете вы занять?

— Отъ начальника дистанцiи до желѣзнодорожнаго стрѣлочника включительно!

Генералъ таращитъ глаза.

— Очень растяжимые предѣлы!—восклицаетъ, наконецъ, генералъ.

Въ концѣ концовъ, онъ получаетъ какой-то заказъ по части рисованiя, который выполнилъ въ совершенствѣ.

И еще примѣръ. Прiѣзжаетъ въ А.,—опять-таки за тѣмъ-же: мѣста искать. «Нордъ» возмутительный. Настроенiе—хоть повѣситься! Работа не наклевывается: связей нѣтъ, рекомендацiй тоже, а «Титычъ» привыкъ все добывать своимъ горбомъ. Заходитъ на всякiй случай въ редакцiю «Степи».

— Что прикажете?—спрашиваетъ редакторъ.

— Нѣтъ-ли какой работы въ газетѣ?—Редакторъ осматриваетъ съ головы до ногъ энергичную, сильную фигуру молодого человѣка. Впечатлѣнiе благопрiятное.

— Вы никогда не писали?

— Нѣтъ, но можно попробовать!

Редакторъ широко раскрываетъ глаза и встрѣчаетъ холодные чуть-чуть улыбающiеся глава „молодого литератора“.

— Хорошо! Напишите передовую статью на такую-то тему! Знаете, это теперь злоба дня?

„Титычъ“ кивкомъ головы соглашается. На другой день «передовица» доставлена редактору. Редакторъ доволенъ и оставляетъ „Титыча“ въ качествѣ, кажется, секретаря при редакцiи.

Спустя 2-3 мѣсяца, «Титычъ» дѣлается фактически редакторомъ «Степи». Заброшенный провинцiальный органъ становится однимъ изъ лучшихъ органовъ областной печати. «Литературныя обозрѣнiя» Титыча сдѣлали бы честь и столичной печати.

Въ послѣднее десятилѣтiе «Титычъ» выдвинулся, какъ крупный и выдающiйся культурный дѣятель. На этой аренѣ онъ развернулъ вполнѣ свой выдающiйся организаторскiй талантъ. Въ мало культурной странѣ онъ заложилъ основанiе цѣлому ряду общественныхъ учрежденiй и дѣлъ: построилъ хорошо оборудованныя больницы, школы, привелъ въ порядокъ дороги и проч., и проч.

О Хотинскомъ, тоже принадлежавшемъ къ «харьковско-ростовскому» кружку, я уже выше говорилъ. Что касается другихъ членовъ, то о нихъ скажу, что хотя они, какъ индивидуальности, были ниже Осинскаго, «Андреича» и «Титыча», но рядовыми во всякомъ случаѣ ихъ назвать нельзя. Не будучи столь даровитыми

вообще, они въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ случаяхъ проявляли недюжинныя способности. «Николка»,—разсказывали мнѣ,—могъ заставить своей пропагандой ревѣть бородатыхъ мужиковъ. Не уступали ему въ силѣ пропаганды и Новицкій («Митрошка»), и Мощенко («Хохолъ»), и «Рафаилъ» и, наконецъ, Федоровъ («Петрó»). Послѣдній, арестованный въ 1880 году въ Саратовѣ, объявилъ себя «бродягой», «непомнящимъ родства»; онъ ссылается въ Восточную Сибирь; по дорогѣ онъ становится старостой большой партіи уголовныхъ преступниковъ, завязываетъ обширныя связи въ этой средѣ, пользуется уваженіемъ начальства. По прибытіи на мѣсто поселенія, является къ товарищамъ нашимъ, которые узнаютъ его. Онъ вскорѣ становится во главѣ организаціи, поставившей себѣ цѣлью освобожденіе товарищей изъ ссылки. Въ 1882 году онъ вступаетъ въ сношенія съ бѣжавшими изъ тюрьмы Е. Н. Ковальской и Богомолецъ. Начальство стало тревожиться. Когда, наконецъ, начальству удалось напасть на его слѣдъ и захватить его, оно всплеснуло руками, увидѣвъ своего плѣнника: «Да вѣдь этотъ очиститъ намъ всю Сибирь отъ политическихъ!»

Федорова, если не ошибаюсь, судили и сослали на поселеніе въ Якутскую область, гдѣ въ 1882 году я снова съ нимъ увидѣлся. Онъ опять мечталъ о побѣгѣ. Ужъ былъ выработанъ грандіозный планъ, по которому рѣшившіе бѣжать—М. Натансонъ, В. Натансонъ, Тютчевъ, Федоровъ и я—должны были перезимовать въ тайгѣ, а потомъ весною перебраться черезъ одинъ изъ хребтовъ якутскихъ горъ на Забайкалье. Случайное, непредвидѣнное совершенно обстоятельство разстроило нашъ планъ. Но Федоровъ въ 1888 году все-таки бѣжалъ изъ Якутской области въ Америку, гдѣ, говорятъ, онъ и теперь находится.

Приблизительно въ концѣ ноября получилось извѣстіе отъ Валеріана Осинскаго изъ Петербурга о томъ, что переговоры съ кружкомъ Натансона уже закончены, но что необходимо, чтобы туда выѣхало еще нѣсколько членовъ нашего кружка для выработки устава и программы общества. Намѣчены были «Титычъ», Мощенко и я. Намъ также писали, что въ общество вступилъ Дмитрій Лизогубъ. Это было очень важное извѣстіе, такъ какъ въ лицѣ Дмитрія Лизогуба наше общество пріобрѣло очень серьезнаго, беззавѣтно преданнаго революціи, товарища, отдавшаго, кромѣ того, обществу свои довольно значительныя матеріальныя средства.

Пока мы ждали нашего отъѣзда изъ Харькова, въ Петербургѣ случилась «казанская демонстрація». Какъ всякое новое явленіе, оно не было понято и вызвало толки вкривь и вкось. «Либеральное» общество оплевало насъ. Но о немъ и не стоитъ говорить. «Лавристы», и тѣ всячески злословили.

Лавристы или марксисты прямо-таки заявили urbi et orbi, что «казанская демонстрація»—послѣдній вздохъ «троглодитовъ» (революціонеровъ-народниковъ).

Между тѣмъ казанская демонстрація была первый и очень важный опытъ революціонеровъ-народниковъ на пути «агитаціи

дѣломъ». «Сѣверная революцiонно-народническая группа» заявила тогда впервые о своемъ существованiи демонстративно.

Много воды утекло съ того времени. Мы можемъ теперь къ этой демонстрацiи отнестись болѣе спокойно—sine ira. Когда въ январѣ 1877 г. я и мои товарищи, «Титычъ», Никандръ и Мощенко, прибыли въ Петербургъ, то, по поводу этой демонстрацiи, намъ наговорили буквально въ три короба всякой ерунды. Только Валерiану Осинскому и Марку Натансону удалось разсѣять наши сомнѣнiя, и демонстрацiя была представлена въ настоящемъ ея свѣтѣ. „Оратора", т. е. Плеханова, мы тогда не застали въ Петербургѣ: онъ на время, по тактическимъ соображенiямъ, исчезъ съ горизонта—выѣхалъ временно заграницу. Зато мы имѣемъ теперь возможность, на основанiи собственныхъ воспоминанiй самого Плеханова, дать совершенно объективную характеристику этой въ свое время столь нашумѣвшей демонстрацiи.

Вотъ что пишетъ Г. В. Плехановъ *):

«Уже къ концу 1876 г., когда землевольцы только еще приступали къ устройству революцiонныхъ «поселенiй въ народѣ», пропаганда между рабочими приняла довольно широкiе размѣры, какъ въ Петербургѣ (въ Галерной гавани, на Васильевскомъ островѣ, на Петербургской и Выборгской сторонахъ, на Обводномъ каналѣ, за Невской и Нарвской заставами), такъ и въ его окрестностяхъ (въ Колпинѣ, на Александровской мануфактурѣ, въ Кронштадтѣ и т. д.). Но я уже сказалъ, что «бунтари» не довольствовались пропагандою и во что бы ни стало хотѣли *агитировать***). Наше направленiе увлекло, наконецъ, и рабочихъ. Въ то время у всѣхъ была въ памяти демонстрацiя, ознаменовавшая весною 1876 г. похороны убитаго тюрьмою студента Чернышева, который былъ арестованъ по дѣлу 193. Она произвела очень сильное впечатлѣнiе на всю интеллигенцiю, и все лѣто того года мы, что называется, бредили демонстрацiями. Но въ чернышевской демонстрацiи рабочiе не принимали участiя, такъ какъ произошла она въ будни, да и подготовители ея какъ-то не вспомнили о рабочихъ: Чернышева хоронила «интеллигенцiя». И вотъ рабочимъ захотѣлось сдѣлать свою демонстрацiю, и при томъ такую, которая своимъ рѣзко-революцiоннымъ характеромъ совершенно затмила бы демонстрацiю «интеллигентовъ». Они увѣряли насъ, что если хорошо взяться за дѣло и выбрать для демонстрацiи праздничный день, то на нее соберется до 2000 рабочихъ. Мы сомнѣвались въ этомъ, но бунтарская жилка заговорила въ каждомъ изъ насъ, и мы сдались. Такъ произошла извѣстная казанская демонстрацiя 6 декабря 1876 года». Дальнѣйшiя подробности этой демонстрацiи читатель найдетъ въ брошюрѣ «Русскiй рабочiй въ революцiонномъ движенiи». Я хочу отмѣтить здѣсь лишь *существенную* черту этой демонстрацiи: это была по замыслу *исключительно рабочая* демонстрацiя («и вотъ рабочимъ захотѣлось сдѣлать *свою* демонстрацiю...»), интеллигенцiя пристала къ этой демонстрацiи сама со-

---

*) „Русскiй рабочiй въ революцiонномъ движенiи" стр. 18 и слѣд. Изданiе 2-е. 1902 г.

**) Курсивъ вездѣ автора воспоминанiй (Плеханова).

бою, объ интеллигенціи организаторы демонстраціи мало думали: «придетъ, молъ, и безъ зова, а не придетъ—бѣда не велика, пожалуй, даже лучше будетъ, выйдетъ чисто-рабочая демонстрація» («Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи»).

Тѣмъ не менѣе, утромъ 6 декабря у Казанскаго собора собралось много учащейся молодежи, такъ что сравнительно съ рабочими молодежь, вопреки первоначальнымъ разсчетамъ организаторовъ, оказалась въ большинствѣ. Рабочихъ пришло немного: 200—250 человѣкъ.

Какъ отнеслась «интеллигенція» къ демонстраціи—мы уже знаемъ. Совершенно правъ Плехановъ, говоря, что «для «интеллигенціи» цѣль демонстраціи такъ и осталась невыясненной, вѣроятно, потому, что въ ея подготовленіи «интеллигенція» принимала участіе только въ лицѣ немногихъ «землевольцевъ», дѣйствовавшихъ въ рѣдкихъ кварталахъ Петербурга. Понятно, далѣе, почему „одни осуждали, другіе превозносили ее, хотя очень часто и тѣ и другіе имѣли о ней совершенно ошибочное понятіе“.

Любопытно отношеніе народа къ этой демонстраціи. Г. В. Плехановъ по этому поводу отмѣчаетъ: „Но именно народу-то, по крайней мѣрѣ, столичному народу, она и оказалась непонятной (здѣсь рѣчь идей о знамени «Земля и Воля»).

—Какъ-же это такъ,—разсуждали потомъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ,—они хотѣли земли и воли? Земля-то это такъ, земли точно надо бы дать крестьянамъ, а воля-то вѣдь ужъ дана. Въ чемъ же тутъ дѣло?—Вышло, что съ девизомъ „Земля и Воля“ мы опоздали по меньшей мѣрѣ на пятнадцать лѣтъ. Впрочемъ, мѣстами въ крестьянствѣ слышались на этотъ счетъ другіе отзывы. Жившій въ Малороссіи товарищъ разсказывалъ мнѣ, что разъ при немъ зашла рѣчь о казанской демонстраціи. «Они хорошаго хотѣли, замѣтилъ одинъ старикъ, этого всѣ хотятъ, намъ всѣмъ нужна земля и воля».

Тотъ-же старикъ никакъ не хотѣлъ повѣрить, что революціонеровъ могутъ преслѣдовать за столь справедливыя требованія.— «Ничего имъ не было, утверждалъ онъ, просто царь призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ: подождите, хлопцы, будетъ вамъ и земля, и воля, только не надо объ этомъ кричать на улицахъ». Вообще, о казанской демонстраціи такъ или иначе заговорила вся Россія“.

Въ заключеніе своего описанія казанской демонстраціи Плехановъ говоритъ слѣдующія знаменательныя слова:—«Казанская демонстрація была первою попыткою практическаго примѣненія нашихъ понятій объ агитаціи*).

Понятія эти были въ то время еще слишкомъ отвлеченны, и уже по одному этому не могло быть удачнымъ ихъ практическое примѣненіе. Казанская демонстрація наглядно показала, что мы всегда будемъ оставаться одни, если въ своей революціонной дѣятельности будемъ руководствоваться лишь своимъ отвлеченнымъ пристрастіемъ къ «агитаціи», а не существующимъ настроеніемъ и

*) Курсивъ Плеханова (вездѣ).

данными насущными нуждами той среды, въ которой собираемся агитировать».

Наконецъ, въ концѣ января 1877 года, мы, т.-е., я, «Титычъ» и Мощенко выѣхали въ Петербургъ; я съ «Титычемъ» вмѣстѣ, Мощенко—особо.

Въ Петербургѣ остановились на конспиративной квартирѣ, кажется на Басейной. Квартира состояла изъ 2-хъ комнатъ: одной большой и свѣтлой и маленькаго кабинета. На этой именно квартирѣ я познакомился съ М Натансономъ. Нѣсколько дней спустя по прибытіи нашемъ въ Петербургъ конспиративную нашу квартиру посѣтилъ господинъ выше средняго роста, шатенъ, съ живыми, проницательными карими глазами. Онъ вошелъ въ комнату, гдѣ насъ тогда было нѣсколько человѣкъ, торопливо поздоровался и шмыгнулъ въ кабинетъ, гдѣ долго оставался, тихо разговаривая о чемъ то съ М—овымъ.—Кто это?—спросилъ я живо у «Титыча».—«Маркъ Натансонъ, онъ же: «Петръ Ивановичъ»! былъ отвѣтъ.

Переговоривъ съ М—овымъ, Натансонъ вышелъ къ намъ и присоединился къ нашему разговору. Не помню теперь, о чемъ мы тогда говорили, но помню хорошо, что первое впечатлѣніе было не особенно благопріятное.—«Ужъ очень онъ щупаетъ глазами своего собесѣдника»,—подумалъ я тогда, немного разочарованный. Конечно, о произведенномъ на меня Натансономъ впечатлѣніи я никому ничего не сказалъ. Предъ уходомъ Натансонъ пригласилъ меня и «Титыча» къ себѣ на блины. Мы отправились къ Натансону спустя 2—3 дня. Хозяева, Маркъ и Ольга Натансоны, приняли насъ очень душевно. Вскорѣ пришелъ Валеріанъ, и наша бесѣда сильно оживилась. Говорили, конечно, о bête noire того времени— о «казанской демонстраціи», при этомъ Валеріанъ попутно сообщилъ намъ весьма пикантный анекдотъ о тогдашнемъ начальникѣ III отдѣленія, Колышкинѣ. Но гвоздемъ нашего разговора была наша предстоящая революціонная дѣятельность, наша программа.

Мы согласились черезъ нѣсколько дней снова собраться и выслушать докладъ о программѣ одного изъ членовъ нашего общества «Андреева».

Въ этотъ разъ,—скажу попутно,—М. Натансонъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Черезъ нѣсколько дней, какъ условились, мы собрались: я «Титычъ», Мощенко, какъ представители «харьковско-ростовскаго» кружка, М. и О. Натансоны и «Андреевъ» (онъ же „Сергѣй Андреевъ")—какъ представители «Сѣверной революціонно-народнической группы». Въ моей памяти хорошо врѣзалась обстановка этого вечерняго засѣданія: небольшой, но уютный кабинетъ, зажженная лампа на столѣ, предъ столомъ въ креслѣ молодой плотный господинъ, съ крупными, неправильными чертами лица и отчетливой, увѣренной рѣчью. Это былъ «Андреевъ». Мы, харьковцы, размѣстились рядкомъ на диванѣ, противъ насъ на стульяхъ—Натансоны. «Андреевъ» началъ читать программу.

Чтеніе продолжалось довольно-таки долго, такъ какъ докладчику приходилось останавливаться, то давая объясненія по поводу

того или другого тутъ же возникшаго вопроса, то внося тѣ или другія, предложенныя слушателями, поправки. Справедливость требуетъ сказать, что первая народническая программа была прекрасно и толково написана, особенно ея догматическая и тактическая части. Конечно, ничего оригинальнаго въ этой программѣ не было. Это была, прежде всего, программа Бакунина, только болѣе полно обоснованная историческими данными и фактами современной дѣйствительности. Отношеніе программы къ соціализму было вполнѣ опредѣленное. Соціализмъ, какъ доктрина, соціалистическій строй, какъ конечный идеалъ, признается и этой программой.

Но, въ примѣненіи къ русской дѣйствительности, соціализмъ, по необходимости, пришлось урѣзать, — такъ сказать, окарнать: взять изъ него только то, что не противорѣчитъ исконнымъ народнымъ идеаламъ, воззрѣніямъ и требованіямъ, вылившимся въ опредѣленныя формы уклада народной жизни. Получился, такимъ образомъ, компромиссъ между идеалами соціализма, съ одной стороны, и народными идеалами—съ другой. Это —характерная черта нашей революціонно-народнической программы. Таковою она по существу оставалась все время. Дальнѣйшая эволюція не внесла въ эту программу ничего существеннаго. Когда, спустя годъ, согласно уставу общества, былъ поставленъ на очереди вопросъ о пересмотрѣ программы, то, за исключеніемъ нѣсколькихъ дополнительныхъ пунктовъ о дѣятельности въ народѣ, въ самой программѣ въ ея цѣломъ никакихъ измѣненій не было сдѣлано.

Программа была принята.

Мнѣ, какъ лѣтописцу того времени, слѣдовало бы, можетъ быть, изложить здѣсь народничество въ первоначальной его редакціи, въ той формѣ, въ какой оно вышло изъ-подъ пера землевольцевъ.

Къ сожалѣнію, въ этой именно формѣ я его не помню, а въ другой, во избѣжаніе недоразумѣній, я не желаю излагать его, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время (писано въ 1883 году) основныя начала народничества, полагаю, достаточно хорошо уже извѣстны всѣмъ. Замѣчу лишь здѣсь попутно, что наша программа въ началѣ 1878 г. была въ сохранности въ нашемъ архивѣ. Я слышалъ это отъ Ольги Натансонъ, Оболешева и Адріана Михайлова.

Конечно, очень жаль, что этой первоначальной нашей программы въ настоящее время у насъ нѣтъ подъ руками. Ниже я коснусь эволюціи нашей программы въ послѣдній годъ существованія общества «Земли и Воли», а пока ограничусь лишь изложеніемъ практической, точнѣе тактической, части нашей программы, которая осталась неизмѣнной въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ существованія нашего общества. «Практическая» программа трактуетъ о способахъ и пріемахъ борьбы.

Исходя изъ того положенія, что только экономическая революція снизу, при посредствѣ самого народа, можетъ привести къ окончательному разрушенію современнаго общественнаго строя и къ осуществленію болѣе справедливой, согласной съ народными

идеалами, общественной организаціи,—землевольцы считаютъ необходимымъ, чтобы операціоннымъ базисомъ ихъ революціонной дѣятельности была обязательно народная масса.

А потому задачи ихъ въ народѣ сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующему:

1) Организаціонная дѣятельность. Необходимость этой дѣятельности оправдывалась какъ современнымъ положеніемъ вещей, такъ и историческимъ опытомъ. Исторія учитъ насъ,—говорили землевольцы,—что разъ въ обществѣ существуютъ глубокія противорѣчія, разъ эти противорѣчія не удалены заблаговременно, то они должны неизбѣжно разрѣшиться революціоннымъ путемъ. И, смотря по тому, какія соціальныя группы вовлечены въ борьбу, революціонный путь можетъ выразиться двояко: либо стихійно, либо сознательно. Если на арену борьбы выступаетъ масса, то движеніе имѣетъ характеръ почти естественно-историческій: сознаніе въ немъ мало участвуетъ, плана и организаціи нѣтъ. А потому такое движеніе въ громадномъ большинствѣ случаевъ почти неизбѣжно кончается пораженіемъ. Сознательно, планомѣрно бываетъ лишь движеніе тогда, когда руководителями его становятся нѣсколько лицъ или группа лицъ съ ясною критикой существующаго и съ опредѣленнымъ планомъ боевой организаціи. И здѣсь, конечно, возможны неудачи, но онѣ обусловливаются случайностями, а не вытекаютъ, какъ необходимость, изъ характера самого движенія. А потому, жизненной задачей всякой народнически-революціонной партіи должна быть—организація въ народѣ такой боевой дружины, которая, концентрируя въ себѣ всѣ матеріальныя и духовныя орудія борьбы, сумѣла-бы, въ благопріятный моментъ, либо сама вызвать всеобщее возстаніе, либо-же, въ случаѣ самопроизвольнаго его зарожденія, утилизировать его,—по крайней мѣрѣ, для народныхъ цѣлей.

Но такого рода дѣятельность предполагаетъ цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ. Нельзя приступить къ организаціи въ народѣ, не имѣя или не создавши для этого благопріятной обстановки, а потому—

2) Агитаціонная дѣятельность является необходимымъ предварительнымъ условіемъ, при помощи котораго такая обстановка создается. Агитація, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть двоякая: пассивная (подача прошеній, посылка ходоковъ, забастовки, отказъ отъ платежа податей и проч.) и активная (бунты и возстанія).

3) Установленіе правильныхъ сношеній съ имѣющимися уже готовыми въ народѣ организаціями (Раскольничьими и сектантскими).

4) Пропаганда народнически-революціонныхъ идей въ средѣ общества, молодежи и городскихъ рабочихъ, съ цѣлью увеличить число «критически - мыслящихъ», сознательно - дѣйствующихъ поборниковъ народа. Этими четырьмя пунктами исчерпывается суть «практической» (тактической) землевольской программы.

Одновременно съ программой былъ выработанъ и уставъ организаціи общества. Уставъ имѣлъ лишь временный, такъ сказать, провизорный характеръ: спустя годъ онъ долженъ былъ быть измѣненнымъ или дополненнымъ согласно съ указаніемъ опыта. Это очень интересный документъ.

Къ сожалѣнію, я не могу воспроизвести его цѣликомъ, а ограничусь лишь общей его характеристикой и приведеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ положеній, сохранившихся въ моей памяти, о правахъ и обязанностяхъ членовъ общества и объ организаціи самого общества.

Въ основу устава былъ положенъ строго и систематически проведенный принципъ централизаціи, съ вытекающей изъ него конспиративностью. Этого требовало:

Цѣль общества—объединеніе и сплоченіе разрозненныхъ революціонныхъ силъ молодежи въ прочное, согласованное во всѣхъ частяхъ своихъ единое цѣлое.

Центральное мѣсто общества занимаетъ «основной кружокъ», въ рукахъ котораго находятся, такъ сказать, «всѣ корни и нити» прочихъ революціонныхъ организацій.

Существованіе «основного кружка» сохраняется въ тайнѣ.

Въ члены «основного кружка» принимается всякій революцінеръ - народникъ по рекомендаціи не менѣе трехъ членовъ «основного кружка».

Поступая въ члены «основного кружка», вновь принятый членъ этимъ самымъ беретъ на себя обязательство подчиняться всѣмъ его распоряженіямъ.

Членъ кружка, осуществляя на практикѣ цѣль и программу общества, организуя новыя секціи, по образу и подобію «основного кружка», обязанъ отдавать отчетъ о своей дѣятельности «основному кружку».

Новыя секціи, образованныя усиліями члена или членовъ «основного кружка», сохраняютъ полную автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Въ виду возможной убыли членовъ «основного кружка», основателю (или основателямъ) секцій предоставляется право привлекать къ кружку тѣхъ или другихъ членовъ (секцій), согласно уставу.

Организація «основного кружка» была такова:

А) Администрація („центръ“). Она, какъ названіе ея показываетъ, вѣдала всѣ дѣла общества. Мѣстопребываніемъ администраціи обязательно должна была быть столица,—Петербургъ. Составъ ея мѣняется и члены ея выбираются по большинству голосовъ. Это была самая дѣятельная группа при основаніи общества. Работа была самая египетская. Помимо того, что группа управляла всѣми дѣлами общества, она еще служила бюро для всевозможныхъ справокъ посторонним лицамъ. Въ рукахъ администраціи была и «небесная канцелярія» (паспортное отдѣленіе, фабрикація паспортовъ), а это одно поглощало много времени, особенно впослѣдствіи, ког-

да запросъ на паспорта увеличился до-нельзя. Это вынудило администрацію образовать особую паспортную группу, съ ея подраздѣленіями. Какъ ни велико было значеніе администраціи, но она не могла сдѣлать серьезнаго шага, не испросивши разрѣшенія «Совѣта», а въ очень важныхъ случаяхъ и согласія всѣхъ членовъ общества. «Совѣтъ» собственно не составлялъ отдѣльной группы, съ опредѣленными обязанностями. Да и составъ его крайне измѣнялся. Въ него, со включеніемъ администраціи, входили тѣ члены общества, которые постоянно или временно находились въ Петербургѣ по своимъ дѣламъ. Когда предстояло дѣло, не терпящее отлагательства, то администрація обыкновенно обращалась за совѣтами и указаніями ко всѣмъ находящимся въ наличности членамъ общества. Практика закрѣпила этотъ обычай, и «Совѣтъ» сталъ существовать фактически, какъ очень полезная пружина въ общемъ механизмѣ управленія.

В) Интеллигентная группа. Пропаганда, агитація и организація въ средѣ учащейся молодежи, особенно высшихъ учебныхъ заведеній.

С) Рабочая группа. То же въ средѣ рабочихъ.

Д) «Деревенщина». Самая многочисленная группа, операціоннымъ базисомъ дѣятельности которой была деревня вообще.

Е) Дезорганизаторская группа. Характеръ дѣятельности этой группы, тѣ широкія полномочія, которыя она получила отъ общества, сразу поставили ее въ исключительное положеніе. Дезорганизаторская дѣятельность, въ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣла цѣлью рядомъ разнообразныхъ дѣйствій и положеній ослабить правительственный механизмъ, внося въ него элементы вражды и разложенія. Членамъ этой группы вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность завязывать сношенія съ разнообразными лицами правительственныхъ сферъ, съ тѣмъ, чтобы, при помощи этихъ послѣднихъ, открывалась возможность къ занятію важныхъ для революціонныхъ цѣлей должностей.

Въ спеціальномъ смыслѣ дезорганизаторская дѣятельность преслѣдовала слѣдующія цѣли: 1) освобожденіе изъ подъ ареста товарищей; 2) защита отъ правительственнаго произвола. Уже тогда было извѣстно, что правительственныя лица, особенно въ тюрьмахъ, позволяютъ себѣ возмутительные поступки съ заключенными, чтобы вынудить у нихъ нужныя имъ показанія. Въ виду этого, общество «Земля и Воля», не задаваясь непосредственною цѣлью борьбы съ правительствомъ, сочло, тѣмъ не менѣе, нужнымъ создать группу для спеціальныхъ случаевъ такой борьбы, когда этого, напримѣръ, требовала честь революціонной партіи.

3) Самозащита. Случаи измѣны уже были въ то время, а въ виду расширяющагося изо дня въ день революціоннаго движенія ихъ слѣдовало, естественно, ждать и въ будущемъ. Поэтому общество возложило на дезорганизаторскую группу обязанность, въ случаѣ несомнѣнно доказанной измѣны того или другого лица, «изъять это послѣднее изъ обращенія», т. е. убить. Необходимость и возможность этой мѣры доказаны впослѣдствіи опытомъ.

По уставу общества дезорганизаторской группѣ были предоставлены широкія полномочія и значительныя матеріальныя средства. Дезорганизаторская группа имѣетъ право образовать секціи, съ такимъ же направленіемъ вездѣ, гдѣ, по обстоятельствамъ, она найдетъ это нужнымъ. Всѣ предпріятія дезорганизаціоннаго свойства должны вестись строго конспиративно. Администрація или Совѣтъ должны лишь знать въ самыхъ общихъ чертахъ о предполагаемомъ дезорганизаторскомъ поступкѣ, всякія же детали остаются въ глубокой тайнѣ.

Было бы, однако, ошибочно думать, что группы, на которыя наше общество подѣлилось, представляли собою что-то замкнутое и обособленное. Нѣтъ! члены, входящіе въ составъ этихъ группъ, могли свободно переходить изъ одной группы въ другую, сообразно своимъ наклонностямъ и природнымъ способностямъ. Признавая принципъ строгой централизованности въ структурѣ нашего общества, мы, тѣмъ не менѣе, избѣгали всякаго давленія на личность нашихъ товарищей; мы не позволяли себѣ загонять эту личность въ тѣсныя рамки дѣлового формализма, памятуя твердо, что только свободное и полное проявленіе скрытыхъ въ каждомъ изъ насъ потенціальныхъ революціонныхъ силъ гарантируетъ вполнѣ жизнедѣятельность нашей организаціи.

Мы подѣлились на группы, такъ какъ этого требовалъ принципъ раздѣленія труда, но, раздѣлившись, мы всѣ, во всей совокупности нашихъ группъ, были объединены одной идеей, одной цѣлью, однимъ революціоннымъ порывомъ. Мы, такимъ образомъ, организаціей общества «Земля и Воля» реализовали на практикѣ, по скольку это было возможно, принципъ единства въ многообразіи, т. е., по возможности, осуществили самый совершенный типъ организаціи революціонныхъ силъ.

Съ принятіемъ устава и программы завершилось формально присоединеніе «харьковско-ростовскаго» кружка къ кружку петербургскихъ «революціонеровъ-народниковъ».Такъ образовалась «Сѣверная революціонно-народническая» группа, извѣстная ужъ со 2-й половины 1878 года подъ именемъ общества «Земля и Воля».

Въ «основной кружокъ» общества вошли слѣдующія лица: Маркъ Андреевичъ Натансонъ («Петръ Ивановичъ» тожъ), Ольга Натансонъ, Оболешевъ—«Сабуровъ» («Лешка» тожъ), Адріанъ Михайловъ, Александръ Михайловъ («Дворникъ», а впослѣдствіи—«Петръ Ивановичъ»), Дмитрій Лизогубъ («Дмитрô»), Валеріанъ Осинскій, Александръ Квятковскій, «Андреичъ» («Боголюбовъ»—Емельяновъ), Михаилъ Поповъ («Родіонычъ»), Георгій Валентиновичъ Плехановъ («Ораторъ», «Жоржъ»), Е. Преображенскій («Юристъ»), Трощанскій («Мартышка»), Аронъ Зунделевичъ («Мойша»), Баранниковъ («Семенъ», «Сенька»), «Титычъ», «Сергѣй Андреевъ» (короче: «Андреевъ»), Леонидъ Булановъ, «Егорычъ», Александръ Хотинскій, Мощенко («Хохолъ», «Мазныця», «Никандръ»), Тютчевъ («Тютка»), О. Аптекманъ («Осипъ»), В. Н. Игнатовъ, Бердниковъ. Во главѣ кружка стоялъ Маркъ или, какъ мы тогда его называли, «Петръ Иванычъ». Его неутомимой энергіи и выдающемуся организаторскому

таланту обязано общество «Земля и Воля» своимъ возникновеніемъ и первоначальной своей организаціей. Его работоспособность была прямо поразительна. Онъ не зналъ, кажется, устали. Этой стороной своей индивидуальности Маркъ поразилъ меня ужъ въ первое время нашего знакомства. Весною 1877 года я былъ короткое время въ Петербургѣ. Маркъ жилъ тогда, если не ошибаюсь, въ Лештуковомъ переулкѣ, на конспиративной квартирѣ, вмѣстѣ съ Оболешевымъ и Александромъ Михайловымъ. Я каждый день бывалъ на этой квартирѣ, приходилось и ночевать. Маркъ в сь день работалъ, какъ волъ, и, возвращаясь домой ужъ поздно ночью, онъ, бывало, еще запрется въ своемъ кабинетѣ и до разсвѣта просиживаетъ надъ текущей работой. Впрочемъ, у нашего Марка была одна слабость, на которой его, «Натана Мудраго»,—какъ я его прозвалъ,—можно было легко поймать. Это—игра въ шахматы; ради шахматъ только Маркъ могъ оставить работу.

А работа предстояла дѣйствительно громадная. Въ виду тѣхъ цѣлей, которыя себѣ поставила «Земля и Воля», необходимо было завязать широкія сношенія какъ въ обществѣ, такъ и среди молодой интеллигенціи; необходимо было установить опредѣленныя отношенія къ революціонно-народническимъ группамъ юга Россіи («южанамъ») и прочимъ революціоннымъ группамъ («уральской» группы Н. Н. Смецкой); необходимо было, наконецъ, привести въ извѣстность массу «одиночекъ»—революціонеровъ такого же народническаго направленія, какъ и само общество «Земля и Воля», и такъ или иначе пріобщить первыхъ къ послѣднему. Вся эта работа почти цѣликомъ лежала на Маркѣ, и онъ выполнилъ ее, по правдѣ сказать, прекрасно.

Весною 1877 года общество «Земля и Воля» уже стояло наготовѣ, во всеоружіи, такъ сказать, чтобы выступить на новый путь революціонной дѣятельности въ народѣ. Общество мобилизируетъ своихъ членовъ для организаціи «поселеній» въ Поволжьѣ и на Дону. Наша организація была еще юная, наша программа новая, нашъ путь—не проторенный еще путь. Конечно, не мало препятствій еще предстояло намъ преодолѣть, но мы шли бодро: мы знали, чего мы хотимъ и куда мы идемъ. На первыхъ порахъ насъ встрѣтили съ недовѣріемъ, но это куда ни шло! Это вполнѣ естественно: не слѣпо же отдаваться новому направленію! Но горько было видѣть и слышать, какъ на насъ обрушилась косность мысли, инертность чувствъ и воли!

Въ этомъ отношеніи первую скрипку играли «лавристы» или, какъ они стали тогда важно называть себя, «марксисты». Насъ насмѣшливо назвали «троглодитами», обобщая единичныя, индивидуальныя черты какого-нибудь оригинала изъ членовъ «Земли и Воли» въ общую характеристику всѣхъ членовъ организаціи, всей группы. Казанская демонстрація, какъ я уже выше упомянулъ, дала еще болѣе обильную пищу всякаго рода недоразумѣніямъ, недоумѣніямъ и всяческимъ кривотолкамъ. Цѣлая легенда была создана о насъ, и отклики этой легенды слышны были еще много лѣтъ спустя *).

*) „Былое", май 1906 г. „Далекое и недавнее" О. С. Любатовичъ.
Въ своихъ воспоминаніяхъ О. С. Любатовичъ не ахти какъ любезно

Но насъ это ничуть не смущало. Пусть люди говорятъ, что хотятъ, а мы пойдемъ своей дорогой! Если мы ошибаемся, если заблуждаемся, то это неизбѣжно: въ борьбѣ мы обрѣтемъ и возможную истину, и вѣрный путь.

Насъ очень обрадовало тогда, когда узнали, что нашъ маститый соціалистъ, П. Л. Лавровъ, въ это же время выступилъ съ программой, весьма близкой къ нашей. Программа эта обнародована въ № 48 газеты «Впередъ» за 1876 г. Одинъ пунктъ этой программы настолько характеренъ, что не могу себѣ отказать въ удовольствіи привести его дословно: «Соціальная революція,—говоритъ Петръ Лавровичъ,—должна быть подготовлена тайной организаціей революціонныхъ силъ, дѣйствующихъ путемъ пропаганды и агитаціи, пока онѣ не будутъ достаточно велики для производства обширнаго революціоннаго взрыва».

Понятно, почему лавристы отказались отъ своего учителя и переименовали себя въ «марксистовъ»: лавризмъ въ теперешней его эволюціи обязывалъ ихъ работать въ деревнѣ, марксизмъ же открывалъ имъ возможность... оставаться въ городахъ.

Въ то время, какъ нашъ корабль ужъ отправился было на всѣхъ парусахъ въ путь, нашъ кормчій, Маркъ, потерпѣлъ аварію, обидную, злую аварію: въ началѣ іюня 1877 года, если не ошибаюсь, онъ былъ арестованъ. За нимъ слѣдили по пятамъ и, наконецъ, поймали его на улицѣ. Агентъ, задержавшій Марка, полу-

---

аттестуетъ общество „Земля и Воля". Это куда ни шло! Но вотъ что она пишетъ съ легкимъ сердцемъ: „Вообще послѣ неудачной демонстраціи 6 декабря 1876 года или, какъ ее называютъ, казанской демонстраціи, происшедшей, какъ говорили, по инціативѣ этого кружка, и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой былъ Плехановъ, благополучно избѣжавшій ареста, несмотря на произнесенную имъ рѣчь на площади, въ то время, какъ многіе изъ молодежи, пришедшіе просто на панихиду (по Чернышевскомъ) и ничего не знавшіе о замыслахъ этого кружка, поплатились долголѣтней каторгою и ссылкою, однимъ словомъ, послѣ казанской демонстраціи кружокъ этотъ съ нечаевскими традиціями потерялъ на время престижъ въ революціонномъ мірѣ". О. С. Любатовичъ имѣла возможность узнать во всѣхъ подробностяхъ, кѣмъ и какъ была организована казанская демонстрація изъ перваго источника: отъ Ольги Натансонъ, Александра Михайлова, Адріана Михайлова, Оболешева, Осинскаго и проч., съ которыми она видѣлась въ августѣ (или сентябрѣ) 1878 года и которые приняли ее, Любатовичъ, какъ желаннаго товарища и дорогую сестру, въ свою рабочую семью. Отъ нихъ, устроившихъ вмѣстѣ съ Плехановымъ казанскую демонстрацію, она узнала бы, что демонстрація затѣяна исключительно рабочими и что готовилась демонстрація исключительно рабочая, а не интеллигентная, что интеллигенція сама, по своей собственной инціативѣ, пристала къ рабочей демонстраціи, что интеллигенцію никто не звалъ, что ни о какихъ панихидахъ первоначально ни землевольцы, ни сами рабочіе не думали, и что, наконецъ, если „Плехановъ благополучно избѣжалъ ареста, то это благодаря рабочимъ только, съ трудомъ отбившимъ его отъ рукъ полиціи. Вмѣсто того, говоримъ мы, чтобы обратиться къ первоисточнику, О. С. Любатовичъ довольствуется bona fide сомнительнымъ „какъ говорили" и бросаетъ съ легкимъ сердцемъ направо и налѣво какіе-то темные намеки.

„Есть рѣчи—значенье темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненія внимать невозможно..."

чилъ отъ него такую затрещину, что отлетѣлъ отъ него прочь. Маркъ пустился въ бѣгство, причемъ, благодаря счастливой случайности, успѣлъ передать въ это время встрѣтившейся ему Т-вой весьма важныя бумаги. Агентъ, очнувшись, поднялъ тревогу и при помощи полиціи догналъ Марка и задержалъ его. Такъ и не суждено было Марку дольше оставаться во главѣ созданной имъ организаціи. Но дѣло его не погибло. Его вѣрный другъ и товарищъ, Ольга Натансонъ, сдѣлалась душою этой организаціи. Вмѣстѣ съ Оболешевымъ, Александромъ Михайловымъ (который, попутно замѣчу, преклонялся предъ Маркомъ до того, что впослѣдствіи назвался „Петромъ Ивановичемъ", желая этимъ сохранить какъ-бы непосредственную преемственность марковской традиціи,—идейной и тактической) и Адріаномъ Михайловымъ и проч. незабвенная наша Ольга продолжала неустанно работать надъ усовершенствованіемъ завѣщаннаго ей дорогого дѣла. Печальное извѣстіе объ арестѣ Марка заставило Ольгу поспѣшно вернуться изъ Саратова, куда она отправилась еще ранней весною 1877 г. вмѣстѣ съ Трощанскимъ, для организаціи въ Поволжьи революціонныхъ «поселеній». Ольга Натансонъ становится, такимъ образомъ, съ этого времени несмѣняемымъ членомъ петербургскаго «центра» „Земли и Воли". Она оставалась въ администраціи вплоть до ея ареста въ октябрѣ 1878 года, когда, послѣ убійства Мезенцева, правительству удалось, наконецъ, нанести намъ страшный ударъ.

Она оставалась на стражѣ нашей неокрѣпшей еще тогда молодой организаціи,—дорогой, вѣрный нашъ товарищъ, дорогая милая наша сестра.....

Ея неутомимой энергіи, ея дѣловымъ и личнымъ связямъ «Земля и Воля» обязана привлеченіемъ зимою 1877—78 года многихъ энергичныхъ, талантливыхъ и вѣрныхъ народу революціонныхъ работниковъ. Благодаря Ольгѣ Натансонъ, къ намъ зимою 1877—78 года окончательно пристали С. Перовская, С. Кравчинскій, Д. Клеменсъ, Л. Тихоміровъ, Н. Морозовъ и Тулисовъ; благодаря ей къ намъ съ 1878 года стала въ очень тѣсныя отношенія В. Н. Фигнеръ съ ея кружкомъ. Я назвалъ только что нашихъ двухъ великихъ женщинъ революціонной эпохи 70-хъ годовъ. Я не могу попутно не отмѣтить съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія, что онѣ обѣ, принося себя въ жертву террору, оставались до конца вѣрными народу. С. Перовская за мѣсяцъ приблизительно до моего ареста —я арестованъ былъ 24 января 1880 г.—пришла ко мнѣ на квартиру на Пескахъ. Я былъ тогда «чернопередѣльцемъ» и однимъ изъ редакторовъ „Чернаго Передѣла". Насъ было трое: Евгенія Козлова, Софья и я. Софья была грустна, а у меня на сердцѣ тоже кошки скребли. Наша бесѣда была не изъ веселыхъ. Прощаясь со мною, Софья обратилась ко мнѣ со слѣдующими словами: „Есть ли что-нибудь у васъ въ народѣ, Осипъ?".

Мы стояли на порогѣ. Я ей отвѣтилъ, что сейчасъ у насъ ничего нѣтъ.

— А вы меня возьмете, если у васъ будетъ что-нибудь?—Я только взглянулъ на нее, но ничего не отвѣтилъ. Мы распрощались, не говоря другъ другу больше ни слова. Это было послѣднее

прощаніе наше. Софья, умирая на висѣлицѣ, могла съ чистымъ сердцемъ обратиться къ народу со словами: Ave, popule, moritura te salutat!

Что касается В. Н. Фигнеръ, то судьба чудомъ подарила намъ ее и вернула къ жизни. Она жива и можетъ подтвердить, имѣю ли я право утверждать, что, будучи уже во главѣ террористической дѣятельности, она оставалась по духу неподкупно-вѣрной народницей-революціонеркой.

Я сказалъ, что Ольгѣ Натансонъ мы обязаны привлеченіемъ въ нашу организацію свѣжихъ революціонныхъ силъ. Это—большая ея заслуга предъ революціей. Она имѣла право сказать Марку: «Ты оставилъ намъ дорогое наслѣдство, Маркъ! Гляди: я не только не растратила его, но и пріумножила!» И Маркъ это зналъ, такъ какъ онъ, сидя въ крѣпости, былъ непрерывно въ курсѣ нашихъ дѣлъ. Но заслуга Ольги не исчерпывается только этимъ. Она, дорогая сестра-товарищъ, своимъ присутствіемъ создала въ нашей организаціи атмосферу нравственной чистоты, истинно-человѣчнаго благородства, взаимной сердечной симпатіи, основанной на глубокомъ довѣріи и уваженіи другъ къ другу. Она, милая и дорогая, не только спаяла насъ, землевольцевъ, въ одну революціонную организацію, она спаяла насъ въ родную семью уважающихъ и любящихъ другъ друга братьевъ! Она была долго одна у насъ, и мы всѣ ее любили, какъ единственную нашу сестру. Я никогда не забуду тѣхъ милыхъ вечеровъ, когда мы собственно дѣломъ не занимались, а собирались по нѣсколько человѣкъ на квартирѣ Квятковскаго и дурачились, смѣялись, болтали о всякой всячинѣ!

Взрослые люди, революціонеры дурачатся, какъ дѣти! «Лешка» (Оболешевъ), этотъ суровый, требовательный до щепетильности конспираторъ-администраторъ, этотъ пёсъ сторожевой (да проститъ мнѣ его тѣнь мое грубое сравненіе!) нашей организаціи, блѣднѣющій и сверкающій глазами, когда, бывало, услышитъ что нибудь обидное по нашему адресу, «Лешка»,—говорю я,—затрепетавшій разъ и сдѣлавшійся прямо страшнымъ, когда узналъ, что въ нашъ саратовскій кружокъ затесался одинъ членъ съ лавристскими симпатіями,—этотъ «Лешка» бывало переворачивалъ, какъ школьникъ, всю комнату вверхъ дномъ. Много содѣйствовало нашему семейному веселью присутствіе прелестнаго ребенка Александра Квятковскаго. Мы всѣ имъ нянчились по очереди, забывая на время наши суровыя обязанности. Ольга же была въ эти минуты —воплощенная доброта: сердце, великое сердце! Много свѣтлыхъ, чистыхъ и дорогихъ часовъ я переживалъ за тѣ 1½—2 мѣсяца зимы 77—78 года, когда имѣлъ возможность ближе узнать нашу Ольгу и весь нашъ «центръ», — Оболешева, Адріана Михайлова, Квятковскаго и друг. И наше общество, нашъ кружокъ называютъ кружкомъ «съ нечаевскими традиціями»! Кружокъ, въ которомъ съ момента возникновенія его находилась Ольга Натансонъ, позволяютъ себя квалифицировать такимъ образомъ!*) Ольга На-

*) См. „Былое“, май, 1906 года. „Далекое и недавнее“, О. С. Любатовичъ.

тансонъ, Дмитрій Лизогубъ, Валеріанъ Осинскій, Александръ Михайловъ, Квятковскій, Адріанъ Михайловъ, Аронъ Зунделевичъ, Боголюбовъ-Емельяновъ и проч., проч.,—всѣ они, эти великомученики революціи, люди съ «нечаевскими традиціями»?! Кого же они третировали по-нечаевски? Вѣдь всѣ эти революціонеры были членами-учредителями общества «Земли и Воли», — такъ пусть намъ укажутъ хоть одинъ фактъ изъ ихъ революціонной дѣятельности, который можно было бы подвести подъ нечаевскія традиціи! И это говоритъ бывшій товарищъ! Какъ-же, спрошу, могъ рѣшиться бывшій товарищъ, О. С. Любатовичъ, вступить въ организацію, члены котораго—люди «съ нечаевскими традиціями»? Или въ то время, когда О. С. Любатовичъ вступила въ нашу организацію, «нечаевскія традиціи» растаяли, какъ роса, предъ первыми лучами солнца?.....

Скажутъ, я слишкомъ идеализирую членовъ основного кружка «Земли и Воли».

Я протестую противъ этого: я не идеализирую ихъ, я не ставлю ихъ на пьедесталъ—да они не нуждаются въ этомъ! Они и безъ пьедестала—каждый въ своемъ родѣ—представляли собою большія индивидуальности, крупныя величины, умственныя и нравственныя. Это не были, правда, выдающіеся таланты, но это были люди въ лучшемъ смыслѣ этого слова: борцы! Denn ich bin ein Mensch gewesen und das heisst ein Kämpfer sein—можетъ про себя сказать каждый изъ землевольцевъ. Я глубоко уважалъ моихъ товарищей, а многихъ сердечно любилъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ Марка Натансона и Николая Тютчева, я узналъ короче много лѣтъ уже спустя въ ссылкѣ въ Якутской области. Съ Маркомъ мы подъ одною кровлею коротали безконечно длинныя и унылыя якутскія ночи: сколько было вмѣстѣ передумано, пережито! Дай Богъ, чтобы у насъ побольше было такихъ людей, какъ Маркъ Натансонъ и Николай Тютчевъ! Ольгу же Натансонъ, Александра Квятковскаго, Валеріана Осинскаго и суроваго «Лешку» прямо-таки нельзя бы не полюбить, разъ вы узнали ихъ!

Но вотъ послушайте, какъ описываетъ свои впечатлѣнія о моментѣ созиданія организаціи «Земли и Воли» одинъ изъ самыхъ выдающихся ея членовъ, Александръ Михайловъ: «Одними изъ моихъ первыхъ знакомыхъ были Оболешевъ (Сабуровъ) и его компанія, Михаилъ Поповъ съ компаніей, Иви-чъ и Соловьевъ, Ольга Натансонъ и ея друзья. Эти нѣсколько человѣкъ были вполнѣ единомыслящими, но такъ какъ среди нихъ были люди, во всемъ выше меня стоявшіе, то я сталъ ихъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ. Въ теоріи выдвигалось ново народническое направленіе, чрезвычайно мнѣ сочувственное; на практикѣ строилась организація, соотвѣтствовавшая моимъ мечтамъ. Я пользовался довѣріемъ и могъ прилагать свои силы къ самымъ интимнымъ революціоннымъ дѣламъ. Я былъ счастливъ, что стоялъ на желанной дорогѣ; я уважалъ и высоко цѣнилъ своихъ новыхъ товарищей. Но и въ новой средѣ я, Оболешевъ и Ольга Натансонъ выдѣлялись горячимъ отношеніемъ къ организаціоннымъ задачамъ. Въ кружкѣ народниковъ, который легъ въ основаніи проекта организаціи рево-

люціонныхъ русскихъ силъ и въ который я, вмѣстѣ съ другими упомянутыми лицами, вошелъ какъ членъ-учредитель, всѣ мои помыслы были сосредоточены на расширеніи практической выработки и развитіи организаціи. Въ характерахъ, привычкахъ и нравахъ самыхъ видныхъ дѣятелей нашего общества было много явно губительнаго и вреднаго для роста тайнаго общества; но недостатокъ ежеминутной осмотрительности, разсѣянность, а иногда просто недостатокъ воли и сознательности мѣшали передѣлкѣ, перевоспитанію характеровъ членовъ соотвѣтственно организаціи мысли. И вотъ я и Оболешевъ начали самую упорную борьбу противъ широкой русской натуры. И надо отдать справедливость— едва ли можно было сдѣлать съ нашими слабыми силами болѣе того, что мы сдѣлали. Сколько выпало на нашу долю непріятностей, иногда даже насмѣшекъ! Но все-таки, въ концѣ-концовъ, сама практика заставила признать громадную важность для дѣла нашихъ указаній, казавшихся иногда мелкими. Мы такъ же упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и нѣкоторой централизованности. Это теперь всѣми признанныя истины, но тогда за это въ своемъ же кружкѣ могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и проч. И опять-таки сама жизнь поддержала насъ—эти принципы восторжествовали» *).

«Полная кружковая обязательность, дисциплина и нѣкоторая централизованность» не подавляли, однако, личной иниціативы и самобытности каждаго изъ насъ. При порученіи товарищу какого-нибудь дѣла всегда принимались во вниманіе личныя наклонности и симпатіи. Особенно мнѣ ужъ не приходится совсѣмъ жаловаться: меня прямо-таки баловали. На совѣтѣ не разъ подымался вопросъ тѣми или другими товарищами, что мнѣ слѣдуетъ оставаться въ Петербургѣ, что я нуженъ для работы среди молодежи и рабочихъ, что меня можно приспособить къ литературной, журнальной работѣ нашей и проч... Но, видя, какъ я стремился въ деревню, товарищи отступали, не желая производить на меня давленія. Только весною 79 года, когда наши силы въ Петербургѣ значительно поубавились, а революціонной работы, наоборотъ, не въ мѣру прибавилось, товарищи настояли на томъ, чтобы я перебрался въ Петербургъ. Но это было уже на заходѣ нашей землевольской жизни. Объ этомъ потомъ.

Вѣсть объ арестѣ Марка Андреевича Натансона дошла до меня, помнится, въ концѣ іюня. Я жилъ тогда въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ (Тамбовской губ.). По предложенію «основного кружка» я уѣхалъ въ Тамбовскую губ., чтобы завести тамъ сношенія съ цѣлью мѣстной организаціи секціи «Земли и Воли».

Въ числѣ земскихъ врачей Борисоглѣбскаго уѣзда былъ однокурсникъ мой по медико-хирургической академіи, А. А. Троицкій. Онъ сочувствовалъ намъ и обѣщалъ всяческое содѣйствіе нашимъ

*) „На Родинѣ“ № 3, стр. 16, цитировано у Е. А. Серебрякова: „Общество Земля и Воля“, стр. 8 и 9. Лондонъ. Типографія „Жизни“, 1902 г.

предпріятіямъ. Кромѣ того, между мною и Троицкимъ были личныя хорошія отношенія еще въ академіи. Въ участкѣ Троицкаго уже работалъ, въ качествѣ фельдшера, студентъ 4 курса м.-х. академіи, Николай Павловичъ Архангельскій. Онъ оставилъ академію, если не ошибаюсь, въ началѣ 74 года и ушелъ въ народъ. Чахоточный, онъ не могъ вынести положенія рабочаго человѣка и въ началѣ 75 года держалъ экзаменъ на фельдшера при харьковской фельдшерской школѣ. Заручившись званіемъ фельдшера, онъ засѣлъ въ деревнѣ. Я не могу не занести на страницы моихъ воспоминаній этого въ полномъ смыслѣ слова хорошаго человѣка. Это былъ мирный, типичный пропагандистъ и таковымъ онъ остался навсегда. Онъ сочувственно отнесся къ революціонно-народническому направленію, но лично для себя онъ оставилъ всетаки пропаганду, поскольку послѣдняя допускалась и нашей программой. Онъ глубоко вѣрилъ въ силу слова и живой примѣръ дѣятельной личности. Онъ не былъ теоретикомъ, избѣгалъ теоретическихъ споровъ, но то, что онъ усвоилъ себѣ, какъ идейно-революціонное credo, глубоко срослось съ его плотью и кровью. Онъ отдалъ себя служенію народа—и отдалъ безповоротно, безъ остатка. Онъ могъ легко вернуться обратно въ культурную среду, но ему это и въ голову не приходило. Жить съ нимъ, съ народомъ, служить ему, работать на него—сдѣлалось для Архангельскаго потребностью. Онъ не доѣдаетъ, не досыпаетъ, силы его съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе гаснутъ, онъ таетъ, какъ свѣчка, дни его ужъ сочтены... Злой недугъ ужъ роетъ ему могилу, «вырыта уже заступомъ яма глубокая», а онъ, полный любви и самоотверженія, не видитъ этого!.. Сотни больныхъ чуть ли не каждый день толпятся въ его убогой амбулаторіи, его безпощадно рвутъ прямо на части—и днемъ, и ночью, а онъ, Николай Павловичъ, и не ропщетъ!.. Спокойно, тихо, просто онъ дѣлаетъ свое дѣло. Народная обездоленность, народное невѣжество и тупая, благодаря этому невѣжеству, жестокость его вырывали порою стоны изъ наболѣвшей груди Архангельскаго.

Я помню такую сцену. Приводитъ разъ въ амбулаторію мать свою дочь, всю избитую ея обезумѣвшимъ отъ нужды, горя и водки мужемъ. Архангельскій приступаетъ къ осмотру истязуемой.

Но что съ нимъ дѣлается? Онъ, обыкновенно ровный, дѣловитый, дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, глаза горятъ огнемъ, руки ходуномъ ходятъ, изъ груди вылетаютъ какіе-то сдавленные звуки...

— Николай Павловичъ, дайте, я перевяжу больную, отдохните!—обратился я къ моему товарищу, полагая, что это у него отъ переутомленія.

— Да нѣтъ же, Осипъ Васильевичъ, я совсѣмъ не усталъ! Но я этого (онъ кивнулъ дрожащей головою въ сторону избитой) не могу выносить! Когда же это, наконецъ, окончится? До чего довели народъ...

И Архангельскій безсильно опустился на рядомъ стоявшую тутъ скамейку. Я взглянулъ на амбулаторію—человѣкъ 30—40 взрослыхъ, мужчинъ и женщинъ. Какъ они впились глазами въ Архангельскаго!

Эти глаза ясно говорили, что эти люди хорошо понимаютъ своего Николая Павловича, этого «чудеснаго человѣка», какъ они его заочно называли. Я работалъ съ Архангельскимъ въ Тамбовской губерн. года полтора, если не больше. Онъ не имѣлъ себѣ соперника въ деревнѣ. Его народъ глубоко уважалъ, высоко цѣнилъ и сердечно любилъ.

«Чудесный человѣкъ!» этимъ народъ формулировалъ свои отношенія къ Архангельскому. И Архангельскій отдалъ народу все, что имѣлъ: свою благородную мысль, свое золотое сердце.

Архангельскій умеръ, кажется, въ 1880 году, совершенно одинокимъ. Чахотка рано загнала его въ могилу. Никто не произнесъ «слова» на могилѣ безвѣстнаго, но беззавѣтно преданнаго народу пропагандиста, никто не нарвалъ цвѣтовъ, чтобы украсить ими прахъ скромнаго, но вѣрнаго друга народа!

Миръ праху твоему благородный пропагандистъ!

Въ началѣ іюля 1877 года я получилъ письмо отъ «Лешки» (Оболешева), въ которомъ онъ просилъ меня отъ имени товарищей оставить Тамбовскую губернію и переѣхать въ Саратовскую. Въ Саратовской губерніи организуются деревенскія поселенія, силы ужъ стягиваются.

Рѣшено концентрировать силы, а потому-де предлагаютъ мнѣ вступить въ ряды саратовцевъ, тѣмъ болѣе, что я съ самаго начала уже былъ намѣченъ, какъ желательный членъ въ саратовскую колонію. Я подчинился, конечно, этому рѣшенію товарищей, тѣмъ болѣе, что оно вполнѣ согласовалось съ моими взглядами: нельзя же въ самомъ дѣлѣ дробить свои революціонныя силы! Я зналъ, что въ Саратовѣ, въ которомъ долженъ былъ основаться «центръ» для деревенскихъ поселеній, на мѣсто Ольги Натансонъ и Трощанскаго, вызванныхъ въ Петербургъ послѣ ареста Марка Натансона, выѣхали члены основного кружка, Александръ Михайловъ и Георгій Плехановъ.

Я собралъ свои пожитки и, попрощавшись съ Архангельскимъ и Троицкимъ, выѣхалъ въ Саратовъ.

О саратовскомъ поселеніи скажу послѣ, а пока считаю нужнымъ дать общую характеристику нашихъ деревенскихъ поселеній.

Какъ извѣстно, верховными принципами нашей тактики въ народѣ были агитація и организація. Агитація, опираясь на насущныя народныя требованія, имѣла ближайшей своей цѣлью созданіе въ народѣ постоянной оппозиціонной атмосферы. Агитируя въ народѣ, мы воспитываемъ въ немъ непрестанно духъ неповиновенія, духъ отрицанія и протеста противъ существующихъ отношеній. Дремлющее въ народѣ смутное чувство недовольства превращается путемъ разумной и систематической агитаціи въ ясно сознанное чувство протеста: правосознаніе народное проясняется, революціонизируется.

А революціонное настроеніе и революціонное правосознаніе являются самыми благопріятными условіями для организаціи въ народѣ боевыхъ силъ, боевыхъ дружинъ съ цѣлью объеди-

ненія ихъ въ народно-революціонную партію, призванную въ извѣстный моментъ осуществить народную революцію.

Такая постановка задачъ и цѣлей въ народѣ потребовала, само собою, отъ общества «Земля и Воля» строгой организованности, планомѣрности и согласованности въ дѣйствіяхъ. Для этой цѣли создается на первомъ планѣ „Землею и Волею" деревенская группа— «деревенщина», долженствующая оперировать въ деревнѣ. Но какъ? Предыдущій опытъ насъ научилъ, что кочевая летучая форма революціонной дѣятельности въ народѣ—пропагандистская или агитаціонная,—все равно, не достигаетъ своей цѣли, а потому ее надо совсѣмъ оставить. Наша предстоящая работа въ народѣ обязательно требуетъ, чтобы мы, наоборотъ, солидно утвердились въ деревнѣ, крѣпко засѣли въ ней. Это привело къ устройству революціонныхъ «поселеній» въ народѣ.

И весною 1877 года мы начали форсированнымъ маршемъ мобилизировать наши наличныя силы въ деревню. Мы двинули прежде всего съ этой цѣлью членовъ «основного кружка», какъ организаторовъ поселеній, пріобщивъ также къ этому движенію многихъ лицъ изъ мѣстныхъ кружковъ и группъ революціонеровъ-народниковъ, вошедшихъ въ организацію «Земли и Воли». Операціоннымъ базисомъ нашихъ поселеній, въ силу историческихъ традицій, послужили опять-таки Поволжье, Донъ и Кубань.

Явились поселенія въ Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губерніяхъ, на Дону и Кубани. Всѣ эти поселенія устроились приблизительно по одному плану, а именно: въ ближайшемъ городѣ облюбованной землевольцами для поселеній мѣстности устраивался «центръ», завѣдывавшій дѣлами мѣстной группы.

Каждая изъ мѣстныхъ группъ представляла собою какъ-бы копію или сколокъ съ основного петербургскаго кружка: та же структура, тѣ же функціи. Мѣстныя группы не были обособлены, а, смотря по надобности, непосредственно сносились между собою. Такъ, саратовская и астраханская группы непосредственно сносились съ членами кружка, жившими въ Донской области, и проч.

Надъ всѣми группами, въ качествѣ согласующаго и направляющаго центра, главенствовалъ петербургскій «основной кружокъ» общества «Земля и Воля». Какое положеніе занимали народники-революціонеры въ деревнѣ? «Прежнее догматическое утвержденіе, требовавшее, чтобы революціонеръ отправлялся въ народъ въ качествѣ чернорабочаго, потеряло свою безусловную силу. Положеніе человѣка физическаго труда признавалось по прежнему весьма желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось положеніе бездомнаго батрака, ибо оно ни коимъ образомъ не могло внушить уваженія и довѣрія крестьянству, привыкшему почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность. А потому настоятельной необходимостью считалось занять такое положеніе, въ которомъ революціонеру, при полной матеріяльной самостоятельности, открывалась-

бы широкая возможность прійти въ наибольшее соприкосновеніе съ жителями данной мѣстности, входить въ ихъ интересы и пользоваться вліяніемъ на ихъ общественныя дѣла.

Въ силу этого люди устраивались хозяйственнымъ образомъ въ положеніи всякаго рода мастеровыхъ, заводили фермы, мельницы, маслобойни, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ, врачей и проч. Особенно желательнымъ считалось, чтобы въ средѣ поселенцевъ былъ по крайней мѣрѣ хоть одинъ человѣкъ изъ уроженцевъ данной мѣстности».

Къ этимъ словамъ моимъ, написаннымъ еще въ 1883-84 г. въ неизданныхъ моихъ воспоминаніяхъ, я долженъ еще прибавить, что въ кругъ обязанностей деревенщины входила еще дѣятельность среди раскольниковъ и сектантовъ, на которыхъ мы въ то время возлагали большія надежды. Въ нашей программѣ расколъ и сектантство чуть ли не стояли во главѣ угла.

Особенно Маркъ Натансонъ горячо защищалъ необходимость серьезной организаціи среди раскольниковъ и сектантовъ. Но на первыхъ порахъ у насъ свободныхъ для этого силъ не было, и за это дѣло взялись лишь пока два члена основного кружка, Александръ Михайловъ и «Сергѣй Андреевъ»,—вполнѣ подходящіе для этой работы люди. Такимъ образомъ, весною 1877 года общество «Земля и Воля» уже крѣпко стало на ноги. Согласно своей программѣ, оно прочно обосновывается въ деревняхъ при посредствѣ цѣлаго ряда «поселеній»,—деревенскихъ организацій, связанныхъ между собою единствомъ цѣли и плана. Деревенскія поселенія размѣщаются въ мѣстахъ, такъ сказать, наименьшаго сопротивленія—loci minoris resistentiae, говоря медицинскимъ языкомъ. Это значитъ: въ мѣстностяхъ, въ которыхъ традиціи протеста, борьбы еще не заглохли въ массѣ. Такъ мы, по крайней мѣрѣ, тогда думали. Мы вѣрили и надѣялись, что тамъ, гдѣ 200 и 100 лѣтъ тому назадъ разыгрались величайшія историческія драмы народной жизни,—бунты Стеньки Разина и Пугачева,—гдѣ гуляли вольныя «укшуйники» и «ватажки», держа въ страхѣ угнетателей народа, гдѣ вольное казачество развернуло и развило въ полномъ блескѣ свои свободныя формы жизни, выработало и создало свои исконные устои,—что тамъ намъ удастся создать въ народѣ революціонную рать, призванную осуществить народную революцію. Мы думали и вѣрили, что это намъ удастся и двинули въ народъ всѣ наличныя наши силы, оставивъ въ городахъ лишь самое незначительное число работниковъ.

Если мы теперь вникнемъ въ то дѣло, которое задумало общество «Земля и Воля», если примемъ во вниманіе всѣ тѣ приготовленія, которыя общество сдѣлало, чтобы осуществить свое дѣло,—то единственный правильный выводъ, который можно сдѣлать изъ данныхъ фактическихъ посылокъ, будетъ такой: общество «Земля и Воля» ясно сознавало, куда оно идетъ; оно не обманывало себя никакими иллюзіями; оно знало, что его ждетъ серьезная, упорная и продолжительная работа. И работа началась. Какъ деревенщина справилась съ своей работой,

какихъ результатовъ она добилась, что посѣяло и что пожало— объ этомъ сейчасъ.

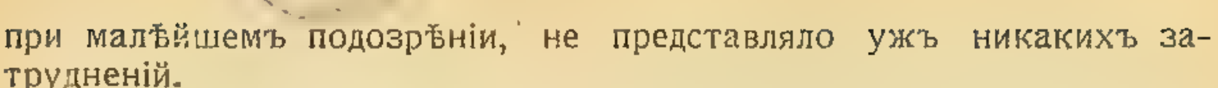
Я засталъ въ Саратовѣ довольно значительную группу землевольцевъ. Изъ членовъ петербургскаго основного кружка тамъ уже находились Александръ Михайловъ, Плехановъ, Мощенко и «Егорычъ». Группа устроилась по вышеописанному уже плану. Въ «центръ», кромѣ членовъ основного кружка, вошла еще М. А. Брещинская, очень симпатичная и дѣльная личность. Она пріобрѣла большую популярность въ населеніи Тверской губерніи, гдѣ она служила, какъ фельдшерица-акушерка. Весною 1877 года она пристала къ землевольцамъ, переѣхала въ Саратовъ, гдѣ примкнула къ мѣстной организаціи. Нѣкоторые изъ членовъ саратовской организаціи уже успѣли къ тому времени, когда я пріѣхалъ въ Саратовъ—къ началу іюля—устроиться въ деревнѣ: кто въ качествѣ мастерового (Новицкій), кто въ положеніи сельскаго учителя или писаря*), народнаго учителя, торговца и проч.: Сергѣевъ, Короткевичъ, «Егорычъ», «Яшка», «Андреевъ» съ женою, Федоровъ («Петро») и другіе. Я долженъ сказать, что устраиваться не такъ то легко было. Солидныхъ связей у насъ тогда въ Саратовѣ не было.

Ольга Натансонъ и Трощанскій пробыли здѣсь слишкомъ короткое время и не успѣли еще завязать необходимыхъ знакомствъ. Приходилось добывать себѣ мѣсто собственными усиліями, энергіей и настойчивостью. Нѣкоторымъ изъ нашихъ товарищей приходилось пѣшкомъ исколесить нерѣдко полъ-уѣзда прежде, чѣмъ удавалось имъ найти что-нибудь подходящее.

Большинство товарищей,—громадное большинство ихъ,—обыкновенно жило съ фальшивыми паспортами. Это потому, что многіе уже тогда были «нелегальными»,—во-первыхъ; а, во-вторыхъ,— даже нѣкоторые легальные предпочитали тогда пользоваться фальшивыми именами, оставляя свое легальное званіе, какъ послѣдній ресурсъ, на крайній случай. И это соображеніе не лишено было практическаго значенія и въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ дѣйствительно выручало насъ. Необходимость жить подъ чужимъ именемъ ограничила, однако, на практикѣ возможность широкаго выбора мѣстъ, должностей и положеній, требуемыхъ для широкаго революціоннаго воздѣйствія въ деревнѣ. Правда, наша «небесная канцелярія» стояла на высотѣ своего положенія: наши паспорты и документы были своего рода шедеврами. Мы не только фабриковали крестьянскіе, мѣщанскіе и другіе документы на жительство, но изъ нашей канцеляріи выходили прекрасные аттестаты, дипломы и свидѣтельства на званіе фельдшеровъ (фельдшерицъ), акушерокъ, учителей и пр., пр. Конечно, документами послѣдней категоріи можно было пользоваться лишь съ большой осторожностью, такъ какъ обнаружить ихъ поддѣлку,

---

*) Не надо смѣшивать сельскихъ учителей и писарей съ народными: первые служать непосредственно отъ сельскаго общества и отъ него получаютъ прямо жалованье, вторые отъ земства и волости.

при малѣйшемъ подозрѣніи, не представляло ужъ никакихъ затрудненій.

Совсѣмъ иное дѣло документы первой категоріи—они сходили у насъ очень хорошо. Провѣрка ихъ систематически началась лишь въ послѣдніе годы революціонной борьбы,—въ періодъ террора,—и то лишь въ столицахъ и нѣкоторыхъ крупныхъ городскихъ центрахъ. Вотъ почему наши деревенщики устраивались предпочтительнѣе въ положеніи сельскихъ учителей и писарей: образовательный цензъ, свидѣтельствъ о политической благонадежности здѣсь не требуется. Да и кто обратитъ особое вниманіе на какихъ-то жалкихъ крестьянскихъ «наемниковъ», получающихъ 8-10 рублей въ мѣсяцъ максимумъ и кормящихся поочередно по недѣлямъ или мѣсяцамъ у того или другого домохозяина? Кто вздумаетъ контролировать ихъ, шпіонить за ними? Въ то время съ этой стороны, по крайней мѣрѣ, въ деревнѣ не предвидѣлось опасностей, да ихъ фактически не было. Это—во-первыхъ. А, во-вторыхъ,—многіе изъ нашихъ товарищей облюбовали это положеніе еще потому, что оно-де давало имъ возможность погрузиться, такъ сказать, въ самую гущу народной жизни. Живетъ себѣ невидимо сельскій учитель или писецъ гдѣ-то въ щеляхъ глухой, а порой и убогой деревушки и дѣлаетъ свое дѣло «безъ шума».... Увѣренность,—изволите ли видѣть,—была тогда еще велика среди насъ, увѣренность въ свои силы, выдержку—не на годъ и два, а и на болѣе продолжительное время,—à la longue, какъ говорятъ французы! Стремленіе итти въ народъ, поселиться въ деревнѣ было въ то время, замѣчу мимоходомъ, господствующимъ. Рвались туда даже такіе наши товарищи, какъ Плехановъ. Нашъ самый молодой тогда «ораторъ» выдавался уже своей талантливостью и начитанностью и на его долю выпала работа среди интеллигенціи и городскихъ рабочихъ. Здѣсь онъ былъ незамѣнимъ. И вотъ вдругъ въ одинъ прекрасный день нашъ «ораторъ» заявляетъ, что рѣшилъ поселиться въ деревнѣ въ качествѣ народнаго учителя (отъ земства). Никто изъ насъ не только не опротестовалъ этого рѣшенія Плеханова, но всѣ мы отнеслись очень сочувственно къ нему. Да какъ же иначе? Вѣдь работа въ деревнѣ у насъ тогда стояла во главѣ угла, городъ же, со своими нуждами, можетъ подождать: здѣсь работа имѣетъ лишь служебное, подчиненное значеніе! Ну, мы и благословили Плеханова въ путь-дорогу!

Но Плехановъ былъ ужъ тогда нелегаленъ, подходящаго же *документа по министерству* народнаго просвѣщенія у насъ подъ руками *тогда не было*,—да и подвергать новому риску нашего «оратора», недавно только вырваннаго изъ когтей правительственныхъ ищеекъ, мы, само собою, не могли допустить. Тутъ выручилъ насъ «Дворникъ», т. е. Александръ Михайловъ. Онъ предложилъ Плеханову воспользоваться его, кажется, гимназическимъ аттестатомъ, тогда еще «чистымъ», не скомпрометированнымъ въ политическомъ отношеніи. Сказано—сдѣлано. Плехановъ отправляется съ этимъ документомъ и прошеніемъ въ Аткарскъ въ училищный совѣтъ. Предсѣдатель училищнаго совѣта, принявъ прошеніе отъ

Плеханова, попросилъ его подождать отвѣта въ пріемной. Въ это время случился курьезъ, который, если бы Плехановъ не совладалъ собою, могъ бы окончиться и печально. Дѣло вотъ въ чемъ. Священникъ, членъ училищнаго совѣта, ознакомившись съ бумагами Плеханова, вдругъ заоралъ во все горло: «Да это сынъ Дмитрія Михайлова, моего большого пріятеля, какъ же—Дмитрій Михайловъ почтенный человѣкъ!» Восхищенный своимъ открытіемъ, «батюшка» выскочилъ въ пріемную съ крикомъ: «Михайловъ! Михайловъ! Гдѣ же этотъ Михайловъ?» «Ораторъ» встрепенулся было, но быстро овладѣлъ собою, спокойно отозвался: «я—Михайловъ!» «Батюшка» удивился, какъ онъ выросъ и возмужалъ, «молодцомъ сталъ», онъ, «батюшка», его «мальчикомъ»-де помнитъ, и сталъ его разспрашивать съ неподдѣльнымъ, живымъ интересомъ о родителяхъ, общихъ знакомыхъ и разныхъ прочихъ курскихъ дѣлахъ. Посыпались живые вопросы о томъ, какъ, молъ, поживаетъ Марья Петровна, Олимпіада Ивановна, и проч., и проч. Нашъ «ораторъ», не моргнувъ глазомъ, давалъ экспансивному «батюшкѣ» всѣ нужныя свѣдѣнія. «Ладно, ладно, молодой человѣкъ, буду за васъ хлопотать!» И ринулся въ училищный совѣтъ. Къ сожалѣнію, хлопоты доброжелательнаго батюшки не увѣнчались успѣхомъ, и всѣ его увѣренія, что Михайловъ-отецъ «прекрасный человѣкъ», «лучшій его пріятель», разбивались объ упорство исправника, твердившаго одно: «Ну, такъ что—что знакомый? что хорошій человѣкъ? Отецъ то хорошъ, а сынъ, можетъ быть, и—пропагандистъ!?» И уперся исправникъ, какъ быкъ: «Не согласенъ и не согласенъ!» Такъ и уѣхалъ Плехановъ изъ Аткарска ни съ чѣмъ. И онъ снова взялся за временно прерванную работу въ средѣ интеллигенціи мѣстной и рабочихъ.

Ближайшими помощниками Плеханова въ пропагандѣ его среди городскихъ рабочихъ въ Саратовѣ были трое нашихъ петербургскихъ рабочихъ, которыхъ намъ удалось склонить къ переѣзду въ Саратовскую губернію.

Я скажу объ нихъ нѣсколько словъ и кстати отмѣчу одно очень характерное явленіе. «Это были испытанные люди, искренно преданные народнымъ идеаламъ и глубоко проникнутые народническими взглядами. Но попытки ихъ устроиться въ деревнѣ не привели ни къ чему. Побродивъ по деревнямъ, съ цѣлью высмотрѣть подходящее мѣсто для своего поселенія (причемъ нѣкоторые изъ нихъ были приняты за нѣмцевъ), они махнули рукой на это дѣло и кончили тѣмъ, что вернулись въ Саратовъ, гдѣ завели сношенія съ мѣстными рабочими. Какъ ни удивляла насъ эта отчужденность отъ «народа» его городскихъ дѣтей, но фактъ былъ на-лицо, и мы должны были оставить мысль о привлеченіи рабочихъ къ собственно крестьянскому дѣлу» *).

Мнѣ остается только подписаться подъ этими словами Плеханова и вмѣстѣ съ нимъ констатировать, что наши рабочіе отлынивали-таки отъ работы въ деревнѣ. Это—фактъ. Впрочемъ, ничего удивительнаго въ этомъ не было, если хорошенько поразмыслить. На-

*) „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи". Г. Плеханова. Изданіе второе, стр. 7.

ши рабочіе,—Николай-слесарь (фамилію его, къ сожалѣнію, не могу припомнить), Иванъ Егоровъ и Корсакъ были заводскіе рабочіе, получавшіе сравнительно хорошій заработокъ и привыкшіе уже въ нѣкоторой степени къ культурной обстановкѣ. Что бы, напримѣръ, дѣлалъ въ саратовской деревнѣ Иванъ-котельщикъ, этотъ архангельскій бѣлый медвѣдь? Правда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, ужъ послѣ саратовскаго разгрома, Иванъ Егоровъ буквально со слезами на глазахъ просился у меня, чтобы его отпустили въ деревню, но въ свою, архангельскую.

И мы, конечно, отпустили его. Это, къ слову сказать, тотъ именно Иванъ Егоровъ, о которомъ въ своемъ «Рабочемъ въ русскомъ революціонномъ движеніи» упоминаетъ Плехановъ подъ литерами «И. Е.» и который такъ, бывало, зачитывался «Основами біологіи» Спенсера и другими серьезными книгами. Какъ то разъ Плехановъ, не стерпѣвъ намекнулъ было Ивану Егорову, что для него-де было бы полезнѣе взяться за что-нибудь полегче, чѣмъ Спенсеръ, на что получилъ отъ Егорова сердитую отповѣдь: «что это вы думаете, что ужъ мы, рабочіе,—совсѣмъ дураки!?».

Что касается Николая-слесаря, то онъ бы, по своему ремеслу, могъ устроиться въ какомъ-либо большомъ селѣ. Но, къ сожалѣнію, это былъ человѣкъ крайне взвинченный, съ обнаженными нервами, весь издерганный. Интеллигентный, онъ своей манерой держаться, говорить дѣйствительно напоминалъ собою, если не «нѣмца», то во всякомъ случаѣ студента. Онъ говорилъ недурно, любилъ рѣчь свою уснащать иностранными словами и книжными оборотами. Онъ любилъ также теоретическіе споры и принималъ въ нихъ участіе. Разрѣшалъ онъ всѣ вопросы—отъ самыхъ сложныхъ до простѣйшихъ—самымъ упрощеннымъ способомъ: «все это, дескать, происходитъ отъ ненормальнаго соціальнаго строя». Это былъ для него какой-то passe-partout, при помощи котораго онъ, словно съ отмычкою въ рукахъ, открывалъ самые запутанные ходы событій нашей современности. Его дѣтство и отроческіе годы, пока онъ былъ въ «выучкѣ», полны лишеній, горькихъ обидъ и мучительства. Его всячески били, колотили чѣмъ попало, сѣкли до обморока, изъ изсѣченной и гноившейся цѣлыми недѣлями спины ему приходилось вытаскивать пучки занозъ, измочалившихся объ его тѣло розогъ. Николай былъ глубоко преданъ народу, но жить съ нимъ, жить въ деревнѣ не хватало у него силъ. Проснувшееся въ немъ сознаніе человѣческаго достоинства, крайняя чуткая нервная организація его, съ ея неожиданными колебаніями, приливами и отливами въ настроеніи, гнали его вонъ изъ деревни, съ ея жесткой суровой дѣйствительностью. Николай-слесарь, однимъ словомъ, былъ человѣкъ города и здѣсь онъ вполнѣ былъ на мѣстѣ. Рабочіе относились къ нему съ уваженіемъ и слушали его охотно. Его съ самаго начала не для чего было посылать въ деревню, хотя бы во имя такого то и такого пункта нашей программы!

Совершенную противоположность съ Николаемъ-слесаремъ представляетъ третій нашъ рабочій-народникъ, Корсакъ. Это былъ тверякъ-кореллъ Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губ. Средняго роста, плотный, коренастый, бѣлобрысый, съ широкимъ, открытымъ ли-

цомъ и свѣтло-голубыми, ясными, какъ у младенца, глазами. Спокойный, уравновѣшенный, бодрый и жизнерадостный, онъ годился для деревни. И я думаю, что мы сами виноваты, что онъ такъ долго не устраивался: его слѣдовало бы толкнуть, пришпорить. Въ немъ было что-то инертное, но разъ мы бы вывели его изъ этого состоянія инерціи, то онъ бы работалъ, какъ волъ, работалъ бы толково и со смысломъ. Корсакъ былъ арестованъ во время осенняго разгрома въ Саратовѣ.

Къ несчастью, наша попытка (въ этой попыткѣ, если не ошибаюсь, принималъ участіе, между прочимъ, и Михаилъ Фроленко) освободить Корсака на пути слѣдованія его въ пересыльную тюрьму почему-то потерпѣла неудачу. Гдѣ онъ теперь, что съ нимъ стало, а равно съ другими нашими саратовскими рабочими,—мнѣ лично неизвѣстно. Другіе наши товарищи, ближе меня стоявшіе къ рабочему дѣлу, могутъ, я думаю, на этотъ счетъ дать нужныя свѣдѣнія.

Такъ-то никто изъ рабочихъ-народниковъ не попалъ въ деревню, и всю тяжесть этой работы volens-nolens пришлось вынести исключительно интеллигенціи. И въ нашей деревенской тактикѣ съ самаго начала, такимъ образомъ, образовалась щель...

Между тѣмъ наша интеллигенція энергично готовилась въ деревню; многіе уже успѣли размѣститься по деревнямъ.

Во главѣ всѣхъ въ этомъ отношеніи стоялъ незабвенный Александръ Михайловъ, нашъ «Дворникъ». Онъ основательно тогда готовился къ своей миссіи—поселиться среди раскольниковъ и начать тамъ свою работу. Этотъ періодъ въ революціонно-народнической жизни Михайлова такъ полно и прекрасно описанъ Плехановымъ въ его «Воспоминаніи объ А. Д. Михайловѣ»*), что мнѣ ровно ничего не остается прибавить къ этому. Все это также происходило на моихъ глазахъ, и я только удивлялся желѣзной энергіи и настойчивости «Дворника», но и преклонялся передъ этой цѣльной, словно выточенной изъ одного куска мрамора, фигурой этой прекрасной индивидуальности. Да, Михайловъ былъ вполнѣ цѣльной личностью!

Его мысль, чувство и воля развертывались и двигались шагъ—въ шагъ, въ полномъ согласіи и единствѣ. Его мысль работала послѣдовательно, логично, не разбрасывалась по сторонамъ, не уходила въ мелочи, а всегда схватывала суть вопроса, «корень вещей». Разъ усвоенная имъ идея воплощалась имъ въ плоть и кровь, т. е. оплодотворялась его эмоціями, цементировалась, закрѣплялась ими въ его сознаніи и, такимъ образомъ, преобразованная ужъ проявлялась наружу, какъ воля и дѣйствіе. Михайловъ не зналъ разлада между словомъ и дѣломъ. И на его долю нерѣдко выпадали тяжелые моменты раздумья, анализа и критики, съ ихъ временными колебаніями настроеній и воли. Но это продолжалось недолго: разъ онъ что-нибудь осмыслилъ, овладѣлъ фактомъ или явленіемъ, онъ дѣйствовалъ ужъ прямо, почти съ пра-

*) „На Родинѣ“ № 3, перепечатано въ „Сочиненіяхъ“ Г. В. Плеханова. Т. I-й, части 1 и 2 1905 г. Изданіе Библіотеки Научнаго Соціализма. Жецева.

вильностью заведеннаго механизма, безъ шатаній и колебаній. Глубоко убѣжденный народникъ-революціонеръ, который, при иныхъ условіяхъ, вписалъ бы свое имя въ книгу народной революціи, превращается, подъ давленіемъ революціонной логики событій, въ столь-же глубоко убѣжденнаго, непреклоннаго борца политической свободы, добытой помимо народа, сверху, путемъ террора и заговора.

И тутъ, и тамъ нашъ «Дворникъ» остался вѣренъ самому себѣ: онъ весь во власти одной идеи, одной эмоціи, одной воли! И я закончу мою слабую характеристику «Дворника» прекрасными заключительными словами Плеханова:—«.....подобно Лермонтовскому Мцыри «зналъ одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть»: этой думой было счастье родины, этой страстью была борьба за ея освобожденіе».

Въ Петербургѣ какъ зимою 1876 года, такъ и весною 1877 я не успѣлъ еще узнать и сойтись съ «Дворникомъ». Я узналъ его хорошо въ Саратовѣ, гдѣ я прожилъ, помнится, около трехъ мѣсяцевъ. «Дворникъ» жилъ особо, въ семьѣ раскольника-«спасовца», а я на общей квартирѣ, въ «коммунѣ» на Камышинской улицѣ. Рѣдко проходилъ день, чтобы мы не видались.

На этой квартирѣ встрѣчались и другіе товарищи въ свободное отъ текущей работы время. На этой же квартирѣ обсуждались разнообразные вопросы мѣстной организаціи. Помню я одно такое собраніе приблизительно въ первыхъ числахъ августа. Мы получили извѣстіе о томъ позорномъ истязаніи, которому былъ подвергнутъ «Андреичъ» (Боголюбовъ-Емельяновъ) въ Домѣ Предв. Заключенія и о послѣдующемъ затѣмъ избіеніи политическихъ заключенныхъ. Партіи былъ нанесенъ страшный ударъ, тяжкое оскорбленіе.

Стонъ раздался въ партіи, словно изъ сердца ея вырвали кусокъ живого мяса. Крикъ: «месть! месть! смерть опричнику!» разнесся въ партіи. Это былъ единодушный крикъ гнѣва и негодованія, вырвавшійся одновременно изъ сотенъ истерзанныхъ грудей!...

Наша колонія была тоже глубоко потрясена. М. А. Брещинская сидѣла совершенно убитая, низко опустивши голову. «Мазныця», Мощенко былъ мраченъ, какъ могила, его черныя, какъ уголь, глаза сдѣлались еще темнѣе. Всегда молчаливый и сосредоточенный, онъ на этотъ разъ словно совсѣмъ онѣмѣлъ. Плехановъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, въ глазахъ его то и дѣло загорались огоньки, зловѣщіе, боевые; онъ тоже молчалъ. «Дворникъ» казался спокойнѣе всѣхъ, только манера, съ которой онъ закручивалъ свои усы и дергалъ свою шелковистую бороду, выдавала его волненіе, да и заикаться онъ сталъ нѣсколько сильнѣе обыкновеннаго.

— Неужели мы будемъ молчать?— вырвался у меня крикъ отчаянія посреди этого тяжелаго напряженнаго молчанія.

— Отвѣтъ будетъ, Осипъ! непремѣнно будетъ: это ужъ рѣшено!»—сильно заикаясь, заговорилъ «Дворникъ». Онъ рѣшительно приподнялся съ мѣста и, бросивъ всѣмъ лаконическое «досвиданія!», быстро вышелъ изъ комнаты. Его, повидимому, тяготило настро-

еніе окружающихъ. На другой день «Дворникъ» передалъ мнѣ другимъ членамъ «основного кружка», что петербургскій «центръ» поручилъ дезорганизаторской группѣ выработать планъ убійства Трепова, что съ такими полномочіями Валеріанъ Осинскій выѣхалъ на югъ. Мы всѣ, конечно, отнеслись къ этому весьма сочувственно. Этого требовала честь всей революціонной партіи.

Пережитое нами только что острое горе, конечно, не пріостановило нашей работы: поселенія образовывались, хотя нѣсколько и туго. Нѣкоторымъ положительно не везло. Такъ, несмотря на всѣ мои старанія и обѣщанія, данныя мнѣ земскою управою, я мѣста еще не получилъ. Жизнь въ „коммунѣ" стала меня тяготить, хотя я время не проводилъ праздно. Въ это время наша «коммуна» возросла численно: съ юга и Кубани къ намъ прибыли новые члены «Земли и Воли», съ цѣлью заселенія саратовскаго края. Положеніе наше осложнялось: жаждущихъ и ищущихъ мѣстъ много, но предуготовленныхъ—мало, спросъ великъ, а предложеніе мало. Это, во 1-хъ. А, во 2-хъ,—сильное прирощеніе нашей «коммуны» обратило на себя вниманіе какъ нашихъ хозяевъ, такъ и сосѣдей. Сначала было просто любопытство возбуждено, а потомъ появились въ той сторонѣ и тревоги, и опасенія: то хозяинъ, то хозяйка стали къ намъ заглядывать, по тому или другому поводу, на квартиру.

Вокругъ насъ стала создаваться какая-то затхлая атмосфера шопота кумушекъ и непріязненной подозрительности обывательщины.

Что мы за люди? не фальшивые ли монетчики?—такъ и читалось въ глазахъ сосѣдей. Наконецъ, въ одно прекрасное утро мы замѣтили, что какъ разъ противъ нашей квартиры, противъ нашихъ оконъ, устроили себѣ постъ два шпіона. Наше положеніе становилось рискованнымъ. Надо было поторопиться принять соотвѣтственныя мѣры. Къ сожалѣнію, наши матеріальные рессурсы въ то время значительно оскудѣли и произвести форсированнаго разрѣженія «коммуны», какъ мы этого хотѣли, намъ не удалось. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ членовъ выселились изъ общей квартиры, но этого было недостаточно. «Дворникъ» сталъ хмуриться, тревожиться. Собственныя, усиленныя приготовленія его къ собственной своей работѣ среди раскольниковъ не оторвали его отъ общихъ работъ секціи по организаціи поселеній. Онъ выработалъ подробную программу или проектъ организаціи поселеній, съ указаніемъ на картѣ Саратовской губерніи тѣхъ пунктовъ, которые должны быть по возможности заселены. При этомъ онъ даетъ самыя детальныя указанія, по какому тракту поиски мѣстъ должны совершаться, по какому тракту должны слѣдовать обратно поселенцы, на тотъ случай, если-бы, по тактическимъ или инымъ конспиративнымъ причинамъ, требовалось «замести слѣды искателей мѣстъ».

Онъ настойчиво требовалъ отъ поселенцевъ, чтобы они на практикѣ дополнили его предварительныя указанія собственными, изъ опыта почерпнутыми соображеніями. «Дворникъ», такимъ образомъ, стремился выработать полный планъ организацій поселе-

ній по губерніи, чтобы облегчить возможность дальнѣйшей работы грядущимъ поселенцамъ. «Во едину отъ субботъ», „Дворникъ" обратился къ мнѣ и Мощенко съ предложеніемъ собраться и обсудить его проектъ организаціи поселеній и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же разсмотрѣть предложеніе его относительно пріема въ центральный «основной кружокъ» нѣкоторыхъ членовъ здѣшней секціи. Мы сошлись втроемъ въ условленномъ мѣстѣ и отправились въ какой-то трактиръ, который выбрать могъ только «Дворникъ».

Надо полагать, что ему указали этотъ трактиръ его «спасовцы».

«Дворникъ» былъ одѣтъ въ поддевку, на головѣ картузъ, обутъ въ высокихъ сапогахъ.—«Экій чуйка!»—блеснуло у меня въ головѣ при видѣ «Дворника».

Мощенко выглядѣлъ форменнымъ сапожникомъ, какъ оно и подобало ему (онъ у насъ считался лучшимъ сапожникомъ). Я напоминалъ собою самаго зауряднаго мѣщанинишку. На нашъ приходъ присутствующіе не обратили вниманія, и мы заняли далекій уголъ грязнаго трактира. «Дворникъ» потребовалъ двѣ порціи чаю и кренделей. Ну, ужъ и крендели! Мы насмѣшливо переглянулись съ «хохломъ». «Дворникъ» прежде всего началъ съ того, что дѣла его съ раскольниками подвинулись впередъ и онъ надѣется вскорѣ съ ихъ помощью пристроиться въ качествѣ «своего» учителя, т.-е. учителя, нанятаго самими раскольниками. Мы, конечно, пожелали ему всякаго успѣха.

Потомъ «Дворникъ» предложилъ учителя, Н. А. Кор—вича въ члены «основного кружка». Я его знал, а потому и воздержался отъ подачи голоса; Мощенко-же хорошо зналъ его и онъ присоединился къ мнѣнію «Дворника». Кор—вичъ былъ принятъ и рѣшено было извѣстить объ этомъ нашъ петербургскій «основной кружокъ».

Что касается «Николки» (Бых—ева), то, въ виду открытаго тяготѣнія его къ «лавризму», рѣшено было выждать нѣкоторое время, т.-е. подвергнуть его нѣкоторымъ образомъ карантину. Мы рѣшили съ этой цѣлью передать его Плеханову, который, по возвращеніи его изъ рекогносцировки, сумѣетъ обработать его надлежащимъ образомъ. Наконецъ, мы перешли къ обсужденію проекта организаціи поселеній. «Хохолъ», со свойственной ему трезвостью, указалъ «Дворнику» на то, что его проектъ въ полномъ объемѣ не можетъ быть пріемлемъ, при наличности нашихъ революціонныхъ силъ, что въ его спискѣ нѣтъ многихъ крупныхъ населенныхъ пунктовъ, что, далѣе, для этой цѣли можно воспользоваться «списками населенныхъ мѣстностей», имѣющимися при нѣкоторыхъ земскихъ управахъ. Но въ концѣ концовъ проектъ Михайлова, какъ схема, былъ принятъ нами и мы высказались за передачу его на обсужденіе совѣта членовъ саратовской секціи.

Въ то время, когда наши «поселенцы», худо-ли, хорошо-ли, но уже стали работать въ деревнѣ: знакомились съ населеніемъ, входили въ его интересы, и т. д, и т. д.,—наши горожане, члены

коммуны, переживали тяжелый кризисъ. Они всѣми силами стремились въ деревню, а деревня не давалась имъ въ руки. Не такъ-то просто создать себѣ мало-мальски прочное положенiе—а мы именно этого то и хотѣли—въ деревнѣ!

Чтобы открыть, напримѣръ, лавочку, трактиръ или заѣзжiй дворъ, нужно имѣть нѣкоторую наличность средствъ, нужны нѣкоторыя связи и знакомства на мѣстахъ, а то свои деревенскiе дѣльцы могутъ легко ножку подставить «чужому» или, еще хуже, какую-либо пакость причинить..... Кто знаетъ нашу деревню, тотъ пойметъ, что легко сказка сказывается, да не такъ скоро дѣло дѣлается: въ деревнѣ нерѣдко возникаютъ серьезныя недоразумѣнiя и замѣшательства, совершенно неожиданнаго характера, кроющiяся въ бытовыхъ условiяхъ, въ особенностяхъ деревенскаго уклада жизни. Отъ нашихъ искателей «поселенiй» вы бы могли услышать не мало поучительнаго и интереснаго въ этомъ отношенiи.

Вотъ, напр., какой траги-комическiй случай былъ съ нашимъ «Егорычемъ». Ищетъ, рыщетъ «Егорычъ» («Юла»—тожъ. «Юлою» прозвали его за крайнюю подвижность его: онъ не могъ усидѣть на одномъ мѣстѣ; словно ртуть, онъ растекался во всѣ стороны) по Саратовскому уѣзду — поселенiя добивается, но никакъ не удается.

Возвращается онъ въ Саратовъ и на пути, за околицей какой-то деревушки легъ отдохнуть на пригоркѣ. «Егорычъ»—мужчина видный, средняго роста, плотный, широкоплечiй, съ огромною до самаго пояса бородою. Настоящiй Черноморъ въ Русланѣ и Людмилѣ. Костюмъ на немъ былъ изрядно поношенный. Этотъ «прохлаждающiйся» въ рабочую пору (это было какъ разъ въ «страду») «чужой» естественно обратилъ на себя вниманiе деревенскихъ обывателей.

«Егорычъ» же этимъ временемъ, обвѣваемый холодкомъ, вздремнулъ. Вдругъ онъ слышитъ приближающiеся шаги, топотъ людей, говоръ—и предъ изумленными его глазами стала разношерстная толпа мужиковъ и бабъ. «Егорычъ», какъ каучуковый, вскакиваетъ съ своего ложа.—«Что за человѣкъ? чьи будете?»—посыпались на него вопросы. Короче: попросили раба божьяго въ «расправу».

Тамъ «Егорычъ», уже совершенно овладѣвшiй собою, предъявилъ старостѣ свой паспортъ, далъ кое-какiя объясненiя, вполнѣ удовлетворившiя испуганныхъ домохозяевъ, принявшихъ «Егорыча» за конокрада, и въ заключенiе всѣхъ переговоровъ и толковъ совершенно неожиданный финалъ: «Егорычъ» остается въ этой деревнѣ одновременно и сельскимъ писаремъ и учителемъ, съ жалованьемъ 8—10 р. въ мѣсяцъ, съ харчами на счетъ домохозяевъ. «Егорычъ» просвистѣлъ и пропѣлъ: «Громъ побѣды раздавайся»! Но оно могло окончиться и хуже, если бы подвернулся какой-нибудь болѣе ревностный „блюститель порядка“.

Но, повторяю, не всѣмъ такъ «потрафило», какъ «Егорычу» и другимъ нашимъ товарищамъ. Особенно не повезло вновь прибывшимъ въ «коммуну»: денегъ не было, связи не устанавливались. Гдѣ тонко, тамъ рвется. М. А. Брещинская, такъ хорошо

устроившаяся въ городской (губернской) больницѣ, совершенно неожиданно потеряла мѣсто, благодаря самодурству смотрителя больницы. Несмотря на то, что ей протежировалъ старшій врачъ больницы, она, выдающаяся работница въ больницѣ, все-таки была изгнана.

Въ «коммунѣ» все болѣе и болѣе сгущалась атмосфера тревоги и недовольства..... Было ясно, что за коммуной зорко слѣдятъ, и что провалъ неизбѣженъ. Рѣшено было созвать общее собраніе всѣхъ живущихъ въ Саратовѣ членовъ секціи для принятія рѣшительныхъ мѣръ. На собраніи выяснилось, что нѣкоторымъ нашимъ членамъ надо обязательно совсѣмъ уѣхать изъ Саратова. Мнѣ и Мощенко предложили уѣхать въ Москву, гдѣ въ то время былъ Михайловъ по случаю отбыванія имъ воинской повинности. Помнится, что у насъ въ Москвѣ было какое-то дѣло къ покойному К. А. Вернеру и К°.

Вслѣдъ за нами должны были выѣхать Хотинскій и Плехановъ. Послѣдній былъ безусловно нуженъ въ Петербургѣ и его настоятельно звали туда. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено упразднить по мѣрѣ возможности скорѣй «коммуну», предупредивъ объ этомъ заблаговременно иногороднихъ и деревенскихъ товарищей.

Я уѣхалъ изъ Саратова съ тяжелымъ чувствомъ.

Опасенія наши сбылись. Не успѣли мы доѣхать до Петербурга (въ Москвѣ мы получили отъ нашихъ товарищей по «основному кружку» письмо поторопиться пріѣздомъ нашимъ въ Петербургъ), какъ пришло извѣстіе о полномъ провалѣ нашей саратовской «коммуны». Арестованы: Богомазъ, хозяйка квартиры, А. Н. Новицкая; Бураковъ, «Николка»,—постоянные жильцы этой квартиры. Далѣе заарестованы пришедшіе на эту квартиру: Брещинская, Хотинскій и Корсакъ. Очевидно, что не приняты были никакія мѣры, чтобы предупредить объ опасности приходящихъ товарищей.

Плехановъ былъ арестованъ на квартирѣ Брещинской, гдѣ была устроена засада. Въ сопровожденіи двухъ городовыхъ его повели въ участокъ. Въ карманѣ у Плеханова было два паспорта, одинъ—его, а другой—запасной. По пути Плехановъ незамѣтно выронилъ запасной паспортъ, но, какъ на зло, проходившій мимо него господинъ замѣтилъ упавшую на землю бумажку, поднялъ ее и любезно передалъ ее Плеханову со словами: «Господинъ, это вы изволили уронить?»

Въ участкѣ Плехановъ пробылъ почти весь день, причемъ воспользовался подходящимъ моментомъ, чтобы окончательно отдѣлаться отъ лишняго паспорта.

Помощникъ пристава, соскучившись держать Плеханова въ участкѣ (день былъ воскресный и приставъ, должно быть, загулялъ), отправился съ Плехановымъ на его квартиру, осмотрѣлъ ее бѣгло и взялъ съ него подписку явиться въ участокъ на слѣдующій день. Отдѣлавшись такъ счастливо отъ ареста, Плехановъ принялъ всѣ мѣры, чтобы, такъ сказать, локализировать погромъ: онъ предупредилъ всѣхъ товарищей какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ о постигшемъ насъ несчастьи. И никакихъ больше

жертвъ не послѣдовало. Что касается участи арестованныхъ товарищей, то всѣ, за исключеніемъ Новицкой и Корсака, были вскорѣ совершенно освобождены за отсутствіемъ какого бы то ни было состава преступленія.

Корсака собирались отправить, если не ошибаюсь, этапнымъ порядкомъ на родину. Только одну Новицкую продержали еще нѣкоторое время въ тюрьмѣ, пока ее не взяла на поруки мать ея, нарочито вызванная въ Саратовъ. Въ мартѣ 78 года, если не ошибаюсь, Новицкую судили съ присяжными за «проживательство подъ вымышленнымъименемъ съ фальшивымъ паспортомъ».

Присяжные оправдали ее.

Въ окончательномъ итогѣ послѣдствія саратовскаго погрома оказались таковыми: «центръ» былъ совершенно дезорганизованъ, поселенія остались, такимъ образомъ, безъ головы, войско—безъ штаба. А это, само собою, не могло не отразиться на судьбахъ нашихъ поселеній. Въ самомъ дѣлѣ, какое же революціонное значеніе могъ имѣть десятокъ-другой землевольцевъ, разбросанныхъ на обширной территоріи и не связанныхъ между собою единою дирижирующею волею? Не только революціонная, но и осмысленная культурная работа едва-ли могла бы разсчитывать, при подобныхъ обстоятельствахъ, на какой-либо успѣхъ. И это именно вскорѣ и сказалось. Вслѣдъ за Новицкимъ, спустя нѣкоторое время, стали выползать изъ деревень и другіе «деревенщики» и разбрелись врозь; осталась въ деревнѣ лишь небольшая кучка твердыхъ и непоколебимыхъ. Такъ распалось саратовское поселеніе, не просуществовавъ и года, какъ единое и цѣльное. Задуманное основательно, составленное изъ лицъ надежныхъ и опытныхъ, оно, это поселеніе, сулило намъ успѣхъ. Что же случилось? Какъ же это вышло, что достаточно было одного лишь удара—и даже не удара, а щелчка только—правительственнаго, чтобы все наше зданіе разнести въ щепки, какъ карточный домикъ? Почему же «центръ» не былъ возстановленъ во-время? Вѣдь деревенскія поселенія не затронуты были непосредственно правительственнымъ погромомъ? Дѣло въ томъ, что послѣ разгрома «центра» и городскихъ организацій между товарищами начался разладъ, пошли раздоры. Это—печальный фактъ, который затушевывать не слѣдуетъ. Брещинская, Сергѣевъ, Богомазъ и Новицкіе совершенно разошлись. Образовались, какъ это повсюду и всегда бываетъ, партіи: одни стояли на сторонѣ Брещинской и Сергѣева, другіе — на сторонѣ Богомаза и Новицкихъ. Чего они между собою не подѣлили—нельзя было еще и тогда разобраться въ этомъ, а тѣмъ болѣе теперь. Но фактъ остается на-лицо и его надо признать. Изъ этихъ разрозненныхъ элементовъ ужъ трудно было тогда составить что-нибудь прочное и согласованное, если бы даже за это взялся бы человѣкъ съ семью пядями во лбу. Но и такого человѣка, къ несчастью, въ то время не оказалось на-лицо. Единственный сильный человѣкъ, оставшійся въ Саратовской губерніи—«Дворникъ» (Михайловъ)—забрался куда-то далеко въ самую глушь спасовска-

го міра и ушелъ весь въ этотъ міръ. Правда, Александръ Дмитріевичъ никогда не могъ увлечься какимъ-нибудь спеціальнымъ дѣломъ до забвенія, хотя бы и временнаго, другихъ отраслей революціоннаго дѣла. Каждое отдѣльное предпріятіе имѣло для него смыслъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ видѣлъ, понималъ и, если можно такъ выразиться, осязалъ связь его со всѣми остальными функціями общества «Земля и Воля» *)». Но что помѣшало тогда нашему «Катону-цензору», Михайлову, вернуться изъ деревни въ Саратовъ и забрать въ руки бразды правленія—мы не можемъ съ опредѣленностью сказать. Но, очевидно, были какія-то непреодолимыя препятствія на первыхъ порахъ, противъ которыхъ итти не могъ даже «Дворникъ». Время, между тѣмъ, уходило, а съ этимъ и возможные шансы быстраго реставрированія нашего саратовскаго «центра». Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ—самое золотое время. А уже въ началѣ апрѣля 1878 г. Михайловъ самъ мчится въ Петербургъ, привлекаемый туда тогдашними бурными событіями. А логика этихъ бурныхъ событій, какъ ниже увидимъ, оказалась сильнѣе твердаго, какъ кремень, Михайлова: помимо своей воли, вопреки своимъ желаніямъ, подъ давленіемъ требованій большинства членовъ петербургскаго «основного кружка», онъ все болѣе и болѣе вовлекается въ самый водоворотъ тогдашнихъ событій—и Петербургъ теперь поглощаетъ совсѣмъ эту мощную личность, навсегда уже потерянную для деревни.

Такимъ образомъ, lest no least—саратовское поселеніе лишилось послѣдняго своего организатора, и безъ средствъ и связей, предоставленное самому себѣ, оно, само собою, должно было неизбѣжно сѣсть на мель. И оно, дѣйствительно, сѣло. Правительственный разгромъ послужилъ лишь толчкомъ для дальнѣйшаго, такъ сказать, самопроизвольнаго крушенія или разрушенія саратовскихъ поселеній.

Правительственныя гоненія- это — общая основная причина.

Разрушительная сила ея велика—словъ нѣтъ! Но съ нею еще можно было боротся, если бы были въ наличности организующія, творческія силы, матеріальныя средства и связи. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ и важныхъ связей еще при возникновеніи нашихъ поселеній стали намъ на дорогѣ: они затормазили разселенія землевольцевъ по деревнямъ,—во-первыхъ, они этимъ вызвали скопленіе избыточныхъ силъ въ городѣ,—во-вторыхъ, а это послѣднее, наконецъ,—въ-третьихъ, въ свою очередь обострило бдительность властей и обусловило неизбѣжный погромъ городскихъ организацій.

Такова судьба саратовскаго поселенія, нашего перваго крупнаго поселенія. Оно не просуществовало и года.

Я останавливался такъ долго на этомъ поселеніи, потому что считаю его типичнымъ селеніемъ. Я постарался выяснить какъ общія, такъ и спеціальныя причины его преждевременнаго упадка.

*) Сочиненія Г. Л. Плеханова. „Воспоминанія объ Ал. Дм. Михайловѣ“, стр. 149.

Почти одновременно съ погромомъ саратовскихъ поселенiй, подверглись также «потоку и разграбленiю», т.-е. крушенiю и прочiя наши землевольскiя, а равно и другiя революцiонно-народническiя поселенiя. Погибли нижегородское (землевольское поселенiе, во главѣ котораго стояли Александръ Квятковскiй и Иванъ Логиновичъ Линевъ), и самарское (кружокъ братьевъ Богдановичей, Соловьева и И—чина-П—ева). Я не знаю, къ сожалѣнiю, всѣхъ подробностей, сопровождавшихъ разгромъ названныхъ поселенiй, а потому не могу сказать, въ какой мѣрѣ основной причинѣ всѣхъ погромовъ—политическому гнету, съ его атмосферою безправiя, беззаконiя, произвола, подозрительности и шпiонства и т. д.,—принадлежитъ здѣсь рѣшающее значенiе. Только по отношенiю къ самарскому поселенiю у меня имѣются подъ руками нѣкоторыя данныя, ясно указывающiя на то, что ближайшимъ поводомъ къ провалу этого поселенiя послужилъ нашъ, такъ сказать, первородный грѣхъ—«наша широкая русская натура», говоря словами Александра Михайлова, т. е., говоря опять-таки словами Михайлова, «наша распущенность, недостатокъ ежеминутной осмотрительности, разсѣянность». Какъ извѣстно, «причиною одновременнаго и внезапнаго бѣгства членовъ самарскаго поселенiя послужило то обстоятельство, что въ Самарѣ по телеграфу получено ими извѣстiе объ арестѣ 18 декабря въ Петербургѣ Чепурновой, отправлявшейся въ Самару, при которой найдены были письма къ самарскимъ поселенцамъ, не оставлявшiя никакого сомнѣнiя въ существованiи въ Самарѣ противозаконнаго сообщества съ революцiонными цѣлями, во главѣ котораго стояли Юрiй Богдановичъ и Лебединцевъ и къ которому принадлежали всѣ вышепоименованныя лица» *). Этотъ случай глубоко поучителенъ и демонстративенъ по его реальной наготѣ: случайный арестъ одного лица, снабженнаго компрометирующими письмами, убиваетъ наповалъ одно изъ лучшихъ нашихъ революцiонно-народническихъ поселенiй!

Подводя итогъ первому году дѣятельности нашихъ землевольскихъ революцiонно-народническихъ поселенiй, я долженъ съ глубокимъ прискорбiемъ констатировать, что крушенiе названныхъ поселенiй не только вызвано политическимъ гнетомъ,—преслѣдованiями и правительственными репрессiями,—но и въ значительной степени обязано нѣкоторымъ глубокимъ дефектамъ въ нашей собственной организацiи и на первомъ планѣ, помимо недостатка въ матерiальныхъ средствахъ, — отсутствiю въ насъ выдержки и дисциплины. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что, если бы мы, тогда еще бодрые, свѣжiе, вполнѣ готовые и способные для дѣятельности въ деревнѣ, хорошо подтянули себя, то мы бы были вполнѣ въ состоянiи противопоставить съ успѣхомъ репрессивно-правительственной силѣ свою конспиративно-революцiонную.

Въ то время, когда землевольцы и другiе народники-революцiонеры—назовемъ ихъ сѣверянами — заводили въ деревняхъ

*) „Общество Земля и Воля". Е. А. Серебряковъ. Лондонъ. Типографiя „Жизнь". 1902 г. Стр. 20.

поселенія, завязывали знакомства и связи съ народомъ, служили ему въ разнообразныхъ видахъ и положеніяхъ, подготовляя этимъ почву для возможной революціонной агитаціи и организаціи въ его средѣ,—въ то же время южные народники-революціонеры сочли возможнымъ рѣшительно выступить фронтомъ противъ существующаго порядка: они прямо приступили къ организаціи заговоровъ среди крестьянъ, съ цѣлью вызвать возстаніе. Южане въ этомъ отношеніи были счастливѣе сѣверянъ, и опытъ революціонной организаціи южанъ въ народѣ, несмотря на его эпизодическій характеръ, представляетъ, тѣмъ не менѣе, большой историческій интересъ. Я говорю о революціонныхъ попыткахъ Дебагорія-Мокріевича и К° въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, съ одной стороны, и Стефановича и К° въ Чигиринскомъ уѣздѣ той же губерніи—съ другой.

Въ Каневскомъ уѣздѣ сохранились живыя традиціи о гайдамачинѣ, настроеніе крестьянъ было не только оппозиціонное, но и революціонное. Въ эту то среду, ужъ стихійнымъ историческимъ процессомъ подготовленную къ возстаніямъ, принесли Дебагорій-Мокріевичъ, Фроленко, Дробязгинъ и другіе свою сознательную революціонную агитацію. Они разселились по всему уѣзду въ разнообразныхъ положеніяхъ: завели трактиры, лавочки въ селахъ, торговали лошадьми, чтобы, въ случаѣ возстанія, имѣть возможность доставить ихъ въ большомъ количествѣ; приэтомъ они уже запаслись оружіемъ и прочими боевыми принадлежностями.

Одновременно съ этимъ они пустили въ обращеніе среди крестьянъ массу брошюръ агитаціонно-революціоннаго характера. Агитація имѣла успѣхъ. Старики деревенскіе ставятъ вопросъ ребромъ:—«Чего же вы собственно хотите?»—«Мы хотимъ поднять васъ, вызвать бунтъ!» былъ отвѣтъ агитаторовъ.—«Мы готовы! Въ другихъ деревняхъ идетъ то же самое, приходите на слѣдующей недѣлѣ!» Агитаторы такъ и сдѣлали. Въ назначенный день въ одной избѣ собралось больше 20 крестьянъ, которые стали обсуждать вопросъ, какъ имъ добыть свою землю. Они порѣшили организоваться въ группы и поручили присутствовавшимъ агитаторамъ доставить имъ оружіе и револьверы. Затѣмъ было рѣшено устроить кассу и былъ выбранъ кассиръ. На собраніи присутствовалъ бывшій волостной писарь; онъ былъ очень обиженъ, что его не выбрали въ руководители, и въ пьяномъ видѣ разболталъ обо всемъ разговорѣ. Организація не просуществовала и полгода, какъ уже правительство знало о ней. Крестьяне, заранѣе предупрежденные, успѣли, однако, уничтожить всѣ бумаги, и полиція не нашла у нихъ ничего компрометирующаго*). Дѣло каневскихъ агитаторовъ, къ сожалѣнію, не было доведено до конца. Но попытка ихъ во всякомъ случаѣ—не шутка: они, южане, взялись за дѣло прямо, какъ и подобаетъ настоящимъ бунтарямъ-народникамъ,—черезъ народъ, при помощи народа вызвать возстаніе, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ завоевать себѣ экономическую независимость, т. е. раздобыть землю.

*) См. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи, стр. 87.

Совершенно иначе дѣйствовалъ Стефановичъ съ товарищами, добиваясь тѣхъ же цѣлей, въ Чигиринскомъ уѣздѣ. «Во многихъ волостяхъ Чигиринскаго уѣзда возникли неудовольствія между крестьянами, особенно усилившіяся вслѣдствіе споровъ изъ-за формъ землевладѣнія. Хозяева съ малыми семьями хотѣли сохранить прежнее подворное владѣніе; семьи съ большимъ количествомъ душъ стояли за введеніе великорусскаго общиннаго землевладѣнія и, слѣдовательно, за передѣлъ земли по душамъ. Подъ вліяніемъ различныхъ слуховъ они пошли дальше и требовали перехода къ крестьянамъ всей помѣщичьей земли. Ходоки, посланные къ царю отъ семи волостей, были схвачены и возвращены полиціей на родину; это только подтвердило мнѣніе крестьянъ, что чиновники обманываютъ царя. Когда затѣмъ они отказались еще отъ уплаты податей, то въ 1875 году дѣло дошло до экзекуціи, причемъ двое крестьянъ были засѣчены до смерти. Имущество крестьянъ было продано, чтобы покрыть недоимки.

Въ 1876 году бунтовавшая волость Шабельники была наказана военнымъ постоемъ и совершенно разорена; около ста крестьянъ были заключены въ тюрьму, что, однако, не заставило ихъ принять подворное владѣніе. Несмотря на все это, крестьяне не теряли мужества и вѣрили слухамъ, что самъ царь къ нимъ пріѣдетъ»*).

Вотъ эти то деревни, разоренныя вконецъ правительственными «правежниками», задавленныя приказно-полицейской мертвой петлей, деморализованныя страхомъ, опутанныя тонкой сѣтью двойного шпіонства—царскихъ «ушей и глазъ», съ одной стороны, и своихъ же односельчанъ-добровольцевъ, сторонниковъ подворнаго владѣнія, съ другой,—вотъ эти то деревни и выбралъ Стефановичъ операціоннымъ базисомъ своей революціонной дѣятельности; въ эту то темную среду, съ ея тупымъ протестомъ, и задалъ себѣ цѣлью Стефановичъ внести сознательный, цѣлесообразный протестъ революціонной тактики. Но тутъ-то нашла коса на камень. Предъ Стефановичемъ стояла масса, насквозь пропитанная всякаго рода историческими иллюзіями и недоразумѣніями, и на первомъ планѣ—глубокая вѣра въ царя. Чигиринцы готовы были все вынести, но чисто пассивно: они уперлись лбами въ неплатежъ податей и въ отказъ принять подворное владѣніе. Раззоръ, нищета, голодъ, всяческія физическія истязанія и нравственныя муки имъ нипочемъ: будутъ терпѣть,—вотъ пріѣдетъ баринъ,—баринъ ихъ разсудитъ! Одна надежда на царя, ею они живутъ: царь самъ ихъ разсудитъ!

Стефановичу осталось лишь одно: ихъ же оружіемъ побѣдить ихъ.

Много организаторскаго ума обнаружилъ здѣсь Стефановичъ, много выдержки и воли, но добился-таки своего. Какъ,—я отсылаю читателя къ самимъ Стефановичемъ описанной Одиссеѣ его, которую читатель найдетъ въ приложеніи къ «Исторіи революціоннаго движенія въ Россіи» Туна съ предисловіемъ Г. В. Плеханова. Я ограничусь здѣсь лишь сутью.

*) Тамъ же, стр. 88.

Послѣ многократныхъ переговоровъ и бесѣдъ съ заключенными въ тюрьмѣ чигиринцами, Стефановичъ, наконецъ явился къ нимъ съ хорошей вѣстью: онъ-де прямо пришелъ отъ царя, онъ—царскій комиссаръ; царь-де приказалъ ему передать своимъ чигиринцамъ, что онъ самъ имъ помочь не можетъ, такъ какъ на пути его стоятъ господа и чиновники, но онъ благословляетъ ихъ на бунтъ, на народное возстаніе; когда они подымутся, онъ самъ тогда пойдетъ съ ними, станетъ во главѣ ихъ. Въ доказательство своихъ словъ Стефановичъ представляетъ чигиринцамъ два замѣчательныхъ документа: «царскую грамоту» и «уставъ тайной дружины». «Царская грамота»—великолѣпно отпечатанный высочайшій указъ, въ которомъ отъ имени царя приказывается крестьянамъ соединяться въ тайныя дружины, чтобы поднять возстаніе противъ дворянъ, чиновниковъ, поповъ и великихъ князей, которые съ 1861 года мѣшаютъ ему, царю, дать своимъ вѣрнымъ крестьянамъ, кромѣ свободы, еще и землю. «Уставъ тайной дружины»—образцово составленный уставъ организаціи дружины, съ приложеніемъ къ уставу образца «священной клятвы», которую крестьяне должны принять, вступая въ организацію. Долго колебались чигиринцы,—наконецъ, сдались. Они присягнули сами и заставили также Стефановича, какъ «царскаго комиссара», торжественно присягнуть. И работа закипѣла. Въ сравнительно короткое время—не болѣе 5-ти мѣсяцевъ—число всѣхъ «дружинниковъ» дошло до тысячи человѣкъ. Типъ организаціи военно-казацкій: десятки, сотни и т. д. Надъ всѣми главенствовалъ «комиссаръ», т. е. самъ Стефановичъ, ему-де поручено самимъ царемъ руководить дружиной и въ случаѣ смерти послѣдняго довести до конца освобожденіе крестьянъ. Такова «тайная дружина», боевая народная организація, созданная умомъ и энергіей Стефановича. Къ сожалѣнію, она не долго просуществовала. Благодаря доносу, она, спустя полгода, была совершенно разбита: масса «дружинниковъ», въ томъ числѣ и самъ Стефановичъ съ товарищами, Дейчемъ и Бохановскимъ, были арестованы. И никто въ этомъ неповиненъ, никто изъ дѣятелей. Трудно удержать à la longue до-нельзя напряженную массу въ конспиративной организаціи: всегда можно ожидать какого-нибудь непредвидѣннаго ложнаго шага, болтливости, распущенности, а равно и прямого предательства.

Опытъ народно-революціонной организаціи Стефановича произвелъ громадное впечатлѣніе въ революціонной средѣ.

Землевольцевъ „Чигиринское дѣло" совершенно ослѣпило. Не говорю уже о нашемъ неисправимомъ романтикѣ Осинскомъ, но даже болѣе спокойные изъ землевольцевъ, какъ, напр., Адріанъ Михайловъ, увлеклись этимъ дѣломъ, можно сказать, до самозабвенія. Ниже я болѣе подробно разскажу о томъ бурномъ засѣданіи нашемъ зимою 1877—78 года, на которомъ, по предложенію Вал. Осинскаго, было поставлено на очередь обсужденіе «Чигиринскаго дѣла». Здѣсь только замѣчу, что, благодаря лишь энергичному протесту Плеханова и пишущаго эти строки, „авторитарный принципъ",—какъ мы тогда охарактеризовали принципъ, положенный Стефановичемъ въ основу его организаціи,—несмотря на явное

сочувствіе къ нему многихъ членовъ Совѣта, не прошелъ, отвергнутъ Совѣтомъ, и предложеніе Валеріана провалилось.

Чтобы покончить съ «Чигиринскимъ дѣломъ», какъ обычно называли тогда революціонно-народническую организацію Стефановича, скажу пару словъ по поводу одного мѣста въ «Исторіи революціоннаго движенія въ Россіи» Туна, которымъ Тунъ заканчиваетъ свое изложеніе «Чигиринскаго дѣла». Онъ говоритъ: «говорятъ, что крестьяне были внѣ себя отъ ярости, когда предъ ними раскрылась мистификація «царскаго комиссара», особенно они были возмущены священной клятвой, которую онъ заставилъ ихъ принести и ложной присягой, которую онъ самъ принесъ»*).

Вѣроятно, Тунъ имѣлъ основательныя данныя для такого категорическаго утвержденія. Я здѣсь кстати хочу привести мнѣніе о Стефановичѣ трехъ крестьянъ - чигиринцевъ, которыхъ я засталъ въ 1881 году въ Тюмени, въ центральной пересыльной тюрьмѣ. Я, къ сожалѣнію, сейчасъ не могу припомнить ихъ фамилій. Изъ Тюмени мы вмѣстѣ шли съ чигиринцами до Томска въ одной «партіи». Въ дорогѣ мы частенько вступали съ чигиринцами въ бесѣду. Чигиринцы не чуждались насъ, интеллигентовъ: они охотно вступали съ нами въ разговоръ. Мнѣ приходилось неоднократно говорить съ ними о Стефановичѣ. Въ отзывахъ чигиринцевъ о Стефановичѣ мнѣ ни разу не удалось уловить какое-либо осужденіе, неодобреніе послѣднему или просто досаду на него. Съ совершенно эпическимъ спокойствіемъ чигиринцы формулировали свой взглядъ на дѣйствія Стефановича слѣдующими (почти буквально) словами: «Мы Стефановича не винимъ: онъ намъ добра желалъ! А что касается его присяги, то Богъ ему судья!».

*) А. Тунъ. „Исторія революціоннаго движенія въ Россіи", стр. 92.

Глава VI.

„Большой процессъ" или процессъ „193-хъ" зимою 1877-78 гг. Впечатлѣніе, произведенное имъ на общество и молодежь. Выстрѣлъ Вѣры Засуличъ 24 января 1878 года. Вооруженное сопротивленіе Ковальскаго съ товарищами въ Одессѣ 31 января 1878 г. Общественное настроеніе. Движеніе среди молодежи высшихъ учебныхъ заведеній. Дѣятельная пропаганда землевольцами революціонно-народнической программы среди молодежи и рабочихъ Петербурга. Агитація землевольцевъ среди интеллигенціи и рабочихъ въ Петербургѣ зимою 1877-78 гг. Попытка организаціи уличной демонстраціи, съ подачей адреса министру Палену, среди учащейся молодежи. Демонстрація, устроенная землевольцами среди рабочихъ Васильеостровскаго патроннаго завода въ началѣ зимы 1878 г. Дѣятельное участіе землевольцевъ въ стачечномъ движеніи петербургскихъ рабочихъ въ 1878 году: въ стачкѣ на Новой бумагопрядильнѣ въ мартѣ 1878 года и въ стачкѣ на бумагопрядильной фабрикѣ Кенига въ концѣ того же года. Съѣздъ землевольцевъ зимою 1877-78 гг. Предложенія Валеріана Осинскаго. Дебаты по поводу этихъ предложеній, и окончательныя постановленія съѣзда—Большого Совѣта. Пересмотръ программы общества „Земля и Воля" и устава организаціи его. Привлеченіе новыхъ членовъ въ общество. Тѣсныя федеративныя связи съ революціонно-народническимъ кружкомъ В. Н. Фигнеръ. Новыя землевольскія поселенія: ново-саратовское, тамбовское и воронежское. Типографская и издательская группы землевольцевъ. Землевольская тайная типографія „Вольная русская типографія", переименованная въ концѣ 1878 г. въ „Петербургскую вольную типографію". Ея подпольныя изданія и ея организаторъ—Ааронъ Зунделевичъ.

Зима 1877-78 гг. ознаменовалась цѣлымъ рядомъ капитальной важности событій, предвѣщавшихъ, если не полное и рѣшительное перераспредѣленіе революціонныхъ силъ, то во всякомъ случаѣ накопленіе и концентрацію ихъ въ опредѣленномъ, отклоняющемся отъ основной тенденціи общества «Земля и Воля», направленіи.

Въ Петербургѣ тогда шелъ такъ называемый «Большой процессъ» или процессъ «193-хъ»,—этотъ, по выраженію Плеханова, «долгій поединокъ между правительствомъ и революціонной партіей».

Общественное возбужденіе, достаточно уже подготовленное «процессомъ 50-ти», достигло теперь значительной высоты. Предъ обществомъ предстали теперь новые герои, новые мученики. Жестокій правительственный гнетъ выступилъ теперь во всей его ужасающей наготѣ. Усиліями прокуратуры и жандармеріи создано «громадное дѣло»: 3800 человѣкъ (считая въ томъ числѣ и всѣхъ свидѣтелей) привлекается къ нему; число обвиняемыхъ—193. Четыре года подготовляется оно, это убійственное дѣло; четыре года томятся обвиняемые въ предварительномъ заключеніи; въ продолженіе этихъ четырехъ лѣтъ умираетъ около 70 человѣкъ. Наконецъ, судъ насталъ.

Предъ изумленной публикой проходятъ ужъ теперь не «лучезарныя фигуры дѣвушекъ, которыя съ спокойнымъ взоромъ и дѣтски-безмятежной улыбкой на устахъ идутъ туда, откуда нѣтъ возврата» *), а мощныя, стальныя фигуры борцовъ за свободу—фигуры Мышкина, Ковалика, Рогачева, Войнаральскаго, Брешковской

*) Слова С. Кравчинскаго о подсудимыхъ дѣвушкахъ по „Московскому процессу 50-ти".

и пр.! Они—не подсудимые, а грозные обвинители: они требуютъ народнаго суда, а не суда «подлыхъ, холопствующихъ изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ, торгующихъ чужою жизнью, истиной и справедливостью... чиновниковъ» (слова Мышкина на судѣ). Страстная, боевая рѣчь Мышкина прозвучала смертнымъ приговоромъ существующему общественно-государственному строю. Этотъ безстрашный, гордый внутренней своей силой, революціонеръ, начерталъ тогда на стѣнахъ «скораго и милостиваго» суда роковыя слова:—«Факелъ, Мани, Фаресъ» современнымъ идоламъ. Рѣчь Мышкина потрясла всѣхъ присутствующихъ. Безсильный въ своемъ гнѣвѣ судъ пускаетъ въ ходъ жандармскіе кулаки, которые обрушиваются на Мышкина и ближайшихъ его товарищей. Въ залѣ суда подымается оглушительный шумъ, начинается свалка, слышны рыданія, падаютъ въ обморокъ; публика удаляется силою. Судъ убѣгаетъ. Въ отвѣтъ на эту возмутительную судебную необузданность послѣдовалъ со стороны обвиняемыхъ окончательный отказъ принимать участіе въ судебномъ процессѣ.

Вѣсть о происшедшемъ на судѣ мигомъ облетѣла весь Петербургъ.

Всѣ негодуютъ: и общество, и молодежь въ особенности.

Но это еще цвѣточки, а ягодки еще впереди.

«Наступали первые дни 1878 года*). Процессъ 193-хъ кончился. «Снисходительный» приговоръ, послѣ тяжелаго многолѣтняго заключенія, былъ давно представленъ на утвержденіе императора. Наши товарищи, сидя въ казематахъ петропавловской крѣпости, уже строили планы новой жизни, всецѣло посвященной служенію свободѣ и родному краю. Дни шли за днями; заключенные мало-по-малу сживались съ мыслью о волѣ; эта мысль сдѣлалась, наконецъ, неотъемлемой частью всѣхъ ихъ помысловъ и мечтаній. Но вотъ сначала тихо, а потомъ все громче и громче стала разноситься по городу невѣроятная новость: вслѣдствіе настояній Палена и Мезенцева, государь отвергъ ходатайство сената о замѣнѣ для осужденныхъ каторги ссылкой на поселеніе. Двѣнадцать нашихъ товарищей были осуждены на медленную смерть въ одной изъ центральныхъ тюремъ».

Въ числѣ осужденныхъ на каторгу и не помилованныхъ были слѣдующія лица: И. Мышкинъ, Пор. Войнаральскій, С. Коваликъ, Дм. Рогачевъ, Мит. Муравскій, Мих. Сажинъ, Т. Квятковскій, Л. Шишко, Ек. Брешковская, А. Лукашевичъ, Н. Чарушинъ и И. Союзовъ (И. Добровольскій бѣжалъ послѣ объявленія приговора за границу).

Это произвело на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Особенно сильно волновалась молодежь. А между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ. 24 января 1878 года совершенно неожиданно, словно громъ среди ясняго дня, раздался историческій выстрѣлъ Вѣры Засуличъ: раненъ Треповъ. Оскорбленіе, нанесенное Боголюбову и партіи, смыто кровью гнуснаго оскорбителя. А шесть дней спустя—30 января—снова раздаются выстрѣлы. Это—Ковальскій и его товарищи въ Одессѣ отбиваются съ оружіемъ въ рукахъ отъ устроившихъ на нихъ облаву полицейскихъ и жандармскихъ чиновъ.

*) Изъ фельетона „Земли и Воли“ № 4. См. „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, стр. 337. Изд. Базилевскаго, 1905 г.

Описанныя событія слѣдовали одно за другимъ съ такою неожиданностью и стремительностью, что совершенно переполошили всѣхъ—и общество, и молодежь, и правительство. Чувствовалось, что въ общественной, такъ сказать, атмосферѣ все болѣе и болѣе накопляются и сгущаются оппозиціонныя настроенія, и что эти настроенія становятся все болѣе и болѣе напряженными. Казалось, что все благопріятствовало этой надвигающейся со всѣхъ сторонъ конденсаціи общественнаго протеста.

Только что окончившаяся безславно «освободительная война» за братьевъ-славянъ, полное дипломатическое пораженіе нашей оффиціальной «великой державы», крайнее хозяйственное истощеніе страны, какъ финалъ этой войны, съ неизбѣжными спутниками этого истощенія—голодовками,—вотъ что предстало во всей наготѣ предъ глазами общества въ итогѣ 1877 года. И апатичное, инертное общество, послѣ почти 10-тилѣтняго непробуднаго сна, зашевелилось наконецъ. Оно сознало, что дальше спать преступно, что преступно умывать, какъ Пилатъ, руки въ то время, когда рядомъ съ нимъ, бокъ-о-бокъ съ нимъ, ведутъ вотъ уже четыре года неустанную борьбу съ правительствомъ его же дѣти,—молодая, революціонная Россія.

Послѣдніе два процесса — «процессъ 50-ти» и «процессъ 193-хъ»—словно раскрыли обществу глаза.

Съ одной стороны—мученики, апостолы освобожденія народа, а съ другой—тупое насиліе темной правительственной реакціи. «Времена апостольскія возвращаются!» въ глубокомъ душевномъ умиленіи говорили одни, выходя изъ залы засѣданія.

«Новая сила нарождается!»—говорили другіе.

И симпатіи общества,—по крайней мѣрѣ, лучшей его части,—безповоротно перешли на сторону революціонной молодежи. А симпатіи къ революціонерамъ, сочувствіе имъ, означало теперь рѣшительную оппозицію правительству, полное осужденіе всей его политики, возможное въ ближайшемъ будущемъ болѣе активное содѣйствіе его, общества, революціонной борьбѣ молодежи, если не самостоятельное дѣятельное выступленіе его.

Таково было настроеніе большихъ круговъ общества подъ вліяніемъ описанныхъ событій зимы 1877-78 годовъ.

Я въ то время какъ разъ былъ въ Петербургѣ и воочію видѣлъ это приподнятое настроеніе общества. Въ либеральныхъ кругахъ то и дѣло были разговоры о конституціи: одни надѣялись, что самъ государь, вернувшійся съ поля битвы въ благодушномъ настроеніи, будетъ «вѣнчать зданіе»; другіе полагали, что, для достиженія этой цѣли, необходимо нѣкоторое общественное давленіе, въ формѣ общественныхъ петицій или адресовъ, обращенныхъ на Высочайшее имя; наконецъ, третьи, болѣе скептически настроенные, ратовали за организацію, прежде всего, подпольнаго революціонно-конституціоннаго органа, съ цѣлью распространенія въ широкихъ слояхъ публики идей политической свободы и созиданія въ нихъ соотвѣтственнаго освободительнаго настроенія. Послѣдніе то-и-дѣло пытались сблизиться на тѣхъ же основаніяхъ съ революціонерами вообще, а въ частности—съ нами, землевольцами. О та-

кой попыткѣ одной изъ кіевскихъ либеральныхъ группъ скажу здѣсь попутно два слова.

Въ январѣ 1878 года, одновременно съ Валеріаномъ Осинскимъ прибылъ въ Петербургъ депутатъ отъ кіевской группы конституціоналистовъ, если не ошибаюсь, Ювеналіевъ, съ предложеніемъ намъ, землевольцамъ, совмѣстно издавать революціонный органъ. Предложеніе это внесъ въ совѣтъ Валеріанъ; оно, конечно, провалилось съ трескомъ: литературный блокъ этотъ ни въ комъ изъ землевольцевъ не встрѣтилъ никакого сочувствія, да и самъ Валеріанъ Осинскій, внесшій это предложеніе, занялъ въ этомъ вопросѣ нѣсколько колеблющуюся позицію. Зато болѣе рѣшительно было другое предложеніе, внесенное также Валеріаномъ отъ имени вышеупомянутаго кіевскаго депутата, а именно: напечатать въ нашей «вольной типографіи» прокламацію кіевскихъ конституціоналистовъ къ русскому обществу.

Гвоздемъ этой прокламаціи, помнится, была конституція или Земскій Соборъ. Начались дебаты, мнѣнія раздѣлились. Правовѣрные народники—Преображенскій, «Родіонычъ» (М. Р. Поповъ), Мощенко и пишущій эти строки—высказались безусловно противъ напечатанія въ землевольской типографіи такихъ воззваній и литературныхъ произведеній, которыя идутъ вразрѣзъ съ основными соціально-политическими воззрѣніями общества «Земля и Воля». Къ нимъ присоединились и другіе «деревенщики». Валеріанъ горячо отстаивалъ свое предложеніе. «Наша типографія,—говорилъ Осинскій,—вольная типографія, и она должна таковой быть не только по имени: каждое вольное, протестующее слово должно найти въ ней мѣсто. Отказываясь напечатать это воззваніе, мы подрываемъ собственную основу, святую святыхъ нашего революціоннаго credo—право свободы слова. Наша типографія—единственная вольная типографія въ Россіи, откуда исходитъ свободное слово. Дадимъ же черезъ нашу типографію и другимъ возможность сказать тоже свое вольное слово!» Валеріана поддерживали Оболешевъ-Сабуровъ, Зунделевичъ, Ольга Натансонъ. Дебаты затягивались, страсти разгорались. Въ пылу спора, пишущій эти строки заявилъ категорически, что если, паче чаянія, это воззваніе будетъ отпечатано, то онъ, съ своей стороны, приметъ всѣ мѣры, чтобы изъять оное изъ обращенія, что за медико-хирургическую академію онъ вполнѣ ручается, что во всякомъ случаѣ въ среду молодежи оно не будетъ допущено. Поднялся шумъ. Въ концѣ-концовъ кто-то предложилъ такой компромиссъ: воззваніе конституціоналистовъ отпечатать, но съ оговоркою отъ общества «Земля и Воля», что отпечатаніе этой прокламаціи отнюдь не выражаетъ солидарности «общества» съ политическими взглядами, высказанными въ ней, что это сдѣлано лишь ради, такъ сказать, политическаго убѣжища свободному слову вообще, гонимому въ Россіи. На этомъ всѣ и согласились. Сейчасъ не могу сказать, было ли дѣйствительно напечатано упомянутое воззваніе у насъ или нѣтъ: у меня подъ руками сейчасъ нѣтъ никакихъ вообще землевольскихъ прокламацій и изданій.

Возбужденіе общества, между тѣмъ, возрастало.

Въ историческій день 31 марта 1878 года,—въ день оправданія Вѣры Засуличъ,—общественное броженіе достигло своего апогея. «Въ этотъ день, — говоритъ конституціонный «Летучій Листокъ»*),—общество, «избранное общество», по сознанію «Московск. Вѣдом.», впервые оцѣнило героизмъ молодежи, гибнувшей въ тюрьмахъ и на каторгѣ.

Оно услышало возмутительныя подробности генеральскаго издѣвательства надъ человѣческимъ достоинствомъ, узнало прошлое самой Засуличъ, заглянуло въ ея чистую душу и не только вынесло ей, въ лицѣ присяжныхъ, юридическое оправданіе, но признало ее воплощеніемъ русской совѣсти и мысли.

.....«Мы знали, конечно, и прежде, гдѣ мы живемъ, но на этотъ разъ страшная истина, позорная, предстала во всей наготѣ и мы почувствовали, до какой степени безсловесна и безсудна наша родина.

Наша пресса, измученная и погребенная подъ бременемъ безсудности, славословила освобожденіе славянъ и молчала о рабствѣ Россіи.

Общественное мнѣніе тоже не смѣло наказать баши-бузукскаго генерала. И насъ охватили негодованіе и жгучій стыдъ. Съ тѣхъ поръ между правительствомъ и обществомъ открылась пропасть и въ нынѣшнее же лѣто, отъ оправданія Засуличъ первое, царствованія же Александра II двадцать четвертое, фактъ передачи общественныхъ дѣлъ въ общественныя руки долженъ обратиться въ принципъ».

.....«Мы не смѣемъ жертвовать тѣми честными лицами, которымъ «тяжело поднять руку на человѣка» (слова Вѣры Засуличъ на судѣ), и не можемъ отдаваться на жертву мясникамъ, которымъ это легко. Нуженъ выходъ. Его указываетъ самое положеніе вещей. Само правительство инстинктивно вовлекается въ водоворотъ».

.....«Таковы факты. Разрозненные, безпорядочные, они должны быть возведены въ принципъ. Принципъ этотъ называется: *конституція, земскій соборъ*». (Курсивъ автора «Летучаго Листка». О. А.).

Вотъ, наконецъ, какимъ языкомъ заговорили наши либералы еще въ апрѣлѣ 1878 года. Они не только *вообще* симпатизируютъ революціонной молодежи въ ея борьбѣ съ правительствомъ, но берутъ прямо подъ защиту,—правда, чисто *идейную*,—революціонеровъ-*террористовъ*, санкціонируютъ ихъ дѣятельность, какъ неизбѣжный логическій отвѣтъ на правительственное беззаконіе.

Разъ начавшееся общественное броженіе не улеглось.

Дальнѣйшіе факты русской дѣйствительности 1878 года, какъ нарочито, развертывались съ такой желѣзной послѣдовательностью, что не давали уже уснуть взбудораженному русскому обществу; они, эти событія, подобно осамъ и шмелямъ дантовскаго «преддверія въ адъ», не давали покоя своимъ жаломъ этому обществу. Заговорили, наконецъ,—правда, полусвободнымъ только языкомъ,—

*) „Летучій Листокъ" № 1-й. Апрѣль 78 г. „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ". Изд. Базилевскаго, 1895 г. Paris. 111—113.

даже такіе глухонѣмые, какъ профессора высшихъ учебныхъ заведеній.

Я имѣю въ виду докладную записку совѣта харьковскаго университета отъ 16 декабря 1878 года, поданную на имя министра народнаго просвѣщенія. Въ докладной запискѣ своей совѣтъ университета рѣзко протестуетъ противъ избіенія студентовъ казаками 14 декабря 78 года.—«Образъ дѣйствій военныхъ и гражданскихъ властей г. Харькова 14 декабря*),—говорится, между прочимъ, въ докладной запискѣ,—возбуждаетъ во всѣхъ насъ чувство неодолимаго негодованія»..... .....«Протестуя искренне и сознательно противъ мѣръ, наносящихъ ударъ достоинству университета и внутреннему благу дорогого нашего отечества, мы обращаемся теперь къ заступничеству Вашему предъ Государемъ Императоромъ, какъ верховнымъ покровителемъ всѣхъ русскихъ университетовъ. Вмѣстѣ съ этимъ мы просимъ Ваше Сіятельство о правосудіи въ настоящемъ дѣлѣ для охраны достоинства, нравственнаго вліянія и полезной въ обществѣ роли Императорскаго Харьковскаго Университета».

Нельзя сказать, чтобы это былъ языкъ свободныхъ людей!

Болѣе ужъ свободнымъ языкомъ заговорили почти въ то же время харьковскіе земцы. На циркулярное обращеніе правительства къ земствамъ оказать ему содѣйствіе въ борьбѣ съ революціонной гидрой, съ которой оно само, правительство, не можетъ справиться,—послѣдовалъ отвѣтный «адресъ» съ просьбою дать «конституцію», т.-е. по меньшей мѣрѣ,—дать право такъ или иначе обсуждать политическіе вопросы. За этотъ фортель Гордѣенко, авторъ адреса, былъ награжденъ административной высылкой. Харьковское «требованіе конституціи» было не единственное въ этомъ родѣ.

Подобныя же попытки были и въ Орлѣ и въ Полтавѣ, но онѣ, по «независящимъ обстоятельствамъ», не успѣли вылиться въ опредѣленную форму.

Познакомившись съ настроеніемъ общества въ 1878 году, обратимся теперь къ нашей учащейся молодежи.

Какъ извѣстно, самымъ чувствительнымъ барометромъ нашего, такъ сказать, политическаго давленія была всегда и есть наша учащаяся молодежь. Въ описываемое нами время, т.-е. въ зиму 1877—78 годовъ, она, подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ событій, показала себя въ лучшемъ видѣ. Она буквально рвалась въ бой—куда бы ее ни повели. «Жажда дѣятельности и борьбы,—разсказываетъ Плехановъ въ своемъ «Рабочемъ въ русской революціи» (стр. 31),—пробуждалась въ самыхъ мирныхъ людяхъ. И не было революціоннаго предпріятія, для исполненія котораго не нашлось бы многихъ и многихъ охотниковъ». Необходимо было воспользоваться этимъ бурнымъ настроеніемъ молодежи, необходимо было оформить ея идейное содержаніе и дать опредѣленное направленіе, исходъ ея накопившейся энергіи—революціонной воли ея.

И за это дѣло взялось общество «Земля и Воля». Куй желѣзо, пока горячо!

*) „Земля и Воля" № 4. Отдѣлъ: „Документы". Приведено у В. Базилевскаго „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ".

Какъ разъ въ это время въ Петербургъ съѣхалось много землевольцевъ по тѣмъ или другимъ причинамъ: однихъ изгнало изъ провинціи крушеніе ихъ деревенскихъ поселеній, другихъ Петербургъ привлекъ по спеціальнымъ дѣламъ,—по соображеніямъ чисто дезорганизаторскаго характера. Въ Петербургѣ, такимъ образомъ, оказалось много членовъ изъ «деревенщины»—саратовскаго, нижегородскаго и донского поселеній—и лицъ дезорганизаторской группы. Вмѣстѣ съ администраціей и спеціальными петербургскими группами пріѣхавшіе землевольцы образовали тогда Большой Совѣтъ. Въ составѣ его (конечно, временномъ: Большой Совѣтъ не составлялъ отдѣльной группы, съ разъ навсегда опредѣленными функціями—онъ собирался совершенно случайно, вызванный къ жизни исключительной комбинаціей обстоятельствъ) тогда оказались слѣдующія лица: Ольга Натансонъ, Оболешевъ, Зунделевичъ, Адріанъ Михайловъ, Булановъ, М. Р. Поповъ, Преображенскій, Трощанскій, Мощенко, Хотинскій, Квятковскій, Осинскій, Плехановъ (прибывшій позже другихъ,—если не ошибаюсь, въ концѣ декабря 1877 года), Лизогубъ, Баранниковъ, Тулисовъ и Аптекманъ.

Одновременно почти прибыли въ Петербургъ В. Н. Фигнеръ съ ея друзьями и южане-народники: М. Фроленко, Попко, Волошенко и Чубаровъ. Кромѣ того были еще многіе одиночки-народники, въ числѣ ихъ особенно близко къ намъ стояла С. Н. Лаврова, личный другъ Ольги Натансонъ, одна изъ выдающихся могиканокъ пропагандистскаго періода революціоннаго движенія.

Такимъ образомъ, въ Петербургѣ собралась-таки довольно значительная группа революціонеровъ, такъ или иначе тяготѣвшихъ къ обществу «Земля и Воля». Само собою, возникъ вопросъ, какъ использовать наличныя силы, особенно въ виду переживаемаго момента общественнаго возбужденія и подъема энергіи въ средѣ молодежи. Кромѣ того, предстояли еще неотложныя дѣла самой организаціи «Земля и Воля», а потому присутствіе многихъ членовъ «основного кружка» общества было тогда весьма кстати.

На очереди стояли слѣдующіе вопросы:

Во-первыхъ, пересмотръ, какъ это требовалось уставомъ общества, программы и самаго устава.

Во-вторыхъ, окончательная организація типографской и издательской группъ. Типографія уже существовала подъ именемъ «Вольной русской типографіи» и уже начала функціонировать.

Въ-третьихъ, организація въ ближайшемъ будущемъ изданія центральнаго литературнаго органа общества «Земля и Воля».

Въ-четвертыхъ, привлеченіе новыхъ членовъ въ общество.

Въ-пятыхъ, пропаганда и агитація, въ виду общаго возбужденія умовъ, въ средѣ молодежи, рабочихъ и общества.

Послѣдніе два вопроса были тѣсно связаны между собою, такъ какъ пора оживленной пропаганды и агитаціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и пора наиболѣе энергичнаго рекрутированія свѣжихъ революціонныхъ силъ.

Въ-шестыхъ, приведеніе въ окончательный порядокъ уже имѣвшагося у насъ фонда революціоннаго, такъ называемаго, фонда Лизогуба и пріисканіе новыхъ источниковъ дохода.

Этимъ, поскольку могу припомнить, исчерпывается содержаніе тѣхъ очередныхъ вопросовъ, которые подлежали рѣшенію Большого Совѣта. Конечно, по пути возникала еще масса другихъ второстепенныхъ или же совершенно случайныхъ вопросовъ,— и эти тоже рѣшались тутъ же на Совѣтѣ. Предварительно всѣ вопросы разсматривались и обсуждались на Маломъ Совѣтѣ, а потомъ, послѣ того, какъ эти вопросы значительно выяснились уже и достаточно, такъ сказать, провентилировались, они представлялись на окончательное разсмотрѣніе Большого Совѣта.

Центральное мѣсто въ нашей работѣ, само собою, занимала тогда наша программа. На ней покоилось наше общество, да и не только наше: революціонно-народническое направленіе было тогда достояніемъ не только землевольцевъ, но и многихъ другихъ революціонныхъ кружковъ.

Программа была нашимъ боевымъ орудіемъ, при помощи котораго мы, народники-революціонеры, пропагандируя и агитируя, пріобрѣтали себѣ сторонниковъ набирали новыхъ членовъ, пополняли свои ряды. Понятное дѣло, что это орудіе надо было хорошенько отточить, чтобы съ его помощью не только умѣть побѣждать, но и умѣть удерживать плоды побѣды. По-прежнему, главнымъ операціоннымъ базисомъ нашей пропаганды,—пропаганды народническихъ идей,—была опять-таки молодежь, молодая интеллигенція.—«Сама же молодежь находилась въ нерѣшительномъ положеніи. Два, если не полярныхъ, то во всякомъ случаѣ различныхъ теченія проходили предъ ея глазами: марксизмъ и народничество. Куда пристать? Марксизмъ (соціализмъ) имѣлъ за собою обаяніе научной доктрины, блистательную традицію великихъ поборниковъ въ западно-европейскомъ движеніи, многомилліонную массу рабочаго класса... Но народничество—что оно такое? Гдѣ его прошлое и что сулило оно въ будущемъ? Молодежь имѣла право задавать такіе вопросы, и пропаганда народничества была необходима и современна. Дѣло въ томъ, повторяю, что народничество въ то время было для массы молодежи совершенно новымъ явленіемъ какъ теоретически, такъ и практически. Было необходимо прежде всего установить начала народничества, которыя послужили бы критеріемъ какъ для рѣшенія частныхъ вопросовъ теоретическаго свойства, такъ и всѣхъ вопросовъ практическаго. Во-вторыхъ, необходимо было, чтобы эти начала крѣпко уяснили и усвоили себѣ сами народники, такъ какъ нерѣдко случалось, къ величайшему недоумѣнію постороннихъ, что сами народники не понимали другъ друга, особенно въ вопросахъ практическихъ. Были народники-анархисты, были народники-якобинцы, были и такіе, въ головѣ которыхъ мирно укладывался самый крайній экономическій радикализмъ съ самымъ несноснымъ политическимъ консерватизмомъ. Такой важный общественный факторъ, какъ политическая организація, сознательно и систематически игнорировался.

Значеніе и роль его сводилась просто на нѣтъ. Одни наивно думали, что народъ, предоставленный самому себѣ, сумѣетъ на другой день революціи создать прекрасный изъ прекраснѣйшихъ порядковъ: «создать вольный союзъ вольныхъ общинъ». Другіе, наоборотъ, считали это возможнымъ только при помощи сильной диктатуры. Недоумѣніямъ, недоразумѣніямъ всякаго рода, предразсудкамъ не было конца. Среди самихъ землевольцевъ была масса разногласій и главнымъ образомъ по поводу практическихъ вопросовъ» (изъ моихъ неизданныхъ воспоминаній 1883-84 гг.)

Понятно, почему съ самаго начала вниманіе землевольцевъ было сосредоточено на программѣ.

Потребность въ стройной, выдержанной во всѣхъ частяхъ программѣ была тогда всеобщей потребностью: это было повелительное требованіе тогдашней русской дѣйствительности. Я хорошо припоминаю тѣ предварительныя наши небольшія совѣщанія, которыя почти ежедневно по вечерамъ происходили на квартирѣ Квятковскаго и на которыхъ обсуждалась наша программа. На этихъ совѣщаніяхъ почти постоянно присутствовали Ольга Натансонъ, Оболешевъ, М. Поповъ, Адріанъ Михайловъ, Зунделевичъ, когда онъ не бывалъ въ разъѣздахъ; нерѣдко на эти собранія приходилъ и Преображенскій (Плехановъ позже, по возвращеніи изъ Саратова, присоединился къ нашимъ совѣщаніямъ). Эти собранія наши глубоко врѣзались въ моей памяти по тому живому интересу и той глубокой серьезности, съ какими пунктъ за пунктомъ разсматривалась программа. Особенно политическому элементу программы посвящалось много времени. Ольга Натансонъ и Оболешевъ уже тогда стояли за введеніе политическаго элемента въ нашу программу, но оба они высказывались очень осторожно, словно щупали еще почву, провѣряли себя, сопоставляя свои взгляды со взглядами другихъ товарищей, особенно «деревенщиковъ».

Оболешевъ разъ мнѣ прямо поставилъ вопросъ: «Отчего вы, Осипъ, противъ конституціи?»

Я сталъ горячо говорить. Сущность всей моей аргументаціи можетъ быть формулирована такъ: политическая свобода безъ экономическаго равенства—фикція, вредная фикція: исторически, на Западѣ, она привела лишь къ болѣе тяжкому порабощенію рабочихъ массъ. И у насъ будетъ то же: господство буржуазіи, да еще азіатски-невѣжественной и византійски-ограниченной.

— Мы будемъ тогда бороться противъ этого, Осипъ! Что намъ помѣшаетъ?—возразилъ «Лешка».

— Нѣтъ! бороться будетъ труднѣе: буржуазія успѣетъ сорганизоваться, — во-первыхъ; а во-вторыхъ,—обманчивая буржуазная политическая свобода отвлечетъ отъ насъ много молодыхъ силъ— и въ послѣднемъ счетѣ мы опять-таки окажемся въ проигрышѣ!

Наши бесѣды затягивались порою за полночь. Въ результатѣ нашихъ бесѣдъ появилась статья Адріана Михайлова, послужившая какъ бы объясненіемъ къ нашей программѣ. Статья, помню, всѣмъ очень понравилась. Написанная хорошимъ литературнымъ языкомъ, она послѣдовательно развивала основныя начала нашей народнической программы.

Верховный критерій остался тотъ же: экономическое освобожденіе народа при посредствѣ самого народа, какъ необходимое условіе реализаціи политической свободы.

Не помню, была ли напечатана статья Михайлова: она должна была появиться или отдѣльнымъ изданіемъ (въ видѣ брошюры), или въ имѣвшемъ скоро появиться въ свѣтъ нашемъ органѣ.

Съ прибытіемъ Осинскаго, а потомъ и Плеханова, обсужденіе нашей программы пошло еще болѣе оживленно. Особенно горячіе споры вызывала наша тактика,—тутъ-то сказалась наша разноголосица. Валеріанъ явился очень горячимъ сторонникомъ той народно-революціонной организаціи, которую создалъ Стефановичъ съ своими товарищами въ Чигиринскомъ уѣздѣ.

Выше я уже упомянулъ о томъ, что это предложеніе, къ которому сочувственно отнеслось чуть ли ни большинство Совѣта, встрѣтило, тѣмъ не менѣе, сильный отпоръ со стороны Плеханова и пишущаго эти строки, что, въ концѣ концовъ, послѣ живого обмѣна мыслей, это предложеніе Валеріана было окончательно отвергнуто.

«Авторитарный принципъ», положенный Стефановичемъ въ основу «Чигиринскаго дѣла», разъ навсегда, такимъ образомъ, былъ изгнанъ изъ нашей программы. Кстати, замѣчу въ скобкахъ, самъ Стефановичъ отказался отъ этого принципа, онъ не разъ объ этомъ мнѣ лично заявлялъ. Въ 1879 году, вступивъ въ организацію «Чернаго Передѣла», онъ пытался возобновить свой опытъ, но совсѣмъ на иныхъ началахъ. Это—фактъ.

Но генеральное, такъ сказать, сраженіе далъ Валеріанъ своимъ товарищамъ при обсужденіи самаго кардинальнаго вопроса программы—политическаго вопроса. Еще на предыдущихъ собраніяхъ Валеріанъ попытался было подъ флагомъ конкретныхъ предложеній, внесенныхъ имъ отъ кіевскихъ конституціоналистовъ, провести постановленія чисто политическаго характера, но, какъ мы уже знаемъ, провалился. Теперь имъ былъ смѣло и открыто поставленъ вопросъ о политической борьбѣ ребромъ,—принципіально. Въ связи съ принципіальной постановкой вопроса о политикѣ, Валеріанъ также поставилъ вопросъ объ усиленіи дезорганизаторской дѣятельности, какъ одного изъ пріемовъ борьбы, способствующихъ реализаціи политической свободы.—«„Деревенщики“ рѣзко протестовали противъ этого предложенія; ссылались на уставъ, въ которомъ точно обозначены границы дезорганизаторской дѣятельности; предостерегали отъ излишняго увлеченія этимъ скользкимъ и опаснымъ путемъ, который можетъ сдѣлаться источникомъ весьма серьезныхъ замѣшательствъ. Пренія по этому поводу были очень продолжительны и горячи. Но деревенщина еще была тогда въ силѣ. Преобладающее настроеніе общества было строго-народническое. И предложеніе Валеріана было отвергнуто громаднымъ большинствомъ.

Еще до совѣщанія Валеріанъ въ разговорѣ со мною замѣтилъ вскользь, что если его предложенія не пройдутъ, то онъ выйдетъ изъ общества, что для него въ этомъ особой потери не предвидится, что, наконецъ, предлагаемыя имъ мѣры вполнѣ своевремен-

ны и находятъ сочувствіе у южанъ, къ которымъ онъ и пристанетъ.

Возраженія мои въ существенномъ были такія, какія давала ему на собраніи «деревенщина», причемъ въ заключеніе прибавилъ, что потеря такого товарища, какъ онъ, будетъ, конечно, чувствительна для общества, но еще чувствительнѣе и опаснѣе тотъ прецедентъ, который онъ выходомъ своимъ создаетъ въ нашемъ обществѣ.

На Совѣтѣ Валеріанъ хотя и энергично отстаивалъ свои предложенія, но о выходѣ своемъ изъ общества не заикнулся даже». (Изъ неизданныхъ моихъ воспоминаній 1883-84 гг. О. А.).

Въ окончательномъ итогѣ пересмотра Совѣтомъ нашей программы получилось слѣдующее: догматическая часть программы осталась безъ измѣненія; въ тактической части были лишь болѣе точно формулированы и подчеркнуты тѣ положенія, которыя касались собственно агитаціи въ деревнѣ. «Деревенщина» указала на то, что въ этомъ отношеніи намъ незачѣмъ лукаво мудрствовать: самъ народъ, многолѣтнимъ своимъ историческимъ опытомъ, выработалъ ужъ цѣлую систему излюбленныхъ имъ формъ протестовъ—какъ пассивныхъ (подача прошеній, посылка ходоковъ, отказъ отъ исполненія незаконныхъ начальническихъ распоряженій, отказъ отъ платежа податей и проч.), такъ и активныхъ («красный пѣтухъ», убійство вредныхъ и опасныхъ эксплуататоровъ и насильниковъ, бунты и проч.). Намъ слѣдуетъ только воспользоваться этими, готовыми уже формами протеста, какъ популярнымъ орудіемъ, съ тѣмъ, чтобы, при благопріятныхъ условіяхъ, внести въ нихъ, въ эти протесты, критическую и обобщающую силу революціонной мысли и воли. И тогда организація народно-революціонной партіи, какъ боевой партіи, готовой вступить въ рѣшительную борьбу съ современнымъ государственно-сословнымъ строемъ, окажется вполнѣ осуществимой.

Когда пересмотръ программы былъ законченъ, Совѣтъ рѣшилъ пустить ее въ обращеніе какъ въ широкую публику, такъ и въ среду учащейся молодежи и рабочихъ. Съ этой цѣлью были усилены уже ранѣе функціонировавшія группы—интеллигентная и рабочая—притокомъ новыхъ землевольцевъ, временно находившихся тогда въ Петербургѣ. На преобразованныя такимъ образомъ группы возложена была миссія энергично начать вербовку новыхъ членовъ въ общество, путемъ пропаганды и агитаціи. Обсужденіе и рѣшеніе другихъ вопросовъ подвинулось теперь быстро. Рѣшено было приступить къ изданію центральнаго органа подъ названіемъ «Земля и Воля»; намѣчены были редакторами слѣдующія лица: Кравчинскій, Клеменсъ, Адріанъ Михайловъ и Плехановъ. Такъ какъ Кравчинскій и Клеменсъ были за-границей, то рѣшено было списаться съ ними насчетъ этого. Типографская группа, какъ я уже упомянулъ, уже фактически была организована, и организована образцово, вполнѣ конспиративно.

Съ какими трудностями было сопряжено устройство въ Россіи подпольной типографіи и какъ жгуче въ то время ощущалась потребность въ мѣстной подпольной печати, видно изъ слѣдующихъ

словъ автора «Подпольной Россіи» (стр. 127 и слѣд.), С. Кравчинскаго:—«Потребность въ мѣстной подпольной печати*), которая бы могла немедленно отвѣчать на всякія злобы дня, дѣлалась все болѣе и болѣе настоятельной...... Но, казалось, какой-то злой рокъ тяготѣетъ надъ попытками подобнаго рода: всѣ онѣ оказывались крайне недолговѣчными...... Послѣ многочисленныхъ попытокъ, потерпѣвшихъ одна за другой жестокую неудачу, устройство тайной типографіи всѣми было признано дѣломъ не только труднымъ, но и прямо невозможнымъ, праздной мечтой, ведущей лишь къ безцѣльной тратѣ денегъ и гибели лучшихъ силъ. Мысль о тайной типографіи была отброшена окончательно. Люди «серьезные» просто не хотѣли больше объ этомъ слушать. Нашелся, однако, мечтатель, фантазеръ, который ни за что не соглашался признать непреложность общепринятаго мнѣнія и съ жаромъ доказывалъ, что даже въ самомъ Петербургѣ можно устроить типографію, и онъ ее устроитъ, если его только снабдятъ необходимыми средствами.

Мечтателя этого звали Аарономъ Зунделевичемъ......

Послѣ многихъ усилій Зунделевичу удалось побороть недовѣріе товарищей и получить на свою затѣю около 4.000 рублей. Съ этими деньгами онъ отправился за-границу, закупилъ тамъ и доставилъ въ Петербургъ все необходимое и, наконецъ, научившись набирать самъ и преподавъ это искусство еще четверымъ изъ своихъ друзей, онъ устроилъ съ ними въ 1877 году въ Петербургѣ тайную типографію, первую, которая была достойна этого имени, такъ какъ она правильно работала и выпускала въ свѣтъ довольно порядочныя брошюрки, а впослѣдствіи и газету. Планъ Зунделевича былъ такъ простъ, естественъ и уменъ, что цѣлые четыре года, несмотря на упорнѣйшіе розыски, полиція не могла напасть на слѣдъ типографіи, которая была открыта, благодаря глупой случайности».

Да, много энергіи, труда и предпріимчивости положилъ на это дѣло Зунделевичъ. Типографія—цѣликомъ дѣло его рукъ. Зунделевичъ былъ своего рода министромъ иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ на его обязанности лежало установленіе сношеній съ заграничнымъ міромъ въ разнообразныхъ формахъ: устройство пути для доставки изъ-за границы въ Россію подпольныхъ изданій, типографскихъ принадлежностей и проч., для переправы изъ-за границы и обратно революціонеровъ, для разнообразныхъ переговоровъ и сношеній съ эмигрантами и проч., и проч.

Въ средѣ пограничной стражи и контрабандистовъ онъ былъ свой человѣкъ. Породу своей дѣятельности онъ былъ вѣчно въ разъѣздахъ.

На вопросъ одного изъ нашихъ товарищей, гдѣ живетъ Зунделевичъ? получился отвѣтъ: «Въ вагонѣ 3-го класса!» И дѣйствительно. Онъ всегда былъ въ работѣ,—энергичный, живой, неуловимый и глубоко-симпатичный «Мойша»! Въ тѣ короткіе моменты, когда онъ бывалъ въ Петербургѣ, онъ неразлучно былъ съ своими товарищами.

---

*) Цитировано въ „Матеріалахъ для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“, X, въ статьѣ П. Л. Лаврова: „Народники-пропагандисты“ стр. 263.

Гуманный, сердечный, уравновѣшенный, онъ вносилъ теплоту и братство въ наши отношенія. Услужить товарищу чѣмъ-нибудь было для «Мойши» великою радостью. Да и кто можетъ купить и лучше, и дешевле. чѣмъ «Мойша?» До сихъ поръ я храню, какъ дорогую память о землевольцахъ, серебряные часы, купленные для меня «Мойшей», по просьбѣ Ольги и „Лешки", еще въ 1878 году.

Зунделевичъ былъ единственнымъ, кажется, изъ землевольцевъ, который съ самаго начала признавалъ необходимость политической борьбы. Когда землевольская организація распалась, Зунделевичъ присталъ, конечно, къ народовольцамъ, оставаясь, тѣмъ не менѣе, въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ чернопередѣльцами и оказывая имъ посильную помощь своими практическами совѣтами.

Въ Петропавловской крѣпости мы сидѣли рядомъ, въ низу, въ равелинѣ Трубецкого. Снова увидѣлись мы въ 1881 году въ тюрьмѣ, въ Томскѣ, гдѣ насъ, шедшихъ изъ Вышняго Волочка, соединили съ террористами, шедшими изъ Петербурга. Мы шли вмѣстѣ отъ Томска до полпути до Иркутска, гдѣ меня отдѣлили отъ партіи и отправили форсированнымъ маршемъ въ Якутскъ.

Здѣсь, въ пути, я могъ только вполнѣ оцѣнить золотое сердце Зунделевича!

Типографія наша работала весьма успѣшно Вотъ списокъ изданій*), вышедшихъ изъ нашей типографіи въ теченіе 1878—79 гг. (приблизительно): «Приказъ исправникамъ»; «Русскіе отцы къ русскимъ матерямъ, къ русскому обществу» (прокламація); «Приказъ по войскамъ Одесскаго военнаго округа»; прокламація объ убійствѣ шпіона Никонова; прокламація о покушеніи на Котляревскаго; «Два засѣданія комитета министровъ»; «Прибавленіе къ приказу С.-Петербургскаго градоначальника»; «Записка Палена»; „Къ рабочимъ патроннаго завода отъ интеллигенціи" (прокламація); „Къ рабочимъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ" (прокламація); „Выигрыши последней войны" (Драгоманова), перепечатка заграничной брошюры его: „До чего довоевались?"; „Къ студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній", „За-живо погребенный", „Убійство Мезенцева" (Кравчинскаго); „Ко всѣмъ честнымъ людямъ" (по поводу В. И. Засуличъ): „Къ русскому обществу" (по тому же поводу. Г. В. Плеханова (?); „Покушеніе на жизнь Трепова" и брошюра „13 іюля и 24 января"; „Отчеты о засѣданіяхъ Особаго Присутствія Правительственнаго Сената по дѣлу революціонной пропаганды въ Имперіи" (книжка), „Рѣчь Мышкина" (брошюра); „Адресъ Палену отъ петербургской учащейся молодежи" (Плеханова); „Адресъ Палену отъ московской учащейся молодежи"; „Воззваніе къ славному Войску Донскому"; „Земля и Воля" №№ 1—5; „Листокъ Земли и Воли" №№ 1—5. Помѣщеніе типографіи было извѣстно исключительно типографской группѣ: Ольгѣ Натансонъ, Оболешеву и Зунделевичу. Сношенія съ типографіей совершались только черезъ ко-

*) Списокъ этотъ позаимствованъ почти исключительно изъ извѣстнаго труда В. Л. Бурцева „За сто лѣтъ" (послѣднее изданіе заграничное).

го-либо одного изъ членовъ типографской или, впослѣдствіи, редакторской группы. Режимъ типографіи былъ строжайшій. Но такъ какъ за это дѣло взялись идейные вполнѣ люди, то эти тяжелыя лишенія переносились легко, какъ нужное и должное.

Только разъ мнѣ— къ слову сказать— пришлось услышать жалобу отъ одного изъ типографскихъ о невыносимости такого режима. Это былъ Бураковъ. Замѣчательно выдержанный и дисциплинированный работникъ, онъ, тѣмъ не менѣе, порою переживалъ тяжелыя минуты.

— Право же, Осипъ,—жаловался Бураковъ,—словно въ тюрьмѣ сидишь! Пожалуй, что придется отказаться отъ этой работы! Онъ, дѣйствительно, скоро вышелъ на „волю" изъ типографіи, но тутъ же попалъ въ «неволю»—былъ весною 1879 года, послѣ 2-го апрѣля, схваченъ и сосланъ, если не ошибаюсь, куда-то на сѣверъ.

Послѣдній очередной вопросъ, который подлежалъ обсужденію, былъ вопросъ о нашихъ средствахъ. Лизогубъ заявилъ, что онъ отсюда прямо ѣдетъ въ свое имѣніе, гдѣ приведетъ все въ порядокъ, и надѣется, что впередъ поступленія средствъ въ нашу кассу будутъ совершаться болѣе аккуратно. Имѣніемъ управляетъ-де свой человѣкъ и на него вполнѣ можно положиться*). Оболешевъ при этомъ замѣтилъ, что разъ наше издательство пойдетъ хорошо,—а на это вполнѣ можно разсчитывать, особенно послѣ выхода нашего органа,—то типографія и органъ не только себя окупятъ, но и дадутъ порядочный доходъ. Вопросъ этотъ казался исчерпаннымъ, и, хотя наше положеніе пока оказалось не особенно блестящимъ, но мы чувствовали себя вообще довольно бодрыми и готовились уже разойтись. Но тутъ неожиданно случилось одно обстоятельство, которое переполошило всѣхъ.

„Романтикъ" Осинскій никакъ не могъ помириться съ перспективою такого черезчуръ ужъ скромнаго матеріальнаго существованія Общества. На этомъ-де далеко не уѣдешь, а событія, между тѣмъ, предвѣщаютъ интенсивную дѣятельность какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. Нужны будутъ, можетъ быть, большія средства. Гдѣ ихъ взять? И Валеріанъ, ничто же сумняшеся, предлагаетъ внести въ функцію дезорганизаторской группы еще новую функцію— экспропріацію государственныхъ, общественныхъ, а въ крайнемъ случаѣ, и частныхъ имуществъ. На этотъ разъ Валеріанъ совершенно промахнулся: предложеніе его было единогласно отвергнуто.

Пересмотръ устава, насколько припоминаю, не потребовалъ отъ насъ много времени: мы всѣ согласились, что нѣтъ пока крайней необходимости внести въ него какія-либо существенныя измѣненія,—и уставъ остался неизмѣненнымъ.

Но уже въ началѣ лѣта 1878 года, когда Михайловъ Александръ вернулся въ Петербургъ и засѣлъ тамъ, онъ снова поднялъ вопросъ о пересмотрѣ устава и поставилъ вопросъ ребромъ. Меня тогда не было въ Петербургѣ, а потому я разскажу, какъ

*) Управляющимъ былъ Дриго, оказавшійся впослѣдствіи предателемъ. О. А.

произошло это дѣло со словъ Плеханова, участвовавшаго въ совѣщаніи о пересмотрѣ устава.

Вотъ что Плехановъ разсказываетъ въ своемъ «Воспоминаніи объ А. Д. Михайловѣ» (стр. 115—116. «сочиненія» Плеханова). —«Михайловъ требовалъ радикальнаго измѣненія устава въ смыслѣ большей централизаціи революціонныхъ силъ и большей зависимости мѣстныхъ группъ отъ центра.

Послѣ многихъ споровъ почти всѣ его предложенія были приняты и ему поручено было написать проектъ новаго устава.

При обсужденіи приготовленнаго имъ проекта не малую оппозицію встрѣтилъ параграфъ, по которому членъ «основного кружка» обязывался исполнять всякое распоряженіе большинства своихъ товарищей, хотя бы оно и не вполнѣ соотвѣтствовало его личнымъ воззрѣніямъ. Михайловъ даже не могъ понять точки зрѣнія своихъ оппонентовъ.—«Если вы приняли программу кружка, если вы сдѣлались членами организаціи, то въ основныхъ пунктахъ у васъ не можетъ быть разногласій съ большинствомъ ея членовъ»,—повторялъ онъ съ досадой. „Вы можете разойтись съ ними во взглядахъ на умѣстность и своевременность порученнаго вамъ предпріятія, но въ этомъ случаѣ вы должны подчиниться большинству голосовъ. Что касается меня, то я сдѣлаю все, что потребуетъ отъ меня *организація. Если бы меня заставили писать стихи, я не отказался бы и отъ этого, хотя и зналъ бы напередъ, что стихи выйдутъ невозможные. Личность должна подчиниться организаціи!»*

Въ концѣ концовъ былъ принятъ и этотъ параграфъ, съ тѣмъ, однако, добавленіемъ, что организація должна, по возможности, принимать въ соображеніе личныя наклонности различныхъ ея членовъ».

Такимъ образомъ, Михайлову удалось, наконецъ-то, добиться хоть формально признанія его верховнаго принципа всякой организаціи—централизаціи и дисциплины воли.

Не могу здѣсь по пути не отмѣтить одного весьма характернаго для нашего «Дворника» (Михайлова) факта. Вначалѣ весны 1879 года нашей редакторской группѣ былъ нанесенъ значительный уронъ: арестованъ Д. А. Клеменсъ. Въ редакціи остались лишь Тихоміровъ и Морозовъ. Плехановъ, хотя тогда уже близко стоялъ къ редакціи, но, такъ сказать, отвѣтственнымъ (предъ партіей) редакторомъ онъ не считался еще. Какъ-то въ одинъ прекрасный день является къ Плеханову Михайловъ съ слѣдующимъ категорическимъ предложеніемъ: «Слушай. Жоржъ ты можешь писать, а потому войди въ редакцію! Это необходимо теперь!» Плехановъ возразилъ ему, что онъ не чувствуетъ себя достаточно подготовленнымъ для такой отвѣтственной работы и что онъ имѣетъ въ виду еще поработать надъ собою. Михайловъ рѣзко возразилъ: «Если ты отказываешься, то я начну писать въ «Землѣ и Волѣ», но знай, что я хуже тебя буду писать!» Противъ такого аргумента Плехановъ не устоялъ и вступилъ въ редакцію. Плехановъ и теперь утверждаетъ, что если бы не «Петръ Ивановичъ» (т.-е. Александръ Михайловъ), то онъ бы, быть можетъ, и не сдѣлался бы литераторомъ.

—

Согласно постановленію Большого Совѣта, землевольцы приступили къ энергичной пропагандѣ своей программы. Въ медико-хир. академіи работали М. Р. Поповъ и Л. Булановъ со своимъ кружкомъ молодыхъ народниковъ изъ учащейся молодежи, студентами Козловскимъ, Шмеманомъ и друг.

Молодые оказались дѣльными, хорошими головами, готовыми къ работѣ въ своей средѣ.

Въ помощь къ названному кружку присталъ временно и пишущій эти строки,—больше, впрочемъ, въ качествѣ агитатора, чѣмъ пропагандиста. Въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣятельную пропаганду и агитацію велъ Преображенскій съ своимъ кружкомъ «молодыхъ». Пропаганда велась при помощи уже выработанныхъ предшествующимъ опытомъ молодежи способовъ—при помощи кружковъ и сходокъ. И тѣхъ, и другихъ зимою 1877—78 г. было много. Время для этого было тогда весьма благопріятное: всѣ задвигались, охваченные широкими общественными стремленіями и задачами.

Я здѣсь разскажу лишь о томъ, что я самъ видѣлъ и слышалъ въ теченіе тѣхъ 2½ мѣсяцевъ зимы 1877—78 г.г., которые, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, пробылъ въ Петербургѣ.

На тогдашнихъ сходкахъ читались рефераты по преимуществу на народническія темы—объ общинѣ, расколѣ, сектантствѣ и проч. Довлѣетъ дневи злоба его. Покойный Каблицъ-Юзовъ (онъ же «Око». Его такъ прозвали потому, что одинъ глазъ у него былъ искусственный) выступилъ ужъ тогда съ своей попыткой философскаго или соціологическаго обоснованія народничества. Онъ читалъ, помнится, рефератъ: «Умъ и чувство, какъ факторы прогресса». Сходка была многочисленная: была молодежь, были и старики. О самомъ рефератѣ скажу лишь два слова: тошнотворное было это произведеніе ума, какъ и все позднѣйшее,—въ томъ числѣ и «Основы народничества»,—вышедшее изъ-подъ пера этого соціолога-народника изъ «Недѣли». Однако, справедливость требуетъ сказать, что на молодые умы, страстно искавшіе тогда «основъ» и «обобщающихъ» концепцій», эта псевдо-научная, псевдо-философская стряпня все-таки производила впечатлѣніе. Да и не только на молодыхъ: я и отъ нѣкоторыхъ стариковъ,—напр., доктора Шапиро, развитого и умнаго человѣка,—слышалъ сочувственные отзывы о литературныхъ опытахъ Каблица-Юзова. Но не о рефератѣ я хочу говорить: интересъ былъ возбужденъ не столько рефератомъ, какъ таковымъ, сколько тѣми преніями, горячими и страстными, которыя велись по поводу этого реферата. Землевольцы и другіе народники имѣли на сходкѣ и своихъ представителей. Со стороны землевольцевъ были тогда, помнится, слѣдующія лица: Л. Булановъ, Преображенскій, М. Поповъ и пишущій эти строки. Со стороны кружка В. Н. Фигнеръ былъ, кажется, И—чинъ-П—ревъ. Отъ южныхъ народниковъ-революціонеровъ присутствовалъ Волошенко («Петро́»).

На сцену выступили капитальной важности проблемы соціологіи объ относительной роли чувства и ума въ соціологическомъ процессѣ.

Незамѣтно перешли къ частному вопросу народничества—какому изъ двухъ названныхъ «психологическихъ факторовъ прогресса» суждено сыграть рѣшающую роль въ революціонно-народномъ движеніи нашей крестьянской массы: эмоціямъ или идеямъ массы?

И далѣе совершенно незамѣтно, какъ это и бываетъ въ подобныхъ спорахъ, выплылъ вопросъ—въ какой формѣ можетъ или должна вылиться ближайшая народная революція: проявится ли она въ формѣ анархизма или государственности? Л. Булановъ, помнится, на это очень опредѣленно отвѣтилъ:—«Мы не предрѣшаемъ никакихъ вопросовъ, мы это предоставляемъ самому народу: если народъ подымется, скажемъ, во имя князька какого-нибудь или даже царя—мы за нимъ, за народомъ пойдемъ! Мы не можемъ итти противъ народа!» У Каблица засверкалъ единственный его глазъ и онъ, обращаясь къ аудиторіи, воскликнулъ: «Да вѣдь они—якобинцы!» Ему вторили его сторонники: «Они—якобинцы, якобинцы!» Поднялся неслыханный шумъ, въ которомъ ничего разобрать нельзя было. Когда шумъ утихъ и страсти улеглись, «слова» попросили землевольцы.

Землевольцы горячо поддерживали своего товарища, Буланова.

Въ его взглядахъ они-де ничего еретическаго не видятъ: народный князь или царь—не современный глава государства: народный царь—выборный, подобно казацкому атаману, такой царь—полное воплощеніе народной воли, такого царя нечего опасаться намъ. Тѣ, которые боятся народнаго царя, боятся и не довѣряютъ самому народу, тѣ—не народники, а доктринеры и метафизики.

На этой сходкѣ съ особой силой логики и убѣжденія выступилъ Волошенко. Пальма первенства въ полемикѣ принадлежала ему. Волошенко—къ слову сказать—одна изъ самыхъ умныхъ и свѣтлыхъ головъ среди революціонеровъ. Недаромъ одинъ изъ профессоровъ исторіи—не то Леонтовичъ, не то Антоновичъ—заявилъ на судѣ, что въ лицѣ обвиняемаго Волошенко русская наука теряетъ выдающагося ученаго. Волошенко оказывалъ тогда намъ, землевольцамъ, незабвенную услугу: онъ рѣдко пропускалъ серьезныя сходки, всегда выступалъ въ защиту народническихъ идей и защищалъ онъ ихъ не только умно, но и талантливо.

Какъ-то разъ насъ собралось нѣсколько человѣкъ на квартирѣ М. Н. Ошаниной,—на квартирѣ «централистокъ», какъ мы тогда называли кружокъ Ошаниной*). Мы, землевольцы, говоря мимоходомъ, частенько-таки бывали у этой умной, сильной Ошаниной, несмотря на принципіальныя наши разногласія. Бывалъ на этой квартирѣ (на Набережной Невки, кажется) и Волошенко.

Вотъ на этой-то квартирѣ и обратился къ намъ разъ Волошенко, встревоженный, съ упрекомъ, отчего мы не принимаемъ мѣръ противъ помраченія умовъ молодежи, практикуемаго здѣсь нѣкоторыми противниками революціоннаго движенія

---

*) „Централистками“ мы ихъ прозвали за приверженность ихъ къ якобинистически-централистическимъ воззрѣніямъ.

вообще и народническаго—въ частности. Онъ при этомъ указалъ на лекціи учителя Я. И. Ковальскаго, «развращающаго,—по выраженію Волошенко,—молодежь своей философіей». Волошенко въ заключеніе посовѣтовалъ землевольцамъ отрядить кого-нибудь на эти лекціи, но, не дожидаясь нашихъ дѣйствій, сталъ самъ посѣщать устроенныя Ковальскимъ сходки, выступая на нихъ сильнымъ и оригинальнымъ оппонентомъ. Крупныя умственныя и полемическія способности Волошенко обнаружились еще,—разсказывали мнѣ,—въ Одессѣ, гдѣ онъ выступалъ съ поразительнымъ успѣхомъ въ диспутахъ его съ штундистами. Во все время пребыванія Волошенко въ Петербургѣ, онъ дѣятельно помогалъ землевольцамъ распространять народническую программу среди молодежи. И результаты этой усиленной и совмѣстной работы я позволю себѣ резюмировать слѣдующими, занесенными въ мою записную книжку еще въ 1883-84 году, словами:—«Пропаганда революціонно-народническихъ идей продолжалась весьма ревностно всѣми народниками-революціонерами и, несмотря на то, что это дѣло велось не всегда особенно умѣло и толково, народничеству въ концѣ-концовъ удалось завоевать себѣ право гражданства и стать достояніемъ не только революціонной молодежи, но и мирной интеллигенціи».

И въ этомъ ничего удивительнаго не было. Землевольцы и другіе народники-революціонеры представляли собою единственную, вышедшую изъ общества, группу, активно выступавшую на борьбу съ современнымъ крѣпостнически-приказнымъ государственнымъ строемъ во имя народныхъ интересовъ—интересовъ «Земли и Воли».

Много ли ихъ было или мало, хорошо ли или худо они дѣлали свое дѣло,—но они неустанно двигали его впередъ: они отдавали народу свою мысль и чувство, отдавали свою свободу и жизнь...... И молодежь, чуткая къ правдѣ, инстинктивно тянулась, какъ подсолнечникъ къ свѣту, къ тѣмъ, которые сами эту правду искали и стремились воплотить ее въ жизнь. И она, т. е. учащаяся молодежь, пристала къ дѣйствующимъ, борющимся и стремящимся организовать народъ для дальнѣйшей борьбы. Это—во-первыхъ. А, во-вторыхъ,—хотя народничество, какъ соціально-политическая доктрина, во многихъ отношеніяхъ было еще несовершенно и незаконченно, оно, тѣмъ не менѣе, вполнѣ соотвѣтствовало тому историческому моменту, который тогда переживала Россія,—Россія деревенская, мужицкая. Такъ мы, семидесятники, тогда думали, да и не мы одни. Старшее поколѣніе--экономисты, статистики, а особенно наши любимцы-беллетристы, Успенскій и Златовратскій, развернули предъ нами яркую и разительную картину современной намъ деревенской дѣйствительности. Они воочію показали намъ, что на нашу деревню надвигается страшная грозная сила, готовая разнести въ прахъ старыя формы ея. Это насъ глубоко тревожило и огорчало. Это—правда. Но мы, вмѣстѣ съ нашими учителями, наблюдая этотъ двойственный процессъ разрушенія и созиданія деревни, видѣли, чувствовали, такъ сказать, осязали лишь первый,—процессъ разрушенія.

Его мы выдвигали на первый планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы стали искать причины, вызвавшей этотъ разрушительный про-

цессъ, а равно и средствъ, способовъ, при помощи которыхъ мы бы могли либо нейтрализовать эту разрушительную силу, либо совсѣмъ изъять ее изъ круга дѣйствія ея на деревню. Мы нашли эту причину единственно въ современномъ намъ крѣпостнически-приказномъ государственномъ строѣ. Это оно, государство, своимъ многовѣковымъ гнетомъ, разрушало и разрушаетъ, какъ внѣшняя враждебная сила, наши деревенскіе «устои». А потому и ближайшей нашей цѣлью было—бороться не на животъ, а на смерть съ этимъ государствомъ. Мы разсуждали такъ: если тѣмъ или другимъ способомъ мы уничтожимъ, устранимъ это государство, то тогда спадутъ тяжелыя цѣпи, тормазившія до сихъ поръ нормальное и поступательное развитіе «исконныхъ началъ» нашей деревни. «Капитализму» вообще, а деревенскому—въ частности, мы тогда ни малѣйшаго значенія,—ни положительнаго, ни отрицательнаго,—не придавали. Мы считали его тепличнымъ растеніемъ, возращеннымъ лишь заботливымъ уходомъ экономической политики нашего правительства. Самъ по себѣ, думали мы, капитализмъ не имѣетъ у насъ никакихъ шансовъ на жизнь: освобожденныя творческія силы нашей деревни, помимо другихъ вліяній,—международно-экономическихъ и проч.,—сумѣютъ во-время подсѣчь въ самомъ корнѣ дальнѣйшій ростъ его.

Вообще, мы тогда третировали нашъ нарождающійся капитализмъ, какъ quantité negligeable.

Теперь, когда насъ отдѣляетъ отъ того времени промежутокъ въ 25 лѣтъ, такого рода понятія намъ кажутся, по меньшей мѣрѣ, странными. Но тогда мы не могли иначе думать.

Мы всѣ,—и старые, и молодые народолюбцы,—глубоко вѣрили въ то, что насъ, русскихъ, минуетъ эта горькая чаша—капиталистическое производство. Мы вѣрили, что пойдемъ своимъ путемъ, что Россія «не напала еще на слѣдъ естественнаго закона своего развитія», а потому, покуда это еще не случилось, она, Россія, можетъ миновать капиталистическую фазу экономическаго развитія. Разъ такая предпосылка была допущена, то все остальное—наша теорія и практика, наша, говоря современной терминологіей, идеологія («народничество»)—была лишь логическимъ послѣдствіемъ этой предпосылки. Оно такъ и было. И собственный нашъ историческій опытъ, и авторитетъ западно-европейскаго научнаго соціализма только укрѣпили наше убѣжденіе и вѣру въ истинности «народничества». Вотъ почему, повторяю, мы тогда и думать, и дѣйствовать иначе не могли. Вотъ почему наше народничество,—каково оно было,—вполнѣ удовлетворяло какъ насъ, такъ и приставшую къ намъ молодую интеллигенцію. Наша программа, будучи впослѣдствіи разработанной и обоснованной мирными дѣятелями, явилась уже, какъ система идей, какъ соціологическое построеніе. Такою именно она явилась подъ названіемъ легальнаго народничества въ 80-хъ годахъ. Представителями его были Каблицъ-Юзовъ, В. В. и Николай—онъ.

Я указалъ на то, что мы зимою 1877-78 гг. дѣйствовали въ качествѣ пропагандистовъ среди молодежи. Но мы не только про-

пагандировали, мы занимались также и агитаціей. Я позволю себѣ разсказать эту сторону нашей дѣятельности, какъ она записана была мною еще въ 1883-84 г. въ неизданныхъ моихъ воспоминаніяхъ: «Землевольцамъ хорошо было извѣстно возбужденное настроеніе молодежи, и они рѣшили еще на Большомъ Совѣтѣ воспользоваться этимъ для агитаціонныхъ цѣлей. Въ адресѣ, составленномъ на имя графа Палена *), указывалось именно на вопіющія злоупотребленія и насилія, противъ которыхъ готовы были протестовать всѣ хорошіе люди. Указывалось на непрерывно производимые обыски, аресты, высылки, на ничѣмъ немотивированное продолжительное предварительное заключеніе, на пристрастіе суда, на систему oubliet'окъ, которую начало практиковать правительство, и на прочія возмутительныя репрессіи, тяготѣвшія надъ обществомъ. Адресъ былъ отпечатанъ въ «вольной русской типографіи» и пущенъ въ общество и въ среду молодежи. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ была рѣшена на Большомъ Совѣтѣ «паленская демонстрація», въ м.-х. академіи случилось маленькое событіе, вызвавшее въ ея стѣнахъ манифестацію со стороны студентовъ противъ академическаго начальства. Манифестація эта была вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ. Ожидали въ то время пріѣзда Александра II съ мѣста военныхъ дѣйствій. По этому поводу городъ рѣшилъ устроить торжественную встрѣчу, на которой должны были присутствовать представители города, земства, ученыхъ корпорацій и всѣхъ учебныхъ заведеній. Академическое начальство позволило себѣ при этомъ случаѣ весьма неблаговидные пріемы. Оно хорошо знало настроеніе своего студенчества, а потому оно рѣшило поступать по собственному благоусмотрѣнію. Пригласило къ себѣ нѣсколькихъ студентовъ, завѣдомо извѣстныхъ ему за благонадежныхъ, и предложило имъ отправиться въ качествѣ депутатовъ, причемъ оно прозрачно посулило имъ денежное вознагражденіе. Это стало извѣстно въ тотъ же день и, конечно, вызвало взрывъ негодованія. Находившійся въ то время въ библіотекѣ академіи землеволецъ (пишущій эти строки) рѣшилъ этимъ воспользоваться. При помощи нѣсколькихъ горячихъ головъ созвана была на скорую руку сходка въ библіотекѣ, и было рѣшено немедленно вызвать начальника академіи Быкова для объясненій. Сказано—сдѣлано. Нѣсколько человѣкъ отправились за нимъ и почти насильно привели его въ библіотеку. Быковъ былъ сконфуженъ этой совершенно неожиданной и необычайной (это было поздно вечеромъ) сходкой, но особенно обнаруженіемъ его продѣлки. Студенты рѣзко, почти грубо нападали на него, обличая его неблаговидный поступокъ. Быковъ защищался, но очень слабо. Студенты потребовали, чтобы самозванные студенты лишены были ихъ полномочій, причемъ заявили, что никакихъ депутатовъ они при этомъ случаѣ посылать не намѣрены. Насколько мнѣ помнится, такъ дѣйствительно и было: «на торжественной встрѣчѣ» депутатовъ отъ академическаго студенчества не было.

Одновременно съ этимъ случилось другое событіе, окончательно возбудившее молодежь. Въ клиникѣ умеръ Жилинскій, три

*) Адресъ написанъ Г. В. Плехановымъ.

года содержавшійся въ тюрьмѣ. Молодежь рѣшила устроить изъ его похоронъ демонстрацію, но полиція выкрала на разсвѣтѣ трупъ Жилинскаго. Раздраженная толпа студентовъ отправилась въ академическую библіотеку. Землевольцы рѣшили ковать желѣзо, пока горячо. Пущены были листки ужъ отпечатаннаго адреса и предложено было отправиться съ этимъ адресомъ къ Палену. Предложеніе было принято сочувственно, но такъ какъ присутствующихъ было всего около 200 человѣкъ, то было рѣшено предварительно вступить въ переговоры со всѣми высшими учебными заведеніями (Петербурга) и привлечь ихъ къ демонстраціи. Въ послѣдующіе за этимъ дни происходили во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ многочисленныя и бурныя сходки. Наконецъ, въ назначенный для демонстраціи день въ библіотекѣ м.-х. академіи собралось до 80 человѣкъ.

Землевольцы выступили въ защиту своего предложенія, и дѣло это навѣрно бы выгорѣло, если бы тутъ не вмѣшались лавристы, которые ставили въ вину землевольцамъ, что они, называя себя народниками, устраиваютъ протесты политическаго характера. Землевольцы оправдывались тѣмъ, что это протестъ не столько политическій, сколько гуманитарный, къ которому должна примкнуть всякая сознающая свое достоинство личность. Завязался горячій споръ. Каждая сторона приводила историческія доказательства въ пользу своихъ мнѣній. А время уходило. Наконецъ, землевольцы спохватились и, воспользовавшись небольшой передышкой, поставили нѣсколько вопросовъ на голосованіе:

1) Слѣдуетъ ли вообще протестовать?

2) Если слѣдуетъ,—то въ какой формѣ и когда? Большинство высказалось опять въ пользу предложенія землевольцевъ.

Къ сожалѣнію, наступилъ вечеръ и потому рѣшили устроить демонстрацію на слѣдующій день. На другой день толпа собралась столь малочисленная, что демонстрація теряла всякій смыслъ. Впрочемъ, землевольцы очень мало потеряли отъ этой неудачи. Отчасти они даже достигли своей цѣли: имъ удалось за это время привлечь на свою сторону значительное число лицъ изъ молодежи и, такимъ образомъ, надолго удержать за собою почву въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Броженіе въ учащейся молодежи петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній и готовившаяся «паленская демонстрація» быстро дошли до Москвы. И студенты московскаго университета тоже заволновались; въ Петербургъ прибыли делегаты отъ московскаго студенчества,—въ томъ числѣ, если не ошибаюсь, М—овъ, въ настоящее время извѣстный общественный дѣятель и педагогъ,—для окончательныхъ переговоровъ съ петербургскимъ студенчествомъ, съ цѣлью установленія единообразія въ дѣйствіяхъ.

Делегаты по соціальнымъ своимъ убѣжденіямъ были всѣ—народники. Землевольцы снабдили ихъ прокламаціей «Адресъ Палену отъ московской учащейся молодежи»,—насколько могу припомнить,—вполнѣ тождественный съ петербургскимъ адресомъ молодежи къ Палену.

Январьское волненіе петербургскихъ студентовъ послужило лишь прологомъ къ цѣлому ряду волненій въ студенчествѣ, возни-

кавшихъ въ теченіе 1878 года то въ одномъ, то въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи и обобщившихся, наконецъ, осенью и зимою этого года во всероссійское студенческое волненіе: даже петербургскіе путейцы, всегда корректные и лойяльные, рѣшились примкнуть къ общему движенію.

Движеніе началось на этотъ разъ съ провинціи—съ харьковскаго ветеринарнаго института,—быстро распространилось на столичныя высшія учебныя заведенія, особенно петербургскія.

Въ м.-х. академіи волненія выразились демонстративной подачей «скопомъ» петиціи наслѣднику. Студенты «просили» права сходокъ, права устройства кассъ и библіотекъ; просили въ заключеніе заступничества наслѣдника за харьковскихъ товарищей.

Однимъ словомъ, петиція эта представляла собою образецъ скромнѣйшаго изъ скромныхъ прошеній.

Безпощадныя репрессіи: массовые аресты и ссылки студентовъ въ сѣверныя губерніи и Восточную Сибирь, жестокое избіеніе—таковъ былъ прямой отвѣтъ правительства. Избіеніе молодежи*) было совершено съ такою наглостью и жестокостью, что вызвало протестъ даже со стороны совѣтовъ харьковскаго и петербургскаго университетовъ. Послѣдній подалъ тщательно мотивированную записку министру народнаго просвѣщенія. Въ числѣ причинъ, вызывающихъ волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, выставляется общее неудовлетворительное состояніе Россіи и преслѣдованія студентовъ позорной памяти III отдѣленіемъ. Мѣрами къ прекращенію волненій университетъ считаетъ возстановленіе своей автономіи и права защиты студенческихъ интересовъ въ столкновеніяхъ съ полиціей, возстановленіе студенческихъ учрежденій, уничтоженныхъ послѣ 1863 года.

Землевольцы горячо откликнулись на студенческія движенія и всячески нравственно поддерживали молодежь въ неравной борьбѣ ея съ совершенно разнуздавшимся тогда правительствомъ. Общество «Земля и Воля» выпустило тогда прокламацію: «Къ студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній».

Въ центральномъ своемъ органѣ «Земля и Воля» редакція удѣляетъ много мѣста студенческимъ волненіямъ: помѣщаетъ подробныя о нихъ корреспонденціи, ведетъ мартирологъ студенчества, обнародываетъ многіе интересные оффиціальные документы, касающіеся судебъ студенчества,—однимъ словомъ, держитъ и общество, и молодежь въ курсѣ студенческихъ дѣлъ. Органъ зоветъ студенчество на борьбу съ правительствомъ,—борьбу неустанную, упорную и объединенную за свои права.

„Не правы ли мы были,— говоритъ «Земля и Воля» въ № 3, —когда въ воззваніи «Ко всѣмъ, кому вѣдать надлежитъ» (воззваніе принадлежитъ перу Клеменса) предрекали, что скоро будутъ душить и рѣзать студентовъ на улицахъ? Не правы ли мы

*) Еще раньше, въ апрѣлѣ, московская полиція натравила на студентовъ охотнорядцевъ, которые учинили надъ ними жестокую кулачную расправу.

Это—н е п р я м о е воздѣйствіе правительства на молодежь.

были, когда сравнивали студентовъ съ лишенными всѣхъ правъ и состоянія каторжниками? Спросимъ мы теперь, какой отвѣтъ возможенъ со стороны молодежи на эту травлю пьяными казаками и жандармами?

Имѣетъ-ли она право своимъ судомъ вѣшать на осину такихъ бѣшеныхъ собакъ, какъ Зуровы и Мартенсы*) или ей остается слѣдовать совѣту харьковскихъ профессоровъ и «заняться наукой» въ ожиданіи новаго избіенія? Кстати, позволяемъ себѣ усомниться въ искренности этого «искренняго слова» харьковскихъ профессоровъ къ студентамъ, не говоря уже о его безтактности. Что бы сказалъ любой изъ нихъ, если бы ему дали оплеуху и, въ видѣ утѣшенія, посовѣтовали бы углубиться въ изученіе своей спеціальности?

Нашъ совѣтъ студентамъ, какъ и всегда,—продолжайте разъ начатое дѣло, не останавливайтесь на полдорогѣ, не создавайте въ своей молодости подлаго прецедента отреченія отъ своей цѣли при первой возможности.

Справедливости, правды и суда отъ правительства не ждите. Оно наградитъ генералами отъ-кавалеріи своихъ баши-бузуковъ, а васъ угонитъ въ Восточную Сибирь.

Если вы бросите теперь ваше дѣло—всѣ жертвы рискуютъ теперь пропасть даромъ, а между тѣмъ при настойчивости можно добиться кой-какихъ результатовъ».

Такъ говорилъ нашъ органъ съ учащейся молодежью.

Намъ хочется здѣсь попутно подчеркнуть нѣкоторые штрихи въ этомъ обращеніи хроникера «Земли и Воли» къ студентамъ, да не только въ этомъ обращеніи, а во всей хроникѣ: кое-гдѣ прорываются угрожающія нотки, слышенъ прямой призывъ къ борьбѣ съ правительствомъ: «имѣетъ ли она теперь право своимъ судомъ вѣшать на осину такихъ бѣшеныхъ собакъ, какъ Зуровы и Мартенсы?...» Или (въ заключеніи сообщенія объ арестѣ Дубровина и Бобохова, оказавшихъ вооруженное сопротивленіе): «и такъ уже многія жертвы ждутъ своего отмщенія, много злодѣевъ избѣжало суда. Дальше такъ продолжаться не можетъ!».

Одновременно съ пропагандою и агитаціей среди интеллигенціи началась энергичная дѣятельность и среди петербурскихъ рабочихъ. Во главѣ стоялъ Плехановъ, который и раньше имѣлъ порядочныя связи среди рабочихъ. Онъ привлекъ къ себѣ нѣсколько свѣжихъ силъ изъ молодежи и возстановилъ, такимъ образомъ, вполнѣ «рабочую группу».

Задачи и цѣли, которыя землевольцы преслѣдовали среди рабочихъ, были такія же, какъ и среди интеллигенціи, т. е. пропаганда народническихъ идей и агитація на почвѣ непосредственныхъ интересовъ городской рабочей массы.

Какъ велась у насъ пропаганда среди рабочихъ?

Мы разскажемъ это лучше всего словами самого Плеханова.

«Въ сношеніяхъ съ рабочими*) землевольцы всегда держа-

---

*) Курсивъ мой О. А.

„) „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи". Г. В. Плехановъ. Изданіе второе, исправл. и дополненное 1902 г. стр. 17 18.

лись слѣдующихъ пріемовъ. Тѣ члены организаціи, которымъ поручалось веденіе «рабочаго дѣла» (ихъ всегда было немного,— самое большее: 4—5 чел.), обязаны были составить кружки изъ молодыхъ «интеллигентовъ». Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали къ обществу «Земля и Воля», но, дѣйствуя подъ руководствомъ его членовъ, они не могли работать иначе, какъ въ духѣ его программы.

Вотъ эти-то кружки и вступали въ сношенія съ рабочими.

Такъ какъ, благодаря пропагандѣ 73—74 гг., въ петербургской рабочей средѣ было довольно много революціонеровъ, то задача „землевольцевъ" и ихъ молодыхъ помощниковъ свелась прежде всего къ организаціи этихъ готовыхъ силъ. «Старые», по большей части уже испытанные, революціонеры-рабочіе, присоединивъ къ себѣ нѣкоторыхъ надежныхъ новичковъ, составили ядро петербургской рабочей организаціи, съ которыми и сносилась главнымъ образомъ «интеллигенція».

На этихъ людей мы вполнѣ могли положиться: нелѣпо было бояться, что они насъ выдадутъ. Тѣмъ не менѣе, помня, что кашу масломъ не портятъ, и что въ тайномъ революціонномъ дѣлѣ осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, землевольцы и этимъ испытаннымъ рабочимъ не сообщали ни своихъ адресовъ, ни своихъ именъ (т. е. тѣхъ именъ, подъ которыми они были прописаны въ участкѣ). Прибавлю, что такъ они поступали не съ одними рабочими: адресъ землевольца и то, по большей части вымышленное, имя, подъ которымъ проживалъ онъ, въ самой организаціи знали обыкновенно только очень немногіе члены, занимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ и одною и тою же отраслью революціоннаго дѣла; остальные, занятые другими революціонными спеціальностями, должны были довольствоваться встрѣчами съ ними на „конспиративной" квартирѣ, гдѣ происходили общія кружковыя собранія.

На обязанности центральной, отборной рабочей группы лежало руководство мѣстными рабочими кружками, возникавшими въ той или другой части Петербурга. Интеллигенція не вмѣшивалась въ дѣла этихъ мѣстныхъ кружковъ, ограничиваясь доставленіемъ имъ книгъ, помощью при заведеніи тайныхъ квартиръ для собраній и т. п.

Каждый мѣстный кружокъ долженъ былъ собственными силами привлекать къ себѣ новыхъ членовъ, которымъ сообщали, что существуютъ и другіе подобные кружки въ Петербургѣ, но гдѣ и какіе именно, это было извѣстно только членамъ центральнаго рабочаго ядра, каждое воскресенье сходившимся на общее собраніе.

Революціонеры-интеллигенты являлись съ цѣлью пропаганды и на собранія мѣстныхъ кружковъ. Но такъ какъ тамъ они были извѣстны подъ вымышленными именами, то если бы туда и забрался какой-нибудь шпіонъ, онъ могъ бы донести «пославшимъ его» только о томъ, что какой-то Федорычъ, или Антонъ, или «Дѣдушка» въ томъ-то мѣстѣ и въ такомъ-то часу потрясалъ основы, а гдѣ искать этого Федорыча, или Антона, или „Дѣдушку", оставалось покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Прослѣдить же на улицѣ

кого-либо изъ этихъ потрясателей было не такъ-то легко, потому что они на сей конецъ прибѣгали къ особымъ мѣрамъ, въ видѣ проходныхъ дворовъ, извозчика, внезапно взятаго въ такомъ мѣстѣ, гдѣ другого извозчика не было, и гдѣ, такимъ образомъ, слѣдовавшій за потрясателемъ пѣшій шпіонъ по необходимости долженъ былъ отстать отъ него, и проч., и проч.

При подобныхъ предосторожностяхъ мы благополучно могли заниматься своими дѣлами даже въ самыя жестокія времена, когда не принадлежавшіе къ организаціямъ революціонеры (нигилисты, какъ называли мы ихъ на своемъ жаргонѣ) за самомалѣйшіе пустяки десятками попадались въ руки бдительныхъ аргусовъ».

Какъ удачно шла наша пропаганда среди рабочихъ?

Плехановъ, тонкій и умный наблюдатель, не мало поработавшій среди рабочихъ, склоненъ нѣсколько умалять наши успѣхи даже сравнительно съ пропагандою «лавристовъ». Правда, онъ высказывается на этотъ счетъ весьма осторожно:—«Ихъ пропаганда,—говоритъ Плехановъ о лавристахъ,—*вѣроятно* (курсивъ мой. О. А.), была разумнѣе нашей». И далѣе:—«Если въ программѣ образовавшагося зимою 78—79 года Сѣверно-русскаго Рабочаго союза сильно слышалась соціалъ-демократическая нотка, то это *кажется* (курсивъ мой. О. А.) въ значительной степени нужно приписать вліянію лавристовъ».

Слишкомъ много чести, думается намъ, для лавристовъ!

Землевольцы, какъ *народники*, сдѣлали въ средѣ рабочихъ все, что могли. Они, конечно, не могли заняться организацией рабочихъ въ *соціалъ-демократическую* партію: народническая программа отводила дѣятельности ея сторонниковъ въ рабочей массѣ *второстепенное* мѣсто. Центръ тяжести революціонной дѣятельности лежалъ въ деревнѣ, въ крестьянской массѣ, туда и направлялись *прямо* и *косвенно* (черезъ, напр., *городскихъ рабочихъ*) наличныя силы землевольцевъ.

Но, повторяю, въ революціонно-*народническомъ* смыслѣ, землевольцы за время своей дѣятельности въ городѣ успѣли не мало въ средѣ рабочихъ.

Самъ Плехановъ указываетъ на это во многихъ мѣстахъ своей брошюры «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи».

Развѣ этого мало, что «*слушая насъ*,—говоритъ въ названной брошюрѣ Плехановъ,—*рабочій могъ проникнуться ненавистью къ правительству и «бунтарскимъ» духомъ, могъ научиться сочувствовать «сѣрому мужику» и желать ему всего лучшаго*» (Курсивъ нашъ О. А.).

Развѣ способствовать выясненію нашей тогдашней русской дѣйствительности, какъ мы тогда, какъ *народники*, понимали ее,—немалая заслуга? Развѣ рабочій-бунтарь Митрофановъ, «постигшій спорные программные вопросы до тонкостей», былъ у насъ *единственный* въ своемъ родѣ? А наши саратовскіе рабочіе, о которыхъ самъ Плехановъ отзывается, что «*это были испытанные люди, искренно преданные народническимъ идеаламъ и глубоко проникнутые народническими взглядами*» (Курсивъ нашъ О. А.)?

Наконецъ, въ своемъ предисловіи къ 2-му изданію «Русскаго рабочаго въ революціонномъ движеніи» Плехановъ прямо заявляетъ:

«А къ концу семидесятыхъ годовъ у народническаго общества «Земля и Воля» былъ уже довольно значительный опытъ по части пропаганды, агитаціи и организаціи въ средѣ рабочихъ». „Опытъ" предполагаетъ уже работу, а «значительный опытъ»— успѣшную и производительную работу. Не спорю, что мы не совершили всего того, что слѣдовало и что желательно было сдѣлать въ городской рабочей массѣ въ революціонно-народническомъ смыслѣ. Но не забудемъ, что, независимо отъ того, что мы работу въ городѣ въ первое время считали несущественной,—мы взялись за энергичную работу въ городѣ ужъ тогда, когда она, эта работа, была обставлена огромными препятствіями. Правительственныя репрессаліи достигли тогда крайней степени: повальные обыски и ссылки стали тогда обычнымъ явленіемъ.

Съ весны 1878 года по осень того же года было арестовано и выслано до 600 человѣкъ молодежи!

Провалы молодежи опустошали посредственно и непосредственно и наши ряды, ряды „рабочихъ группъ". Наша «центральная» рабочая группа, во главѣ которой стоялъ Плехановъ и къ которой я примкнулъ весною 1879 года, погибла послѣ 2 апрѣля въ этомъ водоворотѣ погромовъ, не просуществовавъ и нѣсколько мѣсяцевъ.

Едва спаслись Якимова («Баско»), хозяйка квартиры, я и другіе.

Принимая все это во вниманіе, будетъ ближе къ истинѣ сказать, что пропаганда народнической землевольческой программы среди рабочихъ въ Петербургѣ шла, вопреки всѣмъ препятствіямъ, довольно успѣшно, что наборъ приверженцевъ среди рабочихъ шелъ безостановочно хотя и колеблющимся темпомъ.

—

Агитаціонная дѣятельность землевольцевъ среди рабочихъ Петербурга, начавшаяся зимою 1878 года и продолжавшаяся потомъ весною и осенью того же года, велась весьма энергично и продуктивно. Это—большая заслуга землевольцевъ вообще и Плеханова, какъ вдохновителя этой агитаціонной дѣятельности того времени—въ частности.

Прошло болѣе года послѣ казанской демонстраціи 6 декабря 1876 года, этой первой демонстраціи, на которой произошло первое же крупное сближеніе землевольцевъ съ петербургскимъ пролетаріатомъ. Этотъ первый опытъ агитаціи среди рабочихъ не прошелъ для насъ безслѣдно. Работая, мы продолжали учиться, думать и вдумываться въ то, что мы дѣлали. Казанская демонстрація насъ научила, что непозволительно приступать къ какому-нибудь дѣлу съ чисто абстрактными пріемами мышленія, что агитація среди рабочихъ должна вестись, какъ и агитація среди деревенскаго крестьянства,—на почвѣ ихъ, т.-е. рабочихъ, ближай-

шихъ,—и преимущественно экономическихъ, требованій. Это очень важный урокъ, и мы хорошо имъ воспользовались.

Въ серединѣ или концѣ января 1878 года случилось одно весьма печальное событіе на Васильеостровскомъ патронномъ заводѣ, подавшее намъ, землевольцамъ, поводъ снова взяться за агитацію среди петербургскаго рабочаго населенія. Дѣло вотъ въ чемъ.

«На Васильеостровскомъ патронномъ заводѣ, — разсказываетъ Плехановъ въ своемъ «Русскомъ рабочемъ въ революціонномъ движеніи»,—произошелъ взрывъ пороха. Нѣсколькихъ рабочихъ страшно изуродовало, четырехъ убило на мѣстѣ. На другой день умерли отъ ранъ еще двое. Такимъ образомъ, рабочимъ этого завода предстояло провожать на Смоленское кладбище шестерыхъ товарищей. Взрывъ произошелъ по непростительной винѣ заводского начальства».

.....«Понятно, когда произошелъ взрывъ, всѣ рабочіе этого завода были озлоблены. Существовавшій тамъ революціонный кружокъ тотчасъ увидѣлъ, что ему слѣдуетъ дѣйствовать. Кто-то изъ его членовъ написалъ воззваніе, въ которомъ происшедшій на заводѣ печальный случай ставился въ связи съ общимъ положеніемъ рабочаго класса. Воззваніе это, напечатанное въ нашей типографіи, произвело хорошее впечатлѣніе, его съ сочувствіемъ читали даже такіе рабочіе, которыхъ прежде никто не замѣчалъ въ сочувствіи къ революціонерамъ. Но этого было мало. Революціонный кружокъ патроннаго завода хотѣлъ придать предстоящимъ похоронамъ характеръ демонстраціи. Кружокъ этотъ снесся съ землевольцами и пригласилъ ихъ притти на похороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настоятельно просилъ землевольцевъ ничего не сообщать лавристамъ. «Богъ съ ними совсѣмъ,—говорили рабочіе,—лавристы—люди хорошіе, но пойдутъ спорить и доказывать, что мы затѣяли пустое, а намъ послушаться нельзя, очень ужъ возбуждены всѣ рабочіе».

Въ день похоронъ, часовъ въ 9 утра, хорошо вооруженная группа землевольцевъ (въ числѣ ихъ были: Валеріанъ Осинскій, Плехановъ, М. Поповъ и южане: Попко, Волошенко и Чубаровъ) подошла къ зданію патроннаго завода, предъ которымъ собралась уже большая толпа рабочихъ. Къ землевольцамъ тотчасъ присоединились члены заводского рабочаго кружка, тоже вооружившіеся кое-чѣмъ «на всякій случай».

Покойный Халтуринъ, работавшій тогда на другомъ заводѣ, тоже пришелъ на похороны. Начали совѣщаться, что предпринять.

Землевольцы находили, что выступать съ революціонной рѣчью было бы неумѣстно. Полиція, все время сопровождавшая шествіе, въ большомъ количествѣ стала вокругъ могилъ. Священникъ пропѣлъ послѣднюю молитву; гробы опустили въ землю. Пока ихъ зарывали, толпа оставалась вполнѣ спокойной. Но когда все было кончено, и наступило время расходиться, въ ней началось какое-то движеніе. Незнакомый полный рыжій рабочій протискался къ одной изъ крайнихъ могилъ.

—Господа!--воскликнулъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Мы хоронили сегодня шесть жертвъ, убитыхъ не турками, а попечительнымъ начальствомъ. Наша печаль.....

Его прервали. Раздались полицейскіе свистки, и околоточный надзиратель положилъ рабочему руку на плечо со словами: «я васъ арестую».

Но едва успѣлъ онъ выговорить это, какъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Со всѣхъ сторонъ раздались негодующіе крики, и толпа, та самая толпа, которая произвела на насъ безнадежное впечатлѣніе своею будто буржуазною прилизанностью, дружно кинулась на оторопѣвшихъ полицейскихъ. Въ одно мгновеніе арестованный былъ куда-то далеко унесенъ нахлынувшей рабочей толпой.

Благодаря вмѣшательству землевольцевъ и ихъ товарищей (Поповъ мнѣ вечеромъ этого дня передавалъ, что особенной энергіей и спокойной рѣшимостью отличался, между прочимъ, нашъ Плехановъ, первый набросившійся на околоточнаго), дѣло не дошло до драки, а все окончилось благополучно: никто не былъ арестованъ».

.....«Дружный отпоръ,—говоритъ Плехановъ въ вышеназванной брошюрѣ его,—данный полиціи рабочими патроннаго завода, произвелъ прекрасное впечатлѣніе какъ на рабочіе кружки Петербурга, такъ и на „бунтарскую" интеллигенцію. Онъ доказывалъ, что даже незатронутые пропагандою рабочіе вполнѣ способны къ рѣшительному и единодушному дѣйствію и въ подходящую минуту не испугаются союза съ „бунтовщиками казанской демонстраціи" (слова околоточнаго надзирателя), т. е. съ революціонерами. Намъ нужно было только не упускать такихъ минутъ, чтобы обезпечить себѣ сочувствіе рабочей массы. И когда въ мартѣ того же года вспыхнула стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, мы были увѣрены, что легко сговоримся съ этой массой».

И Плехановъ не ошибся. И въ мартовской, а впослѣдствіи и въ ноябрьской стачкѣ на прядильной фабрикѣ Кенига землевольцы оказывались во главѣ стачечнаго движенія: они руководили забастовщиками, поддерживали ихъ и въ духовномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ.—„Такъ какъ,—разсказываетъ далѣе Плехановъ въ своемъ „Рабочемъ въ русскомъ революціонномъ движеніи",—серьезныя связи на мѣстѣ были у однихъ только землевольцевъ, то нечего и говорить, что вліяніе ихъ на стачечниковъ осталось непоколебимымъ.

Рабочая масса по-прежнему видѣла въ нихъ „орловъ" и съ довѣріемъ прислушивалась къ ихъ совѣтамъ. Мало того, обстоятельства складывались такимъ образомъ, что землевольцы могли говорить съ ней совершенно откровенно. Наслѣдникъ не сдержалъ своего обѣщанія, совсѣмъ ничего не отвѣтилъ на просьбу стачечниковъ.

Нѣкоторые, болѣе довѣрчивые изъ нихъ, продолжали еще ждать и надѣяться, но зато другіе—и такихъ съ каждымъ днемъ становилось еще больше—рѣшили, что и наслѣдникъ „не хуже градоначальника тянетъ руку управляющаго".... Вынесенный изъ деревни политическій предразсудокъ быстро уступалъ мѣсто трезвому взгляду на вещи. Прежде стачечники смотрѣли на верховную власть, какъ на вѣрную защитницу народныхъ интересовъ, теперь они стали видѣть въ ней сообщницу капиталистовъ".

Особенно крѣпко стала на ноги наша „рабочая группа“, когда къ ней примкнулъ Александръ Михайловъ, по возвращеніи его изъ деревни.

„Здѣсь, какъ и вездѣ,—разсказываетъ Плехановъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Михайловѣ,—онъ фигурировалъ главнымъ образомъ въ роли организатора. Не имѣя возможности лично посѣщать рабочіе кварталы, онъ старался, по крайней мѣрѣ, собирать свѣдѣнія обо всемъ, что происходило въ революціонныхъ рабочихъ группахъ, снабжалъ ихъ книгами, деньгами, паспортами, а главное —давалъ множество разнообразныхъ и всегда разумныхъ совѣтовъ. Кромѣ того, вращаясь среди петербургской революціонной молодежи, онъ сближался съ личностями, способными, по его мнѣнію, взяться за революціонную пропаганду между рабочими, вводилъ ихъ въ занимавшуюся этимъ дѣломъ группу, способствовалъ, такимъ образомъ, расширенію послѣдней. Въ особенности сблизился онъ съ „рабочей группой“ во время большой стачки въ январѣ или февралѣ 1879 года.

Рабочіе фабрики Шау и такъ называемой Новой Бумагопрядильни, на Обводномъ каналѣ, забастовали почти одновременно, сговорившись, черезъ посредство своихъ делегатовъ, „стоять дружно“ и начинать работу не иначе, какъ съ общаго согласія стачечниковъ обѣихъ фабрикъ. Болѣе 1500 человѣкъ осталось временно безъ всякаго заработка, а, слѣдовательно, и безъ всякихъ средствъ къ существованію, если не считать кредита въ мелочныхъ лавочкахъ.

Кромѣ того, предвидѣлось вмѣшательство полиціи и административныя расправы съ „бунтовщиками“. Нужно было организовать немедленную матеріальную помощь всѣмъ стачечникамъ и обезпечить семейства арестованныхъ или высланныхъ въ особенности.

Работа закипѣла. Сборы производились повсюду, гдѣ была какая-нибудь надежда на успѣхъ: между рабочими, студентами, литераторами и т. д. При своихъ огромныхъ связяхъ Михайловъ часто въ одинъ день собиралъ такую сумму, какой не собирали другіе сборщики за все время стачки. Каждый день, явившись на засѣданіе „рабочей группы“, Михайловъ предъявлялъ ей довольно значительную сумму денегъ и немедленно начиналъ самые обстоятельные разспросы. Съ довольнымъ видомъ, пощипывая свою эспаньолку, выслушивалъ онъ разсказы людей, сошедшихся съ разныхъ концовъ Петербурга, занося въ свою записную книжку всевозможныя порученія относительно паспортовъ, прокламацій, даже оружія и костюмовъ. Выработавши планъ дѣйствіи на слѣдующій день, собраніе расходилось....“

Таковой была агитаціонная дѣятельность землевольской „рабочей группы“ среди рабочаго населенія Петербурга въ послѣдніе полтора года существованія общества «Земля и Воля»—въ 1878 и 1879 гг.

Резюмируя результаты это дѣятельности, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: землевольцы за этотъ періодъ времени пріобрѣли довольно прочный операціонный базисъ въ средѣ рабо-

чей массы. Кромъ того, они обогатились большимъ практическимъ опытомъ, давшимъ имъ возможность внести въ ту часть своей програмы, которая трактуетъ о городскихъ рабочихъ, существенно-радикальное измѣненіе и дополненіе, а именно: агитація на экономической почвѣ—главнымъ образомъ во время стачекъ—признана ближайшей практической задачей революціонной дѣятельности среди рабочей массы. Заслуга въ практической постановкѣ этой задачи и теоретической ея формулировкѣ всецѣло принадлежитъ Плеханову. Въ передовой статьѣ, напечатанной въ № 4 газеты «Земля и Воля», Плехановъ подробно развиваетъ это положеніе, подводя итогъ нашему опыту по части пропаганды, агитаціи и организаціи въ средѣ городскихъ рабочихъ.

Нашъ импровизированный съѣздъ близился къ концу. Всѣ очередные вопросы разрѣшены. Многіе намѣчены для ближайшаго будущаго. Подводя итогъ нашей работѣ, мы могли, положа руку на сердце, сказать, что славно поработали. Число членовъ «основного кружка» за это время возросло привлеченіемъ къ нему нѣкоторыхъ членовъ бывшаго кружка «чайковцевъ» и другихъ кружковъ.

Въ это время какъ разъ были выпущены изъ тюрьмы,—кто на поруки, кто на другихъ условіяхъ,—многіе революціонеры, привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ по «Большому процессу». Въ числѣ ихъ были: С. Перовская, Л. Тихоміровъ, А. И. Корнилова, Морозовъ, Зубокъ, Всеволодъ Лопатинъ и многіе другіе.

За границей жили С. Кравчинскій и Д. Клеменсъ; съ ними завели сношенія и они заявили согласіе пристать къ обществу «Земля и Воля». Такимъ образомъ, къ концу 1878 года къ нашей организаціи окончательно пристали слѣдующіе революціонеры: С. Перовская, С. Кравчинскій, Дм. Клеменсъ, Н. Морозовъ, Л. Тихоміровъ, Попко, М. Фроленко, Ольга Любатовичъ и Тулисовъ.

Находившійся тогда въ Петербургѣ кружокъ В. Н. Фигнеръ сталъ къ намъ въ самыя тѣсныя отношенія. У насъ было нѣсколько собраній, помнится, на квартирѣ Квятковскаго, на которыхъ присутствовали Ольга Натансонъ, Оболешевъ, М. Р. Поповъ и я,—послѣдніе двое, какъ представители «деревенщины». Мы дѣлились своими деревенскими впечатлѣніями, обмѣнивались своими взглядами на дѣятельность въ деревнѣ, строили планы будущихъ поселеній въ народѣ, куда такъ тянуло Вѣру Николаевну и другихъ. И наши, вначалѣ совершенно дѣловыя, совѣщанія незамѣтно для насъ самихъ перешли въ сердечныя, прямыя товарищескія бесѣды.

Какъ мы другъ друга стали понимать съ полслова, съ намека! Вѣра Николаевна, помнится, даже воскликнула, смѣясь: «удивительно! даже однимъ языкомъ говоримъ, точно раньше сговорились!» Вѣра Николаевна Фигнеръ, собственно, тогда же пристала къ намъ, но выговорила себѣ полную самостоятельность при организаціи ею мѣстной группы.

Такъ какъ въ Саратовской губ. у насъ были еще остатки революціонныхъ поселеній, то В. Н. рѣшила перебраться съ свои-

ми друзьями—Ю. Богдановичемъ, И—нымъ-П—вымъ и Соловьевымъ— туда же для организаціи деревенскаго поселенія. Она, помнится, избрала Вольскій уѣздъ (Саратов. губ.), гдѣ она и поселилась въ качествѣ фельдшерицы, а ея товарищи—въ положеніи волостныхъ писарей. Такъ было возстановлено старо-саратовское поселеніе подъ именемъ ново-саратовскаго.

Одновременно съ этимъ мы ближе познакомились и, наконецъ, совершенно сошлись съ кружкомъ М. Н. Ошаниной (кружокъ «централистокъ»), о которомъ я выше упомянулъ.

Умная Марія Николаевна рѣшила, наконецъ, поступиться нѣкоторыми своими якобинскими воззрѣніями и симпатіями, ради практической необходимости дѣйствовать сообща и планомѣрно, и пристала къ намъ на условіяхъ тѣсныхъ федеративныхъ обязательствъ. Она со своимъ кружкомъ вмѣстѣ съ членами нашей организаціи—Квятковскимъ, Поповымъ, Баранниковымъ, Фроленко и Тулисовымъ—образовали поселенческую группу, избравъ мѣстомъ дѣятельности Воронежскую губернію. Такъ стало образовываться воронежское поселеніе. Наконецъ, въ Тамбовской губерніи образовалось третье революціонное поселеніе. Въ составъ его вошли Сергѣй Андреевъ («Андреевъ»), Мощенко и я—изъ саратовскаго поселенія, «Титычъ», Э. Пекарскій, Гартманъ («Алхимикъ»), Архангельскій, Хотинскій, Девель и еще съ десятокъ лицъ мѣстной интеллигенціи, по преимуществу народныхъ учителей. Между нами были три волостныхъ писаря и помощникъ, одинъ врачъ, три фельдшера, а остальные — учителя. Девель жилъ въ Тамбовѣ и представлялъ собою «центръ». Онъ много сдѣлалъ для насъ. Дѣльный, серьезный, практическій, съ нѣкоторыми связями въ городѣ, онъ былъ для насъ незамѣнимъ. Такимъ образомъ, съ весны 1878 года землевольцы снова собрались съ силами и вкупѣ съ другими народниками-революціонерами создали новыя и реставрировали старыя революціонныя поселенія. Такъ образовались тамбовское, ново-саратовское и воронежское поселенія.

Организація поселеній, лица, входившія въ составъ поселеній, не оставляли желать ничего лучшаго. Всѣ они старые наши знакомые, люди вполнѣ испытанные, надежные, глубоко преданные народу, многіе даровитые. Можно было надѣяться, вполнѣ разсчитывать на успѣхъ. Но—увы!—наши надежды съ самаго начала были отравлены ядомъ сомнѣній и основательныхъ тревогъ. Гдѣ наши легіоны? Насъ такъ мало: все—старая гвардія, ветераны. Гдѣ же молодыя силы, могущія насъ замѣнить въ случаѣ нашей убыли? А именно этихъ молодыхъ силъ въ нашихъ деревенскихъ поселеніяхъ почти-что не было. Въ тамбовскомъ поселеніи, напримѣръ, былъ лишь одинъ единственный Пекарскій, правда, сразу зарекомендовавшій себя съ лучшей стороны, но все-таки одинъ только. Вскорѣ, впрочемъ, къ намъ присоединился въ Тамбовѣ еще одинъ «молодой», студентъ Казарскій.

Во время пребыванія нашего зимою 1877-78 г. въ Петербургѣ, мы звали молодежь въ деревню. Молодежь, если хотите, не глуха была къ нашему зову, она вполнѣ раздѣляла наши народническія воззрѣнія и стремленія, но ее больше привлекалъ городъ,

съ его интенсивными эмоціями. Во время стачекъ молодежь добровольно оказывала намъ дѣятельную помощь. Деревню же она любила «изъ прекраснаго далека».

Въ деревнѣ надо работать долго и упорно, «безъ шума».

Въ городѣ же какъ разъ въ это время стало уже вырисовываться новое направленіе, манящее къ себѣ молодежь.

И поневолѣ пришлось выносить на своихъ плечахъ всю тяжесть деревенской работы исключительно «старикамъ». Между стариками же, ушедшими въ деревню, было много отмѣченныхъ печатью «нелегальности»: правительство зорко слѣдило за ними...

Несмотря на ихъ опытность, способность уклоняться отъ правительственныхъ сѣтей, положеніе ихъ въ деревнѣ все-таки было неустойчиво, шатко...

Все это предвѣщало мало хорошаго.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ складывалась жизнь новыхъ революціонныхъ поселеній въ деревнѣ въ началѣ 1878 года.

Глава VII.

1878 годъ. Канунъ террористическаго періода народнически-революціонной дѣятельности. Террористическое настроеніе. День 31 марта 1878 года: оправданіе В. И. Засуличъ судомъ присяжныхъ въ Петербургѣ. Значеніе этого дня въ исторіи развитія общественнаго сознанія. „Дезорганизаторская“ группа общества „Земля и Воля“ преобразовывается въ „Исполнительный Комитетъ“ этого общества. Дѣятельность „Исполнительнаго Комитета“. Покушеніе Осинскаго на жизнь товарища прокурора Котляревскаго и убійство революціонеромъ Попко жандармскаго офицера Гейкинга. Освобожденіе Стефановича, Дейча и Бохановскаго изъ Кіевской тюрьмы въ маѣ 1878 года. Попытка въ іюлѣ освободить Войнаральскаго на пути слѣдованія его въ Харьковскую центральную тюрьму. 24 іюля военный судъ надъ Ковальскимъ и его товарищами въ Одессѣ. Уличная демонстрація. Кровавое столкновеніе. Двѣ попытки въ теченіе того же мѣсяца освободить Ѳомина изъ Харьковской тюрьмы. Убійство Мезенцева 4 августа 1878 года. Брошюра Кравчинскаго по этому поводу. Политическая борьба фактически выдвигается на первый планъ. „Сѣверно-Русскій рабочій Союзъ“ ставитъ ребромъ вопросъ о политической борьбѣ. Отношенія землевольцевъ къ „Союзу“. Органъ „Земля и Воля“ №№ 1-й и 2-й (25 октября и 15 декабря 1878 г.). Итоги 1878 г.

Началу 1878 года суждено было стать прологомъ къ цѣлому ряду крупныхъ революціонныхъ актовъ, опредѣлившихъ въ послѣднемъ счетѣ радикальный поворотъ революціонно-народнической (землевольской) дѣятельности въ сторону почти исключительно политической борьбы. Намъ, современникамъ, стоявшимъ тогда такъ близко къ этимъ событіямъ и проникнутымъ тогда революціонно-народническою доктриною, и въ голову не могло притти, что мы вскорѣ очутимся опять на распутьи, что такъ скоро растеряемъ наши народническія стремленія, надежды и чаянія—и очутимся въ концѣ-концовъ въ тупикѣ......

Мы снова водрузили знамя «въ народъ!» и двинулись туда, чтобы продолжать задуманное дѣло—дѣло освобожденія народа при посредствѣ самого народа. «Деревенщина» стала понемногу разъѣзжаться, въ Петербургѣ остался «центръ» съ его мѣстными группами, какъ это полагалось «по положенію».

Общественное броженіе, вызванное «Большимъ процессомъ», лишь рябью на поверхности могучаго океана общественной жизни: глубины ея оказались нетронутыми еще. «Море спокойно, только свѣжій вѣтерокъ весело надуваетъ паруса, но надъ кораблемъ уже съ зловѣщимъ крикомъ носятся чайки-буревѣстники—и морякъ знаетъ, что будетъ буря, хотя и не чувствуетъ ея»*). И буря дѣйствительно разразилась. 21 января 1878 года раздался выстрѣлъ В. И. Засуличъ. Русская дѣвушка за свой страхъ и рискъ рѣшила отмстить за попранное насильникомъ человѣческое достоинство, за поруганную честь партіи. 31 марта того же года этотъ великій индивидуальный актъ благороднаго гнѣва нашелъ свою высшую санкцію въ общественной совѣсти: «въ этотъ день**) выборные общественные судьи впервые явно отвернулись отъ цѣлой правительственной системы; въ этотъ день русское общество впервые показало, что оно можетъ не бояться открыто заявлять свои желанія и симпатіи».

— Тяжело подымать руку на человѣка—заявила на судѣ просто В. И. Засуличъ.

И судъ общественной совѣсти отвѣтилъ ей на это также просто и величаво:

— Тяжело, но бываетъ необходимо, а потому ты не виновна!

Въ исторіи развитія общественнаго сознанія 24 января и 31 марта являются лишь прологомъ той великой исторической драмы, которая называется судомъ народа надъ правительствомъ. Въ исторіи же развитія нашего революціоннаго движенія дѣлу Засуличъ суждено было стать рѣшительнымъ поворотомъ этого движенія.

На протяженіи какихъ-нибудь восьми мѣсяцевъ послѣ 24 января развертываются предъ нами одно за другимъ чрезвычайныя по внѣшней формѣ и внутреннему смыслу событія. 30 января вооруженное сопротивленіе революціонеровъ съ Ковальскимъ во главѣ въ Одессѣ, на Садовой улицѣ. Въ Кіевѣ почти одновременно раздается выстрѣлъ револьвера и блеснуло лезвіе кинжала: раненъ Котляревскій, палъ Гейкингъ. Первое (покушеніе) дѣло рукъ Осинскаго, второе (убійство)—Попко.

Въ это же время «дезорганизаторская» группа «Земли и Воли» окончательно преобразовывается, усиливается наплывомъ новыхъ свѣжихъ силъ, твердо становится на ноги и обособляется фактически отъ общества «Земля и Воля», какъ новая организація, извѣстная ужъ подъ именемъ «Исполнительнаго Комитета». Душою этой организаціи становится Валеріанъ Осинскій. Послѣ покушенія его на Котляревскаго, онъ уже выпускаетъ прокламацію отъ имени «Исполнительнаго Комитета».

«Исполнительный Комитетъ» вступаетъ теперь въ свои права и, опираясь на настроеніе тогдашняго момента, развертываетъ

*) Изъ передовой статьи „Земли и Воли“ № 2. Тамъ-же. Стр. 177. (Статья Д. А. К.)

**) Изъ прокламаціи „Ко всѣмъ честнымъ людямъ“, изданной въ „Вольной Русской Типографіи“. Перепечатано въ журналѣ „Былое“ № 7, 1906 года.

въ полномъ объемѣ свою разрушительную силу. И работа закипѣла.

Въ маѣ 1878 г. освобождаются изъ кіевской тюрьмы Михаиломъ Фроленко, при содѣйствіи Осинскаго, Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій. Въ этотъ же мѣсяцъ дѣлаются еще двѣ попытки освобожденія Ѳомина: одна посредствомъ подкопа, другая—двумя революціонерами, переодѣтыми въ жандармовъ, но обѣ—неудачныя. Въ іюлѣ предпринимается грандіозная вооруженная попытка освобожденія Войнаральскаго: было рѣшено отбить его по пути въ центральную тюрьму. Дѣло это организовано землевольцами: Александромъ Михайловымъ, Квятковскимъ, Баранниковымъ, С. Перовской и другими. По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, дѣло это потерпѣло фіаско, несмотря на то, что задумано оно было тщательно и выполнено почти что въ совершенствѣ. Подробно эта отчаянная попытка описана однимъ изъ участниковъ ея въ фельетонѣ № 4 «Земли и Воли». Слѣпая судьба и въ этотъ разъ обманула Войнаральскаго: въ іюлѣ 1878 года его опять-таки не удалось вырвать изъ когтей правительства, какъ въ первый разъ въ апрѣлѣ 1876 года, когда Войнаральскій и Коваликъ, спускаясь съ окна Дома Предварительнаго Заключенія, ужъ такъ близки были къ свободѣ.

На 24 іюля былъ назначенъ въ Одессѣ военный судъ надъ Ковальскимъ и его товарищами. Надъ головою Ковальскаго ужъ повисъ Дамокловъ мечъ царской Немезиды. «Исполнительный Комитетъ» энергично готовится къ освобожденію товарищей хотя бы дорогою цѣною вооруженнаго нападенія. Правительство насторожѣ: зданіе суда оцѣплено войсками. Революціонная молодежь и рабочіе крайне возбуждены во все время засѣданія суда; особенно рабочіе тогда рѣзко выдѣляются своимъ горячимъ сочувствіемъ революціонерамъ и рѣшительнымъ поведеніемъ на улицѣ. Напряженное настроеніе публики въ ожиданіи окончательнаго приговора доходитъ до крайней степени. Наконецъ, изъ залы суда раздается пронзительный, раздирающій душу крикъ: «Ковальскому смертная казнь!».

Толпа всколыхнулась, раздались крики негодованія, протеста и проклятій. Солдаты и казаки набросились на толпу и смяли ее. Изъ толпы раздается револьверный выстрѣлъ, это—отвѣтъ на нападеніе войска. Раздается команда: «пли!», происходитъ кровавая свалка. Революціонеры выпускаютъ еще 18 зарядовъ: двое изъ стрѣлявшихъ солдатъ упало. Солдаты остервенѣли, сильнымъ натискомъ они набрасываются на толпу, разсѣиваютъ ее, убивая на смерть двухъ революціонеровъ, Полтавскаго и Погребицкаго. Уличные выстрѣлы достигаютъ залы суда.

— Слышите, судьи, слышите?—заговорилъ Ковальскій—это голосъ общественной совѣсти! Общество просыпается отъ вѣкового сна...... Я теперь спокойно могу умереть. Месть за меня еще впереди.

И мститель нашелся. 2 августа казненъ Ковальскій, а 4-го того же мѣсяца пораженъ кинжаломъ революціонера среди бѣлаго дня Мезенцевъ, шефъ жандармовъ, вдохновитель всѣхъ жестокихъ репрессій недавняго времени.

Этимъ мстителемъ былъ Сергѣй Кравчинскій. Въ брошюрѣ «Смерть за смерть!», написанной самимъ Кравчинскимъ, заявляется, что программа соціалистовъ—борьба на экономической почвѣ, что политическія убійства вовсе не методъ ихъ борьбы, что это отдѣльный эпизодъ, вызванный гоненіями правительства. Далѣе въ этой же брошюрѣ выставляется рядъ совершенно умѣренныхъ и законныхъ требованій, при исполненіи которыхъ повтореніе событій 4 августа дѣлалось бы невозможнымъ. Мы никогда не выйдемъ, —говорится въ этой брошюрѣ,—изъ предѣловъ самозащиты,—своихъ же завѣтныхъ цѣлей мы добиваемся совершенно инымъ путемъ.

Въ названной же брошюрѣ есть одно мѣсто, которое невзначай приподнимаетъ завѣсу съ той глубокой трагедіи, которую пережилъ самъ Кравчинскій, этотъ великій мститель:—«Убійство—вещь ужасная! Только въ минуту сильнѣйшаго возбужденія, доходящаго до потери самосознанія, человѣкъ, не будучи извергомъ, можетъ лишить жизни себѣ подобнаго. Насъ же, соціалистовъ, насъ, посвятившихъ себя дѣлу освобожденія страждущихъ, насъ, обрекшихъ себя на всякія страданія, чтобы только избавить отъ нихъ другихъ,—русское правительство довело до того, что мы рѣшаемся на цѣлый рядъ убійствъ, возводимъ ихъ въ систему!»

Невольно при этомъ вспоминаются также дышащія такой же скорбью слова Засуличъ:—«тяжело подымать руку на человѣка!»

Впечатлѣніе, произведенное на общество событіемъ 4 августа, было импонирующее. На правительство же оно на первыхъ порахъ подѣйствовало ошеломляющимъ образомъ: паническій страхъ напалъ на него, и оно впервые почувствовало, что на него надвигается какая-то страшная, неуловимая, безпощадно-суровая сила....

Оно какъ будто притихло, притаилось, чтобы съ удвоенною силою наброситься на своего отъявленнаго врага и задушить его. Оно стало гоняться по пятамъ за нашимъ «центромъ» и, наконецъ, нанесло намъ страшный ударъ осенью 1878 года: арестованы Ольга Натансонъ, Адріанъ Михайловъ, Оболешевъ, Леонидъ Булановъ, Малиновская, Калѣнкина, оказавшая вооруженное сопротивленіе, Бердниковъ и другіе.

Ударъ былъ почти роковой, крушеніе полное. Оставшіеся на свободѣ члены организаціи не имѣли ни денегъ ни паспортовъ, у нихъ не было даже возможности снестись съ провинціальными членами организаціи, такъ какъ они не знали ихъ мѣстопребыванія. Такая дезорганизація грозила, разумѣется, новыми провалами. Вернувшійся спустя около недѣли послѣ арестовъ въ Петербургъ Плехановъ уцѣлѣлъ, благодаря лишь счастливой случайности. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ 30 коп. въ карманѣ. Позвалъ извозчика, чтобы поѣхать на Царскосельскій проспектъ, гдѣ, если не ошибаюсь, жила Малиновская. Извозчикъ запросилъ 75 коп., и это спасло Плеханова. Онъ рѣшилъ поѣхать на М.-Италіанскую, гдѣ жилъ тогда А. Ольхинъ. Когда Плехановъ вошелъ къ Ольхину, послѣдній всплеснулъ руками:—«Дорогой мой, хорошо, что у васъ не оказалось 75 коп.: на квартирѣ Малиновской засада, всѣ друзья захвачены!»

Къ счастью, Кравчинскій былъ тогда цѣлъ и невредимъ, и Плехановъ, при помощи Ольхина, нашелъ его въ Петербургѣ. Александра Михайлова тогда не было въ Петербургѣ. Онъ незадолго предъ этимъ былъ вызванъ Плехановымъ на Донъ, чтобы тамъ на мѣстѣ сорганизовать боевую дружину и дать опредѣленное направленіе вспыхнувшимъ тогда въ Донской области казацкимъ волненіямъ. Положеніе критическое. Кравчинскій и Плехановъ рѣшаются экстренно вызвать Александра Михайлова. Послѣдній съ болью въ сердцѣ бросаетъ задуманное имъ на Дону дѣло и летитъ въ Петербургъ. Въ послѣднихъ числахъ октября, къ слову сказать, мы чуть было не потеряли и Михайлова и Плеханова.

Дѣло вотъ въ чемъ. Послѣ ареста Малиновской конспиративная квартира наша была перенесена на квартиру Трощанскаго (онъ же и «Жуковскій»). На этой квартирѣ собирались уцѣлѣвшіе отъ разгрома землевольцы, въ томъ числѣ обязательно Михайловъ и Плехановъ.

Въ одинъ изъ октябрьскихъ дней было назначено собраніе у «Жуковскаго».

Дѣла были неотложныя: надо было, во-первыхъ,—познакомиться съ письмами Валеріана Осинскаго, только что полученными изъ Кіева, расшифровать которыя поручено было Трощанскому («Жуковскому»). А, во-вторыхъ,—нужно было распредѣлить добытыя съ такимъ трудомъ Михайловымъ небольшія деньги. Въ условленный часъ Михайловъ,—а извѣстно, что онъ на этотъ счетъ былъ неумолимо точенъ—отправляется къ Трощанскому, условившись предъ этимъ съ Плехановымъ, чтобы и этотъ послѣдній ни подъ какимъ видомъ не опоздалъ на свиданіе. Михайловъ, ничего не подозрѣвая, является на квартиру Трощанскаго—и попадается въ ловушку, устроенную полицейскими. Михайлова арестуютъ и ведутъ туда, куда онъ совсѣмъ не хочетъ итти—въ участокъ. Но, воспользовавшись оплошностью стражи, онъ бросился бѣжать по направленію Малой Посадской улицы. На крикъ «Держи! Лови!» одинъ изъ публики кинулся было остановить его, но Михайловъ выхватилъ изъ кармана кастетъ, и «ревнитель» быстро отскочилъ въ сторону. Повернувъ за уголъ, Михайловъ увидѣлъ довольно многочисленную толпу, которая слышала крики съ Дворянской улицы. Тогда, чтобы сбить ее съ толку, онъ самъ принялся кричать:—«Лови! держи!» Толпа оторопѣла, не зная, что ей дѣлаетъ, и Михайловъ пробѣжалъ мимо. Далѣе, увидѣвъ заборъ огорода, онъ перескочилъ черезъ него и скрылся. Когда онъ перескочилъ черезъ заборъ, онъ шлепнулся въ лужу и испачкался съ головы до ногъ грязью. Первою мыслью Михайлова было бѣжать что есть мочи на квартиру Ольхина и предупредить Плеханова. Но какъ бѣжать по людным улицамъ Петербурга въ такомъ невозможномъ видѣ? Въ это время ему на встрѣчу шла какая-то незнакомая дѣвушка, по виду студентка. У Михайлова блеснула мысль попросить студентку сбѣгать за него къ Плеханову, но не успѣлъ онъ раскрыть рта и произнести: «Сударыня!», какъ студентка, увидѣвъ предъ собою эту подозрительную фигуру, шарахнулась отъ него въ испугѣ и убѣжала. Пришлось нашему Михайлову самому ужъ

безъ оглядки бѣжать на М.-Италіанскую. Къ счастью, онъ еще захватилъ Плеханова дома. Радость Михайлова была до того велика, когда онъ увидѣлъ Плеханова, что бросился—къ величайшему изумленію Плеханова, ждавшаго отъ Михайлова нагоняя—обнимать его:— «Ну, Жоржъ, пропалъ бы ты, совсѣмъ пропалъ! Меня сцапали было, да я счастливо вырвался отъ нихъ!» Впослѣдствіи мы узнали, что Трощанскаго «захватили съ поличнымъ», т.-е. забрали его какъ разъ въ то время, когда онъ занимался расшифрованіемъ Валеріановскихъ писемъ. А письма это были очень нужныя; Валеріанъ просилъ денегъ и требовалъ, чтобы «центръ» скорѣй списался на этотъ счетъ съ Дмитріемъ Лизогубомъ.

Такъ судьба на этотъ разъ отвела отъ насъ грозившій намъ тяжелый ударъ, и землевольцы снова энергично взялись за работу. А работа предстояла поистинѣ египетская. Надо было прежде возстановить «центръ» общества «Земля и Воля», надо было реставрировать полуразрушенную организацію.

Вотъ какъ Плехановъ описываетъ эту организаціонную работу Михайлова *).

«Съ утра до вечера бѣгалъ онъ по Петербургу, доставая деньги, приготовляя паспорта, заводя новыя связи,—словомъ, поправляя все, что было поправимо въ тогдашнемъ положеніи. Скоро дѣла наши пришли въ нѣкоторый порядокъ, и общество «Земля и Воля» не только не распалось, но приступило даже къ изданію газеты. Неутомимая дѣятельность Михайлова за этотъ періодъ времени составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ его предъ русскимъ революціоннымъ движеніемъ. Онъ уже окончательно теперь отказался отъ мысли возвратиться въ Саратовъ и весь отдался организаціоннымъ работамъ». И далѣе: «Порѣшивши остаться въ Петербургѣ, мы подраздѣлили дѣятельность «основного кружка» на нѣсколько различныхъ отраслей, такъ что каждому изъ насъ предстоялъ особый родъ работы. На Михайловѣ лежали, главнымъ образомъ, хозяйственныя заботы. Онъ завѣдывалъ паспортной частью, типографіей, распространеніемъ «Земли и Воли», переписывался съ провинціальными членами нашей организаціи, доставлялъ и распредѣлялъ средства между различными вѣтвями кружка и т. д.». Такимъ образомъ, благодаря желѣзной энергіи и выдающимся организаторскимъ способностямъ Михайлова, съ одной стороны, и дѣятельной неутомимой работѣ Плеханова, Зунделевича, Кравчинскаго (до отъѣзда его за границу), Александра Квятковскаго (вскорѣ затѣмъ прибывшаго въ Петербургъ) и другихъ— съ другой,—общество «Земля и Воля» вступило въ 1879 годъ—въ третій годъ его существованія—не только съ возстановленными силами, но и вполнѣ бодрымъ, воинствующимъ, готовымъ къ бою.

Итоги 1878 года для революціонной дѣятельности выражаются въ слѣдующемъ. Съ одной стороны—правительство, съ его вѣковѣчной системой репрессій, застѣнковъ и всяческихъ удавокъ. Съ другой—революціонная молодежь, съ ея новыми пріемами борьбы,—

---

*) Воспоминанія объ А. Д. Михайловѣ. Сочиненія Г. В. Плеханова, т. I. Изданіе Библіотеки научнаго соціализма. Женева. 1905 г.

смѣлыми, рѣшительными, неуловимыми, какъ вѣтеръ степной, дезорганизаторскими пріемами.

Правительство все туже и туже затягиваетъ мертвую петлю надъ обществомъ: преслѣдованія все болѣе и болѣе усиливаются; тюрьмы наполняются; въ тюрьмахъ стонъ и зубовный скрежетъ; тамъ, за рѣшетками бьется и трепещетъ молодая жизнь; стонъ изъ-за рѣшетокъ и каменныхъ мѣшковъ доходитъ до чуткаго уха революціонеровъ и разрываетъ имъ душу; сотни молодыхъ, неокрѣпшихъ еще силъ вырываются изъ семей и ссылаются на гибель въ якутскія тундры; новые драконовскіе законы то и дѣло выковываются правительствомъ и падаютъ свинцовой тяжестью на личность революціонеровъ; однимъ словомъ,—реакція въ полномъ ходу, готовая все сокрушить на своемъ пути. Но нашла коса на камень. Чѣмъ туже стягивается желѣзное кольцо правительственнаго произвола, тѣмъ сильнѣе конденсируется революціонное чувство, тѣмъ упорнѣе сосредоточивается революціонная воля въ одномъ опредѣленномъ направленіи—въ направленіи отчаянной борьбы съ правительствомъ sans trêve ni merci. Общій смыслъ этой борьбы таковъ: намъ объявили войну—и мы обороняемся; наша личная свобода и человѣческое достоинство попираются—и мы обязаны кровью своею защитить ихъ; не мы первые подняли мечъ: пусть же поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ! Правда, это пока еще не формулируется ясно, но уже категорически сказывается въ настроеніи и волѣ тогдашнихъ революціонеровъ. Непосредственная активная борьба съ правительствомъ въ той или другой формѣ фактически становится стимуломъ революціонныхъ дѣйствій людей 1878 года. И революціонеръ становится все болѣе и болѣе аггрессивнымъ. Даже внѣшность его преобразовывается: вмѣсто прежняго чумазаго пропагандиста или даже современнаго деревенщика-народника въ косовороткѣ и высокихъ сапогахъ— предъ нами теперь джентльмэнъ, весьма прилично одѣтый. У него за поясомъ кинжалъ, а въ карманѣ—револьверъ: онъ не только будетъ защищаться, но и нападать; онъ даромъ не отдастъ своей свободы. Такъ думали, говорили и дѣйствовали люди 78 года. И революціонная хроника этого года вполнѣ подтверждаетъ это. Революціонныя силы все болѣе и болѣе стягиваются въ городъ, борьба все болѣе и болѣе непосредственно направляется на правительство—она становится политическою борьбою. Мы на словахъ открещиваемся, какъ отъ «нечистаго», отъ политической борьбы; мы негодуемъ, когда либеральная литература ехидно упрекаетъ насъ въ томъ, что мы свернули съ намѣченнаго нами пути, но фактически—увы!—мы, помимо своей воли, ведемъ политическую борьбу,—какъ мы, помимо воли своей, говоримъ не стихами, а прозою... Неумолимая логика событій втянула революціонеровъ въ свой водоворотъ, и они, чтобы не захлебнуться, ухватились за терроръ, какъ утопающій за соломинку.

Предъ нами землевольческая литература этого года — 1887 года: центральный органъ партіи «Земля и Воля». Прочтите его передовыя статьи, фельетоны, полемическія статьи и проч.!

Господствующимъ лейтмотивомъ служатъ слѣдующія положенія:

«Революція—дѣло народныхъ массъ[1]). Подговляетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего направить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремленій. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организуя народъ во имя его стремленій и требованій и поднимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который, по непреложнымъ законамъ исторіи, совершается въ данный періодъ. Внѣ этой роли они—ничто; въ предѣлахъ ея, они—одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи.

Поэтому, основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности. Во всѣ времена, гдѣ бы и въ какихъ размѣрахъ не поднимался русскій народъ, онъ требовалъ земли и воли. Земли—какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и воли—какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами».

По поводу террористической дѣятельности руководящая статья говоритъ слѣдующее:—«Мы должны помнить, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденія рабочихъ массъ. Съ борьбою противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушить систему можетъ только народъ. Поэтому, главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы—это *не болѣе, какъ охранительный отрядъ*, назначеніе котораго—оберегать этихъ работниковъ отъ предательскихъ ударовъ враговъ. Обратить всѣ наши силы на борьбу съ правительственной властью—*значило бы оставить свою прямую, постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временной*»[2]).

Вторая руководящая статья «Земли и Воли» отъ 15 декабря 1878 года, принадлежащая, если не ошибаюсь, перу Д. А. К., посвящена исключительно четыремъ знаменитымъ цареубійцамъ—Геделю, Нобилингу, Монкуси и Пассаменте. Авторъ поставилъ себѣ задачей—выяснить дѣйствительный смыслъ этихъ крупныхъ въ то время событій, этого настойчиваго повторенія покушеній на жизнь представителей монархическаго принципа на протяженіи одного, 1878, года. Попутно авторъ проводитъ параллель между вышеназванными покушеніями и нашими террористическими дѣйствіями текущаго 1878 года.

Вотъ что по этому онъ говоритъ:—«Отвѣтственность за смертную казнь преступниковъ въ Россіи открыто и явно брала на себя русская соціально-революціонная партія. Она не только оффиціально признавала совершившіеся факты, заявляла заранѣе о своихъ приговорахъ и давала предостереженія, но и объясняла всегда мотивы своихъ приговоровъ предъ публикой. Изъ этихъ объясненій очевидно, что тяжелая карающая рука русскаго революціонера

[1]) „Земля и Воля“ № 1, 25 октября 1878 года. Программная статья С. Кравчинскаго.

[2]) Курсивъ вездѣ нашъ.

подымается всегда на защиту интересовъ своей партіи, и только на ихъ защиту[1]).

Изъ совершившихся до сихъ поръ фактовъ нельзя заключить, чтобы русскіе революціонеры нападали преимущественно на какой-нибудь отдѣльный классъ общества или представителей извѣстной идеи. Съ идеями они борются идеями же. Тактика ихъ—просто тактика воюющей стороны: бьемъ тѣхъ, кто насъ бьетъ, кто намъ опасенъ, и потому, что онъ намъ опасенъ[2]). Говорятъ, что Мезенцевъ былъ очень добрый человѣкъ,—можетъ быть! Но по отношенію къ русскимъ революціонерамъ онъ былъ звѣремъ, дикимъ звѣремъ, мучителемъ по призванію—и на него былъ направленъ ударъ.

Баронъ Гейкингъ (кіевскій жандармскій офицеръ. О. А.) былъ либералъ; онъ, говорятъ, даже предупреждалъ кое-кого изъ своихъ знакомыхъ объ обыскахъ и арестахъ,—но относительно русскихъ революціонеровъ онъ держалъ себя крайне подло; это былъ двуличный и опасный человѣкъ для революціонеровъ, искусный шпіонъ, угрожавшій свободѣ многихъ лицъ,—и онъ былъ казненъ.

Русскіе революціонеры преслѣдуютъ съ одинаковой безпощадностью какъ высокопоставленнаго злодѣя, такъ и простого уличнаго шпіона или болтуна-доносчика. Во всемъ этомъ они руководятся лишь интересами своей партіи, а до одобренія или отрицанія общества имъ нѣтъ дѣла». И далѣе нѣсколькими строками ниже авторъ поясняетъ:

«Русскіе революціонеры ясно высказывали, что къ смертной казни они прибѣгаютъ лишь для спасенія жизни и свободы своихъ собратій, для избавленія ихъ отъ чрезмѣрныхъ страданій, и когда требуетъ этого спасеніе чести партіи[3])».

Мы можемъ ограничиться и этими выписками. Они вполнѣ ясно рисуютъ мысль нашихъ авторовъ. Центральный литературный нашъ органъ «Земля и Воля» въ руководящихъ его статьяхъ прямо намъ говоритъ, что мы тогда еще оставались вѣрны нашей народнической программѣ, нашей тактикѣ. Сергѣй Кравчинскій въ цитируемой уже выше программной статьѣ своей прямо предостерегаетъ насъ отъ слишкомъ сильнаго увлеченія террористическою борьбою. Онъ говоритъ:—«Не ободрять, не звать ихъ (товарищей и друзей. Авторъ) на продолженіе начатой борьбы намѣрены мы: мы очень хорошо знаемъ, насколько излишни для нихъ ободренія и призывы. Мы, напротивъ того, хотимъ предостеречь ихъ отъ слишкомъ сильнаго увлеченія этого рода борьбою, такъ какъ есть признаки, показывающіе возможность такого рода увлеченія»[4]).

Проницательный Кравчинскій уже чуялъ бѣду. Во всякомъ случаѣ основной тонъ нашего центральнаго органа,—этого объективнаго выразителя нашихъ идейныхъ стремленій и нашего настрое-

---

1) Курсивъ нашъ.
2) Курсивъ нашъ.
3) Курсивъ нашъ.
4) Курсивъ нашъ.

нія,—оставался догматически-вѣрнымъ народничеству. Участившіеся въ то время террористическіе акты онъ объясняетъ и оправдываетъ основными началами нашей дезорганизаторской программы, съ самаго начала предусмотрѣвшей возможность и неизбѣжность такой тактики.

Терроръ не возводится въ принципъ, въ систему, т. е. общество «Земля и Воля», не задаваясь непосредственной цѣлью борьбы съ правительствомъ, считаетъ, тѣмъ не менѣе, нужнымъ прибѣгать къ террору, какъ къ спеціальной формѣ борьбы для спеціальныхъ случаевъ, и только для такихъ случаевъ.

Насколько мы еще тогда оставались буквально вѣрными нашей народнической программѣ, насколько догматичны мы еще были тогда, лучше всего это иллюстрируютъ наши отношенія къ возникшему тогда (въ концѣ 1878 г.) новому обществу рабочихъ—«Сѣверно-Русскому рабочему Союзу». Организаторомъ этого «Союза»,—попутно скажу,—былъ Степанъ Халтуринъ, умный, развитой и энергичный рабочій. Онъ явился самымъ типичнымъ и яркимъ представителемъ стремленій и настроеній передовыхъ рабочихъ массъ того времени. Халтуринъ пользовался огромною популярностью въ рабочей средѣ, его глубоко уважали и любили. Ему первому удалось поставить передовыхъ рабочихъ на собственныя ноги, создать организацію рабочихъ чрезъ рабочихъ же, собственными ихъ усиліями. «Сѣверно-Русскій рабочій Союзъ»—дѣло его рукъ. Программа «Союза» была напечатана въ видѣ отдѣльнаго листка и циркулировала такимъ образомъ по рукамъ. Къ сожалѣнію, я не могу воспроизвести ее въ цѣломъ, я отмѣчу лишь одинъ, весьма характерный, по моему, пунктъ, противъ котораго совсѣмъ некстати возражала «Земля и Воля». Пунктъ этотъ касается значенія и роли политическаго элемента въ революціонной дѣятельности вообще и отношенія къ нему рабочихъ—въ частности. «Союзъ» въ своей программѣ высказался прямо и категорически, что нельзя относиться отрицательно къ политической борьбѣ, но что необходимо поставить политическія задачи, и вести и то, и другое—и политическую и экономическую борьбу—параллельно.

«Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ» въ данномъ случаѣ оказался болѣе проницательнымъ, чѣмъ многіе въ то время изъ землевольцевъ.

Здравый смыслъ, не отуманенный слишкомъ частыми справками за мнимымъ «историческимъ опытомъ», подсказалъ Халтурину и его товарищамъ, что осуществленіе народныхъ требованій немыслимо безъ одновременной борьбы съ политической организаціей, главною виновницею народнаго разоренія. Рабочіе на собственной шкурѣ выносили всю тяжесть правительственнаго гнета и, и понявши это, они сочли себя вправѣ выставить на своемъ знамени delenda est Carthago—да будетъ уничтоженъ этотъ политическій строй!

Какъ я уже выше замѣтилъ, нашъ органъ отнесся укоризнено къ этой политической ереси «Союза». Въ «Землѣ и Волѣ,» въ особой замѣткѣ*), посвященной программѣ «Союза», редакція мяг-

*) Замѣтка принадлежитъ перу Д. А. К.

ко, но рѣшительно высказалась противъ политическихъ тенденцій «Союза».

Это очень характерно для тогдашняго момента, переживаемаго землевольцами. Но иное дѣло теорія, иное—практика. Фактически наше положеніе уже въ концѣ 1878 года стало внушать серьезныя опасенія не одному только Кравчинскому. Круто нароставшее террористическое настроеніе и рѣзко уже обрисовавшійся поворотъ въ дѣятельности землевольцевъ и прочихъ революціонеровъ-народниковъ предвѣщали намъ всѣмъ, а особенно «деревенщинѣ», тяжелыя испытанія.

Наша главная операціонная база--деревня была плохо укрѣплена; нашъ авангардъ— ново-саратовское и тамбовское поселенія, за недостаткомъ людей, не восполнялся: новыя силы не притекали, армія не формировалась.

Воронежское поселеніе только складывалось: производились рекогносцировки и намѣчались пункты для поселеній. А между тѣмъ то тутъ, то тамъ въ народѣ происходятъ серьезныя волненія: волнуются на Дону, на Кубани и на Уралѣ. Надо во что бы то ни стало использовать эти волненія,—мы это сознаемъ,—но опять-таки: нѣтъ людей! силъ не хватаетъ! На Дону разрывается Плехановъ; мечется во всѣ стороны, ищетъ сотрудниковъ, зоветъ работниковъ, но въ результатѣ—нуль.

Онъ вызываетъ туда экстренно Александра Михайлова, но не успѣлъ тотъ доѣхать до Ростова, какъ онъ обратно уже летитъ въ Петербургъ, гдѣ мы потерпѣли страшное разореніе. Въ Петербургѣ Плехановъ, отпечатавши «Воззваніе къ славному Войску Донскому», продолжаетъ звать охотниковъ на Донъ.

«Эта молодежь,— разсказываетъ Плехановъ*),— насквозь пропитанная народничествомъ, съ пріятнымъ удивленіемъ слушала мои разсказы о казацкихъ волненіяхъ и вполнѣ соглашалась съ тѣмъ, что революціонеры непремѣнно должны воспользоваться этими волненіями. Но, несмотря на это, на Донъ все-таки никто изъ петербургскихъ революціонеровъ не поѣхалъ.

Такъ и пришлось махнуть рукою на казаковъ. Правда, къ нимъ отправилось нѣсколько молодыхъ людей изъ Харькова, но и эти товарищи скоро убѣдились въ томъ, что ни на какую поддержку со стороны революціонной интеллигенціи имъ разсчитывать невозможно, и, обезкураженные этимъ, сами вернулись въ городъ, хотя революціонеры-казаки, которыхъ насчитывалось тогда уже человѣкъ до пятидесяти, настойчиво уговаривали ихъ оставаться».

Но «пришлось махнуть рукою» не только на казаковъ, но и на раскольниковъ, а равно и на создавшееся еще только воронежское поселеніе, гдѣ были такіе отмѣнные работники, какъ М. Р. Поповъ, Александръ Квятковскій, М. Фроленко, Баранниковъ, М. Н. Ошанина и проч.

Послѣ разгрома нашего „центра“, Александръ Михайловъ сталъ вызывать настойчиво въ Петербургъ на помощь себѣ земле-

*) Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. А. Туна. Предисловіе къ русскому изданію стр. 31. Женева 1903 года.

вольцевъ изъ провинціи, и вскорѣ туда поѣхали М. Р. Поповъ и Квятковскій—одинъ вслѣдъ за другимъ—гдѣ уже оба, подхваченные водоворотомъ петербургскихъ событій, окончательно, скрѣпя сердце, и застряли. Правда, они имѣли твердое намѣреніе вернуться къ начатой имъ столь успѣшно работѣ въ Воронежской губ., но логика событій рѣшила все наперекоръ: воронежское поселеніе не было основано, и усиленная подготовительная работа организаторовъ пропала почти безслѣдно для революціи.

Точно также, по тѣмъ же причинамъ, пришлось, скрѣпя сердце, махнуть рукою и на продолженіе работы въ расколѣ въ Саратовской губерніи. Вотъ что на этотъ счетъ сообщаетъ намъ въ своемъ «Воспоминаніи объ А. Д. Михайловѣ» Плехановъ:—«Въ принципѣ Михайловъ по прежнему признавалъ дѣятельность въ народѣ главною задачею общества «Земля и Воля», но онъ думалъ, что, при наличныхъ силахъ этого общества, нельзя было надѣяться на сколько-нибудь серьезный успѣхъ въ крестьянской средѣ. «Въ настоящую минуту намъ, находящимся въ городахъ, нечего и думать объ отъѣздѣ въ деревню,—говорилъ онъ по возвращеніи изъ Ростова,—мы слишкомъ слабы для работы въ народѣ. Соберемся сначала съ силами, создадимъ крѣпкую и обширную организацію, и тогда перенесемъ центръ тяжести нашихъ усилій въ деревню.

Теперь же волей-неволей приходится намъ сосредоточить свое вниманіе на городскихъ рабочихъ и учащейся молодежи». Въ то время мы были дѣйствительно такъ слабы, что никому изъ насъ и въ голову не приходило не соглашаться съ Михайловымъ».

Къ такому выводу пришли въ концѣ 1878 года двое изъ самыхъ крупныхъ нашихъ землевольцевъ, Михайловъ и Плехановъ, къ такому же выводу пришли и остальные землевольцы. Таково было наше положеніе въ исходѣ 1878 г., съ такимъ печальнымъ итогомъ мы вступили въ 1879 годъ —третій годъ нашего существованія, какъ общества «Земля и Воля».

А итогъ былъ таковъ: два только землевольскихъ поселенія, ново-саратовское и тамбовское; рѣзко обозначавшееся, по причинѣ круто измѣнившагося революціоннаго настроенія, ослабленіе притока революціонныхъ силъ изъ города въ деревню; страстное, неудержимое почти стремленіе революціонныхъ силъ схватиться непосредственно съ правительствомъ; схватки то тутъ, то тамъ учащаются, обостряются, ожесточаются и обобщаются.

Мы—наканунѣ второго періода землевольской дѣятельности и третьяго—соціально-революціонной дѣятельности вообще семидесятыхъ годовъ.

Глава VIII.

1879 годъ. Террористическій періодъ землевольской дѣятельности. Террористическіе акты въ началѣ 1879 года: убійство шпіона Рейнштейна въ Москвѣ, убійство харьковскаго губернатора кн. Кропоткина, покушеніе на жизнь шефа жандармовъ, Дрентельна, 13 марта 1879 г. „Листокъ Земли и Воли" №№ 2 и 3. Совѣтъ землевольцевъ въ Великій Четвергъ на Страстной недѣлѣ (1879 г.). Покушеніе Соловьева на жизнь Александра II (2 апрѣля 1879 г.) „Листокъ Земли и Воли" № 4 по этому поводу. Эволюція землевольской революціонно-народнической программы: „Земля и Воля" №№ 3, 4 и 5. Разладъ между теоріей и практикой. Военное положеніе. Казни, ссылки и аресты. Воронежскій съѣздъ. Составъ съѣзда. Характеръ съѣзда. Послѣдніе дни общества „Земля и Воля". Скрытая борьба двухъ діаметрально-противоположныхъ тенденцій—политической и экономической. Исходъ этой борьбы: раздѣленіе общества „Земля и Воля" на двѣ фракціи: фракцію „Народной Воли" и фракцію „Чернаго Передѣла".
„Еще одно сказанье—и лѣтопись окончена моя!"

Перехожу теперь къ послѣднему акту нашей драмы—къ террористическому періоду землевольской дѣятельности и заключительному ея аккорду—расколу общества «Земля и Воля». Тяжелое это было время. Тяжело жилось въ то время и всей партіи и каждому революціонеру въ отдѣльности. Всѣ чуяли, что фактически начинается какой-то поворотъ въ направленіи партіи, который можетъ привести къ тому, что она теперь теоретически отрицаетъ»[1]).

Вотъ какими чертами характеризуетъ хроникеръ № 1 «Листка Земли и Воли» первые два мѣсяца 1879 года.

«Непрерывной нитью тянутся предъ нами суды, ссылки, обыски и аресты нашихъ товарищей. Среди непроглядной ночи, царящей надъ нашей родиной, подъ непроницаемымъ покровомъ которой уже много лѣтъ кипитъ незамѣтная непривычному взгляду подпольная революціонная работа, по временамъ раздаются отдѣльные удары приближающагося землетрясенія.

Это казни правительственныхъ преступниковъ. Это первые симптомы быстро обостряющейся революціонной борьбы[2]). Они возмущаютъ мертвую тишину ночи. Все быстрѣе и быстрѣе смѣняются они и заслоняютъ собою одни другіе..... То, что случилось вчера, сегодня отошло на задній планъ картины и не волнуетъ болѣе прежней любовью или ненавистью наполненныя другими событіями человѣческія сердца. Жизнь не ждетъ».

Новый годъ снова открылся цѣлымъ рядомъ выстрѣловъ: то защищаются съ оружіемъ въ рукахъ революціонеры во время арестовъ—Валеріанъ Осинскій и Лешернъ въ Кіевѣ въ январѣ; Брантнеръ, Антоновъ съ товарищами тамъ же—въ февралѣ. Одновременно съ этимъ пуля революціонера сразила харьковскаго губернатора (9 февраля 1879 года), князя Кропоткина. Въ № 4 «Земли и Воли» помѣщено письмо виновника этого убійства или, какъ тогда выражались, «казни»,—Г. Гольденберга. Письмо это—обращеніе къ обществу, въ которомъ самъ авторъ объясняетъ мотивы, въ силу которыхъ онъ рѣшился на такую крайнюю мѣру. Его-де

[1]) Изъ моихъ воспоминаній 1883—84 года.

[2]) Курсивъ нашъ О. А.

толкнулъ на этотъ роковой шагъ самъ Кропоткинъ, онъ заслужилъ свою казнь.

«Онъ, какъ наемный убійца, виновенъ въ томъ, что за жалованье, за содержаніе, получаемое отъ правительства, совершаетъ убійство 30 русскихъ соціалистовъ,—и какое еще убійство! Онъ виновенъ въ томъ, что съ его вѣдома и по его приказанію были до полусмерти избиты политическіе преступники въ харьковской городской тюрьмѣ. Наконецъ, онъ виновенъ еще въ томъ, что, по его распоряженію, были избиты нагайками собравшіеся безъ всякой преступной цѣли студенты, что неправильно донесъ объ этомъ побоищѣ министру внутреннихъ дѣлъ, сообщивъ, что студенты сами бросились бить казаковъ,—когда дѣло происходило иначе, на глазахъ многочисленной публики и совѣта профессоровъ».

Въ заключеніи своего обращенія къ «Обществу» авторъ говоритъ:

«Знай же русское общество, что каждый честный человѣкъ волнуется тѣмъ же чувствомъ, тѣмъ же желаніемъ. И покуда ты будешь спать, тебѣ не разъ придется принимать участіе въ единственно дозволенномъ тебѣ дѣлѣ—похоронахъ высокопоставленныхъ особъ!...»

Такъ начался 1879 годъ. Это ничего хорошаго не предвѣщало. На политическомъ горизонтѣ все болѣе и болѣе сгущались грозовыя тучи, издалека уже доносились раскаты грома.......

Въ то время, когда описываемыя мною событія развертывались съ необходимостью желѣзнаго закона, изъ Петербурга вернулся «Титычъ». По пути онъ заѣхалъ ко мнѣ въ Тамбовскій уѣздъ, гдѣ онъ, въ числѣ другихъ «деревенщиковъ», занималъ должность народнаго учителя. Онъ передалъ мнѣ желаніе петербургскихъ товарищей, чтобы я оставилъ деревню и перебрался въ Петербургъ.

Тамъ тогда ощущался крайній недостатокъ въ рабочихъ силахъ. Наши петербургскіе товарищи буквально разрывались на части. Работы было по горло. Началось сильное броженіе среди фабрично-заводскихъ рабочихъ. Снова пошла полоса стачекъ. Кромѣ того петербургскіе рабочіе стали организовываться. По иниціативѣ Степана Халтурина уже образовался «Сѣверно-русскій рабочій союзъ». Параллельно съ движеніемъ среди рабочихъ началась организаціонная работа среди петербургской учащейся молодежи, вылившаяся въ формѣ «землячествъ». Во главѣ этого движенія сталъ студентъ Осмоловскій. Однимъ словомъ,—по разсказамъ «Титыча»,—началась глубокая творческая работа въ самыхъ живыхъ общественныхъ слояхъ петербургскаго населенія. Запросъ, поэтому, на опытныхъ работниковъ сильно возросъ: требуютъ и рабочіе, и молодая интеллигенція. Петербургскихъ землевольцевъ не хватаетъ, а потому «центръ» и прочія группы разбрасываются по необходимости по сторонамъ. Далѣе «Титычъ» передалъ мнѣ, что петербургскіе наши товарищи начинаютъ все болѣе и болѣе тяго-

тѣть къ дезорганизаторской (террористической) дѣятельности, что революціонное движеніе принимаетъ все болѣе и болѣе острый характеръ, что движеніе, очевидно, все болѣе и болѣе стало сводиться къ единоборству между правительствомъ и революціонной интеллигенціей.

— Наши землевольцы,—заключилъ «Титычъ»,—круто повернули фронтъ, а молодежь, на нихъ глядя, словно сорвавшись съ цѣпи, такъ и рвется въ бой.—Все это мнѣ разсказалъ «Титычъ». Онъ былъ сильно озабоченъ. Его проницательный критическій умъ ужъ предвидѣлъ серьезныя замѣшательства.

— Что же дѣлать?—спросилъ я, выслушавъ его подробное сообщеніе.

— Намъ во всякомъ случаѣ надо жить въ деревнѣ! что бы ни случилось—здѣсь должны быть свои люди! А ты, Осипъ, поѣзжай въ Петербургъ—тамъ разберешься!...

Нѣсколько дней спустя я уже былъ по дорогѣ въ Петербургъ. Я оставилъ деревню съ тяжелымъ чувствомъ. Больше я уже въ деревню не возвращался. За мною, спустя 2-3 мѣсяца, потянулись и многіе другіе «деревенщики»: одни—потому, что ихъ присутствіе въ Петербургѣ вызывалось крайней необходимостью, другіе—потому, что ихъ выбивала изъ деревни та или иная темная сила: интриги мѣстныхъ воротилъ, административныхъ и общественныхъ, какъ это, напр., было съ В. Н. Фигнеръ въ Саратовской губерніи.

Особенно стали рѣдѣть наши ряды въ деревняхъ послѣ 2-го апрѣля 1879 года—покушенія на жизнь Александра II. Изъ Тамбовской губ. бѣжалъ Гартманъ («Алхимикъ»), а вскорѣ вслѣдъ за нимъ былъ арестованъ Пекарскій; оставили деревню Мощенко, «Титычъ», Хотинскій и проч.

Ново-саратовское же поселеніе послѣ 2-го апрѣля окончательно распалось. Можно себѣ представить, какъ себя чувствовали одинокіе, кое-гдѣ разбросанные по деревнямъ и селамъ «деревенщики»! Нельзя, поэтому, ихъ винить, если они, не вынося безысходно-тяжелаго чувства оброшенности и одиночества, разбѣжались къ концу 1879 года совершенно врозь... Эти люди уходили изъ деревни съ глубокимъ чувствомъ скорби, горечи и все болѣе и болѣе сгущающейся ненависти къ существующему политическому строю. Больно, тяжело и обидно было отказаться отъ того, что такъ недавно еще наполняло все твое существованіе. Уходили съ поля битвы не юноши зеленые, а зрѣлые, опытные люди. Опустѣла деревня. Три года съ небольшими перерывами мы поработали въ деревнѣ. Что же мы успѣли? Какіе результаты получили? Оглядываясь назадъ, на путь, пройденный нами,—путь, усѣянный не розами, а ухабами и трясинами,—мы, положа руку на сердце, имѣемъ право сказать: наша работа не прошла безслѣдно въ деревнѣ! Наше слово не было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ! Правда, мы еще не успѣли создать въ народѣ боевую партію, боевую силу въ противовѣсъ архаической силѣ существующаго приказно-крѣпостническаго государственнаго строя. Это правда. Но намъ удалось своей разнообразной подготовительно-революціонной работой сузить

значительно ту страшную пропасть, которую безпощадно-суровая исторія наша вырыла между нами, интеллигентами, и народомъ. Не забудемъ, что мы были тогда—въ 70-хъ годахъ—чуть ли не первыми піонерами-культуртрегерами съ революціонными цѣлями. Наша разнообразная культурная дѣятельность непосредственно въ пользу народа была насквозь пропитана революціонными элементами. Мы учили народъ—и притомъ не какъ пришлые, чуждые ему, люди, а какъ свои,—лѣчащіе его, учащіе его, радѣющіе о немъ люди,—въ амбулаторіяхъ, въ сельскихъ и народныхъ школахъ, на базарныхъ площадяхъ, въ трактирахъ и мастерскихъ,—учили его, какъ онъ долженъ освободиться отъ вѣковѣчнаго гнета. Мы будили дремлющее въ немъ чувство протеста, мы бросали лучи свѣта въ темное еще тогда сознаніе его. Это не была простая культурная работа, какъ иные изображаютъ ее весьма наивно; это была работа подготовительно-революціонная, такъ какъ, повторяю, верховнымъ принципомъ нашей многосторонней культурной дѣятельности была революція: освобожденіе народа самимъ же народомъ. Это была невидимая, на глазъ незамѣтная, работа, но которая капля-по-каплѣ выдалбливала трещины и щели въ инертной тогда еще массѣ крестьянства. Черезъ эти щели и трещины то и дѣло проникали вглубь революціонныя мысль, чувство и воля. И вмѣстѣ съ «объективнымъ процессомъ исторіи», наша подпольная работа въ концѣ-концовъ создала въ народѣ нѣкоторую атмосферу безпокойства, тревоги и недовольства. Однимъ словомъ, гдѣ ни работалъ землеволецъ, онъ оставлялъ послѣ себя неизгладимый слѣдъ. И я имѣлъ право въ 1883 году занести слѣдующія строки въ неизданныя мои записки:

«Практика вполнѣ доказала, что тамъ, гдѣ революціонныя поселенія просуществовали хоть одинъ годъ, революціонерамъ удалось заслужить уваженіе, любовь и довѣріе крестьянъ. Недаромъ нѣкоторые представители администраціи и земства, узнавши, что лица, съ которыми они по разнымъ дѣламъ сталкивались, принадлежатъ къ соціалистической партіи, говорили, что если всѣ соціалисты таковы, то они вскорѣ завоюютъ народъ».

И мы ясно сознавали это наше значеніе въ народѣ, но насъ глубоко огорчало,—во-первыхъ,—неподготовленность еще массъ въ революціонномъ отношеніи, собственная слабость нашихъ наличныхъ силъ,—во-вторыхъ, и, наконецъ, непрерывная убыль въ нашихъ рядахъ, не возмѣщаемая притокомъ свѣжихъ силъ,—въ-третьихъ. А непрерывная убыль эта производилась совмѣстнымъ дѣйствіемъ многихъ причинъ: то насъ стала отвлекать изъ деревни непосредственная борьба съ правительствомъ, становившаяся съ каждымъ днемъ все острѣе и острѣе, то неизбѣжные аресты и прочія правительственныя преслѣдованія, изгонявшія насъ изъ деревень, то, наконецъ, замѣтное чувство утомленія работою въ народѣ и горькое сознаніе, что одинъ въ полѣ—не воинъ. Все эта въ общей совокупности и вызвало постепенное обезлюденіе нашихъ революціонныхъ поселеній и, наконецъ, окончательное ихъ крушеніе. Мы всячески боролись противъ этого еще съ самаго на-

чала 1879 года. Мы всячески продолжали звать въ народъ, но— увы!—на нашъ зовъ мало кто откликался.

Да и въ нашемъ зовѣ не было прежней убѣдительности, прежняго жара. Чтобы людей двинуть на дѣло, недостаточно дѣйствовать только на умъ: надо всколыхнуть чувства,—эту тяжелую артиллерію нашей психики. Мы не могли тогда увлекать людей за собою, такъ какъ у насъ самихъ не было дѣла въ деревнѣ. Насъ задавила не теорія, а практика: ноша, которую мы возложили на себя, была намъ, «деревенщикамъ», не по силамъ—и мы пали, сокрушенные. Но, какъ утопающій, мы хватались за соломенку, ища спасенія въ деревнѣ. И чѣмъ дальше убѣгала отъ насъ деревня, тѣмъ милѣе она намъ становилась—и мы продолжали бороться за нее. Это не была только борьба изъ-за догмы или принципа: это была борьба за «быть или не быть?»

И она началась еще ранней весною 1879 года, сначала глухо, а потомъ все громче и громче, расширяясь и углубляясь, пока, наконецъ, не привела къ роковому расколу организаціи «Земли и Воли». И теперь, когда я вновь переживаю перипетіи этихъ драматическихъ событій, для меня все болѣе и болѣе становится понятной роковая неизбѣжность этого раскола.

По дорогѣ въ Петербургъ я изъ газетъ вычиталъ о какомъ-то таинственномъ убійствѣ, совершенномъ въ номерѣ одной изъ московскихъ гостинницъ. Прочитавъ разъ-другой подробности этого загадочнаго уголовнаго событія, я рѣшилъ въ умѣ, что это «наши сдѣлали». И не ошибся. По прибытіи въ Петербургъ я узналъ отъ товарищей и изъ «Листка Земли и Воли», что это дѣйствительно убитъ, по постановленію «Исполнительнаго Комитета», шпіонъ-рабочій Рейнштейнъ. Въ «Листкѣ» по этому поводу было сказано:

«Рейнштейнъ вполнѣ заслужилъ свою участь: этотъ человѣкъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни сдѣлалъ много зла. Имъ были выданы правительству десятки людей, которые до сихъ поръ находятся въ заключеніи или ссылкѣ въ нашихъ отдаленныхъ и безлюдныхъ окраинахъ».

Въ концѣ февраля я прибылъ въ Петербургъ. Я засталъ въ Петербургѣ Александра Михайлова, Александра Квятковскаго, Тихомірова, Морозова, Плеханова, Зунделевича, Мощенко, Игнатова, вскорѣ прибылъ и Поповъ.

За нѣсколько дней до моего пріѣзда намъ нанесло правительство чувствительный ударъ: оно вырвало изъ нашихъ рядовъ одного изъ выдающихся нашихъ товарищей, одного изъ самыхъ талантливыхъ редакторовъ нашего органа «Земля и Воля», Дмитрія Клеменса.

Итакъ, я снова среди моихъ дорогихъ товарищей, я снова въ моей дорогой рабочей семьѣ!

Что же я нашелъ въ ней?—«Глубокими, неизгладимыми чертами врѣзалось то время въ моей памяти, и я разскажу все, что увидѣлъ и услышалъ тогда, оставаясь вѣрнымъ правдѣ. Когда я

прибылъ въ Петербургъ, то уже была рѣшена еще одна смерть— Дрентельна. На мой вопросъ, чѣмъ заслужилъ этотъ джентльменъ такую незавидную участь, мнѣ представили что-то вродѣ обвинительнаго акта. Дрентельнъ, между прочимъ, виновенъ главнымъ образомъ въ томъ, что ввелъ ссылку въ Якутскую область въ систему. Не скажу, чтобы этотъ и многіе другіе пункты обвиненія казались мнѣ достаточно сильными и убѣдительными, чтобы за это отнять у человѣка жизнь. Но мой голосъ тогда, конечно, ужъ не могъ имѣть значенія, такъ какъ приговоръ былъ уже произнесенъ громаднымъ большинствомъ голосовъ членовъ Совѣта противъ одного, который совсѣмъ воздержался отъ голосованія*).

Этотъ послѣдній, насколько мнѣ помнится, былъ такъ же, какъ и я, мало убѣжденъ въ необходимости такой крутой мѣры. Тѣмъ не менѣе все рѣшено и подписано. Дрентельнъ выслѣживается шагъ за шагомъ и, наконецъ, въ одинъ прекрасный петербургскій день—13 марта 1879 года—раздается выстрѣлъ ловкаго всадника: это стрѣлялъ Мирскій. Но стрѣлокъ—увы!—промахнулся. Остальное извѣстно.

Правительство пустило въ ходъ свою, обычную въ такихъ случаяхъ; тактику.

За выстрѣломъ Мирскаго послѣдовали такіе дни, какихъ не припомнитъ Петербургъ. Рѣдко проходила ночь безъ 60—80 обысковъ и арестовъ. Тюрьмы, крѣпости, замки и даже полицейскіе участки были буквально биткомъ набиты людьми всякаго созраста, пола и званія. Нерѣдко въ одну камеру попадали отвы семейства съ ихъ домочадцами, къ большему, конечно, соблазну первыхъ, чѣмъ послѣднихъ. Необходилось также и безъ любопытныхъ курьезовъ и смѣшныхъ недоразумѣній, поистинѣ достойныхъ пера юмориста. Но все это было бы, можетъ быть, и смѣшно, если бы не было такъ грустно. Вѣдь людей, точно барановъ, хватали и ни за что ни прочто угоняли въ ссылку. Даже полиція, говорятъ, и та уже стала роптать: ни днемъ ни ночью отдыха нѣтъ.

Дрентельнъ—что и говорить!— опытный рыболовъ, но крупная рыба, къ несчастью его, не клевала—и уловъ въ концѣ концовъ не удался. Мирскаго онъ не поймалъ, «Вольной типографіи» не открылъ и почти ежедневно подъ самымъ его носомъ происходившихъ засѣданій землевольскаго Совѣта не накрылъ. Совѣтъ же въ это время развилъ неслыханную почти энергію и лихорадочную дѣятельность. Къ сожалѣнію, это уже не былъ тотъ Совѣтъ, какимъ я его зналъ два года тому назадъ. Не было въ немъ того единства, того согласія, той прямоты и искренности, которыя отличали его прежде.

Я увидѣлъ это нѣсколько дней спустя по прибытіи моемъ въ Петербургъ.

---

*) Это былъ членъ редакціи, Плехановъ. Онъ впротивовѣсъ политическому террору предложилъ городской экономическій терроръ, причемъ указалъ и на конкретный случай изъ тогдашнихъ рабочихъ стачекъ, въ которомъ было совершенно умѣстно примѣненіе террора послѣдней категоріи. 15-XI 1906 года.

Я былъ пораженъ какъ громомъ. «Деревенщина» наша,—М. Поповъ, Плехановъ Мощенко и Игнатовъ,—съ пѣною у рта говорила мнѣ о террористическихъ стремленіяхъ нашей администраціи и большинства членовъ редакторской группы, а также и другихъ нашихъ товарищей. Audiatur et altera pars! (Выслушаемъ и другую сторону!). И я обратился за объясненіями къ террористамъ. Террористы, между которыми было не мало людей мнѣ симпатичныхъ, увѣряли меня, напротивъ, что это одно лишь печальное недоразумѣніе, что они ни на іоту не отступаютъ отъ прежней программы, что всѣ предпріятія ихъ рѣшались Совѣтомъ, въ которомъ участвовала и «деревенщина», дававшая на всѣ эти предпріятія свое согласіе, что, однимъ словомъ, положеніе вещей мнѣ передано въ извращенномъ видѣ. Одни изъ нихъ были несомнѣнно искренни въ своихъ увѣреніяхъ: они смотрѣли на терроръ, какъ на дѣйствія, отнюдь не противорѣчащія, не исключающія —Боже упаси!—дѣятельности въ народѣ. Другіе политиканствовали. Третьи, наконецъ, категорически заявили мнѣ, что, по всему вѣроятію, дѣятельность приметъ иное направленіе, неизбѣжное въ силу самихъ вещей. Признаюсь, мнѣ было чрезвычайно трудно оріентироваться какъ въ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ разговоровъ и объясненій моихъ товарищей, такъ и въ собственныхъ моихъ мысляхъ и чуствахъ.

Адъ былъ въ моей душѣ. Что деревенское дѣло,—на время, по крайней мѣрѣ,—погибло, въ этомъ я былъ глубоко убѣжденъ и имѣлъ на это солидныя основанія. Отъ самыхъ близкихъ моихъ друзей и товарищей я не скрывалъ этого. Но что слѣдуетъ дѣлать сейчасъ, я самъ не сознавалъ ясно— настолько ясно, чтобы самому взяться за это дѣло и привлечь къ нему другихъ. Террористической дѣятельности, какъ системы борьбы, я тогда, какъ и прежде, не признавалъ. Я допускалъ лишь исключительные случаи, какъ, напримѣръ, случай Вѣры Засуличъ. Даже такіе блистательные террористическіе акты, какъ убійства Мезенцева и Крапоткина, произвели на меня сравнительно слабое впечатлѣніе. Что близится время, когда политическая борьба станетъ необходимой и обязательной—это я видѣлъ уже тогда. Но я не могъ еще тогда это только что обозначавшееся новое теченіе вполнѣ понять, чтобы оно было убѣдительно для меня и для другихъ. Фатальная же логика событій отнюдь не была для меня убѣдительнымъ аргументомъ. И даже наоборотъ. Обязательно и необходимо было,—казалось мнѣ,—бороться противъ этой опасной и вредной логики, ибо въ случаѣ полнаго успѣха политической борьбы, въ случаѣ благопріятнаго ея исхода, положеніе народа отъ этого только ухудшилось бы.

Это было тогда мое убѣжденіе, равно какъ и убѣжденіе многихъ народниковъ-революціонеровъ. Оно такъ глубоко укоренилось въ насъ, что отъ него не легко было такъ скоро отдѣлаться. Мы были убѣждены въ томъ, что за насъ, видите ли, стоитъ «историческій опытъ Западной Европы». Повторяю, я не зналъ, что дѣлать, понимая это въ обширномъ, конечно, смыслѣ. Спеціально для себя я намѣтилъ дѣло. Оно не противорѣчило моимъ убѣжденіямъ,

не терзало меня сомнѣніями. Но этого было мало. Какъ человѣкъ организаціи, я на первый планъ ставилъ общее дѣло, дѣло въ полномъ его объемѣ, а не оторванный клочекъ. Въ Петербургѣ я засталъ и другихъ бѣглецовъ изъ деревни, вольныхъ и невольныхъ.

Одни изъ нихъ, скрѣпя сердце, пристали окончательно и безповоротно къ террору, какъ, напримѣръ, Квятковскій и Михайловъ; другіе же, оставаясь вѣрными своему знамени, звали въ деревню, хотя звать-то, признаться, было некого и итти некуда!

Путь былъ загроможденъ всевозможными препятствіями, а людей, способныхъ расчистить этотъ путь, было самое большее — десятокъ-другой. Одна ласточка весны не дѣлаетъ. Но тѣмъ не менѣе они упорно продолжали выкликать ласточекъ, но—увы!— время ихъ прошло: на зовъ ихъ никто не явился! Вотъ эти то товарищи больше всего старались противодѣйствовать террористическимъ стремленіямъ, хотя, по непонятному для меня противорѣчію, они же вотировали съ террористами за тѣ или другія дезорганизаторскія предпріятія*). Принципіальныя разногласія обострялись съ каждымъ днемъ и стали принимать характеръ личныхъ раздоровъ.

Въ нашу семью, такимъ образомъ, было брошено сѣмя раздора, которое не замедлило вскорѣ принести плоды. Въ редакціонной и типографской группахъ нѣтъ ладу, а о Совѣтѣ и говорить нечего: пререканіямъ и упрекамъ всяческимъ нѣсть конца. «Деревенщина» предложила мнѣ составить докладную записку и представить ее въ ближайшее засѣданіе Совѣта. У меня съ «деревенщиной» общаго было—во-первыхъ,—безусловное отрицаніе террора, какъ формы борьбы вообще, а, во-вторыхъ,—отрицательное мое отношеніе къ политикѣ. Въ деревню я самъ тогда не звалъ, ибо зналъ настроеніе деревни и размѣръ нашихъ деревенскихъ силъ. Моя записка, поэтому, скорѣе имѣла характеръ протеста противъ начавшихся раздоровъ въ нашей семьѣ. Я призывалъ къ примиренію, убѣждалъ оставить террористическій путь, какъ крайне опасный, могущій насъ завести въ такія дебри и трущобы, изъ которыхъ намъ потомъ выхода не будетъ. О деревнѣ я тоже упомянулъ. Во-первыхъ—потому, чтобы заплатить дань «деревенщинѣ», а, во-вторыхъ,—въ то смутное тяжелое время, въ томъ сплошномъ мракѣ, который окуталъ меня тогда, деревня осталась единственной свѣтлой звѣздочкой, сулившей,—правда, очень туманно, —болѣе радостные дни. Я не разсчитывалъ на успѣхъ моей записки. Я зналъ уже хорошо настроеніе моихъ товарищей и положеніе вещей.

Записка была представлена и произвела благопріятное вообще впечатлѣніе». (Изъ моихъ воспоминаній 1883-84 гг.).

Милый, симпатичный и чуткій Квятковскій, прочитавъ внимательно записку, сдѣлался темнѣе темной ночи. Левъ Тихоміровъ, улыбнувшись, проговорилъ: «А Осипъ можетъ писать!». Александръ

*) Теперь я считаю возможнымъ и необходимымъ оговориться, что это не относится къ Плеханову, который всегда высказывался противъ террора, за исключеніемъ экономическаго.

Михайловъ, ясный, свѣтлый и спокойный, какъ всегда, подчеркнувъ слѣдующія мои слова въ запискѣ: «опытный воинъ, хорошій стрѣлокъ, не растрачиваетъ зря всѣхъ своихъ зарядовъ, а приберегаетъ ихъ къ необходимому моменту», замѣтилъ при этомъ:— «А когда, Осипъ, можно узнать объективно, что настоящій моментъ насталъ? Ты полагаешь, что мы рано выступили на борьбу съ правительствомъ, а мы вотъ противоположнаго мнѣнія!» Такъ моя записка и осталась безъ послѣдствій. Дѣла наши пошли своимъ чередомъ, какъ это я раньше предвидѣлъ. Наши товарищи-террористы, между тѣмъ, приготовили намъ новый сюрпризъ. Сюрпризъ этотъ явился со стороны редакціи «Листка Земли и Воли» *). Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ сюрпризѣ, намъ слѣдуетъ раньше познакомиться съ №№ 3-мъ и 4-мъ «Земли и Воли», вышедшими въ январѣ и февралѣ 1879 года.

Тогда дѣйствительное значеніе этого сюрприза предстанетъ предъ нами въ его настоящемъ неприкрашенномъ видѣ.

Въ руководящихъ статьяхъ 3 и 4 нумеровъ «Земли и Воли»— «Законъ экономическаго развитія общества и задачи соціализма въ Россіи»—авторъ ихъ, Плехановъ, послѣдовательно и стройно развиваетъ нашу революціонно-народническую программу, при чемъ послѣдняя въ № 4 эволюціонируетъ впередъ: выдвигается впервые рабочій вопросъ, какъ вопросъ самостоятельный. Въ № 3 Плехановъ пытается рѣшить старый, грозный, еще поставленный Герценомъ вопросъ: «должна ли Россія пройти всѣ фазы европейскаго развитія?», т. е. должна ли Россія пройти черезъ «школу» капитализма? Опираясь на авторитетъ Маркса и на анализъ происхожденія капиталистическаго строя на Западѣ, нашъ авторъ даетъ на это совершенно отрицательный отвѣтъ. Плехановъ доказываетъ, что «исторія вовсе не есть однообразный механическій процессъ», что «капитализмъ былъ необходимымъ предшественникомъ соціализма на Западѣ, гдѣ поземельная община разрушилась еще въ борьбѣ съ средне-вѣковымъ феодализмомъ»; что у насъ,— гдѣ «эта община составляетъ самую характерную черту въ отношеніяхъ нашего крестьянства къ землѣ»,—торжество соціализма можетъ быть достигнуто совсѣмъ другимъ путемъ; коллективное владѣніе землею можетъ послужить исходнымъ пунктомъ для организаціи всѣхъ сторонъ экономической жизни народа на соціалистическихъ началахъ.

«Поэтому,—заключаетъ авторъ,—главная задача наша заключается въ созданіи боевой народно-революціонной организаціи для осуществленія народно-революціоннаго переворота въ возможно болѣе близкомъ будущемъ».

Руководящая статья № 4 «Земли и Воли» была, очевидно, написана подъ императивнымъ впечатлѣніемъ тогдашняго рабочаго движенія въ Петербургѣ.

Работая среди фабричнаго и заводского населенія Петербурга, въ качествѣ пропагандиста и агитатора,—особенно во время стачечнаго движенія,—Плехановъ не могъ не прійти къ заключе-

*) Редакторомъ этого „Листка“ былъ тогда, если не ошибаюсь, Н. Морозовъ.

нію, что тотъ параграфъ нашей программы, который трактуетъ о дѣятельности въ средѣ рабочихъ, страдаетъ большими тактическими дефектами. Бесѣдуя съ товарищами по этому поводу, онъ не разъ указывалъ имъ на настоятельную необходимость радикальнаго измѣненія этого параграфа. Агитація должна имѣть конкретный характеръ: она должна опираться на неотложныя, насущныя требованія рабочихъ, какъ массы рабочихъ, и стать исходнымъ пунктомъ цѣлесообразной организаціонной дѣятельности въ ихъ средѣ. Предложеніе Плеханова встрѣтило горячее сочувствіе среди товарищей, и Совѣтъ предложилъ ему въ этомъ смыслѣ изложить свои соображенія въ руководящей статьѣ на страницахъ нашего органа. Такъ появилась на свѣтъ вторая руководящая статья Плеханова въ № 4 «Земли и Воли», исключительно посвященная рабочему вопросу, т. е. городскому рабочему. Приводимъ изъ этой статьи наиболѣе характерныя и существенныя мѣста.

«Вопросъ о городскомъ рабочемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются на подобающее мѣсто вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ революціонныхъ дѣятелей. Въ прошломъ, не безъ нѣкотораго основанія, мы обращали всѣ свои надежды, употребляли всѣ свои усилія—на деревенскую массу. Городской рабочій занималъ второстепенное мѣсто въ разсчетахъ революціонеровъ, ему посвящалась, можно сказать, только сверхштатная часть силъ. Въ городѣ пропаганда велась между дѣломъ, въ минуты, когда деревня почему-либо была недоступна для пропагандиста, и велась притомъ исключительно съ цѣлью выработать изъ городского рабочаго пропагандиста для деревни же. Такое отношеніе къ дѣлу, естественно, исключало возможность какъ настойчивой, систематической пропаганды, такъ и, въ особенности, организаціи городскихъ рабочихъ, и въ настоящее время даетъ себя чувствовать очень плачевными результатами».

...«Справедливъ-ли этотъ взглядъ? Дѣйствительно ли городской рабочій остается безъ крупной роли въ будущемъ соціальномъ переворотѣ? Намъ кажется, что это мнѣніе совершенно ошибочно. Наши крупные промышленные центры представляютъ намъ скопленія иногда даже сотенъ тысячъ рабочаго люда. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ—все это тѣ же крестьяне, что и въ деревнѣ. Фабрика для нихъ является только видомъ отхожаго промысла и, отвлекая ихъ отъ деревни, хотя бы на цѣлые годы, не уничтожаетъ, однако, ихъ деревенскихъ связей и симпатій. Вопросъ аграрный, вопросъ общинной самостоятельности, земля и воля, одинаково близки сердцу рабочаго, какъ и крестьянамъ. Словомъ, это не оторванная отъ крестьянства масса, а часть того же самаго крестьянства. Дѣло ихъ одно—одна у нихъ можетъ и должна быть борьба. А между тѣмъ въ городахъ собирается цвѣтъ деревенскаго населенія: болѣе молодые, болѣе предпріимчивые по своему подбору, они, сверхъ того, устранены въ городѣ отъ вліянія болѣе консервативныхъ и боязливыхъ членовъ крестьянской семьи; они, наконецъ, болѣе видѣли и слышали, болѣе широко наблюдали всѣ общественныя отношенія.

Не представляя западно-европейской оторванности отъ земледѣльческаго класса, наши городскіе рабочіе одинаково съ западными составляютъ самый подвижной, наиболѣе удобовоспламеняющійся, наиболѣе способный къ революціонизированію слой населенія. Благодаря этому, они явятся драгоцѣнными союзниками крестьянъ въ моментъ соціальнаго переворота. Тактическое же значеніе подобнаго союзника очевидно для каждаго. Какъ бы ни было единодушно возстаніе крестьянъ, оно, однако, рискуетъ быть подавленнымъ центральными силами государства, если только не будетъ поддержано возстаніемъ въ самомъ центрѣ, въ самомъ средоточіи правительственной власти. Городская революція должна и можетъ отвлечь силы правительства и дать крестьянскому возстанію время окрѣпнуть и развиться до степени непобѣдимости. Только при подобномъ условіи и мыслимъ успѣхъ соціальнаго переворота. Разойдясь по селамъ и деревнямъ средней части Россіи, изъ которой пополняется главнымъ образомъ ихъ контингентъ, городскіе рабочіе сыграютъ роль «воровскихъ прелестниковъ», оказавшихъ столько услугъ разинскому и пугачевскому движенію, они подготовятъ почву для приближающейся лавины революціоннаго движенія,—это вторая, не менѣе важная служба, которую можетъ сослужить городъ въ общемъ ходѣ революціонныхъ событій въ Россіи.

Но для исполненія подобной миссіи нужна именно масса городскихъ рабочихъ, нужно революціонизированіе всей массы и организація, вліяющая на всю массу*). Осуществить какъ то, такъ и другое возможно лишь путемъ агитаціонной дѣятельности. Первое едва-ли требуетъ особыхъ поясненій. Конкретный умъ рабочаго плохо поддается на отвлеченныя логическія соображенія; для него гораздо понятнѣе пропаганда фактами, тѣмъ болѣе, что эта пропаганда фактами по необходимости должна стать на почву обыденныхъ и осязательныхъ для него интересовъ».

...«Эта агитаціонная дѣятельность можетъ вестись ежедневно и ежечасно на самыхъ мелкихъ даже фактахъ жизни рабочаго, но особенный смыслъ и значеніе пріобрѣтаетъ она во время стачекъ». И дальше.

...«Организація русскаго рабочаго сословія, конечно, не можетъ брать себѣ за образецъ тѣхъ способовъ организацій, которые практикуются въ Западной Европѣ—то различіе обусловливается различіемъ политическихъ условій борьбы въ Россіи и на Западѣ. При массѣ опасностей, которымъ подвергается всякая тайная организація,—а революціонная организація и не можетъ быть другою у насъ,—при тѣхъ преслѣдованіяхъ, которыя грозятъ ея членамъ, выборъ личностей долженъ быть строгъ и осмотрителенъ».

Въ заключеніе своей статьи авторъ указываетъ на союзы англійскихъ рабочихъ до 1824 года, отличительной чертой которыхъ были «страшная тайна и величайшее насиліе въ средствахъ».

.....«И ни одинъ мыслящій человѣкъ не упрекнетъ рабочую организацію,—заканчиваетъ Плехановъ свою статью,—за неразбор-

*) Курсивъ вездѣ автора статьи, Плеханова.

чивость въ средствахъ, когда она увидитъ себя вынужденною на насиліе отвѣчать насиліемъ, когда на терроръ правительства, закрѣпощающаго рабочаго фабриканту, карающаго, какъ уголовное преступленіе, всякую попытку рабочихъ къ улучшенію своего положенія, правительства, не останавливающагося предъ поголовною экзекуціей дѣтей, принимающихъ участіе въ стачкѣ,—когда на бѣлый терроръ такого правительства она отвѣтитъ, наконецъ, краснымъ......»*)

Такъ говорилъ нашъ центральный органъ еще въ началѣ рокового 1879 года. Смыслъ этихъ рѣчей ясенъ: мы, попрежнему, остаемся по духу вѣрными нашей революціонно-народнической программѣ. Она не только находитъ свое оправданіе въ нашемъ историческомъ прошломъ и въ реальныхъ условіяхъ современной намъ дѣйствительности, но ее санкціонируетъ также и верховный авторитетъ научнаго соціализма. Законъ смѣны экономическихъ фазисовъ—законъ Маркса—при правильномъ его истолкованіи приводитъ, вопреки ходячему и некритическому мнѣнію, къ заключенію, что «покуда общество не нападало еще на слѣдъ этого закона, обусловленная этимъ послѣднимъ смѣна экономическихъ фазисовъ для него не обязательна».

......«Поэтому, пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можемъ считать наше отечество ступившимъ на путь того закона, по которому капиталистическая продукція была бы необходимою станціею на пути его прогресса».

.........«Самъ принципъ общественнаго землевладѣнія не носитъ въ себѣ того неизгладимаго противорѣчія, какимъ страдаетъ, положимъ, индивидуализмъ, поэтому онъ не носитъ въ себѣ самомъ элементовъ своей гибели. Поэтому соціалистическую агитацію въ Россіи мы не можемъ считать преждевременной. Напротивъ, мы думаемъ, что теперь она своевременнѣе, чѣмъ когда-либо, только ея исходныя точки и практическія задачи не тѣ, что на Западѣ».

......«Задачи соціально-революціонной партіи не могутъ быть тождественны въ двухъ обществахъ, экономическая исторія, современныя формы общественныхъ отношеній которыхъ представляютъ рѣзкую разницу. Если мы не хотимъ вернуться къ метафизическому соціализму 30-хъ годовъ, мы должны признать, что максимумъ необходимымъ и возможныхъ соціальныхъ реформъ опредѣляется формою землевладѣнія и техникою земледѣлія, если рѣчь идетъ о странѣ земледѣльческой,—формами и техникой промышленности, если говоримъ о странѣ, въ которой преобладаетъ обрабатывающая и добывающая промышленность».

Та же землевольская (народническая) точка зрѣнія переносится цѣликомъ и въ программу дѣятельности среди рабочихъ, со включеніемъ въ нее, въ эту дѣятельность, нѣкоторыхъ спеціальныхъ, вытекающихъ изъ соціальныхъ особенностей рабочей среды, пріемовъ и методовъ борьбы.

При этомъ нельзя не отмѣтить по пути одной весьма характерной черты въ программѣ этой борьбы: это—терроръ, эконо-

*) Курсивъ нашъ. О. А.

мическій городской терроръ, впервые выдвинутый Плехановымъ, какъ возможный и неизбѣжный въ ближайшемъ будущемъ пріемъ борьбы городского рабочаго за свою экономическую самостоятельность.

Понятно теперь, почему вышеупомянутый мною сюрпризъ, преподнесенный намъ редакціею «Листка Земли и Воли», такъ переполошилъ насъ всѣхъ, землевольцевъ и народниковъ. Я говорю о руководящей статьѣ №№-овъ 2 и 3 «Листка», въ которой поистинѣ высказывалась черная ересь. Руководящая статья этихъ двухъ номеровъ посвящена факту покушенія на жизнь Дрентельна и помѣчена 14 марта, т.-е. появилась на другой день покушенія. Эта статья характерна во многихъ отношеніяхъ, но прежде всего рисуетъ наглядно настроеніе большинства землевольской редакціи и нашего «центра». Прежній, спокойный, проникнутый благороднымъ величіемъ тонъ нашихъ прокламацій и публичныхъ объясненій по поводу политическихъ убійствъ (Смотри, напр., прокламацію Кравчинскаго «Смерть за смерть» по поводу убійства Мезенцева и прокламаціи Плеханова и Адріана Михайлова—по поводу оправданія В. И. Засуличъ) замѣненъ теперь крикливо-вызывающимъ, полнымъ всяческихъ заклинаній тономъ. Прочтите хоть слѣдующія, взятыя наугадъ строки:—«Политическое убійство—это осуществленіе революціи въ настоящемъ*). «Невѣдомая никому» подпольная сила *вызываетъ на судъ высокопоставленныхъ* преступниковъ, постановляетъ имъ смертные приговоры—и сильные міра сего чувствуютъ, что почва теряется подъ ними, что они съ высоты своего могущества валятся въ какую-то мрачную невѣдомую пропасть». И дальше.

......«Политическое убійство—это самое страшное оружіе для нашихъ враговъ, оружіе, противъ котораго не помогаютъ имъ ни грозныя арміи ни легіоны шпіоновъ. Вотъ почему враги боятся его.

Вотъ почему 3-4 удачныхъ политическихъ убійства заставили наше правительство вводить военные законы, увеличивать жандармскіе дивизіоны, разставлять казаковъ по улицамъ, назначать урядниковъ по деревнямъ—однимъ словомъ, выкидывать такіе salto mortale самодержавія, къ какимъ не принудили его ни годы пропаганды, ни вѣка недовольства во всей Россіи, ни волненія молодежи, ни проклятія тысячъ жертвъ, замученныхъ имъ на каторгѣ и въ ссылкѣ...... Вотъ почему мы признаемъ политическое убійство за одно изъ главныхъ средствъ борьбы съ деспотизмомъ»**).

На насъ, «деревенщиковъ», эта статья произвела прямо-таки удручающее впечатлѣніе. Да не только на насъ. Я тогда сталъ завязывать сношенія съ молодежью, а черезъ Плеханова—и съ городскими рабочими. Я могу сказать, положа руку на сердце, что та именно часть молодежи и рабочихъ, которая въ то время была занята творческой, организаціонной дѣятельностью—«Землячество» и «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ»—была положительно про-

*) Курсивъ мой. О. А.
**) Курсивъ вездѣ нашъ. О. А.

тивъ такихъ политическихъ экспериментовъ нашихъ товарищей—террористовъ. Дѣло въ томъ, что *каждый такой дезорганизаторскій* фактъ обыкновенно *завершался* *отвѣтнымъ правительственнымъ* разгромомъ *большей или меньшей силы, со всѣми вытекающими* изъ него для молодежи и рабочихъ роковыми послѣдствіями.

Мы послѣ такого разгрома все болѣе и болѣе теряли свои лучшія силы, и близился ужъ роковой день съ его отчаяннымъ крикомъ: «Варъ, отдай мои легіоны!»

Но все это были только цвѣточки, а ягодки ожидали насъ еще впереди. Наши товарищи-террористы готовились къ Пасхѣ 1879 года преподнести намъ «Христово яичко»—и готовились весьма политично. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ Петербургъ въ то время прибыли Александръ Соловьевъ, Гольденбергъ и Кобылянскій. Они завязывали конспиративныя сношенія съ нашими террористами—Зунделевичемъ, Александромъ Михайловымъ и Квятковскимъ. Совѣщанія ихъ касались весьма крупнаго вопроса — цареубійства, которое задумалъ совершить Александръ Соловьевъ. Онъ съ этою именно цѣлью и пріѣхалъ въ Питеръ. На совѣщаніи Соловьевъ отвоевалъ это право себѣ, какъ онъ объ этомъ и мечталъ. Дѣло, такимъ образомъ, было рѣшено, но Соловьеву хотѣлось заручиться санкціей общества «Земля и Воля» и онъ попросилъ нашихъ товарищей передать это дѣло на обсужденіе нашего Совѣта. Засѣданіе Совѣта было назначено на Великій четвергъ Страстной недѣли 1879 года. Привожу описаніе этого знаменательнаго засѣданія, какъ оно записано было мною еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ въ 1883-84 годахъ въ Якутской области.

«Засѣданіе имѣло быть весьма бурнымъ, и я опасался, чтобы оно не окончилось разрывомъ. Предметъ обсужденія—цареубійство. Администрація внесла это предложеніе въ Совѣтъ и желала выслушать его мнѣніе на этотъ счетъ. Мнѣнія, какъ и слѣдовало ожидать, рѣзко раздѣлились. «Деревенщина» была противъ, а администрація и другіе члены были за предложеніе. Я не припомню такого бурнаго засѣданія, какъ это. «Деревенщина» пересыпала свои возраженія массою сарказма и шпилекъ. Террористы держались очень сдержанно, хотя, очевидно, были сильно возбуждены. Я, конечно, былъ въ числѣ противниковъ цареубійства. Я, помнится, не вдавался ни въ какія теоретическія по этому поводу соображенія, а стоялъ лишь на практической почвѣ. Я доказывалъ, что тѣмъ способомъ, какимъ имѣется въ виду осуществить цареубійство, девяносто девять противъ одного говоритъ за полную неудачу попытки. Но покушеніе, тѣмъ не менѣе, окажетъ свое дѣйствіе: за нимъ послѣдуетъ военное положеніе, т. е. такое положеніе вещей, изъ котораго *единственнымъ* выходомъ можетъ быть вторичное, третичное—цѣлый рядъ покушеній на цареубійство, иниціативу и исполненіе которыхъ *должна* будетъ ужъ обязательно взять на себя сама *партія*, на собственный страхъ и рискъ. А потому,—заключилъ я,—не слѣдуетъ совсѣмъ начинать такое дѣло, исходъ котораго мало что сомнителенъ, но обѣщаетъ еще массу замѣшательствъ.

Замѣчательно, что противъ второго моего положенія возражали сторонники цареубійства, тѣ, которымъ, какъ я теперь въ этомъ убѣжденъ, именно этого и хотѣлось; на самомъ дѣлѣ все уже было предусмотрѣно и рѣшено.

Обратились же они къ Совѣту главнымъ образомъ по настоянію Соловьева, которому сильно хотѣлось для дѣла своего заручиться санкціей землевольцевъ. Это, во-первыхъ. А, во-вторыхъ,— администрація и остальные наши террористы, очевидно, имѣли въ виду этимъ обращеніемъ основательнѣе позондировать «деревенщину» и окончательно убѣдиться въ томъ, насколько они могутъ разсчитывать на нее въ смыслѣ содѣйстыя ихъ планамъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи цѣль администраціи была вполнѣ достигнута. Въ Совѣтѣ ясно обозначались два полярно-противоположныя теченія, которыя если не привели тогда къ расколу общества, то, благодаря тому, что въ Совѣтѣ не было и трети всѣхъ членовъ общества. Относительно же предполагаемаго покушенія «деревенщина» (большинство Совѣта) потребовала, чтобы администрація передала Соловьеву несочувствіе его предпріятію.

Засѣданіе Совѣта окончилось постановленіемъ, чтобы, въ виду ожидаемой травли, большая часть нелегальныхъ землевольцевъ, за исключеніемъ администраціи и тѣхъ лицъ, присутствіе которыхъ безусловно необходимо въ Петербургѣ, оставила городъ. Такъ какъ оставить городъ долженъ былъ также и одинъ изъ редакторовъ «Земли и Воли» (то былъ Плехановъ. О. А.), то «деревенщина» возложила на меня обязанность отсутствовавшаго редактора, причемъ строго-на-строго наказала мнѣ не пропускать ни одной строчки, въ которой оказался бы хоть малѣйшій намекъ на политику.

Такимъ образомъ, я не только попалъ въ редакторы, но и въ цензоры. Я согласился, во-первыхъ, потому, что мнѣ хотѣлось, чтобы скорѣй улеглись страсти, а, во-вторыхъ,—посмотрѣть, что изъ всего этого выйдетъ. Опытъ Соловьева, при тогдашнихъ условіяхъ, былъ во всякомъ разѣ не лишенъ интереса»*). Товарищи

*) Мое описаніе засѣданія этого Совѣта, написанное еще двадцать три года тому назадъ, почти тождественно съ такимъ же описаніемъ глубокоуважаемаго и дорогого моего товарища по „Землѣ и Волѣ", М. Р. Попова, въ журналѣ „Былое" № 8, 1906 г. Однако, я долженъ внести небольшую поправку. Михаилъ Родіоновичъ въ пылу спора сказалъ почти буквально вотъ что: „Господа, если среди насъ возможны Каракозовы, то поручитесь ли вы, что завтра изъ нашей же среды не явится такой, который во-время предупредитъ намѣченную жертву, чтобы такимъ образомъ избавить ее отъ рокового несчастія?" Съ Комисаровымъ, о которомъ въ названной статьѣ говоритъ Михаилъ Родіоновичъ, ничего сходнаго нѣтъ. Это, во-первыхъ. А, во-вторыхъ, — напрасно М. Р. Поповъ подчеркиваетъ, что о „раздѣлѣ и рѣчи въ то время не заходило". Въ моихъ „воспоминаніяхъ" я объ этомъ и самъ ничего не говорю, я лишь отмѣтилъ: „я опасался, чтобы оно (засѣданіе) не кончилось разрывомъ". Не спорю, „конфликты чаще случались между редакторами „Земли и Воли"", но конфликтъ конфликту рознь. На этомъ совѣщаніи подымался впервые вопросъ кардинальной—не только тактической, но и принципіальной—важности, и въ своихъ возраженіяхъ я и указывалъ на то, что мы легко можемъ совсѣмъ сойти съ рельсовъ.

М. Р. Поповъ въ своей передачѣ слишкомъ смягчаетъ возникавшія уже тогда между нами коренныя разногласія. А между тѣмъ это историческое засѣданіе было чревато важными и роковыми для насъ послѣд-

разъѣхались. Я за это время,—замѣчу въ скобкахъ,—ближе сошелся съ тѣми изъ нашихъ товарищей, которыхъ раньше мало зналъ, а въ томъ числѣ съ Тихоміровымъ, который тогда каждый почти день бывалъ у меня на Гончарной. Наши бесѣды были продолжительны и не только касались текущихъ вопросовъ, но и многихъ жгучихъ проблемъ теоріи. Онъ очень критически относился къ извѣстному труду Костомарова «Сѣверно-русскія народоправства» и горячо доказывалъ, что мы совершенно напрасно увлекаемся этимъ прославленнымъ «федеративнымъ» строемъ. Въ этомъ-де строѣ ничего жизненнаго, творческаго не было: дѣла вершали больше «худые мужики», нерѣдко «голытьба»,—элементъ совершенно противогосударственный и противообщественный. Тихоміровъ болѣе чѣмъ скептически относился къ нашей работѣ въ деревнѣ. Я любилъ эти бесѣды и съ каждымъ днемъ я все болѣе—скажу прямо—привязывался къ Тихомірову или, какъ мы тогда его называли, къ «Тигричу». Онъ меня покорилъ своей, казалось мнѣ, глубокой цѣльной преданностью революціонному дѣлу. Онъ,—казалось мнѣ,—жилъ только для революціи: туда ушли всѣ его помыслы, желанія и воля.

Тихоміровъ, помнится, тогда уже сталъ требовать, чтобы я остался въ Петербургѣ и пристроился, между прочимъ, къ редакціи.

Выстрѣлъ Соловьева раздался 2-го апрѣля 1879 года.

Правительство, какъ можно было ожидать, отвѣтило на него цѣлымъ рядомъ драконовскихъ законовъ.

Введено было военное положеніе въ Петербургской, Московской, Харьковской, Кіевской и другихъ губерніяхъ, а равно въ Одессѣ и Ростовѣ на Дону. А обычный правительственный механизмъ—III-е отдѣленіе—дѣлалъ свое дѣло. Массовые аресты, ссылки и разгромы достигли крайней своей степени. Государь въ своемъ отвѣтѣ петербургской думѣ сказалъ:—„Благодарю васъ, господа, за чувства, выраженныя за васъ вашимъ головою. Я въ нихъ никогда не сомнѣвался. Обращаюсь къ вамъ, господа: многіе изъ васъ домовладѣльцы. Нужно, чтобы домовладѣльцы смотрѣли за своими дворниками и жильцами. Вы обязаны помогать полиціи и не держать подозрительныхъ лицъ. Нельзя относиться къ этому спустя рукава. Посмотрите, что у насъ дѣлается. Скоро честному человѣку нельзя будетъ показаться на улицѣ. Посмотрите, сколько убійствъ. Хорошо меня богъ спасъ. Но бѣднаго Мезенцева они отправили на тотъ свѣтъ. Въ Дрентельна тоже стрѣляли. Такъ я надѣюсь на васъ. Ваша помощь нужна. Это ваша обязанность».

День 2-го апрѣля врѣзался глубоко въ моей памяти, и я разскажу, что представлялъ собою Петербургъ въ этотъ день.

Въ этотъ день я и Мощенко находились на Невскомъ. Мы видѣли, какъ Александръ II вернулся изъ Казанскаго собора. Царь сидѣлъ въ своей коляскѣ, закутанный въ своей шинели. Во время его проѣзда раздалось жиденькое «ура»—и замерло. Я съ Мощен-

---

ствіями. Оно было для насъ тѣмъ, что наталоги называютъ signum maligne,—зловѣщимъ признакомъ надвигающагося на насъ полнаго крушенія.

ко весь этотъ день до поздней ночи ходили по Петербургу, побывали во многихъ трактирахъ, ресторанахъ и—о, чудо!—нигдѣ ни слова о покушенiи на царя.

Наученный горькимъ опытомъ, Петербургъ просто замолчалъ это крупное событiе. Не молчалъ только Дрентельнъ: онъ за это время вполнѣ развернулся. Третье отдѣленiе заработало. За одну Святую недѣлю произведено сотни арестовъ и высылокъ изъ столицы. Нѣкоторыя организацiи страшно разгромлены. «Сѣверно-русскiй рабочiй Союзъ», едва только ставшiй на ноги, разбитъ; наша рабочая конспиративная квартира захвачена, хозяинъ ея арестованъ, хозяйка, Якимова («Баско» тожъ), едва спаслась. Я самъ чуть ли не чудомъ спасся: ужъ подходилъ было къ квартирѣ, какъ на лету схваченный мною подозрительный взглядъ дворника обратилъ меня вспять. Такъ я и двухъ мѣсяцевъ не поработалъ съ рабочими. Сильно также пострадали и студенческiя организацiи—«Землячества». Вообще Петербургъ имѣлъ какой-то растерянный видъ. Но мои товарищи-террористы высоко держали голову. Въ № 5 «Земли и Воли»—онъ же былъ и послѣднимъ—въ статьѣ «Отголоски 2-го апрѣля» о покушенiи на жизнь царя говорится уже въ такомъ тонѣ, который не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнiя въ томъ, что партiя (въ статьѣ говорилось отъ имени партiи) отнынѣ выступитъ рѣшительно на борьбу съ правительствомъ.—«Правительство,—говорится въ этой статьѣ,—объявляетъ себя въ опасности, объявляетъ открытую войну уже не однимъ революцiонерамъ, а всей Россiи. Пусть будетъ такъ. Мы не знаемъ пока, хватитъ ли у правительства силъ для этого, чтобы сдѣлать изъ этого военнаго положенiя не смѣшной фарсъ, а нѣчто дѣйствительно ужасное. Но это все равно.

Будутъ ли растрѣляны десятки или сотни, будутъ ли высланы тысячи или десятки тысячъ—не спасти себя правительству подобными мѣрами. Беззаконiе, безправiе, деспотизмъ, насилiе, попиранiе личности и всей страны—губили правительство до сихъ поръ: они создали у насъ революцiонную партiю, они дали ей рѣшимость биться на смерть съ правительствомъ, они доставили партiи сочувствiе всѣхъ порядочныхъ людей. Доводя свои основные принципы до самаго безразсуднаго абсурда, правительство даетъ революцiонной партiи только новыя средства.

Мы знаемъ—много отдѣльныхъ личностей изъ нашей среды погибнетъ, но гибель единицъ не страшна для партiи, когда весь ходъ исторiи ведетъ къ революцiи, когда само правительство беретъ на себя трудъ уяснить Россiи до очевидности, что такое наше современное государство. *Мы принимаемъ брошенную намъ перчатку, мы не боимся борьбы, и въ концѣ концовъ взорвемъ правительство, сколько бы ни погибло съ нашей стороны*»*).

Вотъ какимъ языкомъ заговорилъ нашъ центральный органъ по поводу событiя 2 апрѣля! Надо быть глухимъ, чтобы не слышать въ этомъ тонѣ *рѣзкихъ политическихъ нотъ*! Я указалъ на это редакцiи. Мнѣ спокойно возразили, что я читаю между

*) Курсивъ нашъ. О. А.

строкъ, и обратили мое вниманіе на передовую статью этого же номера, которая говорила о дѣятельности въ крестьянствѣ. Это—такъ. Но получилось что-то совершенно недопустимое: въ «передовицѣ» говорится одно, а въ «хроникѣ»—другое, совершенно противоположное; передовица защищаетъ «деревенщину», хотя, какъ увидимъ ниже, въ спеціальной формѣ, хроника же выдвигаетъ на первый планъ политику, личную или групповую борьбу, революцію сверху («и въ концѣ концовъ взорвемъ правительство»). Передовая статья, о которой сейчасъ рѣчь идетъ, любопытна во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего появленіе ея было внѣ очереди. Дѣло вотъ въ чемъ. Насколько припоминаю, на одномъ изъ редакціонныхъ совѣщаній было рѣшено продолжать дальнѣйшее теоретическое развитіе нашей программы, со всѣми необходимыми дополненіями, уже внесенными въ нее практикой. Статью долженъ былъ написать Плехановъ. Статья должна была быть посвящена расколу, его историческому значенію и той роли, которую ему предстоитъ сыграть въ ближайшемъ революціонномъ будущемъ русскаго народа. Разумѣется, расколъ долженъ разсматриваться съ строго народнической точки зрѣнія, черезъ призму знатока и авторитета по расколу, покойнаго А. П. Щапова. Плехановъ написалъ эту статью для № 5 «Земли и Воли» и представилъ ее въ редакцію. Она была одобрена.

Къ слову скажу, особенно сочувственно къ ней отнесся нашъ «Дворникъ»—Михайловъ. Но потомъ, послѣ отъѣзда уже Плеханова, было рѣшено, что Тихоміровъ напишетъ, вмѣсто статьи Плеханова, другую. Въ статьѣ Плеханова, очевидно, было слишкомъ много народничества.

Такъ и появилась въ № 5 «Земли и Воли» вышеупомянутая мною статья Тихоміpова. Статья эта, проповѣдывавшая о дѣятельности въ крестьянствѣ, говорила главнымъ образомъ объ аграрномъ террорѣ. Такимъ образомъ, аграрный терроръ явился тѣмъ необходимымъ звеномъ, при помощи котораго замкнулась цѣпь нашей революціонно-народнической тактики: терроръ въ городѣ, терроръ и въ деревнѣ.

Такъ террористическое настроеніе овладѣло всецѣло редакціей «Земли и Воли» и другими землевольцами, потому-то и статья Плеханова не оказалась ко двору.

«Еще одно послѣднее сказанье»—и конецъ моимъ воспоминаніямъ. Наступалъ конецъ апрѣля. Оставаться въ Петербургѣ было тяжело. Повсюду заработали военные суды: казни, казни и опять казни! 20 апрѣля повѣшенъ за вооруженное сопротивленіе подпоручикъ Владиміръ Дубровинъ; 14 мая въ Кіевѣ устраивается на «законномъ основаніи» бойня: повѣшены Валеріанъ Осинскій, Брантнеръ и Антоновъ (Сидоренко); 28 мая въ Петербургѣ казненъ покушавшійся на цареубійство Соловьевъ; 18 іюля казнены въ Кіевѣ Федоровъ (Гобстъ) и Бильчанскій; 10 августа въ Одессѣ казнены Лизогубъ, Чубаровъ и Давиденко; въ Николаевѣ того же числа—Виттенбергъ и Логовенко.

Таковъ революціонный мартирологъ за лѣто 1879 года.

«Вихрь злобы и бѣшенства носится надъ тобою, страна безотвѣтная!..» Страна молчала. Только двѣ враждебныя силы выступили другъ противъ друга, борясь на жизнь и на смерть,—правительство и революціонная интиллигенція.

И чѣмъ энергичнѣе работаетъ царскій палачъ, тѣмъ упорнѣе и ожесточеннѣе становятся нападенія революціонеровъ. Все поставлено на карту. Всѣ помыслы сосредоточены на одномъ, вся революціонная страсть и воля направлены теперь на одно лицо, какъ на фокусъ, куда должны собраться всѣ революціонныя силы террора. Этотъ фокусъ—глава государства. Въ № 4 «Листка Земли и Воли» редакція, говоря отъ имени партіи, прямо заявляетъ:

«Да, пока живемъ при современныхъ условіяхъ— царь не можетъ быть неотвѣтственнымъ за все, что дѣлается въ Россіи, и немудрено, если въ народѣ являются мужественные и самоотверженные люди, рѣшающіеся цѣною своей гибели протестовать противъ того, кто олицетворяетъ собою реакцію и задушеніе всякой свободной и честной дѣятельности». И жребій брошенъ.

Террористическая дѣятельность становится отнынѣ верховнымъ принципомъ революціонной тактики вообще, а цареубійство —лозунгомъ. Все это пока не обосновывается теоретически, не возводится, какъ теперь говорятъ, въ идеологію, но практически система борьбы уже восторжествовала: терроръ задаетъ всему тонъ. Въ теоріи всѣ террористы— еще народники, а на практикѣ расчленеіе уже выступило очень выпукло. Да и въ центральномъ органѣ «Земля и Воля», какъ мы уже видѣли, противорѣчія между теоріей и практикой давали себя уже живо чувствовать. Начался разбродъ мнѣній и силъ.

Между тѣмъ время настало до того горячее, что въ такой моментъ итти врозь казалось совершенно безуміемъ. Мысль о томъ что необходимо спѣться, сговориться, все болѣе и болѣе овладѣвала землевольцами. И яркимъ выразителемъ этой назрѣвшей потребности явился М. Р. Поповъ. Онъ списался съ «центромъ» и одновременно предпринялъ окружное путешествіе по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ «жили-были» землевольцы.

Въ пользу съѣзда высказались всѣ землевольцы.

Въ Тамбовѣ уже собрались многіе, особенно тѣ, которые жили въ этой губерніи. Тамъ уже въ то время—въ началѣ іюля—находился самъ М. Р. Поповъ, «Титычъ», Мощенко, В. Н. Фигнеръ, «Егорычъ» («Юла» тожъ), Юрій Богдановичъ и пишущій эти строки. Съѣздъ былъ первоначально намѣченъ здѣсь, въ Тамбовѣ, но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, о которыхъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ «Быломъ» говоритъ М. Р. Поповъ, его (съѣздъ) пришлось перенести въ Воронежъ, куда должны были собраться всѣ къ 20 іюля, если не ошибаюсь.

Землевольцы отали съѣзжаться понемногу.

Въ виду громаднаго значенія конгресса собравшіеся раньше землевольцы рѣшили устроить нѣсколько предварительныхъ частныхъ совѣщаній. Это была благоразумная мѣра. Необходимо было прежде всего спѣться въ главномъ, чтобы облегчить, такимъ образомъ, работы конгресса. Такихъ частныхъ совѣщаній было 5 или 6.

На этихъ засѣданіяхъ были отмѣчены и поставлены тѣ вопросы, которые подлежали обсужденію и окончательному рѣшенію конгресса. Съ особенной тщательностью разсматривался и обсуждался, пунктъ за пунктомъ, главный предметъ обсужденія— программа. Намѣчены необходимыя измѣненія и дополненія. Въ связи съ программой былъ, конечно, жгучій вопросъ того времени— терроръ вообще ицареубійство въ частности. Несмотря на жаръ, съ которымъ обсуждался этотъ вопросъ на предварительныхъ совѣщаніяхъ, общее настроеніе было таково, что можно было навѣрное разсчитывать, если не на полное, то во всякомъ разѣ на такое соглашеніе, которое было бы вполнѣ достаточно для сохранія цѣлости Общества. Наконецъ, всѣ члены собрались, и конгрессъ открылъ свои засѣданія.

На конгрессѣ участвовали слѣдующіе землевольцы:

Александръ Михайловъ, Александръ Квятковскій, Плехановъ, Тихомировъ, Морозовъ, В. Н. Фигнеръ, С. Перовская, М. Ошанина, «Титычъ», М. Р. Поповъ, «Сергѣй Андреевъ», «Егорычъ», «Ко—кевичъ», М. Фроленко ипишущій эти строки.

Нѣкоторые изъ товарищей, не дождавшись съѣзда, разъѣхались въ свои деревни (Мощенко и Хотинскій), другіе же, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не успѣли прибыть (Преображенскій и Прѣсняковъ).

Во время засѣданій конгресса были вновь приняты въ общество «Земля и Воля» слѣдующія лица: Желябовъ, Ширяевъ, Колоткевичъ и Сергѣева.

Всѣхъ засѣданій конгресса было 8—10, по два засѣданія въ день. Засѣданія происходили на открытомъ воздухѣ, то въ одномъ изъ самыхъ уединенныхъ и живописныхъ уголковъ Ботаническаго сада, то въ архіерейской рощѣ, то на лодкахъ на рѣкѣ Воронежѣ. Чаще всего,если не ошибаюсь, мы собиралисьвъ Ботаническомъ саду.

Недалеко отъ лужайки въ Ботаническомъ саду, на которой мы засѣдали, расположены были нѣсколько столѣтнихъ дубовъ, укрывавшихъ насъ отъ посторонняго взгляда. Александръ Квятковскій вырѣзалъ на одномъ изъ гигантовъ-дубовъ слѣдующія слова: «здѣсь засѣдалъ конгрессъ землевольцевъ», далѣе слѣдуютъ: мѣсяцъ, число и годъ. Этотъ дубъ, вѣроятно, и теперь находится тамъ, какъ нѣмой свидѣтель одного изъ самыхъ драматическихъ моментовъ въ жизни землевольцевъ. На этой исторической полянѣ много было передумано гордыхъ думъ, много пережито и выстрадано....

На этой именно полянѣ Морозовъ, если не ошибаюсь, прочелъ полученное нами изъ Кіева письмо-завѣщаніе нашего милаго, дорогого Валеріана Осинскаго.

Привожу это письмо въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ «Листкѣ Земли и Воли» (№ 6), съ кое-какими личнаго свойства выпусками.

«Дорогіе друзья и товарищи!

Послѣдній разъ въ жизни приходится писать вамъ, и прежде всего самымъ задушевнымъ образомъ обнимаю васъ и прошу не поминать меня лихомъ.

Мнѣ же лично приходится уносить въ могилу лишь самыя дорогія воспоминанія о васъ.

.....Мы ничуть не жалѣемъ о томъ, что приходится умирать, вѣдь мы же умираемъ за идею, и если желѣемъ, то единственно о томъ, что пришлось погибнуть почти *только**) для позора умирающаго монархизма, а не ради чего-либо лучшаго, и что предъ смертью не сдѣлали того, чего хотѣли. Желаю вамъ, дорогіе, умереть производительнѣе насъ. Это единственное, самое лучшее пожеланіе, которое мы можемъ вамъ сдѣлать. Да еще: не тратьте даромъ вашей *дорогой* крови! и то все берутъ и берутъ....

....Мы не сомнѣваемся въ томъ, что ваша дѣятельность *теперь* будетъ направлена въ *одну* сторону. Если бы даже вы и не написали объ этомъ, то мы и сами могли бы это вывести. Ни за что болѣе, по нашему, партія физически не можетъ взяться. Но для того, чтобы серьезно повести дѣло террора, вамъ необходимы люди и средства.

Больше, кажется, нечего писать о дѣлахъ. Такъ и рвешься броситься въ теорію—да руки коротки......и торопишься, и все такое прочее. Дай же вамъ богъ, братья, всякаго успѣха! Это единственное наше желаніе предъ смертью! А что вы умрете и, быть можетъ, очень скоро, и умрете съ неменьшей беззавѣтностью, чѣмъ мы—въ этомъ мы ничуть не сомнѣваемся. Наше дѣло не *можетъ* никогда погибнуть— эта-то увѣренность и заставляетъ насъ съ такимъ презрѣніемъ относиться къ вопросу о смерти. Лишь бы жили вы, а если ужъ придется вамъ умирать, то умерли производительнѣе насъ. Прощайте и прощайте!.....

Поцѣлуйте отъ меня всѣхъ моихъ товарищей и знакомыхъ, здѣшнихъ и заграничныхъ, кто только не забылъ меня.

Многіе имѣли противъ меня (хотя въ большинствѣ въ силу недоразумѣнія) кое-что; пусть хоть позабудутъ старые счеты. Я же ни къ кому не уношу въ могилу вражды.

Ты просилъ, В., нашихъ біографій. Зачѣмъ, братъ!

Если понадобится, то ихъ могутъ и безъ насъ составить.

А вообще пусть забываютъ насъ, лишь бы самое дѣло не заглохло. Прощайте же, друзья-товарищи дорогіе не поминайте лихомъ. Крѣпко, крѣпко отъ всей души обнимаю васъ и жму до боли ваши руки въ послѣдній разъ.....

14 апрѣля 1879 г. Вашъ Валеріанъ.

Мою сестренку сейчасъ по выходѣ ея изъ тюрьмы со свиданія арестовали и выслали».

Одновременно съ этимъ мы получили роковое извѣстіе изъ Одессы: надъ другимъ нашимъ дорогимъ товарищемъ, Дмитріемъ Лизогубомъ, тоже уже нависла рука палача. Все это внесло въ настроеніе многихъ членовъ съѣзда то чувство глубокой скорби, гнѣва и ненависти, которое хорошо знаетъ тотъ, кто хоть разъ испыталъ гибель дорогихъ товарищей... И я глубоко убѣжденъ въ томъ, что это именно чувство сыграло не послѣднюю роль въ окончательныхъ рѣшеніяхъ вопросовъ о террорѣ. О чемъ сейчасъ.

---

*) Курсивъ Осинскаго вездѣ.

Прежде, чѣмъ открыть конгрессъ, приступили къ выбору президента, который руководилъ бы преніями и формулировалъ постановленія конгресса.

Единогласно выбранъ «деревенщикъ» «Титычъ».

Первымъ очереднымъ вопросомъ была, само собою, программа, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Основныя положенія землевольской программы остались неизмѣнными. Центръ тяжести революціонной дѣятельности долженъ, по-прежнему, обязательно лежать въ народѣ (въ деревнѣ). Экономическая революція—цѣль этой дѣятельности. Въ пунктѣ, трактующемъ объ агитаціи въ деревнѣ, сдѣлано весьма важное, въ практическомъ смыслѣ, дополненіе: признается необходимымъ и своевременнымъ организовать въ деревнѣ систему террора, подобную ирландскому раббонизму. Пунктъ этотъ характеренъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ,—онъ рисуетъ общее настроеніе того времени: террористическая окраска составляетъ основной тонъ его, такъ что даже «деревенщина» и та не могла освободиться отъ этого. А, во-вторыхъ,—онъ ясно указываетъ, какіе успѣхи «деревенщина» сдѣлала въ смыслѣ изученія и ознакомленія съ условіями деревенской революціонной дѣятельности.

Мы думали тогда, что аграрному террору, какъ особой формѣ агитаціи, съ цѣлью революціонной организаціи въ деревнѣ, принадлежитъ въ ближайшемъ будущемъ блестящая роль. Современныя экономическія условія,—разсуждали мы,—все болѣе и болѣе усложняющіяся, будутъ императивно гнать народъ на этотъ путь. И плоха будетъ, — полагали мы тогда, — та революціонная партія, которая не сумѣетъ воспользоваться уже готовыми, самимъ народомъ созданными фактами. Заслуга «деревенщины» состояла именно въ томъ, что она предвидѣла возможность зарожденія аграрнаго террора, а потому она и требовала, чтобы починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ ей, революціонной интеллигенціи. Пунктъ этотъ былъ принятъ единогласно, и даже сторонники политическаго («городского») террора весьма сочувственно отнеслись къ постановленію конгресса—предоставить въ распоряженіе «деревенщины» необходимыя средства и людей, способныхъ и готовыхъ заняться этимъ дѣломъ въ деревнѣ.

Второе предложеніе, стоявшее на очереди, былъ политическій терроръ—это яблоко раздора между землевольцами. Предложеніе это дебатировалось такъ страстно и бурно, что президенту съ большимъ трудомъ удалось водворить порядокъ въ преніяхъ и формулировать въ окончательномъ видѣ преобладающее мнѣніе конгресса на этотъ счетъ.

Особенно рѣзкимъ, энергичнымъ и непримиримо-послѣдовательнымъ противникомъ террора или дезорганизаціи, какъ тогда еще выражались, былъ Плехановъ.

— Чего добиваетесь вы,—обратился онъ прямо съ вопросомъ къ террористамъ,—на что вы разсчитываете?

— Мы получимъ конституцію, — неожиданно въ пылу спора. выпалилъ Михайловъ,—мы дезорганизуемъ правительство и принудимъ его къ этому!

Произошло полное замѣшательство. Плехановъ горячо возражалъ, что дезорганизаторская дѣятельность наша только приведетъ къ усиленію правительственной организаціи, что въ окончательномъ результатѣ борьбы побѣда окажется на сторонѣ правительства, что единственная перемѣна, которую можно съ достовѣрностью предвидѣть, это—вставка трехъ палочекъ, вмѣсто двухъ, при имени «Александръ»; что, дальше, стремиться народнику-революціонеру къ конституціи почти равносильно измѣнѣ народному дѣлу. Желябовъ поставилъ вопросъ ребромъ и рѣшилъ его прямо безъ обиняковъ: надо-де совсѣмъ отказаться отъ классовой борьбы, выдвигая въ этой борьбѣ на первый планъ политическій ея элементъ. Тихоміровъ старался всячески смягчить, сгладить эти рѣзко столкнувшіяся противорѣчія и разногласія. Въ концѣ-концовъ соглашеніе все-таки было достигнуто и я думаю, что буду близокъ къ истинѣ, если я выражу окончательное на этотъ счетъ постановленіе конгресса въ такой формѣ: политическій терроръ, какъ форма борьбы, признается лишь какъ крайняя и исключительная мѣра для данныхъ спеціальныхъ случаевъ.

Третье предложеніе, подлежавшее обсужденію, касалось Лиги цареубійства*).

Петербургская секція «Исполнительнаго Комитета» (бывшая дезорганизаторская группа) констатировала на конгрессѣ фактъ организаціи Лиги съ цѣлью цареубійства. Такъ какъ Лига была тѣсно связана съ «Исполнительнымъ Комитетомъ», а черезъ него съ обществомъ «Земля и Воля», то естественно конгрессъ обязательно долженъ былъ рѣшить, въ какія отношенія стать ему къ Лигѣ: оказать ли ей поддержку, матеріальную и нравственную, или же, наоборотъ, разорвать всякія съ нею связи и, такимъ образомъ, снять съ себя отвѣтственность за ея предполагаемое цареубійство? Вопросъ въ окончательномъ счетѣ сводился, стало быть, къ цареубійству: сочувствовать ли ему или нѣтъ? Террористы, оставаясь вѣрными себѣ, высказались въ пользу цареубійства вообще и даннаго—въ особенности. «Деревенщина» же, отрицая политическій терроръ вообще, отвергла, само собою, цареубійство, какъ орудіе борьбы. Но по отношенію къ данному случаю въ средѣ «деревенщины» произошло раздвоеніе. Одни (слабое большинство) отнесли данный случай къ спеціальнымъ и исключительнымъ, которые ужъ рѣшены конгрессомъ въ утвердительномъ смыслѣ: стало быть, обязательно всячески содѣйствовать планамъ и намѣреніямъ Лиги. Мотивы, которые они привели въ пользу своего мнѣнія, были приблизительно таковы. Военное положеніе создало у насъ такое положеніе вещей, противъ котораго долженъ бороться всякій свободный человѣкъ. Отвѣтственность, поэтому, падаетъ цѣликомъ на главнаго и единственнаго виновника этого. Это—во-первыхъ. А, во вторыхъ,—благодаря военному положенію, немыслимо теперь разсчитывать на организацію аграрнаго террора. Аграр-

---

*) Подъ „Лигою цареубійцъ" я для наглядности разумѣю ту группу террористовъ, въ которую, ради цѣли цареубійства, вошли „Исполнительный Комитетъ" общества „Земля и Воля" и другіе террористы-цареубійцы. 15. XI. 1906 г.

ный терроръ требуетъ предварительной работы, которая можетъ затянуться на неопредѣленное время, а этимъ временемъ правительство успѣетъ не разъ разбить насъ на-голову. Весь предшествующій нашъ опытъ прекрасно иллюстрируетъ это. А потому,— въ-третьихъ,—принимая во вниманіе все вышесказанное, цѣлесообразно теперь же прибѣгнуть къ такому поводу агитаціи въ деревнѣ, который скорѣе и вѣрнѣе вызвалъ бы эту послѣднюю, чѣмъ, напримѣръ, аграрный терроръ. Цареубійство же, по огромному его значенію, можетъ сыграть такую роль. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ сравнить убійство главы государства съ убійствомъ, напримѣръ, какого-нибудь ничтожнаго кулака-міроѣда? Это была, конечно, черная ересь, которая глубоко возмутила правовѣрное меньшинство «деревенщины». Начались безконечные споры и препирательства. Президентъ вынужденъ былъ объявить пренія по этому вопросу оконченными, и предложеніе передано было на голосованіе.

Большинствомъ голосовъ рѣшено: оказать Лигѣ содѣйствіе и деньгами и людьми. Террористы торжествовали.

Покончивши съ программой во всѣхъ ея частяхъ, приступили къ обсужденію вопроса объ органѣ. Постановили, чтобы «Земля и Воля» сохранила то направленіе, которое выражено въ исправленной и дополненной на конгрессѣ программѣ. Тогда Плехановъ попросилъ слова. Онъ началь съ того, что прочелъ вслухъ нѣкоторыя мѣста изъ вышеупомянутой уже нами статьи «Листка Земли и Воли» по поводу покушенія на жизнь Дрентельна, а именно тѣ мѣста, которыя наиболѣе ярко рисуютъ возведенное уже въ систему террористическое направленіе органа,—и, окончивъ чтеніе, обратился ко всѣмъ членамъ конгресса съ вопросомъ,—считаютъ ли они, товарищи, что редакція имѣетъ право и впредь высказываться въ такомъ духѣ? Снова началась сказка о бѣломъ бычкѣ, снова завязался горячій споръ, произошла схватка между Плехановымъ и остальными членами редакціи, съ одной стороны, и террористами и «деревенщиной»—съ другой. Спору не предвидѣлось конца. Президентъ поставилъ вопросъ на голосованіе. Слабымъ большинствомъ голосовъ было рѣшено, что, принимая во вниманіе особенности даннаго момента, редакція это право имѣетъ.

Результаты голосованія привели въ ярость Плеханова. Точно ужаленный вскочилъ онъ съ мѣста и разразился страстной, ѣдкой филиппикой противъ конгресса. Разъ конгрессъ того мнѣнія,—говорилъ Плехановъ,—что «политическое убійство—это осуществленіе революціи въ настоящемъ»*), то это значитъ, что общество «Земля и Воля», какъ носительница и выразительница революціонно-народническихъ идей, перестаетъ существовать, и это надо сказать прямо, открыто надо заявить объ этомъ. А такъ какъ онъ, Плехановъ, продолжаетъ стоять на старой народнической точкѣ зрѣнія, то онъ не считаетъ возможнымъ оставаться въ организаціи. И онъ оставилъ конгрессъ.

На другой день, во время засѣданія конгресса, Плехановъ прислалъ собранію протестъ, составленный спокойно, сжато и вырази-

*) Изъ статьи по поводу покушенія на жизнь Дрентельна.

тельно. Плехановъ, помнится, рекомендовалъ, между прочимъ, вниманію конгресса любопытную исторію революціоннаго движенія въ Австріи въ 40-хъ годахъ. Особенно подчеркиваетъ онъ то содѣйствіе, которое оказывали галиційскіе крестьяне австрійскому правительству въ подавленіи революціонныхъ стремленій. Протестъ, само собою, остался безъ дѣйствія. Работа конгресса продолжалась своимъ чередомъ. Дѣло теперь стало за редакціей органа.

Въ редакціи остались два прежнихъ редактора,—оба террористы: Н. Морозовъ и Л. Тихомировъ. Нуженъ, по меньшей мѣрѣ, еще одинъ. «Деревенщина» естественно хотѣла, чтобы въ редакцію попалъ ея сторонникъ. Кто-то,—кажется, Тихомировъ,—предложилъ меня. Редакція сочувственно отнеслась къ этому предложенію и настаивала на моемъ назначеніи. Я наотрѣзъ отказался. Вмѣсто меня былъ выбранъ другой, Преображенскій, прямолинейный народникъ.

И дѣло уладилось. «Деревенщина» была также сильно озабочена тѣмъ, чтобы въ администраціи усилить элементъ чисто-народническій. Прежняя администрація, какъ я уже упомянулъ, тянула сторону террористовъ. Выборъ палъ на президента конгресса, «Титыча». «Деревенщина» осталась очень довольна этимъ выборомъ. Работа конгресса близилась къ концу. Просмотрѣли уставъ и провѣрили кассу. Рѣшено было, чтобы не больше $^1/_3$ имѣющихся суммъ тратилось на террористическую дѣятельность. Остальныя же $^2/_3$ предназначаются исключительно для деревенской дѣятельности. Террористы слабо возражали противъ этого. Они хорошо знали, что никакихъ дѣлъ въ деревнѣ не предвидится, что людей для этого нѣтъ, а, стало быть, все это останется мертвой буквой, деньги же, по прежнему, можно будетъ тратить на терроръ. И они не ошиблись. Чтобы покончить съ конгрессомъ, я долженъ сказать, что на одномъ изъ первыхъ еще его засѣданій было предложено и принято обѣими сторонами—террористами и народниками—много новыхъ лицъ въ общество.

Въ такомъ реорганизованномъ видѣ общество «Земля и Воля» представляло собою довольно солидную революціонную силу. Все, что было лучшаго въ революціонной средѣ, независимо отъ окраски, примкнуло къ Обществу.

Желаніе дѣйствовать сообща было преобладающимъ. Ни террористы, ни народники не хотѣли разбрестись врозь въ эту тяжелую годину существованія революціонной партіи. Это—во первыхъ. А, во вторыхъ,—какъ ни велико было разногласіе во мнѣніяхъ террористовъ и народниковъ, но старыя товарищескія симпатіи, традиціи недавняго прошлаго, съ его жертвами и побѣдами, радостями и печалями, тѣни, наконецъ, погибшихъ товарищей,—все это,—на время, по крайней мѣрѣ,—одержало верхъ, и ослабѣвшія было узы Общества, казалось, снова окрѣпли. Конгрессъ закрылъ свои засѣданія*). Всѣ уѣхали успокоенные и примиренные. «Деревенщина» осталась тоже довольна. Она, повидимому, приняла всѣ мѣры, чтобы обезпечить свое дѣло. Но это только повидимому.

*) Мнѣ очень пріятно убѣдиться въ томъ, что, за исключеніемъ нѣ-

На самомъ же дѣлѣ, какъ это скоро обнаружилось, все дѣло единенія было построено на пескѣ. «Элементы общества были ужъ слишкомъ разнородны, чтобы изъ нихъ могло образоваться прочное устойчивое соединеніе. Заграничные товарищи, на которыхъ «деревенщина» возлагала свои надежды—люди съ революціоннымъ прошлымъ и опытностью,—Яковъ Стефановичъ, Дейчъ, Аксельродъ и В. Засуличъ,—тоже стали въ оппозицію къ террористической дѣятельности. Разрывъ былъ неизбѣженъ. Никакія личныя симпатіи, никакія традиціи не дѣйствуютъ: событія сильнѣе благихъ желаній, а они неумолимо предписываютъ—разрывъ и разрывъ».

По окончаніи съѣзда мы разъѣхались. Я уѣхалъ въ Петербургъ.

Надъ Петербургомъ нависли свинцовыя тучи. Душно было въ этой мертвящей атмосферѣ правительственнаго беззаконія, съ одной стороны, и непреодолимой инертности общества—съ другой. Все замерло, точно объятое столбнякомъ. Работали и боролись только террористы. Разбитые въ одномъ мѣстѣ, они снова собираются «къ шатрамъ» своимъ—въ другомъ.

Я вскорѣ получилъ предложеніе отъ товарищей поѣхать въ Кубанскую область, чтобы тамъ завязать сношенія съ мѣстною революціонно-народническою группою. Предложеніе это вполнѣ согласовалось съ моими собственными желаніями и я отправился на Кубань. Я пробылъ тамъ съ мѣсяцъ, перезнакомился съ мѣстной «деревенщиной», которая, къ слову сказать, произвела на меня весьма благопріятное впечатлѣніе.

Это была небольшая группа лицъ, но вполнѣ солидно основавшаяся на мѣстѣ среди кубанскихъ казаковъ. Одинъ изъ нихъ (фамиліи его, къ сожалѣнію, сейчасъ не припомню) устроился лавочникомъ въ одной изъ станицъ и пользовался авторитетомъ среди казаковъ.

Другой—Золотаревъ—арендовалъ, кажется, хуторъ и, кромѣ того, имѣлъ собственную молотилку и вѣялку, которыя за небольшую плату предоставлялъ въ распоряженіе сосѣднихъ казаковъ, переѣзжая для этого самъ изъ одного хутора (станицы) въ другой. Знакомство у Золотарева было обширное.

Въ свободное отъ полевыхъ работъ время я попросилъ товарищей-кубанцевъ собраться для выслушанія нѣкоторыхъ моихъ предложеній отъ землевольцевъ и сообщенія краткаго отчета о Воронежскомъ съѣздѣ. Мы собрались въ полѣ, въ палаткѣ. Проговорили за-полночь. Кубанцы отнеслись сочувственно къ резолюціямъ Воронежскаго съѣзда и уполномочили меня передать товарищамъ-землевольцамъ ихъ солидарность какъ съ теоріей, такъ и съ практикой «деревенщины».

Много интереснаго я узналъ отъ нихъ о сектѣ «шелапутовъ» на Кавказѣ. Товарищи-кубанцы жаловались, что недостатокъ людей не даетъ имъ возможности завязать съ «шелапутами» болѣе

которыхъ частностей, М. Р. Поповъ въ своей статьѣ „Земля и Воля наканунѣ Ворон. съѣзда“ („Былое“ № 8, 1906 г.) вполнѣ сходится со мною въ оцѣнкѣ Воронежскаго съѣзда, составленной мною болѣе чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ (1883—84).

тѣсныя отношенія. Они настойчиво просили меня, чтобы побольше людей направлять къ нимъ, что, помимо сектантовъ и казачества, благодарную почву для революціонной дѣятельности представляютъ въ настоящій моментъ и горцы Чеченской области. Тамъ теперь работаетъ туземецъ-народникъ (къ сожалѣнію, фамиліи его никакъ не могу вспомнить), и просьба нашего «центра» отпустить его въ Петербургъ сейчасъ не можетъ ими, кубанцами, быть исполнена, хотя въ принципѣ они ничего не имѣютъ противъ переселенія своего товарища въ Петербургъ. Что касается просьбы нашего «центра» о доставкѣ имъ оружія, то кубанцы обѣщали это устроить, но не раньше, какъ переговорятъ объ этомъ со своими остальными товарищами на Кавказѣ и поставятъ это дѣло на прочную ногу. Переговоривъ обо всемъ съ кубанской революціонно-народнической группой и познакомившись еще кое съ кѣмъ во Владикавказѣ, я вернулся въ Петербургъ. Здѣсь меня ожидалъ тяжелый ударъ: воронежское соглашеніе оказалось самымъ плохимъ изъ извѣстныхъ мнѣ соглашеній. Я засталъ полный разрывъ среди товарищей, полный расколъ, выработаны уже были всѣ пункты раздѣленія. Я попросилъ познакомить меня съ условіями раздѣленія. Мнѣ предъявили «федеративную конституцію»—такъ называли мы нашъ договоръ, выработанный обѣими сторонами для урегулированія нашихъ взаимныхъ отношеній. Согласно этому договору, общество «Земля и Воля» съ его органомъ того же названія прекращаетъ свое существованіе. Ни одна изъ образовавшихся фракцій—ни террористы ни народники—не имѣетъ права ни своей организаціи ни будущему своему органу присвоить это названіе. Матеріальныя средства распредѣляются поровну. Обѣ фракціи обязуются другъ другу оказывать всяческую поддержку.

«Я протестовалъ тогда энергично, какъ умѣлъ и понималъ*). Я говорилъ, что крайне неразумно, неразсчетливо расходиться намъ въ то время, когда наша партія еще недостаточно окрѣпла, когда мы еще не успѣли сорганизовать въ народѣ достаточно солидную боевую партію, когда самое положеніе вещей,—безпрерывная и неустанная борьба съ правительствомъ въ той или другой формѣ,—требуетъ отъ насъ большей концентраціи силъ и энергіи».

...«Но эти резоны, къ сожалѣнію, не привели ни къ чему. Одна часть ударилась исключительно въ борьбу съ правительствомъ, считая ее злобою дня, другая, напротивъ, въ силу естественной въ такомъ случаѣ реакціи, стала вовсе отрицать необходимость въ данный моментъ непосредственной борьбы съ правительствомъ и убѣждала сосредоточить свои силы въ народѣ».

Такимъ образомъ, разногласія о пріемахъ борьбы перешли въ разногласія принципіальныя: одни предлагали политическую борьбу на первомъ планѣ, другіе—экономическую.

Мнѣ хотѣлось спасти, по крайней мѣрѣ, органъ. Я думалъ, если «Земля и Воля» будетъ издаваться по той же программѣ, которая была выработана на конгрессѣ въ Воронежѣ, то обѣ фракціи будутъ удовлетворены. Незачѣмъ, стало-быть, дробить матеріаль-

*) Изъ „Письма моего къ бывшимъ товарищамъ“, помѣщеннаго въ № 1 „Чернаго Передѣла“.

ныя и литературныя силы; незачѣмъ давать поводъ радоваться правительству; незачѣмъ, однимъ словомъ, вводить въ смущеніе молодежь, рабочихъ и общество. Я высказалъ мои соображенія и тѣмъ, и другимъ, и предложилъ вести общій органъ подъ тѣмъ же названіемъ «Земля и Воля». Предложеніе мое было принято. Переговоры по этому поводу и соглашеніе, буде оно состоится, возложены на специальную комиссію изъ 4-хъ человѣкъ—по-двое съ каждой стороны*). Комиссія собралась. Пробнымъ камнемъ для этого послужила передовая статья одного изъ редакторовъ террористической фракціи (Н. Морозова. О. А.). Статья была прочитана. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ. Это была апологія террора и политики; терроръ не только возводится въ систему, но и политика поставлена во главу угла программы. Переговоры оказались излишними. И мы пошли разными дорогами.

Такъ общество «Земля и Воля», послѣ трехлѣтняго существованія, прекратило свою дѣятельность прекратилъ, согласно договору, свое существованіе и органъ «Земля и Воля». Я долго не могъ примириться съ этимъ. Я глубоко уважалъ моихъ товарищей-землевольцевъ, а многихъ сердечно любилъ. И они вполнѣ заслужили это. Со многими я работалъ съ самаго возникновенія общества. Это были большіе люди. Живи эти люди при иныхъ политическихъ условіяхъ, они оставили бы глубокій слѣдъ въ теоретической и практической мысли нашей родины—въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ и политикѣ.

Но исторія имѣетъ порою свою логику—и отвела большинству этихъ людей мѣсто... на Голгоѳѣ! Спите мирно, борцы за свободу!..

---

*) Въ составъ комиссіи вошли: со стор ны народниковъ — Преображенскій и пишущій эти строки, со стороны террористовъ—Морозовъ и Тихоміровъ.

Глава IX.

Конецъ 1879 года и январь 1880 года. „Народовольческая“ группа развертываетъ вширь и вглубь свою дѣятельность. Народовольческія воззрѣнія овладѣваютъ умами. Политическая свобода и борьба за нее становятся все болѣе и болѣе популярными какъ въ обществѣ, такъ и среди учащейся молодежи. Группа „Чернаго Передѣла“. Ея члены. Характеристика нѣкоторыхъ „чернопередѣльцевъ“. Дѣятельность „чернопередѣльцевъ“. Революціонное народничество, какъ доктрина и практика, клонится къ упадку. Предательство чернопередѣльческаго рабочаго-типографщика, Александра Жаркова. Провалъ „чернопередѣльческой“ типографіи. Отъѣздъ главныхъ членовъ „Чернаго Передѣла“ за-границу. Смерть „Чернаго Передѣла“. Моя болѣзнь. Мой арестъ.

„Все ли ное быстро осыпается, этому обнищанію надо покориться. Это не отчаяніе, не старчество, не холодъ и не равнодушіе; это—сѣдая юность, одна изъ формъ выздоровленія, или, лучше, самый процессъ его.
Человѣчески переживать иныя раны можно только этимъ путемъ. (А. И. Герценъ. „Былое и Думы“ т. I. Женевское изданіе. Стран. 4).

Окончательный расколъ въ обществѣ «Земля и Воля», состоявшійся осенью 1879 года, развязалъ руки обѣимъ воюющимъ фракціямъ: «народовольцамъ» (террористамъ-политикамъ) и «чернопередѣльцамъ» (народникамъ). Первые прекрасно воспользовались своей свободой. Они быстро сорганизовались и повели энергическую упорную аттаку противъ правительства. Спѣшу, однако, оговориться.

Я не пишу исторіи революціоннаго движенія въ России вообще и исторіи партіи «Народной Воли»—въ частности. Я лишь мемуаристъ и могу, поэтому, лишь постольку коснуться революціонной дѣятельности «Народной Воли», поскольку она, эта дѣятельность, входитъ въ содержаніе моихъ воспоминаній вообще.

Я захватилъ лишь начало народовольческой работы, первыя смѣлыя выступленія группы «Народной Воли», какъ «Народной Воли».

Говорятъ: «конецъ вѣнчаетъ дѣло», но начало народовольческаго дѣла было такъ важно, оно такъ импонировало обществу и молодой интеллигенціи, что я не могу по справедливости не занести на страницы моихъ записокъ именно этого момента въ дѣятельности «народовольцевъ», и занесу я его такимъ, какимъ я его запомнилъ—ни больше ни меньше.

Грандіозныя террористическія предпріятія, устроенныя на всемъ пути слѣдованія Александра II, еще, можно сказать, на памяти у всѣхъ. Впечатлѣніе, произведенное ими, было поистинѣ мощное. Либеральное общество, сторонившееся, по своему обыкновенію, отъ крутыхъ, насильственныхъ пріемовъ борьбы, тѣмъ не менѣе, не могло не сочувствовать «народовольческому» направленію: оно, это направленіе, поставило вопросъ о политической свободѣ ребромъ, а это для политически развитыхъ либераловъ значило

много, очень много. Я въ то время жилъ въ Петербургѣ и былъ прямо пораженъ этимъ почти всеобщимъ сочувствіемъ либеральныхъ сферъ «народовольцамъ». Да и не только либеральныхъ сферъ: интеллигентный разночинецъ или, какъ его стали величать въ 90-хъ годахъ, «третій элементъ», повидимому тяготѣвшій къ народу и къ народнической идеологіи,—и онъ также прямо выражалъ свои горячія симпатіи народовольцамъ и мало-по-малу вовлекался въ кругъ ихъ дѣятельности. И если иныхъ кое-что отпугивало отъ народовольцевъ, но это не суровые пріемы ихъ борьбы, не терроръ—нѣтъ! а та постановка вопросовъ, программныхъ и тактическихъ, логическимъ выводомъ изъ которыхъ могли быть «захватъ власти» и «заговоръ». Такой выводъ именно сдѣлалъ уже изъ № 1 «Народной Воли» мой знакомый, учитель математики Н—овъ. Помню, съ какой неподдѣльной тревогой говорилъ онъ о возможности перехода на этотъ опасный и рискованный путь, отъ котораго только одинъ шагъ къ дворцовымъ переворотамъ.

— Этимъ путемъ они, народовольцы, поведутъ страну къ гибели!—воскликнулъ Н—овъ.—Но это были во всякомъ случаѣ одинокіе голоса.

Что касается учащейся молодежи,—лучшей части ея, изъ которой революція обыкновенно рекрутировала своихъ сторонниковъ,—то эта часть молодежи почти всецѣло вскорѣ перешла на сторону «народовольцевъ». На первыхъ порахъ послѣ происшедшаго раскола молодежь была какъ бы въ нерѣшительности, она недоумѣвала, изъ-за чего произошло собственно раздѣленіе. Но, съ выходомъ №№ 1 «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла», все выяснилось: выяснились и принципіальныя, и тактическія разногласія обѣихъ фракцій, а съ этимъ и неизбѣжныя причины раскола общества «Земля и Воля». И послѣ этого молодежь все-таки потянулась къ «народовольцамъ». Не потому, чтобы молодежь считала народовольческую идеологію болѣе истинной, чѣмъ «чернопередѣльческую» —нѣтъ! въ то, по крайней мѣрѣ, время, т.-е. въ концѣ 1879 года, молодежь еще не успѣла разобраться вполнѣ въ идеологическихъ построеніяхъ обѣихъ революціонныхъ фракцій: теоретическія и программныя разногласія не захватывали тогда еще ея. Настроеніе молодежи было тогда сильнѣе ея мышленія; факты же, между тѣмъ, были за народовольцевъ: народовольцы шли въ огонь, клали жизнь свою въ борьбѣ за освобожденіе родины.

Молодежь это видѣла и, очарованная, пошла за борцами.

Народовольцы были тогда единственной фракціей, которой обстоятельства дали полную возможность совершенно развернуть свои силы и въ полномъ блескѣ обнаружить свою преданность революціонному дѣлу. Что же мудренаго, что живая молодежь стала подъ знамя «Народной Воли»? Революціонный героизмъ обаятеленъ. Общественно-психологическіе мотивы, въ формѣ эмоціональныхъ и волевыхъ движеній, дѣйствовали тогда болѣе властно, чѣмъ чисто идейные, познавательные. Въ извѣстной части мыслящаго общества накопилось много гнѣва и негодованія, искавшаго себѣ выхода,—и этотъ выходъ нашелся, казалось многимъ, въ той формѣ борьбы, которую начали практиковать наро-

довольцы, борьбы, сулившей, такъ сказать, кратчайшимъ путемъ привести революцію къ полной побѣдѣ. Это такъ. И это, повторяю, увлекало молодежь. Какъ «доказательство отъ противнаго», я живо припоминаю теперь «чернопередѣльческія» сходки молодежи въ ноябрѣ и декабрѣ 1879 года. Молодежь требовала, чтобы мы, чернопередѣльцы, пришли къ ней на сходки, изложили нашу программу, тактику и познакомили ее съ нашей практической работой. Я помню три такія сходки, но особенно врѣзалась въ моей памяти сходка у технологовъ,—кажется, въ Измайловскомъ полку. На сходкѣ было приблизительно 200—250 человѣкъ. Со стороны «чернопередѣльцевъ» выступили «Егорычъ» и я. Интересъ къ намъ былъ живой, искренній. Мы оба говорили горячо, иллюстрировали нашу программу массой фактовъ, почерпнутыхъ нами изъ непосредственныхъ наблюденій надъ деревенской жизнью,—словомъ, стойко и яро защищали наше дѣло. Насъ—слова нѣтъ!—слушали даже съ захватывающимъ интересомъ. И, тѣмъ не менѣе, я оставилъ сходку.... Я бы сказалъ: «съ разбитымъ сердцемъ», если бы не боялся быть смѣшнымъ. Я шелъ домой, тихо опустивши голову. Я считалъ наше дѣло въ молодежи потеряннымъ, — можетъ быть. «Егорычъ», относившійся ко мнѣ такъ нѣжно и любовно, увидя меня унылымъ, заюлилъ предо мною:—«Ну, Осипъ Васильевичъ, что голову повѣсилъ? Ничего, братъ: перемелется—мука будетъ!» Я слабо улыбнулся, въ головѣ почему-то промелькнуло слово: «мукосѣевщина», навязчиво сверлившее нѣкоторое время мой разгоряченный мозгъ.

На другой день я назначилъ анкету, т.-е. по-просту попросилъ нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ изъ молодежи собрать побольше свѣдѣній о томъ впечатлѣніи, которое мы, «чернопередѣльцы», произвели на сходку молодежи, и передать ихъ мнѣ нелицепріятно. Вотъ отзывы молодежи по смыслу довольно стереотипные, почти буквально переданные.

«Чернопередѣльцы»—убѣжденные люди, но убѣдительности въ нихъ мало. Они беззавѣтно преданы народу, но они сами какъ будто извѣрились въ него. Самъ А—нъ производитъ впечатлѣніе смертельно раненаго на полѣ битвы знаменоносца: истекая кровью, онъ, тѣмъ не менѣе, не выпускаетъ изъ рукъ знамени». Не знаю, удалось ли намъ, въ теченіе названныхъ двухъ мѣсяцевъ зимы 1879 года, завербовать въ свои ряды хоть съ полсотни вѣрной молодежи. Скажутъ: это ничего не доказываетъ: просто, я и «Егорычъ» не оказались на высотѣ своего положенія—плохіе пропагандисты и агитаторы,—и только! Однако, и въ другихъ городахъ наши фонды не ахти какъ высоко стояли. Это,—во-первыхъ. А, во-вторыхъ,—вскорѣ появившееся въ № 1 «Чернаго Передѣла» открытое письмо къ народовольцамъ, говорятъ, произвело сильное впечатлѣніе на молодежь. Стало быть, не совсѣмъ ужъ я такъ плохъ былъ въ идейномъ отношеніи: могъ бы и убѣдить и увлечь, если бы наша пѣсенка не была спѣта. О, я тогда уже это чувствовалъ всей душой, но не хотѣлъ сдаваться—всѣ мы, «чернопередѣльцы», не хотѣли сдаваться. И хорошо. Но, повторяю, объективный ходъ вещей и настроеніе тѣхъ общественныхъ слоевъ, которымъ тогда

принадлежала иниціатива борьбы, были противъ насъ. То—и я снова подчеркиваю это—была пора отнюдь не идейной только борьбы, это была пора активной борьбы по преимуществу, если не исключительно, за политическую свободу. Политическая свобода (и борьба за нее) уже тогда была для интеллигенціи вопросомъ жизни—«быть или не быть». Она непосредственно захватывала молодую интеллигенцію, задѣвала, такъ сказать, ее за живое, была ближе ей, чѣмъ экономическія требованія народа. Слова нѣтъ, интеллигенція тяготѣла къ народу. И это было чувство глубокое и неподдѣльное. Но—увы!—народъ тогда еще молчалъ, онъ не былъ тогда еще классомъ. Ясно это тогда еще не формулировалось, но чувствовалось, сознавалось, такъ сказать, настроеніемъ.

А потому та фракція, которая поставила на своемъ знамени: delenda est Carthago! и ежеминутно, ежечасно стремилась осуществить это требованіе путемъ неустанной и беззавѣтной борьбы,—та фракція,—говорю я,—и должна была фактически завоевать авторитетъ и силу у интеллигенціи. Оно, дѣйствительно, такъ и было. «Народовольцы» уже тогда, т. е. въ концѣ 1879 года, начали монополизировать поле битвы, они завладѣли умами, симпатіями и волей тогдашней революціонной Россіи. Все имъ благопріятствовало: и общее настроеніе, и взаимоотношеніе силъ выступившихъ тогда на борьбу революціонныхъ фракцій,—«народовольческой» и «чернопередѣльческой»; слабость послѣдней косвенно содѣйствовала усиленію первой. И здѣсь подборъ—революціонно-общественный подборъ—въ борьбѣ за существованіе.

Не въ «добрый часъ» родилась организація «Черный Передѣлъ». Не далъ богъ жизни ей—и она зачахла спустя три мѣсяца.

Организація «Черный Передѣлъ» обязана своимъ возникновеніемъ, съ одной стороны, энергіи старыхъ землевольцевъ, М. Р. Попова и Г. В. Плеханова, а съ другой—новыхъ, принятыхъ на воронежскомъ съѣздѣ бывшихъ землевольцевъ — Стефановича и Дейча. Въ переговорахъ съ террористами-политиками и въ выработкѣ пунктовъ раздѣленія, когда расколъ уже состоялся, участвовали, между прочимъ, также Стефановичъ и Дейчъ. Тѣмъ не менѣе, нашу «чернопередѣльческую» группу въ ссылкѣ почему-то считали исключительно дѣтищемъ М. Р. Попова и называли ее нерѣдко просто «группой Родіоныча». Въ организацію «Черный Передѣлъ» вошли слѣдующія лица: Г. В. Плехановъ, П. Б. Аксельродъ, Л. Г. Дейчъ, Я. В. Стефановичъ, В. И. Засуличъ, М. Р. Поповъ, Преображенскій, Козловъ, Козлова, Е. Н. Ковальская, Е. Шевырева, М. Крылова, Н. П. Щедринъ, Переплетчиковъ, П. В. Приходько-Тесленко, И. Пьянковъ, В. Игнатовъ, «Егорычъ», К—чъ, Л. Гартманъ и пишущій эти строки.

Изъ старыхъ землевольцевъ оказались: Плехановъ, Поповъ, Игнатовъ, Гартманъ, Преображенскій, Крылова, «Егорычъ», К—вичъ и я.

Изъ новыхъ землевольцевъ, принятыхъ на воронежскомъ съѣздѣ, цѣликомъ вошла заграничная группа: Дейчъ, Стефановичъ, Засуличъ и Аксельродъ. И того старыхъ и новыхъ землевольцевъ оказалось во фракціи «Чернаго Передѣла» тринадцать человѣкъ.

Впрочемъ, Гартманъ отъ насъ скоро совсѣмъ улетѣлъ. Подготовляя въ Москвѣ подкопъ, народовольцы, нуждаясь тогда въ рабочихъ силахъ, обратились къ намъ, чтобы мы для этой цѣли отпустили къ нимъ кого-либо изъ нашихъ товарищей. Вызвался Гартманъ. Послѣ взрыва 19 ноября 1879 подъ Москвой, Гартманъ вскорѣ эмигрировалъ. Заграницей Гартманъ уже является представителемъ фракціи «Народной Воли», которая открыто обращается къ нему, уполномачивая его на тѣ или другія дѣйствія.

«Егорычъ» послѣ воронежскаго съѣзда совсѣмъ покинулъ деревню и уѣхалъ со мною въ Петербургъ. Его потянуло въ городъ съ неотразимой силой.—«Не могу больше жить въ деревнѣ,—заявилъ мнѣ «Егорычъ»,—знаешь: совсѣмъ обалдѣлъ! Тоска порой беретъ, хоть ревмя реви!

Хочется поговорить съ своимъ человѣкомъ, книжку почитать—совсѣмъ одичалъ! Разъ—повѣришь-ли?—захотѣлось на нашемъ языкѣ поговорить и я обратился къ печкѣ и сталъ говорить съ ней, воображая себѣ, что съ своимъ веду разговоръ!»

Въ Петербургѣ «Егорычъ» засѣлъ основательно за книжку, читалъ съ разборомъ и толково, а въ свободное время сталъ заводить знакомство съ молодежью. «Егорычъ», если читатель припомнитъ, былъ сельскимъ писаремъ въ Саратовскомъ уѣздѣ, дѣльный и хорошій работникъ. Прожилъ онъ безвыѣздно въ деревнѣ не менѣе двухъ лѣтъ—и сбѣжалъ-таки.

К—вичъ—народный учитель, тоже въ Саратовской губерніи.

Послѣ воронежскаго съѣзда онъ также перебрался въ Петербургъ и, какъ вполнѣ легальный, служилъ посредникомъ между редакціей и типографіей. Его оплошности, къ слову сказать, я обязанъ своимъ арестомъ. Дѣло былъ такъ. Проходитъ день-другой, а К—вичъ не является въ редакцію. Это мнѣ показалось подозрительнымъ.

Я отправляюсь къ нему встревоженный, но увѣренный въ томъ, что на его квартирѣ меня ничего не ожидаетъ. Ошибся жестоко: тамъ оказалась засада, и меня забрали. Кажется, что Е. Шевыреву тоже забрали на этой квартирѣ. Я никакъ не могъ себѣ объяснить, какимъ образомъ я влопался: квартира, въ конспиративномъ отношеніи, была хорошо обставлена, самъ К—вичъ—совершенно легальный человѣкъ, знали его квартиру, кромѣ меня, еще развѣ двое-трое изъ нашей организаціи, а посторонніе не ходили на эту квартиру. Въ Петропавловской крѣпости дѣло просто объяснилась: К—евича взяли въ типографіи и, когда его обыскали, нашли въ карманѣ его паспортъ, по которому онъ былъ прописанъ.

Изъ старыхъ землевольцевъ-деревенщиковъ, не приставшихъ къ «Черному Передѣлу», надо назвать слѣдующихъ: Мощенко,

«Титыча», Хотинскаго и Сергѣя Андреева*). И эти «деревенщики» послѣ воронежскаго съѣзда побросали деревни и разъѣхались кто—куда: «Титычъ» и Хотинскій одинъ за другимъ уѣхали въ концѣ 1879 или въ началѣ 1880 года за границу. Мощенко былъ вскорѣ арестованъ и административно сосланъ въ Западную Сибирь. Въ послѣдній разъ я съ нимъ видѣлся въ Перми у Сергѣевыхъ въ 1886 году, возвращаясь изъ Якутской области.

Сергѣй Андреевъ переселился въ ноябрѣ 1879 года въ Петербургъ, гдѣ онъ вполнѣ легализировался.

Такимъ образомъ, къ концу 1879 года изъ бывшихъ земле-вольцевъ почти никого не осталось въ деревнѣ. Правда, въ Саратовскомъ уѣздѣ остался еще С—овъ и тотъ семинаристъ-народникъ, о которомъ въ своихъ очеркахъ о крестьянскомъ движеніи въ Саратовской губерніи говоритъ Танъ. Этотъ семинаристъ въ семидесятыхъ годахъ близко стоялъ къ «Землѣ и Волѣ».

Когда «Земля и Воля» завела свои деревенскія организаціи въ Поволжьѣ, названный семинаристъ—фамиліи его, къ сожалѣнію, сейчасъ не могу припомнить—женился на крестьянкѣ и «вошелъ во дворъ». Онъ,—разсказывали намъ,—еще въ тѣ времена успѣлъ пріобрѣсти вѣсъ и положеніе въ деревнѣ.

Можетъ быть, въ Саратовской или *другихъ губерніяхъ* застряли кое-гдѣ одиночки-землевольцы, *которыхъ я сейчасъ при*помнить не могу. Но все-таки это не *измѣняетъ положенія* вещей: одна ласточка весны не *дѣлаетъ: два-три землевольца, до*пустимъ даже десятокъ, *разсѣянные на «дистанціи огромныхъ размѣровъ»*, не *образуютъ* еще *революціоннаго поселенія, революціонной организаціи, какъ 2-3 и больше хуторовъ не образуютъ* деревни или села.

Землевольскихъ поселеній, однимъ словомъ, тогда, въ концѣ 79 года, не было уже**): они всѣ распались.

Таково то деревенское наслѣдіе, которое «Черный Передѣлъ» получилъ отъ «Земли и Воли». Надо было теперь подумать о постройкѣ новыхъ поселеній, на новыхъ началахъ и съ новыми людьми. И эта задача была поставлена «Чернымъ Передѣломъ» во главу.

На первыхъ порахъ надежда удыбнулась намъ: въ нашихъ рядахъ уже находились съ самаго основанія «Чернаго Передѣла» Стефановичъ и Дейчъ, испытанные практики-организаторы.

Они, дѣйствительно, задумали среди чигиринцевъ новое дѣло, на иныхъ основахъ, чѣмъ старое. Мы всѣ ожили. Разъ, —думали мы,—за это дѣло возьмутся такіе люди, какъ Стефановичъ и Дейчъ, успѣхъ обезпеченъ: мы оснуемся въ деревнѣ, заложимъ фундаментъ, а молодежь и другія живыя силы, глядя на насъ, пойдутъ за нами.

---

*) С. Перовская тоже не пристала къ «Черному Передѣлу». Она прямо заявила мнѣ, что пристанетъ къ намъ лишь въ томъ случаѣ, если у насъ будетъ работа въ деревнѣ.

**) Терское поселеніе, о которомъ я говорилъ выше, хотя и народническое, но не землевольское.

Примѣръ заразителенъ, успѣхъ ободряетъ. Мы еще поборемся. Пусть террористы тревожатъ правительство сверху, а мы будемъ наддавать снизу. Такъ мы мечтали.

Стефановичъ предложилъ предварительно произвести рекогносцировку на мѣстѣ. Къ несчастью, ни ему самому ни Дейчу, по многимъ уважительнымъ причинамъ, нельзя было дѣлать развѣдки въ Чигиринѣ.

Надо было по необходимости послать другихъ людей. Выборъ палъ на нѣкоего П—ова, близко стоявшаго къ «чернопередѣльцамъ».

Его снабдили необходимыми указаніями и благословили въ путь-дорогу.

Къ сожалѣнію, П—овъ былъ не совсѣмъ подходящій для этого человѣкъ, что вскорѣ и подтвердилось. Наши развѣдчики вернулись изъ Чигирина ни съ чѣмъ: военное положеніе создало, дескать, тамъ, въ Чигиринѣ, такую обстановку, въ которой самъ чертъ себѣ ноги сломаетъ. Мы повѣсили голову. Наши грандіозные планы рушились, лопались, какъ мыльные пузыри. Неудавшаяся попытка Стефановича создать въ Чигиринѣ новую организацію, полное отсутствіе у насъ въ то время людей, способныхъ обосноваться въ деревнѣ, подрѣзали тотъ народническій сукъ, на которомъ мы сидѣли до сихъ поръ. Деревня ушла отъ насъ—и, повидимому, безповоротно и надолго. Что же теперь? Что же мы, «чернопередѣльцы»-народники, значили безъ работы въ деревнѣ, въ народѣ? Какую силу могла имѣть наша пропаганда революціонно-народническихъ идей среди интеллигенціи и рабочихъ, къ которымъ мы по преимуществу обращались, когда прошлая наша революціонная дѣятельность въ деревнѣ оказалась мало-результатной, чтобы не сказать больше, а настоящее находится только in spe?

Эти вопросы неотвязно преслѣдовали и мучили меня. Да и не одного только меня. Всѣ мы, чернопередѣльцы— каждый на свой манеръ—переживали тяжелое время. Но мои товарищи были сильнѣе меня и они выдержали внутреннюю борьбу, а я палъ сокрушенный.

Мрачное отчаяніе овладѣло мною. Мрачна была моя душа, мрачно и черно было все кругомъ. Меня страшило наше банкротство, которое —я это ощущалъ тогда всѣми наболѣвшими струнами моей души—вотъ-вотъ уже надвигается на насъ неотвратимо. Я чувствовалъ, что подъ моими ногами колеблется почва, пропасть разверзается, готовая проглотить меня, моихъ товарищей-чернопередѣльцевъ, наше народничество, со всѣми его гордыми помыслами и высокими стремленіями......

Ни тюрьма, ни ссылка, ни каторга,—даже и смерть не страшна была! Со всѣмъ этимъ мы съ давнихъ поръ свыклись. Меня, повторяю, страшило наше банкротство, идейное и тактическое.

Можетъ быть, эти страхи и тревоги были неосновательны и ложны, но они жили во мнѣ, сверлили мой мозгъ, терзали мою душу. И я заболѣлъ: я полетѣлъ въ Нирвану.... Нѣжное, трога-

тельное, заботливое попеченіе моихъ товарищей-друзей вырвало меня изъ когтей смерти, ножницы Парки счастливо миновали меня. Я сталъ понемногу поправляться. Когда я сталъ на ноги, я почувствовалъ въ себѣ новый приливъ силъ, я готовъ былъ къ работѣ, твердо рѣшилъ продолжать начатое дѣло, не уступать, не поступиться ни одною, такъ сказать, пядью нашихъ воззрѣній.

Горе, которое я моей болѣзнью причинилъ товарищамъ, мучило меня, печально-укоризненные взгляды (я хорошо помню особенно такой взглядъ, брошенный на меня невзначай Е. Н. Ковальской) товарищей задѣли мою гордость и достоинство. И, чтобы оправдать себя предъ товарищами, искупить свой невольный грѣхъ, я еще больше ушелъ въ работу. А работа наша теперь, послѣ крушенія нашихъ надеждъ на деревню, упростилась. Мы сосредоточили все наше вниманіе на работѣ въ городѣ—на пропагандѣ народническихъ идей устно и печатно среди интеллигенціи и рабочихъ.

Какъ петербургская молодежь приняла насъ, т. е. меня и «Егорыча», я уже выше говорилъ. Конечно, были въ Петербургѣ и у насъ сторонники, но можно было ихъ считать самое большее—десятками, а къ народовольцамъ шли непрерывно цѣлыя толпы молодежи, особенно съ 80 года.

Только Москва насъ нѣсколько утѣшила. Тамъ образовалась солидная группа молодежи (кажется, съ Я—ко во главѣ), послужившая ядромъ, вокругъ котораго, въ послѣдующіе $1^1/_2$—2 года, какъ мнѣ передавали, собирались разсѣянные чернопередѣльцы.

Московскіе чернопередѣльцы близко принимали къ душѣ наше положеніе. Они писали намъ, чтобы мы поторопились изданіемъ нашего органа, что органъ во всякомъ случаѣ подыметъ нашъ престижъ въ глазахъ молодежи. Они были очень озабочены составомъ нашей редакціи. Изъ деклараціи нашей они узнали, что въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ нашего органа были, между прочимъ, Стефановичъ и Дейчъ.—«Что это за литераторы, писали они намъ, Стефановичъ и Дейчъ? Мы ихъ знаемъ, какъ первоклассныхъ практиковъ, а не какъ литераторовъ. Совсѣмъ особь статья —Плехановъ и Аксельродъ».

Я почти буквально со словъ Преображенскаго передаю содержаніе этого письма. Наши московскіе товарищи, конечно, могли ошибиться на счетъ литературныхъ способностей Стефановича и Дейча, но намъ дорого было ихъ сочувствіе и матеріальная поддержка. Какъ обстояли наши дѣла съ молодежью въ провинціи— не знаю, не могу ничего опредѣленнаго сказать.

Знаю только, что въ Кіевѣ работалъ М. Р. Поповъ, но насколько успѣшно—не знаю. Въ Одессѣ разрывался Л. Г. Дейчъ.

Онъ писалъ намъ, что въ Одессѣ съ молодежью «тихо», что тамъ ощущается крайній недостатокъ въ работникахъ, онъ настойчиво звалъ меня туда и просилъ товарищей отпустить меня. Мой отъѣздъ, послѣ немалыхъ пререканій, былъ уже рѣшенъ и фиксированъ день, какъ совершенно неожиданно получилась телеграмма отъ Дейча, чтобы я не трогался съ мѣста. Не могу сейчасъ сказать, отчего произошла такая быстрая перемѣна. При-

поминаю только, что самъ Л. Г. Дейчъ вскорѣ явился въ Петербургъ. Это было, если память меня не обманываетъ, въ концѣ декабря. Припоминаю, съ какой живостью и рыцарской прямотой набросился на насъ Дейчъ съ укоромъ, отчего мы заснули и двигаемся, словно мухи осеннія.

Никто изъ насъ не обидѣлся, такъ какъ мы, дѣйствительно, тогда, какъ организація, особой подвижностью не отличались. Дейчъ пробылъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, оживилъ насъ своей жизнерадостностью, бодростью и энергіей, а потомъ, словно метеоръ, снова куда-то исчезъ,—можетъ быть и за границу. Больше съ Дейчемъ я не встрѣчался. Въ моей памяти сохранился глубоко симпатичный образъ «Женьки», какъ мы тогда звали Дейча. Богатствомъ своей натуры, избыткомъ своихъ вѣчно бунтующихъ силъ, своей непобѣдимой энергіей, своимъ рыцарствомъ онъ живо напоминалъ мнѣ нашего незабвеннаго Валеріана Осинскаго.

Въ Харьковѣ наши дѣла съ молодежью тоже были не блистательны. Плехановъ намъ негодующе передавалъ, что въ Харьковѣ сочувствующихъ намъ среди молодежи собственно не мало, но сочувствіе это ограничивается лишь словами: идти въ народъ никто не хочетъ.

Харьковское народничество чисто платоническаго характера. Одинъ изъ старыхъ пропагандистовъ, близко стоявшій къ нашему старому ростовско-харьковскому кружку, Серебряковъ, развитой и положительный человѣкъ, такъ въ разговорѣ съ Плехановымъ формулировалъ тогдашнее настроеніе харьковской молодежи:— «Теоретически вы (т. е. мы, народники-чернопередѣльцы. О. А.) правы, психика (Серебряковъ произносилъ «психи́ка». О. А.) у молодежи теперь иная: она, молодежь, не пойдетъ за вами, въ деревню ее калачемъ не заманишь». Попутно здѣсь замѣчу, что это именно настроеніе молодежи живо схвачено такимъ опытнымъ и тонкимъ наблюдателемъ, какъ Дебагорій-Мокріевичъ. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» онъ, между прочимъ, разсказываетъ, что въ Москвѣ ему очень пріятно было встрѣтить такъ много народнической молодежи, но его тогда же поразило, какъ слово съ дѣломъ расходились у этой молодежи: идти въ народъ никто не хотѣлъ.

Такъ обстояли наши дѣла съ молодежью.

О дѣятельности нашей среди рабочихъ скажу нѣсколько словъ.

Послѣ 2 апрѣля, если читатель припомнитъ, нашъ рабочій кружокъ совершенно провалился. Одновременно съ этимъ потерпѣлъ порядочное крушеніе «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ». Сношенія же съ «Союзомъ», съ момента его основанія, у насъ велись при «Землѣ и Волѣ» Плехановымъ. Уѣзжая наканунѣ 2 апрѣля, по постановленію Совѣта, изъ Петербурга, Плехановъ передалъ свои полномочія, для веденія сношеній съ «Союзомъ», Степану Ширяеву. Осенью 79 года Плехановъ, вернувшійся въ Петербургъ, уже какъ чернопередѣлецъ, снова возобновилъ свои сношенія съ «Союзомъ». Степанъ Халтуринъ, который очень близокъ былъ съ Плехановымъ, обрушился на послѣдняго цѣлымъ потокомъ упрековъ «Человѣкъ, съ которымъ ты познакомилъ меня предъ своимъ отъ-.

ѣздомъ*), говорилъ онъ, былъ у насъ одинъ разъ, обѣщалъ доставить шрифтъ для нашей типографіи, а потомъ исчезъ, и я не видался съ нимъ два мѣсяца. А у насъ ужъ и станокъ сдѣланъ, и наборщики есть, и квартира готова. Остановка только за шрифтомъ». Плехановъ оправдывался тѣмъ, что Ширяева отрекомендовала организація, какъ весьма дѣльнаго и положительнаго человѣка, но что, вѣроятно, какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали Ширяеву выполнить свои обязательства. Такія обстоятельства, замѣчу въ скобкахъ, дѣйствительно были: выѣздъ «нелегальныхъ» изъ Петербурга предъ выстрѣломъ Соловьева, Липецкій и Воронежскій съѣзды и т. д. оторвали Ширяева отъ возложенной на него миссіи. Но—lest no least—прерванныя за лѣто сношенія съ «Союзомъ» были снова возстановлены. «Союзъ» настойчиво просилъ Плеханова, что, если ему самолично, въ виду обремененія его работой, нельзя вести съ нимъ правильныхъ сношеній, то пусть отрекомендуетъ кого-нибудь изъ чернопередѣльцевъ. Плехановъ собралъ Совѣтъ чернопередѣльцевъ. Собраніе происходило на нашей конспиративной квартирѣ, которую я занималъ вмѣстѣ съ Приходько. Эта квартира вполнѣ заслуживаетъ это названіе. Она помѣщалась въ огромномъ домѣ, нижніе этажи котораго были заняты лабазами. Дворъ сквозной, съ воротами на Невскій проспектъ и на Рождественскую улицу. Движеніе во дворѣ и черезъ дворъ было громадное. Подъѣздовъ въ этомъ домѣ было три или четыре. Это—во-первыхъ. А, во вторыхъ,—наша хозяйка была вполнѣ предана намъ. Это была прекрасная, благородная женщина. Судьба прямо послала ее намъ, чтобы насъ хоть немного утѣшить въ нашихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Ее нашелъ, если я не ошибаюсь, Приходько, но какъ—не могу теперь сказать. Это былъ кладъ для насъ. Народу къ намъ ходило много и народу «отчаяннаго», помимо чернопередѣльцевъ: на этой квартирѣ бывали частенько Л. Тихомировъ, С. Перовская и проч. Хозяйка спокойно, съ чисто народной выдержкой, слѣдила за всѣмъ. Скажу ужъ попутно, что 3—4 дня послѣ моего ареста была арестована и наша хозяйка. При обыскѣ на конспиративной квартирѣ ничего не найдено. Хозяйка все припрятала и препроводила куда слѣдовало. На допросахъ этотъ чудесный человѣкъ, эта «простая» женщина держалась съ полнымъ благородствомъ. Она, помнится, даже была арестована и просидѣла нѣкоторое время не то при полиціи, не то въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Ничего отъ нея нельзя было добиться. Никто на нашей квартирѣ не былъ захваченъ въ засадѣ. Если не ошибаюсь, она была выслана съ семьей изъ Петербурга. Хорошо также, говорятъ, держался ея мужъ, который одно время внушалъ намъ нѣкоторыя опасенія. Но мы его привязали къ себѣ огромной услугой, оказанной нами ему. Онъ—бывшій солдатъ, совершилъ какой-то проступокъ, за который ему грозили дисциплинарныя роты. Онъ бѣжалъ и скрылся, *дрожа каждую* минуту, за свою судьбу и за участь своей семьи. Мы его снабди-

*) Г. В. Плехановъ. „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи". Изд. „Пролетаріатъ".

ли изъ нашей «небесной канцеляріи»—прекраснымъ паспортомъ, съ которымъ онъ устроился въ Петербургѣ на мѣстѣ,—если не ошибаюсь, чуть ли не городового. Читатель, я думаю, не посѣтуетъ на меня, что я уклонился въ сторону, вспомнивъ о нашей квартирной хозяйкѣ. Эта женщина, совершенно нетронутая нашей пропагандой, нашла въ своемъ благородномъ сердцѣ отзвукъ на наши революціонныя стремленія, привязалась къ намъ крѣпкой народной любовью, пострадала за насъ, оставаясь до конца твердой и вѣрной намъ! Развѣ такая женщина изъ народа не заслуживаетъ нашей благодарной памяти? Возвращаюсь теперь къ нашему Совѣту. Докладчикомъ былъ Плехановъ. Въ живой, яркой и сильной рѣчи обрисовалъ Плехановъ наше тогдашнее положеніе. Мы—народники, но въ народѣ у насъ теперь точекъ опоры нѣтъ, фактически нѣтъ. Деревня—внѣ нашего революціоннаго воздѣйствія. Мы въ этомъ не виновны. Насъ такъ мало, а новыя силы не приливаютъ къ намъ. Кто виноватъ въ этомъ? Habeant sua fata—и революціонныя партіи.

Настроеніе наличныхъ революціонныхъ силъ молодежи не въ пользу систематической работы въ деревнѣ. Настроеніе толкаетъ молодежь на другой путь, на путь террористической дѣятельности. Но мы не должны падать духомъ. Есть работа и для насъ, работа народническая. Насъ зовутъ городскіе рабочіе. Развѣ они не тѣ же крестьяне? Пойдемъ же въ ихъ среду! Для этой работы у насъ хватитъ своихъ силъ, а за нами въ этой работѣ пойдетъ и молодежь. Рѣчь произвела сильное впечатлѣніе

Пойти къ рабочимъ вызвались Н. П. Щедринъ и «Егорычъ». Они и стали завязывать черезъ «Сѣверно-Русскій рабочій Союзъ» сношенія съ фабричнымъ и заводскимъ населеніемъ Петербурга.

Меня, между прочимъ, познакомили съ двумя членами «Союза», покойнымъ Павловымъ и Гусевымъ. Знакомство это было въ связи съ предположеніемъ пріобщить меня къ органу «Союза». Не помню сейчасъ кому изъ нихъ—Гусеву или Павлову,—былъ на слѣдствіи предъявленъ вопросъ о предполагаемомъ участіи моемъ въ рабочемъ органѣ. Кстати. Съ Павловымъ и Гусевымъ мы столкнулись въ 1881 году въ вышневолоцкой пересыльной тюрьмѣ. Съ ними мы пошли въ Якутскую область за непринятіе присяги Александру III. Въ Якутской области бѣдный Павловъ покончилъ самоубійствомъ въ 1884 году, если не ошибаюсь. Но я забѣгаю впередъ. Объ этомъ послѣ, на своемъ мѣстѣ.

Работа Щедрина («Рыжій», «Котъ» тоже) была, къ сожалѣнію, прервана въ самомъ началѣ: чернопередѣльческій провалъ въ январѣ 1880 года изгналъ Щедрина и другихъ нашихъ товарищей-чернопередѣльцевъ изъ Петербурга, а «Егорычъ» былъ арестованъ еще до провала. Вообще, то была пора, крайне неблагопріятная для всяческихъ организаціоннаго характера начинаній какъ въ средѣ интеллигенціи, такъ и рабочихъ.

Интенсивная террористическая борьба усилила до-нельзя правительственную реакцію и репрессаліи. Бѣлый терроръ безпощадно обрушился также и на рабочихъ и на неокрѣпшую еще организацію ихъ—«Союзъ». Это въ первыя времена террора вызвало рѣз-

кій протестъ со стороны «Сѣверно-Русскаго рабочаго Союза». «Онъ,— говоритъ Плехановъ въ своей брошюрѣ «Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи»,—сначала очень неодобрительно относился къ новому пріему революціонной борьбы.—«Чистая бѣда, воскликнулъ Халтуринъ, только-только наладится у насъ дѣло,—хлопъ! шарахнула кого-нибудь интеллигенція, и опять провалы. Хоть не много бы дали вы намъ укрѣпиться!»

Но революціонный терроръ все усиливался; усиливался и бѣлый.

Провалы учащались. Выстрѣлъ Соловьева довелъ полицейскія строгости до неслыханной степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ же указывалъ, повидимому, и выходъ изъ невыносимаго положенія. Падетъ царь, падетъ и царизмъ. наступитъ новая эра, эра свободы. Такъ думали тогда очень многіе. Такъ стали думать и рабочіе». Такимъ образомъ, террористическое настроеніе начинало охватывать и рабочихъ. Самъ основатель «Сѣверно-Русскаго рабочаго Союза», Степанъ Халтуринъ, вскорѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ выступаетъ на путь террора. Въ своемъ интимномъ разговорѣ съ Плехановымъ онъ высказывается на этотъ счетъ весьма категорически*).—«....смерть Александра II принесетъ съ собою политическую свободу, а при политической свободѣ рабочее движеніе у насъ пойдетъ не по прежнему. Тогда у насъ будутъ не такіе союзы, съ рабочими же газетами не нужно будетъ прятаться».

Степанъ задумалъ цареубійство и съ этой цѣлью взялъ мѣсто столяра въ Зимнемъ дворцѣ. Не полагаясь на собственныя средства, онъ попросилъ Плеханова познакомить его съ террористами, что Плехановъ и исполнилъ, отрекомендовавъ Халтурина Квятковскому и Тихомірову, какъ весьма надежнаго человѣка. Дальнѣйшая революціонная карьера и судьба Халтурина извѣстны: терроръ поглотилъ и эту мощную личность изъ рабочей среды, а 22 марта 1882 года онъ умеръ на висѣлицѣ. Со смертью Степана Халтурина окончательно рушилась рабочая его организація,—«Союзъ», созданный имъ съ такими усиліями и жертвами. Когда чернопередѣльцы стали заводить сношенія съ «Союзомъ», а черезъ «Союзъ» съ прочимъ рабочимъ населеніемъ Петербурга, «Союзъ», какъ рабочая организація, висѣлъ ужъ на волоскѣ: гибель его уже была близка, а съ его гибелью рушились и всѣ наши начинанія среди петербургскихъ рабочихъ. Наше собственное крушеніе только ускорило этотъ неизбѣжный, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, крахъ нашего рабочаго дѣла. Но въ результатѣ опять-таки получилось для насъ одно—неудача, неудача и опять-таки неудача! И такъ во всемъ. Но это еще съ полъ-горя—горе настоящее еще надвигалось и было уже близко: готовилось крушеніе нашей типографіи, нашего органа, редакціи, со всей организаціей «Черный Передѣлъ».

На типографію у насъ ушло не мало силъ. Сколько было тревогъ, опасеній и страховъ, пока пріобрѣли типографію, пока доставили ее въ Петербургъ и устроили ее на мѣстѣ! На это ушло

*) Г. В. Плехановъ. „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи". Издательство „Пролетаріатъ" стр. 90.

уть ли не два мѣсяца, а преданная намъ молодежь все не унималась: все приставала съ назойливыми вопросами,—когда же, наконецъ, выйдетъ органъ, когда? Я хорошо помню это время и могу сказать, что бывали у насъ плохія времена, но такой «страды» мы еще никогда не переживали. Помню этотъ холодный ненастный день петербургскій—не то въ началѣ декабря, не то въ концѣ ноября 1879 года—когда столь желанная типографія наша прибыла, наконецъ. Надо было ее получить съ вокзала. Это было поручено Щедрину и Приходько. Я и еще кто-то,—можетъ быть, я и Приходько, не помню,—должны были тщательно слѣдить въ сторонѣ за всей процедурой отъ момента полученія багажа съ товарной станціи до доставленія его предварительно на квартиру Щедрина и Е. Н. Ковальской. Мы должны были выслѣдить, не устроена ли гдѣ засада, не гоняются ли за багажомъ полицейскіе агенты.

Къ счастью, все обошлось благополучно во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ послѣдующіе за тѣмъ дни, типографія была разобрана по частямъ и перенесена, со всѣми, разумѣется, предосторожностями, въ типографскую квартиру. Все, повидимому, шло хорошо, но вдругъ «заковыка». Въ числѣ типографскихъ принадлежностей оказалась тяжелая типографская доска, чугунная. Перевезти ее на извозчикѣ, по понятнымъ причинамъ, было неудобно, а на рукахъ снести тяжело. Никто изъ нашихъ чернопередѣльцевъ перенести доску да на такое еще громадное разстояніе—изъ Измайловскаго (или Семеновскаго?) полка, гдѣ была квартира Ковальской, на Васильевскій островъ—не брался. Что дѣлать? Попросили мы «Сергѣя Андреева»,—мужчина онъ крѣпкій,—но онъ попробовалъ-попробовалъ на рукахъ да отказался. Вспомнили мы про нашего стараго товарища по «Землѣ и Волѣ», про «Титыча». Этотъ, рѣшили мы всѣ, выручитъ. И дѣйствительно. Онъ, не говоря ни слова, пришелъ на нашъ зовъ, завернулъ доску въ толстую бумагу, взялъ ее подъ мышку и бережно, словно «цѣнную картину» или «зеркало», какъ назвалъ доску «Титычъ», водворилъ ее безъ всякихъ приключеній на мѣсто. Мы всѣ были очень рады.

Теперь, думали мы, работа пойдетъ ходко. Типографская группа была сорганизована. Въ нее вошли: М. Крылова, опытная наборщица, работавшая все время въ «Землѣ и Волѣ» и перешедшая послѣ раскола къ «Черному Передѣлу»; рабочій-наборщикъ (впослѣдствіи предатель и шпіонъ) А. Жарковъ, изъ саратовской рабочей группы, принятъ въ «Черный Передѣлъ» по рекомендаціи Преображенскаго и Плеханова; П. Приходько, И. Пьянковъ и Е. Шевырева.

Теперь дѣло стало за редакціей. Въ составъ редакціи вошелъ тогда Плехановъ и я, какъ ближайшій его сотрудникъ. П. Б. Аксельрода тогда еще не было въ Петербургѣ, мы его ждали со дня на день. В. И. Засуличъ, по своей идеальной скромности, уклонялась отъ редакторскихъ обязанностей, хотя она вносила свою лепту въ органъ, какъ прекрасная переводчица писемъ нашихъ заграничныхъ корреспондентовъ-друзей и, какъ вдумчивый, стойкій товарищъ—своими совѣтами и указаніями. Намъ надо было торо-

питься выпускомъ перваго номера органа. Плехановъ долженъ былъ написать руководящую, программнаго характера, статью.

Ему это ничего не стоило. Онъ на моихъ же глазахъ, въ моей квартирѣ, съ удивительной быстротой написалъ передовицу. Какъ теперь я вижу его изъ моего маленькаго кабинета сидящимъ за столомъ въ столовой и пишущимъ. Четвертушки почтовой бумаги, исписанныя его характернымъ почеркомъ, такъ и ложились торопливо одна на другую. Меня даже досада взяла.

— Гдѣ же мнѣ угнаться за тобою?—воскликнулъ я, обернувшись къ Плеханову.

— Пиши, пиши, Осипъ, знай не лѣнись!—раздался мнѣ вслѣдъ бодрый и веселый отвѣтъ Плеханова.

Дня черезъ два онъ написалъ, въ дополненіе къ руководящей статьѣ, другую подробную программную статью. Поразительна легкость, съ какой Плехановъ писалъ свои статьи! Въ немъ, тогда еще молодомъ, самомъ молодомъ изъ всѣхъ товарищей нашихъ—ему тогда, полагаю, самое большее было 22 года—уже крѣпко сидѣлъ завзятый литераторъ. Поражала меня тогда еще другая манера его писанія: не корпѣлъ онъ надъ работой, попишетъ часъ-другой—и берется за другую работу, за чтеніе,—научное, литературное и проч.

На мою же долю выпалъ по-истинѣ искусъ. Совѣтъ поручилъ мнѣ, по предложенію Плеханова, написать статью полемическаго характера по поводу нашего раздѣленія, т. е. по поводу раскола общества «Земля и Воля». Какъ я ни отказывался, но работа эта мнѣ была навязана. Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ.

Я засѣлъ въ публичной библіотекѣ дней на десять, собралъ нужный матеріалъ—и въ результатѣ этой работы появилось мое «Письмо къ бывшимъ товарищамъ». Не могу теперь безъ улыбки вспоминать, какъ народовольцы интересовались—кто будетъ писать у насъ по поводу нашего раздѣленія. Я, какъ во времена «Земли и Воли«, сохранилъ добрыя отношенія съ бывшими моими товарищами. Когда они отъ меня узнали, что названную статью (въ формѣ письма) поручено мнѣ написать, они положительно обрадовались: моя полемика ихъ не тревожила, боялись они только Плеханова. Возвращаюсь къ редакціи. На моей обязанности еще лежала редакція полученныхъ корреспонденцій и веденіе отдѣла «хроника». Кромѣ статей Плеханова и моей въ № 1 «Чернаго Передѣла» вошла еще большая статья Я. Стефановича подъ названіемъ «Чигиринское дѣло» *). Всѣ статьи уже были сданы въ типографію. Дѣло, казалось, наладилось, вотъ-вотъ появится № 1 «Чернаго Передѣла». Мы сгораемъ отъ нетерпѣнія и отчасти досады. Вѣдь № 1 «Народной Воли» уже вышелъ, опередилъ насъ!

У нихъ, у народовольцевъ, все спорится. Торопимъ нашихъ типографщиковъ. Вдругъ неожиданное осложненіе. Въ одинъ пре-

*) Къ статьѣ Стефановича было сдѣлано редакціей примѣчаніе, гласившее, что организація „Чернаго Передѣла", одобряя предпріятіе Стефановича, какъ попытку организаціи крестьянской массы, совершенно не одобряетъ того авторитарнаго принципа, къ которому аппелировалъ Стефановичъ.

красный день, въ разгаръ самой работы, приходитъ ко мнѣ Жарковъ и просится, чтобы его отпустили домой, въ Саратовъ, на одну-другую недѣлю: въ семьѣ у него что-то неладное творится. Когда я ему указалъ на то, что, съ отъѣздомъ его, работа въ типографіи значительно затормазится, а этимъ выходъ нашего органа можетъ задержаться, Жарковъ сталъ увѣрять, что дѣло въ типографіи теперь налажено хорошо, и что типографскіе товарищи сами справятся съ своей работой, что, далѣе, онъ-де пришелъ сюда съ своей просьбой съ согласія послѣднихъ. Я посовѣтовался съ товарищами, и мы рѣшили отпустить Жаркова, взявши съ него слово, что онъ вернется къ сроку. Что стряслось съ Жарковымъ въ Москвѣ—объ этомъ послѣ.

Продолжаю разсказывать о нашей редакціи и о дѣлахъ, связанныхъ съ ней. Въ концѣ ноября или въ половинѣ декабря пріѣхалъ, наконецъ, изъ-за границы П. Б. Аксельродъ. Это былъ для насъ праздникъ, праздникъ не только редакторской группы, но и всей организаціи. Нужны были тогда люди, живыя силы,—охъ, какъ нужны были! На П. Б. Аксельрода организація возлагала большія надежды. Аксельродъ быстро познакомился со всѣми нами. Надо было ему спѣться, согласиться съ товарищами, особенно съ редакціей, куда вошелъ онъ, какъ членъ-редакторъ.

Революціонеръ-семидесятникъ Аксельродъ въ то время, помнится, былъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ, проникнутъ духомъ западничества. Можетъ быть, это объясняется его давнишней жизнью заграницей и близкими отношеніями его къ западному пролетаріату. За границей онъ въ то время занимался серьезнымъ изученіемъ, теоретическимъ и практическимъ, рабочаго движенія на Западѣ.

Это я слышалъ отъ Перовской, которая, къ слову сказать, относилась съ большимъ уваженіемъ къ Аксельроду. Въ это именно время П. Б. Аксельродъ помѣстилъ въ журналѣ «Слово» прекрасную статью объ англійскихъ трэдъ-юніонахъ. Я не могу сейчасъ припомнить точное заглавіе этой статьи, но помню хорошо, что въ интеллигентно-радикальной и рабочей средѣ она произвела весьма благопріятное впечатлѣніе.

Все это еще больше расположило насъ всѣхъ въ пользу П. Б. Аксельрода.

Живо припоминаю я теперь наши горячіе споры и дебаты по поводу народничества. Чаще всего они происходили между мною и Плехановымъ, съ одной стороны, и Аксельродомъ — съ другой. Помню, какъ разъ Аксельродъ не удержался и воскликнулъ: «право-же въ вашемъ народничествѣ немало славянофильства!» Въ результатѣ нашихъ споровъ оказалось вотъ что. Аксельродъ попросилъ насъ, чтобы мы ему указали народническую литературу, съ которой онъ счелъ необходимымъ познакомиться. Аксельродъ, со свойственной ему живостью и горячностью, набросился на эту литературу и быстро проглотилъ ее.

Одновременно съ этимъ Аксельродъ сталъ заводить знакомства среди сочувствовавшей намъ интеллигенціи. Живой, душевный, всецѣло преданный революціи, онъ быстро завоевывалъ симпатіи

молодежи. О немъ въ кружкахъ молодежи прямо говорили съ восхищенiемъ. Я, конечно, несказанно былъ радъ этому: знай, молъ, нашихъ!

Какъ-то вышло—ужъ не помню хорошенько какъ—что Плеханову надо было обязательно уѣхать въ Кiевъ. Тамъ дѣйствовалъ среди рабочихъ нашъ чернопередѣлецъ М. Р. Поповъ. Возможно, что Поповъ нуждался въ временной помощи Плеханова. Переговоривъ со мною о дѣлахъ редакцiи, Плехановъ попрощался со мною, обѣщавъ вернуться дней черезъ 10-15. Такъ я съ Аксельродомъ остались одни въ редакцiи. Редакторскiя обязанности страшно тяготили меня. Кромѣ того на мнѣ лежали еще другiя, административнаго характера, обязанности, связанныя съ докучливой бѣготней. Аксельродъ тоже былъ заваленъ еще посторонней работой. А между тѣмъ надо было уже подумывать о составленiи № 2 «Чернаго Передѣла». Настоятельной необходимостью было, поэтому, позаботиться своевременно объ усиленiи редакцiи или, по крайней мѣрѣ, о привлеченiи новыхъ сотрудниковъ къ органу. Еще раньше были намѣчены П—овъ и Юзовъ-Каблицъ.

Съ П—овымъ меня познакомилъ Преображенскiй, который горячо рекомендовалъ его намъ, какъ возможнаго сотрудника въ нашемъ органѣ. Я потомъ нѣсколько разъ былъ у П—ова.

Въ моей памяти сохранился очень смутный образъ молодого человѣка, сутуловатаго, съ выцвѣтшими глазами и сѣраго цвѣта лицомъ. Онъ жилъ гдѣ-то у черта на куличкахъ, занималъ небольшую комнату въ нижнемъ этажѣ, всю почти наполненную книгами, журналами, газетами, газетными вырѣзками и обрѣзками бумаги. На меня П—овъ производилъ впечатлѣнiе, что называется, Bücherwurm'а, цѣликомъ ушедшаго въ тяжелую работу кропотливыхъ изысканiй и изслѣдованiй. Преображенскiй мнѣ говорилъ, что онъ готовитъ какую-то солидную работу. П—овъ раздѣлялъ наши народническiя воззрѣнiя. Онъ обѣщалъ намъ свое сотрудничество въ нашемъ органѣ. Въ послѣднiй разъ я зашелъ къ нему, когда уже готова была первая половина «Чернаго Передѣла», въ которой была руководящая статья Плеханова и мое открытое «Письмо къ бывшимъ товарищамъ». Мы торопились тогда всячески распространять хоть эту половину, чтобы, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь скорѣе проявить себя, хоть сказать:—«вотъ и мы!», ибо насъ почти не слышно и не видно было въ шумѣ и блескѣ народовольческихъ дѣлъ. Я пошелъ къ П—ву, чтобы поторопить его съ представленiемъ обѣщанной имъ намъ статьи. Онъ показался этотъ разъ болѣе живымъ, чѣмъ въ предыдущiе разы, и указалъ мнѣ на лежавшую на его столѣ половину «Чернаго Передѣла». Онъ освѣдомился, кто написалъ передовую. Я назвалъ автора.—«Органъ будетъ имѣть успѣхъ. Это несомнѣнно. Тонъ органа серьезный.

Особенно «Письмо» произведетъ впечатлѣнiе. Это—chef d'oeuvre полемики и притомъ такое богатое содержанiе».

Мнѣ было очень прiятно это слышать и я, воспользовавшись его благорасположенiемъ, поставилъ вопросъ ребромъ, когда же, наконецъ, онъ дастъ обѣщанную статью? П—овъ указалъ мнѣ на цѣлый ворохъ исписанной бумаги:—«5—6 дней дайте мнѣ—и все

готово!» Мы распрощались довольные другъ другомъ. Но статья П—ова (кажется, о казачествѣ и побратимствѣ—вродѣ этого) не попала въ нашъ второй номеръ, такъ какъ мы вскорѣ потерпѣли крушеніе. Не встрѣчался я также больше никогда съ П—овымъ.

Юзова (Каблица) избралъ самъ П. Б. Аксельродъ и предложилъ мнѣ привлечь его къ редакціи. Съ Юзовымъ П. Б. Аксельродъ былъ знакомъ, если не ошибаюсь, еще въ Кіевѣ во времена пропаганды и хожденія въ народъ. Лично мнѣ покойничекъ былъ несимпатиченъ. Помню хорошо, что «Земля и Воля», хотя порою и имѣла съ нимъ кое-какія дѣла, но въ свою организацію не желала его принять. Предложеніе Аксельрода меня покоробило, но я согласился, имѣя въ виду спеціальный характеръ нашихъ, т. е. чернопередѣльческихъ, къ нему отношеній: Юзовъ—народникъ и, какъ ни какъ литераторъ и съ подготовкой человѣкъ. Въ этомъ спеціальномъ смыслѣ, при наличной бѣдности нашихъ литературныхъ силъ, съ Юзовымъ можно безусловно имѣть дѣло. Я согласился. Также смотрѣлъ на Юзова и Павелъ Борисовичъ. Но у него, если не ошибаюсь, былъ еще другой, не высказанный, благородный, вполнѣ характеризующій Аксельрода, мотивъ: онъ, если не ошибаюсь, не полагался на себя въ народническомъ смыслѣ, а вѣдь нашъ органъ—народническій par excellence! Надо, стало быть, усилить народническій элементъ въ органѣ. Этотъ мотивъ—я въ этомъ глубоко убѣжденъ – главнымъ образомъ и руководилъ идеальноскромнымъ Аксельродомъ. Теперь дѣло стало за тѣмъ, какъ найти Юзова.

Юзовъ въ то время окончательно завладѣлъ редакціей «Недѣли». Его статьи тогда читались довольно охотно, даже молодежью, хотя уже тогда въ нихъ былъ слышанъ специфическій букетъ юзовскаго народничества. Пристроившись въ «Недѣли», Юзовъ, въ 1879 году, какъ-то незамѣтно сошелъ съ радикально-революціонной сцены, на которой онъ въ предыдущіе годы нѣтъ-нѣтъ да появлялся. Онъ куда-то запрятался. Кого ни спрашиваешь, никто не знаетъ, гдѣ живетъ Юзовъ. Но мы все-таки его нашли. Выручила насъ польская молодежь. Въ Петербургѣ въ то время была студенческая группа «Пролетаріата». Съ нѣкоторыми членами этой группы «Черный Передѣлъ» былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Славная это была молодежь, горячая, энергичная, интеллигентная! Сношенія велись черезъ меня. Молодежь эта не мало услугъ оказывала намъ. Къ сожалѣнію, я запомнилъ лишь одну фамилію До—вича, жившаго въ 90-ыхъ годахъ въ Петербургѣ, въ качествѣ врача и пользовавшагося значительной популярностью. Вотъ эта-то молодежь и нашла Юзова и устроила намъ, т. е. мнѣ и Аксельроду, съ нимъ свиданіе. Юзовъ поставилъ условіемъ, чтобы мы пришли къ нему вечеромъ и предварительно приняли всѣ предосторожности, чтобы не притащить за собою шпіоновъ. Мы все это выполнили съ требуемой аккуратностью и добросовѣстностью. Сидимъ уже въ уютномъ кабинетикѣ Юзова. Хозяинъ принялъ насъ, повидимому, радушно. Мы сѣли. Я посмотрѣлъ на Юзова. Единственный его глазъ*) заерзалъ, забѣгалъ: страхъ, безпокойство сказа-

*) Читатель припомнитъ, что Юзова звали „Око“ за то, что одинъ глазъ былъ у него искусственный.

лись въ немъ. Меня охватило какое-то странное чувство: я не могъ оторваться отъ этого глаза.—«Маленькій, крошечный органъ, съ миндаль величиною, а въ немъ отражается душа человѣка!»—подумалъ я, впиваясь все больше въ этотъ глазъ. Юзовъ завертѣлся на своемъ стулѣ. Я отвернулся и почти не принималъ участія въ разговорѣ. П. Б. Аксельродъ, коснувшись вкратцѣ цѣлей и задачъ нашего органа, обратился въ заключеніе къ Юзову съ вопросомъ, не согласится ли онъ сотрудничать въ органѣ. Я невольно взглянулъ на Юзова: тоже выраженіе страха и любопытства.

— А кто редактируетъ органъ?—спросилъ онъ живо, то обращаясь ко мнѣ, то къ Аксельроду. Ему назвали редакторовъ. Между Юзовымъ и Аксельродомъ завязался разговоръ. Докторальныя, тягучія реплики Юзова раздражали меня, а нѣкоторыя его попутныя разсужденія такъ и рѣзнули меня по душѣ. Одно изъ такихъ застряло, какъ гвоздь, въ моей памяти. Рѣчь зашла о еврейскомъ вопросѣ.

Поводомъ послужили, съ одной стороны, массовыя почти изгнанія евреевъ изъ Петербурга, въ виду исключительнаго тогда положенія вещей, а съ другой—всяческія препятствія, чинимыя вновь прибывшимъ въ Петербургъ евреямъ. Передъ Юзовымъ, изволите ли видѣть, явилась дилемма: дать евреямъ сейчасъ всѣ права, значитъ—отдать имъ русскій народъ въ кабалу. Это—съ одной стороны. Но съ другой—какъ же не разрѣшить мѣстожительства молодой дѣвушкѣ-еврейкѣ, желающей изучить акушерство? Я передаю формулировку юзовскихъ сужденій почти буквально. Повторяю, меня тогда отъ юзовскихъ сужденій только претило, но настоящій ихъ смыслъ я понялъ только года 2—3 спустя, когда Юзовъ вполнѣ развернулся въ «Недѣли» своимъ своеобразнымъ народничествомъ. Къ чему, однако, привели наши переговоры? Помнится, что въ концѣ концовъ Юзовъ обѣщалъ дать одну-другую статью въ органъ, но отъ постояннаго сотрудничества уклонился. Мы распрощались. Я былъ не въ духѣ. Аксельроду это бросилось въ глаза и онъ съ участіемъ освѣдомился о причинѣ моего дурного настроенія.

Противенъ мнѣ этотъ человѣкъ!—выпалилъ я раздраженно.

Павелъ Борисовичъ добродушно разсмѣялся и, энергично ковырнувъ въ носу, замѣтилъ:—«Не изъ храбраго десятка онъ, что и говорить!».

Надо ли сказать, что и статьи Юзова не попали въ нашъ органъ, такъ какъ органъ, увлекаемый общимъ погромомъ, вскорѣ прекратилъ свое существованіе.

Перехожу теперь къ самымъ тяжелымъ воспоминаніямъ о «Черномъ Передѣлѣ». Если въ „Землѣ и Волѣ“ прошла самая свѣтлая полоса моей жизни, то въ «Черномъ Передѣлѣ»—самая темная.

Если съ «Землею и Волею» были связаны самыя лучшія мои мысли и самыя смѣлыя мои надежды, то уже на порогѣ «Чернаго Передѣла» я оставилъ безповоротно все это. И не потому, что я тогда былъ такъ мрачно настроенъ, а потому, что наше положеніе, въ силу объективныхъ, внѣ насъ лежавшихъ причинъ, было съ самаго начала безнадежно-печальное. Я присутствовалъ при рожденіи хилаго больного ребенка, я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ все болѣе и болѣе хирѣлъ, я видѣлъ его агонію и смерть. О страданіи и смерти не вспоминаютъ съ свѣтлой душой.

Въ январѣ 1880 года симптомы летальнаго, по выраженію медиковъ, исхода были ужъ на-лицо. Начался уже выѣздъ за границу главныхъ членовъ «Чернаго Передѣла»; выѣхали почти одновременно разными путями Дейчъ, Стефановичъ, Засуличъ и Плехановъ. Оставаться имъ дольше въ Россіи нельзя было: это значило все равно, что самимъ имъ добровольно отдаться въ руки правительства. Дѣло вотъ въ чемъ. Послѣ 19 ноября 1879 года, т. е. послѣ взрыва подъ Москвою, сталъ упорно циркулировать слухъ въ Петербургѣ, что полиція намѣрена провѣрить всѣ паспорта, по которымъ прописаны и живутъ въ столицѣ ея граждане. Сначала этому слуху не придавали значенія. Но въ январѣ 1880 года мы убѣдились, что слухъ этотъ былъ совершенно основателенъ: сталъ фактомъ. Встревожились всѣ революціонныя организаціи, въ томъ числѣ, само собою, и чернопередѣльческая.

Въ нашей петербургской группѣ легальныхъ было лишь, если не ошибаюсь, четверо: я, Приходько, К—вичъ и «Егорычъ».

Остальные—Плехановъ, Засуличъ, Стефановичъ, Дейчъ, особенно лакомые куски для правительства, и прочіе наши товарищи были нелегальны и жили либо съ фальшивыми паспортами, либо съ подлинными паспортами, либо по дубликатамъ. Къ несчастью, у насъ паспортовъ послѣдней категоріи не на всѣхъ хватало: не было ихъ ни у Плеханова, ни у Стефановича, ни у В. И. Засуличъ. А повѣрка, между тѣмъ, надвигалась. Созвали совѣтъ и на совѣтѣ рѣшили, чтобы вышеназванныя лица немедленно выѣхали,—если память не измѣняетъ мнѣ,—на время только за границу, пока положеніе дѣлъ не выяснится.

Я помню хорошо мое сердечное прощаніе съ Плехановымъ, съ самымъ близкимъ моимъ товарищемъ еще по «Землѣ и Волѣ». Я помню хорошо также, какъ я проводилъ на Варшавскій вокзалъ Стефановича. Была морозная, туманная январьская ночь. Мы по дорогѣ молчали. Не до разговоровъ было. Когда пріѣхали на вокзалъ, я было хотѣлъ самъ взять билетъ для Стефановича, но я не успѣлъ оглянуться, какъ самъ Стефановичъ быстро подошелъ къ стоявшему у кассы жандарму и, вручивъ ему деньги, важно попросилъ его взять для него билетъ до Варшавы, что жандармъ съ почтеніемъ исполнилъ.—«Зачѣмъ вы бравируете,—спросилъ я потомъ Стефановича,—развѣ вы не знаете, что у каждаго желѣзнодорожнаго жандарма имѣется ваша фотографическая карточка?»—«Говорят!» лаконически отвѣтилъ Стефановичъ. Когда раздался третій звонокъ, мы обнялись. Свистокъ. Поѣздъ тронулся. Я постоялъ съ минуту на платформѣ, пока поѣздъ, вздохнувъ глубоко

разъ-другой, не прошелъ мимо меня, унося съ собою Стефановича, а съ нимъ и послѣднія мои надежды на деревню. Я поплелся домой мрачный, какъ могила.

Тоска и оброшенность снова охватили меня. Все прощаюсь и прощаюсь! Недавно только попрощался съ Плехановымъ, а теперь проводилъ Стефановича. Лучшіе люди ушли,—на время-ли, на долго-ли—кто знаетъ?—а съ уходомъ этихъ людей, съ такимъ именемъ, съ такимъ прошлымъ, какъ у Стефановича, В. И. Засуличъ, Дейча и Плеханова,—душа отлетѣла отъ нашего общества, отъ осиротѣлаго «Чернаго Передѣла». И началась уже агонія, смерть казалась неминуемой. То, о чемъ я сейчасъ разскажу, что ближайшимъ образомъ привело къ гибели „Чернаго Передѣла"— только случайность,—правда, очень роковая для насъ случайность. Но и безъ этой случайности, все, всѣ обстоятельства сложились для насъ такимъ образомъ, что мы неудержимо шли къ полному крушенію. Противъ насъ, прежде всего, былъ тогда объективный ходъ исторіи: настроеніе широкихъ массъ народа, не сознавшаго себя, какъ классъ, призванный разрушить старый строй и создать новый; настроеніе революціонной интеллигенціи и общества, искавшихъ путей къ освобожденію помимо народныхъ массъ. При такихъ условіяхъ революціонная организація, избравшая операціоннымъ базисомъ своей дѣятельности массы и сообразно съ этимъ строившая свою программу и тактику, должна была уже á priori потерпѣть фіаско. Такой именно организаціей былъ «Черный Передѣлъ» — и его постигла участь «безвременья»...

Были въ его организаціи крупные люди, большія величины— слова нѣтъ! но и они оказались безсильны, и они оказались не ко двору, а потому они, и, помимо правительственныхъ гоненій, рано или поздно должны были выйти изъ организаціи «Черный Передѣлъ», чтобы развязать себѣ руки для болѣе сообразной съ требованіями обстоятельствъ дѣятельности. Конечно, мы тогда этого не сознавали и прали противъ рожна,—за что и понесли должное наказаніе: однихъ изгнало правительство за границу, другихъ забрало въ тюрьмы и погнало въ ссылку.

Мнѣ остается теперь разсказать о той печальной случайности, которая ускорила нашу гибель и о которой я сейчасъ упомянулъ. Случилось поистинѣ глубоко потрясающее событіе: убило насъ предательство нашего же чернопередѣльца. Этого, конечно, никто не могъ предвидѣть и не предвидѣлъ. Страшнѣе этого наказанія трудно придумать. Я говорю о Жарковѣ, ставшемъ предателемъ и шпіономъ. Дѣло было такъ.

Получивъ отъ насъ отпускъ, Жарковъ уѣхалъ. Прошло нѣсколько дней и изъ Москвы получено извѣстіе, что Жарковъ арестованъ и арестованъ при весьма серьезныхъ обстоятельствахъ: при обыскѣ у него нашли чуть ли не цѣлый чемоданчикъ съ «Народною Волею». Въ тѣ времена за одинъ-два номера «Народной Воли», найденные при обыскѣ, арестовывали и грозили серьезнымъ наказаніемъ. А тутъ еще масса экземпляровъ да еще у рабочаго-типографщика. Дѣло плохо. Мы считали уже Жаркова погибшимъ и

потеряннымъ для «Чернаго Передѣла». Онъ, дѣйствительно, погибъ, но въ другомъ совершенно смыслѣ. Правительство лѣзло изъ кожи, чтобы найти типографію «Народной Воли», но все тщетно, а тутъ уже выросла другая, чернопередѣльческая, типографія. Сыскъ энергично взялся за свое ремесло. Жарковъ прибылъ изъ Петербурга, при немъ масса «Народной Воли», онъ—типографщикъ, слѣдовательно, онъ работалъ въ типографіи «Народной Воли». Сыскъ, дѣйствительно, предъявилъ Жаркову такое обвиненіе. Мало того сыскъ пригрозилъ ему, говорятъ, смертной казнью. Это вѣроятно, если принять во вниманіе, что сыскъ нерѣдко прибѣгалъ къ такимъ угрозамъ и запугиваніямъ, особенно имѣя дѣло съ рабочими. А тутъ еще поймана птичка, вылетѣвшая, можетъ быть, изъ самаго опаснаго и ненавистнаго правительству гнѣзда—изъ «Народной Воли».

Прошло еще съ недѣлю. Я сижу въ своемъ кабинетѣ и занимаюсь. Вдругъ вбѣгаетъ Н. П. Щедринъ, возбужденный, порывистый, и веселымъ голосомъ передаетъ мнѣ, что онъ сейчасъ встрѣтился съ Жарковымъ, что онъ ловко выпутался изъ бѣды: его выпустили на волю. Щедринъ закончилъ тѣмъ, что Жарковъ («Александръ» тожъ) хочетъ-де повидаться со мною прежде, чѣмъ пойти на работу въ нашу типографію.

Въ первую минуту я тоже очень обрадовался, но вдругъ меня точно молнія озарила и я воскликнулъ: «Николай Павловичъ, тутъ что-то неладное: какъ это «Александра» выпустили, когда онъ взятъ съ «Народной Волей». Это подозрительно!».

Щедринъ былъ прямо пораженъ моими словами, онъ словно сразу прозрѣлъ: «Вы правы: это очень подозрительно! Что же дѣлать?» Мы рѣшили такъ: Щедринъ всячески задерживаетъ Жаркова и подъ разными предлогами не пускаетъ его ни въ нашу типографію ни на мою квартиру. Я немедленно бѣгу къ М. Н. Ошаниной, народоволкѣ, передаю ей, что Жарковъ здѣсь и что надо узнать черезъ народовольческаго агента (Клѣточникова) о положеніи дѣла. Если не ошибаюсь, въ этотъ же день мы узнали все: Жарковъ, подъ угрозою смертной казни, дѣйствительно предалъ насъ и теперь находится въ распоряженіи III-го отдѣленія. Надъ нами повисла страшная опасность и при томъ двойная: Жарковъ не только зналъ всѣхъ чернопередѣльцевъ, зналъ и часто бывалъ на нашей конспиративной квартирѣ, зналъ помѣщеніе нашей типографіи, гдѣ одно время самъ работалъ, но зналъ еще многихъ народовольцевъ хорошо въ лицо, частенько видѣлъ ихъ на моей квартирѣ. Стало быть, его шпіонство за разъ грозило двумъ революціоннымъ организаціямъ. Нельзя было медлить. Каждый часъ былъ дорогъ. Рѣшено было устранить Жаркова, и Н. П. Щедринъ вошелъ по этому поводу въ соглашеніе съ народовольцами. А пока что мы рѣшили принять всяческія мѣры, чтобы обезопасить себя отъ грозящаго намъ краха. Прежде всего мы бросились искать новаго помѣщенія для типографіи: мы этимъ надѣялись спасти и типографію и людей (товарищей).

Но—увы!—мы ничего не успѣли: Жарковъ насъ предупредилъ. 22 января 1880 года, если не ошибаюсь, была взята типо-

графія наша; арестованы работавшіе тамъ М. Крылова, П. Тесленко-Приходько и Пьянковъ.

Въ 1881 году, 29 сентября,—скажу ужъ попутно,—дѣло ихъ разбиралось въ петербургской судебной палатѣ. Ихъ приговорили къ легкому сравнительно наказанію: на житье и поселеніе въ Сибирь.

Прокуроръ по этому поводу приблизительно сказалъ слѣдующее:—«Я не настаиваю на тяжкомъ наказаніи: они—не террористы, хотя и долженъ сказать, что по своимъ цѣлямъ и задачамъ чернопередѣльцы опаснѣе народовольцевъ. «Народоволецъ» все равно, что убійца, который смѣло врывается въ домъ и убиваетъ домохозяина, «чернопередѣлецъ» же тихо, незамѣтно, невидимо подрывается подъ самый фундаментъ зданія, такъ что въ одинъ прекрасный день зданіе рушится, разсыпается въ прахъ, погребая безвозвратно подъ своими обломками и домохозяина, и чадъ его, и слугъ его, и все добро».

Умныя рѣчи пріятно слушать даже отъ прокурора.

Наши дорогіе товарищи дѣйствительно могли утѣшиться: если тогда—въ 1879-80 годахъ—ихъ постигла неудача, то во всякомъ разѣ они были предтечами той великой исторической работы, глубоко-трагическіе моменты которой мы еще теперь переживаемъ: рушится старое, строится новое. Продолжаю, однако, свои воспоминанія.

На другой день, 23 января, былъ арестованъ въ типографіи К—вичъ, а 24 того же мѣсяца, какъ я уже выше упомянулъ, я былъ взятъ на квартирѣ К—вича. Это было ужъ поздно вечеромъ. Меня повели въ сыскное отдѣленіе. По дорогѣ мнѣ удалось уничтожить кое-какія бумаженки и адреса. Въ сыскномъ меня довольно долго продержали, пока не пришелъ начальникъ сыскного отдѣленія, Колошкинъ, если не ошибаюсь. Меня позвали въ кабинетъ. Я прошелъ сквозь строй, по меньшей мѣрѣ, 20-25 паръ шпіонскихъ глазъ. Колошкинъ при входѣ моемъ всталъ и завелъ со мною цѣлую политическую бесѣду. Мы прохаживались взадъ и впередъ по кабинету, словно добрые знакомые. Онъ убѣждалъ меня, чтобы я назвалъ свою фамилію (я отказался наотрѣзъ назвать свою фамилію, по понятнымъ причинамъ), почему-то заговорилъ о какомъ-то Жуковскомъ, жившемъ и тогда за-границей, высказалъ свое мнѣніе, что конституція (я въ душѣ хохоталъ: вотъ нашелъ сторонника конституціи!) не спасетъ Россіи, что въ Америкѣ-де какая свобода, а какой тамъ подкупъ царствуетъ, что, однимъ словомъ, для Россіи конституція—величайшее зло и т. д., и т. д.

Разглагольствованія архисыщика ни къ чему не привели: я не назвался; меня на извозчикѣ отправили въ Спасскую, кажется, часть.

Выйдя изъ кабинета Колошкина, я увидѣлъ Е. Шевыреву. Мы переглянулись—и поняли все: взята типографія, взяты также и товарищи.

Въ участкѣ меня опять стали спрашивать и допрашивать, но я наотрѣзъ отказался назвать свою фамилію и дать какія-либо

оказанія о себѣ. Меня отвели въ «одиночку». Камера ничего себѣ. Обстановка обычная, достаточно извѣстная.

Постель отвратительно-грязная. Я страшно усталъ и повалился на кровать, не раздѣвшись. Спалъ сномъ праведника. Рано утромъ щелкнулъ замокъ, скрипнула дверь, входитъ фигура. «Ваша фамилія?» выкрикиваетъ она смѣло, увѣренно, какъ что-то обычное. Я спросонья чуть было не назвался, но спохватился: — «фамиліи нѣтъ!» отвѣтилъ я.

Два дня пробылъ я въ участкѣ, какъ «непомнящій родства». Больше ужъ не пробовали поймать меня на удочку. Было скучно, но на душѣ было поразительно спокойно. Чему быть, тому не миновать,—думалъ я.

На третій день, утромъ, въ камеру мою входитъ приставъ, вѣжливо поздоровался со мною, назвавъ меня отчетливо по имени, отчеству и фамиліи.—Какъ вы узнали мою фамилію?—наивно вырвался у меня вопросъ.—«Развѣ отъ насъ что-нибудь скроется?» съ важностью отвѣтилъ приставъ. Мы спустились въ канцелярію, а потомъ, совершивъ еще кое-какія формальности, приставъ предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ.

Мы сѣли на извозчика и поѣхали въ III отдѣленіе.

Помню смутно дворъ, въ который мы вошли, потомъ подъѣздъ и какіе-то корридоры, темные и запыленные, заставленные корзинами, сундуками, ящиками, чемоданами и проч.—«Трофеи все!»—подумалъ я, и вдругъ взоръ мой упалъ на одинъ изъ сундуковъ, въ которомъ я призналъ нашъ, доставленный съ вокзала на квартиру Е. Н. Ковальской.—«Кончено!»—раскрывшаяся дверь въ кабинетъ оборвала мою фразу въ головѣ.

Въ большомъ, довольно свѣтломъ кабинетѣ, за столомъ влѣво отъ входа сидѣлъ какой-то полный, съ солиднымъ брюхомъ, широкимъ лицомъ господинъ. Выраженіе лица важное, но не отталкивающее, скорѣе даже пріятное, во всякомъ случаѣ умное. Кажется, это былъ Дрентельнъ. Я поклонился. Мнѣ предложили сѣсть въ кресло vis-á-vis. Сѣлъ. Смотримъ съ минуту другъ на друга. На одномъ креслѣ грузная, массивная, сдобная, упитанная «важная особа», «столпъ государственный», «мужъ совѣта и разума», на другомъ — маленькій, худенькій, тщедушный, издерганный весь «подрыватель основъ».

— Ну, что вы намъ скажете?—прервала молчаніе «особа».

— Ничего!—былъ тихій отвѣтъ не-особы. Пауза.

— Не знаете ли вы Преображенскаго, «Юриста» тожъ, не знаете ли «Титыча», Щедрина?

— Не отрицаю, что знакомство у меня большое, но этихъ лицъ не знаю!

«Особа» закидываетъ слегка голову назадъ и ужъ насмѣшливо, съ легкимъ оттѣнкомъ пренебреженія, растягивая слова, спрашиваетъ:

— Ну, а Жоржа, Жоржа Пле-е-х-а-а-нова (сильно растягиваетъ буквы), полагаю, хорошо знаете?

— Ваше дѣло полагать, мое—отрицать: интересы у насъ различные!—отвѣтилъ я, продолжая упорно ощупывать своими глазами эту сытую, довольную фигуру.

— Бѣдная Россія, которую вы съ Жоржемъ Плехановымъ (опять растягиваетъ буквы въ фамиліи «Плехановъ») собираетесь спасти!

Я ничего не отвѣтилъ, а смотрѣлъ въ упоръ на особу. Тѣло у особы какъ-будто задрожало, какъ тѣсто дрожитъ въ кадкѣ, когда его чуть-чуть толкнутъ. Маленькая, неловкая пауза.

— Такъ вы намъ ничего и не сказали!—проговорила особа, сдѣлавъ какой-то знакъ, по которому я догадался, что наше «интервью» окончено.

Я поднялся и, молча кивнувъ головою, вышелъ. За дверьми меня ждалъ жандармскій чинъ, который по какимъ-то ходамъ и корридорамъ провелъ меня въ корпусъ, весь занятый жандармами. Меня ввели въ большую въ два окна комнату, довольно чистую и тамъ, ни о чемъ не спрашивая меня, оставили. Кровать у лѣвой стѣны, довольно чистая постель. Въ общемъ впечатлѣніе не удручающее. Только бряцанье шпоръ и особое, своеобразное притаптываніе жандармское да наглое выкрикиваніе ихъ нарушали тишину въ этой мирной обители III-го отдѣленія. Первый день провелъ безъ книгъ. Чтобы не скучать, я занялся рѣшеніемъ геометрическихъ и алгебраическихъ задачъ. Особенно меня заняло «выведеніе» формулы квадратнаго уравненія: долго не давалась мнѣ эта задача, наконецъ, я ею овладѣлъ. Чертежи и формулы, само собою, писалъ на стѣнѣ—бумаги и чернилъ не давали. На другой день, не дожидаясь моей просьбы, мнѣ принесли какую-то книжку журнала «Дѣло». Любезный народъ эти жандармы, особенно когда разсчитываютъ кое-что отъ васъ получить. Частенько ошибаются, но все-таки пробуютъ. Я, видимо, былъ имъ нуженъ. На третій день меня, дѣйствительно, позвали на допросъ. Узкая комната, непріятная. Большой столъ вдоль комнаты, покрытый синимъ сукномъ. Жандармскій офицеръ меня весьма любезно встрѣтилъ и указалъ на мѣсто противъ него. Сухопарый жандармъ производилъ непріятное впечатлѣніе. Лицо хищника. «Не слопаешь—подавишься!» промелькнула въ головѣ злая мысль. Не буду описывать допроса. Я раньше все обдумалъ, да и вообще насчетъ допросовъ у насъ установилась уже прочная традиція. Все, что лично, непосредственно лично касалось меня, т. е. моей біографіи, я не отрицалъ. О дѣлѣ ни слова. Когда я окончилъ писать свои показанія, сыщикъ-слѣдователь вдругъ надѣлъ синіе очки. «Скотина!—подумалъ я—ты боишься моего упорнаго честнаго взгляда!»

Прочитавъ мои показанія, жандармъ предъявилъ мнѣ массу фотографическихъ карточекъ. Сколько дорогихъ моему сердцу лицъ я узналъ! Я медленно перебиралъ одну карточку за другой, не желая разставаться съ этимъ милымъ, чуднымъ обществомъ.

— Никого не знаете?

— Абсолютно никого!

На этомъ окончился первый допросъ. При III отдѣленіи я оставался дней 8 или 10—хорошенько не припомню.

За день или два до перевода въ Петропавловскую крѣпость меня снова позвали на допросъ. Обстановка уже другая. Присутствовали два прокурора, въ числѣ ихъ, кажется, Гоголь. Спрашивали о чернопередѣльцахъ, взятыхъ въ типографіи.

— Никого не знаю!—былъ лаконическій мой отвѣтъ.

— А Приходько?

Опять отрицательный отвѣтъ.

— Даже Приходько?—воскликнулъ прокуроръ, привскочивъ даже съ мѣста,—Приходько, съ которымъ вы жили и прописаны на одной квартирѣ?

Я попросилъ, чтобы мнѣ или дали очную ставку съ Приходько, или, по крайней мѣрѣ, предъявили мнѣ его фотографическую карточку. Тогда только я могу дать отвѣтъ. Мнѣ предъявили карточку Приходько.

— Не онъ, не Приходько это, ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ Приходько, съ которымъ я жилъ на одной квартирѣ. Плохая, должно быть, у васъ фотографія!—былъ опять-таки мой отвѣтъ.

Я иначе не могъ поступить. Приходько жилъ на двухъ квартирахъ: въ конспиративной, подъ настоящей своей фамиліей со мною, и подъ вымышленнымъ именемъ—въ типографіи. Послѣдней фамиліи его я не зналъ, но когда прокуроръ назвалъ мнѣ всѣхъ нашихъ типографщиковъ по фамиліи, то я поймалъ незнакомую, неизвѣстную мнѣ фамилію, которую я совершенно правильно, путемъ исключенія, и отнесъ къ Приходько. Если Приходько,—быстро сообразилъ я,—не называетъ себя по настоящей фамиліи своей, то на это у него свои резоны, и я долженъ поддерживать его въ этомъ отношеніи, упорно отрицая тождество карточки съ его личностью.

Собственно это ни къ чему не привело, но этого требовала тактика показаній впредь до выясненія всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Больше меня не допрашивали—ни въ III-мъ отдѣленіи ни въ Петропавловской крѣпости, когда дѣло мое перешло къ Плеве. Вызвали меня, правда, два раза въ крѣпость, но не въ качествѣ обвиняемаго, а свидѣтеля. Объ этомъ послѣ.

Наканунѣ перевода моего изъ III-го отдѣленія въ Петропавловскую крѣпость меня сняли. Увезли меня въ крѣпость ночью, въ каретѣ, въ сопровожденіи жандармскаго офицера и двухъ нижнихъ жандармскихъ чиновъ. Я выглянулъ въ окно кареты: ѣдемъ по набережной Невы по направленію къ Троицкому мосту. Вотъ ужъ Троицкій мостъ; мрачныя очертанія стѣнъ Петропавловской крѣпости выплыли на одно мгновеніе. «Значитъ—въ крѣпость!»—подумалъ я, почувствовавъ, что меня охватила радость. Да, читатель, *радость*, какъ это ни звучитъ странно, дико, почти уродливо! Значитъ—ужъ очень тяжело мнѣ жилось въ послѣднее время, что даже крѣпость казалась мнѣ желанной пристанью, гдѣ бы я могъ хоть немного отдохнуть и забыться. Грузно отворились ворота крѣпости. Мы въѣхали въ какой-то дворикъ и высадились у подъѣзда какого-то кирпичнаго строенія. Вошли. Неожиданный громкій крикъ: «стройся!» заставилъ меня встрепенуться и оглянуться: я увидѣлъ взводъ или полувзводъ солдатъ, отдавшихъ честь офицеру, приведшему меня. Вошелъ какой-то господинъ, пожилой, бритый, лицо кантониста, сухое, формальное. Меня сдали этому господину. Опять повели меня по какимъ-то запутаннымъ ходамъ, пока

не очутились въ довольно свѣтломъ корридорѣ, откуда я прямо почти попалъ въ просторную, съ каменнымъ поломъ, камеру. На постели лежало приготовленное бѣлье, халатъ и туфли. Мнѣ приказали раздѣться. Меня охватила дрожь, словно я попалъ въ погребъ или ледникъ. Когда я переодѣлся въ «казенное», смотритель и тюремный надзиратель повернулись и молча вышли изъ камеры.

Тяжелая дверь закрылась, ключъ со скрипомъ повернулся въ замкѣ—и я остался одинъ.

Приложеніе.

Письмо къ бывшимъ товарищамъ.

Amicus Plato, sed magis amicus veritas est.

Прежде всего, товарищи, привѣтствую васъ всѣхъ и крѣпко жму вамъ руки! Пусть этотъ привѣтъ и рукопожатіе служатъ лучшимъ доказательствомъ той симпатіи, которую я всегда чувствовалъ къ вамъ и которую я сохранилъ даже теперь, несмотря на наше рѣзкое расхожденіе. Скоро будетъ полгода съ тѣхъ поръ, какъ мы разошлись. Фактъ этотъ,—крайне для меня прискорбный,— теперь ужъ не подлежитъ никакому сомнѣнію,—такъ сказать, публично констатированъ съ перваго же дня появленія въ свѣтъ вашего органа «Народная Воля». Вы сказали первое слово, теперь очередь за нами. Не думайте, однако, что я намѣренъ въ этомъ письмѣ пускаться въ подробное изложеніе нашей программы. Здѣсь это неумѣстно. Моя цѣль—разъяснить тѣ разногласія, которыя послужили поводомъ къ нашему раздѣленію.

Какъ видите, мы снова подымаемъ тотъ жгучій вопросъ, съ которымъ у насъ,—я говорю лично о себѣ,—связано столько тяжелыхъ воспоминаній. Вы, вѣроятно, помните, какъ я отнесся къ нашему раздѣленію. Оно произошло, когда я былъ въ провинціи. Вернувшись сюда, я засталъ умы до того возбужденными, что не предвидѣлъ никакой возможности предотвратить разрывъ соглашеніемъ. Я протестовалъ тогда энергично, какъ умѣлъ и понималъ. Я говорилъ, что крайне неразумно, неразсчетливо расходиться намъ въ то время, когда наша партія еще недостаточно окрѣпла, когда мы еще не успѣли организовать въ народѣ достаточно солидную боевую партію, когда самое положеніе вещей,—безпрерывная и неустанная борьба съ правительствомъ въ той или другой формѣ,—требуетъ отъ насъ большей концентраціи силъ и энергіи. Заодно со мною стояли очень многіе изъ нашихъ товарищей, которые частью вошли къ вамъ, частью остались у насъ. И они, подобно мнѣ, настойчиво отстаивали необходимость совмѣстнаго дѣйствія и рѣзко протестовали противъ раздѣленія, какъ причины, ослабляющей наши силы. Но эти резоны, къ сожалѣнію, не привели ни къ чему. Одна часть ударилась исключительно въ борьбу съ правительствомъ, считая ее злобой дня, другая, напротивъ, въ силу естественной въ такомъ случаѣ реакціи, стала вовсе отрицать необходимость въ данный моментъ непосредственной борьбы съ правительствомъ и убѣждала сосредоточить свои силы въ народѣ.

Такимъ образомъ, разногласія о пріемахъ борьбы перешли въ разногласія принципіальныя: вы предлагали политическую борьбу на первомъ планѣ, мы—экономическую.

Въ настоящее время вы выступили публично въ вашемъ органѣ съ пропагандою новыхъ принциповъ и новыхъ способовъ борьбы. Вы зовете на этотъ «новый» путь молодежь, общество и всѣхъ, кто только способенъ къ активной борьбѣ. Вы доказываете необходимость въ данный моментъ политической борьбы съ цѣлью политическаго переворовота. Не отрицая абсолютно возможности дѣйствія въ народѣ, вы находите, однако, что «при настоящихъ условіяхъ она слишкомъ затруднена». А поэтому вы говорите: «для партіи абсолютно необходимо измѣнить эту обстановку, необходимо обуздать правительственный произволъ, уничтожить это нахальное вмѣшательство въ народную жизнь и создать такой государственный строй, при которомъ дѣятельность въ народѣ не была бы наполненіемъ бездонныхъ бочекъ Данаидъ». Независимо отъ этого соображенія, необходимость систематической борьбы съ правительствомъ съ цѣлью «политическаго переворота» и «передачи государственной власти въ руки народа» вытекаетъ, по вашему мнѣнію, изъ специфическихъ особенностей современнаго русскаго государства и изъ отношеній его къ другимъ «соціальнымъ группамъ». Пока у насъ не образовались классы, извѣстнымъ образомъ обособленные, съ опредѣленными политическими и экономическими тенденціями, борьба съ правительствомъ не представляетъ особыхъ затрудненій. Опасность наступитъ тогда, когда буржуазія наша, начинающая лишь зарождаться, окрѣпнетъ настолько, что захватитъ политическую власть въ свои руки. Борьба же съ буржуазнымъ государствомъ, конечно, по вашему мнѣнію, не въ примѣръ труднѣе, чѣмъ съ современнымъ. Проповѣдуя политическій переворотъ, вы, тѣмъ не менѣе, считаете нужнымъ заявить, что вы отнюдь не отказываетесь отъ переворота экономическаго, соціальнаго. Послѣдній у васъ тѣсно сростается съ государственнымъ, который, будучи совершенъ, дастъ народу возможность устроиться согласно его идеаламъ, наклонностямъ и стремленіямъ.

Мысли, высказанныя въ «Народной Волѣ», настолько важны и серьезны по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, по тому вліянію, которое они могутъ оказать на еще неустановшееся убѣжденіе, что я считаю необходимымъ нѣсколько остановиться на нихъ.

Мнѣ кажется весьма странной, чтобы не сказать больше, ваша увѣренность въ необходимости въ данный моментъ политическаго переворота въ Россіи. Увѣренность ваша въ этомъ отношеніи даже доходитъ до того, что вы не церемонитесь назвать «предразсудкомъ», «боязнью собственной мысли» всякое мнѣніе, несогласное съ вашимъ.

Общественныя явленія слишкомъ сложны и обусловливаются взаимодѣйствіемъ слишкомъ многихъ факторовъ, чтобы позволительно было людямъ интеллигентнымъ относиться къ нимъ такъ просто, примитивно. Каждый общественный дѣятель, тѣмъ болѣе революціонеръ-соціалистъ, къ которымъ, конечно, вы причисляете и себя, долженъ прежде всего умѣть толково оріентироваться въ

этой массѣ разнообразныхъ факторовъ. Онъ долженъ понимать и знать, что изъ этой массы надо выдѣлить такіе факторы, которые главнымъ и существеннымъ образомъ обусловливаютъ это, а не другое состояніе общества, эту, а не другую физіономію его. Критика современнаго общества убѣдила людей науки, что въ основѣ его лежатъ главнымъ образомъ отношенія экономическія, которыми по преимуществу и опредѣляются остальныя отношенія,— государственныя, юридическія, нравственныя и проч.

А потому, понятно, что каждая живая партія должна избрать точкою приложенія своихъ силъ базисъ даннаго общества—его экономическія отношенія.

Историческій опытъ учитъ насъ, что реорганизація общества на болѣе справедливыхъ основаніяхъ возможна лишь при помощи экономической, соціальной революціи, что политическіе перевороты нигдѣ и никогда не могли обезпечить народу экономическую и политическую свободу. Идеалы политической свободы,—верховное право народа, всеобщее избирательное право,—во имя которыхъ еще такъ недавно совершались политическія революціи, въ настоящее время потеряли всякую силу и обаяніе. Какъ продуктъ критики своего времени, какъ результатъ коллективной умственной работы философіи XVIII вѣка, эти идеалы, естественно, должны были служить лозунгомъ для передовыхъ лучшихъ людей Западной Европы. Политическіе революціонеры новѣйшаго времени, начиная съ 1789 до 1848 года, не только во Франціи, но и въ остальной континентальной Европѣ, горячо вѣрили въ обновляющую силу этихъ политическихъ идеаловъ и думали, что достаточно политическаго переворота, чтобы разрушить старое общество и воздвигнуть на его развалинахъ новое, болѣе справедливое и согласное съ требованіями этихъ идеаловъ. Какъ дѣти своего времени, какъ сторонники философовъ XVIII вѣка, они думали и мыслили, какъ эти послѣдніе, апріористично и метафизически. Выдвинуть на первый планъ апріористичные, идеальные, принципы,—право человѣка, верховное право народа,—эти люди игнорировали реальныя, экономическія, отношенія, внѣ которыхъ всякая политическая дѣятельность становится сизифовою работою.

Вся система политическихъ заговоровъ, захватовъ власти, пущенная въ ходъ якобинцами 1789 года и, съ легкой ихъ руки, подхваченная якобинцами Италіи, Испаніи въ первой четверти настоящаго вѣка, можетъ служить примѣромъ того, какъ шатки, непрочны политическіе перевороты, совершающіеся сверху «во имя народа», но безъ его иниціативы. Да и понятно. Развѣ можетъ быть прочна та система, которая основывается на принципѣ: «все для народа, но ничто при посредствѣ самого народа?» Люди, исповѣдующіе этотъ принципъ, само собою, отрицаютъ всякую иниціативу въ народѣ, считаютъ массу совершенно индифферентною, безразличною средою, надъ которою позволительно продѣлывать всевозможные фокусы - покусы. Какъ бы ни были такіе люди преданы народу, какъ искренни ни были бы ихъ симпатіи и стремленія, способъ ихъ реализаціи долженъ непремѣнно и роковымъ образомъ приводить къ діаметрально-противоположнымъ результатамъ.

Вспомните, напр., хоть знаменитыхъ эксцентриковъ-революціонеровъ, якобинцевъ 1789 года—Робеспьера, Дантона и Марата! Они сложили свою голову на плахѣ. Вы думаете: за народъ? О, нѣтъ! За «единую, нераздѣльную республику», т. е. за старый принципъ государственности. Какова была ихъ тактика, система? Терроръ, насиліе и принужденіе. Во имя чего они это дѣлали? Во имя правъ человѣка, правъ народа, а особенно во имя общественной безопасности. Сторонники по преимуществу правительственной иниціативы, ставя выше всего государство, якобинцы предоставляютъ себѣ, во имя громкихъ и высокихъ принциповъ, думать и дѣлать все, что имъ угодно. Абстрактно понимая свободу, они во имя ея уничтожаютъ монополіи, привиллегіи, цехи и другія корпораціи, и въ то же время, во имя той же свободы, издаютъ декреты, лишающіе рабочихъ правъ ассоціацій, сходокъ и стачекъ, т. е. естественнаго права самозащиты. «Якобинство,—говоритъ Прудонъ,—было главною причиною паденія свободы во Франціи, и оно же съ 1804 года по 1815 годъ грозило уничтоженіемъ ея во всей Европѣ».

«Наполеонъ I, образованный въ школѣ Робеспьера, который былъ у него всегда великимъ геніемъ, захвативъ власть, сдѣлался тотчасъ же идоломъ якобинцевъ. Оттого они и прозвали его Робеспьеромъ на конѣ. Его 18 брюмера можно считать какъ бы отомщеніемъ за 9 термидора. Онъ наполнилъ якобинцами свой главный штабъ, свои совѣты, свою администрацію и всѣхъ ихъ возвелъ въ дворянство. Зато и секта выказала ему свою преданность; она изобрѣла формулу посвященія: «императоръ значитъ—революція, императоръ значитъ—демократія».

Таковъ якобинизмъ, какимъ рисуетъ его Прудонъ, этотъ честный и талантливый защитникъ народныхъ правъ и интересовъ. Онъ совершенно правъ, утверждая, что политическая свобода якобинцевъ привела во Франціи къ политическому рабству наполеоновскаго абсолютизма.

Но было несправедливо думать, что якобинцы стремились къ этому сознательно. Для лучшихъ представителей ихъ политическая свобода была не пустое слово, не пустой звукъ, брошенный на вѣтеръ, а искреннее глубокое убѣжденіе, выработанное у нихъ подъ вліяніемъ древнихъ классиковъ и современной имъ философіи. Это была своего рода религія, «благая вѣсть», которою они мечтали обновить одряхлѣвшее общество и водворить царство Свободы, Равенства и Братства. Мечтатели сложили головы свои за эту свободу, но сами вырыли ей яму, сами разбили тотъ кумиръ, которому поклонялись!

Виновата та система, тѣ способы и пріемы борьбы, которыми они хотѣли реализировать свой идеалъ, свою «единую, нераздѣльную республику». Въ послѣднихъ трехъ словахъ скрываются причины и послѣдствія ихъ пораженія и гибели. Что такое «единая нераздѣльная республика»? Это—абсолютная монархія Людовика XIV, говорившаго, что «государство—это я», это—имперія Наполеона, утверждавшаго, что «Имперія—это революція, демократія». Въ основѣ ихъ одинъ принципъ—государственность и централиза-

ція: авторитетъ и иниціатива власти, съ одной стороны, безгласность и подчиненіе массы—съ другой.

Разъ революціонная партія выставила на своемъ знамени этотъ принципъ, она — партія реакціи и застоя. Она теряетъ почву подъ ногами, лишается довѣрія и поддержки массы и, слѣдовательно, сама себя обрекаетъ на пораженіе и смерть. Лучшей иллюстраціей могутъ послужить отношенія французскихъ крестьянъ къ первой республикѣ. Еще въ своихъ наказахъ національному собранію народъ прямо заявляетъ, что если не будетъ приступлено немедленно къ отмѣнѣ феодальнаго права, то онъ откажется присягнуть конституціи, а, слѣдовательно, и защищать отечество отъ грозившей ему внѣшней опасности. Эта угроза крестьянъ такъ сильно подѣйствовала на законодателей, что они немедленно декретировали уничтоженіе феодальныхъ правъ. Что эта угроза могла бы легко осуществиться, можно убѣдиться на примѣрѣ вандейцевъ. Эти послѣдніе возстали на защиту стараго режима главнымъ образомъ потому, что съ нимъ невольно ассоціировалось у нихъ представленіе объ извѣстной степени экономической обезпеченности.

Извѣстно, напр., что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вандеи вплоть до самой революціи сохранилось личное крѣпостное право, а съ нимъ и крѣпость лица къ землѣ. Благодаря этому, экономическое положеніе этихъ, крѣпкихъ къ землѣ, крестьянъ было сравнительно лучше, чѣмъ положеніе лично свободныхъ, но обезземеленныхъ. Если къ этому прибавить ту ненависть, которую питали къ возроставшему въ то время волонтеріату всѣ французскіе крестьяне, а особенно вандейцы, то станетъ совершенно понятнымъ, почему эти послѣдніе такъ отчаянно защищали старый порядокъ.

Роялисты прекрасно знали въ этомъ отношеніи вандейцевъ и умѣли эксплуатировать ихъ въ свою пользу.

Если мы обратимся теперь къ политическимъ движеніямъ Испаніи и Италіи, въ первой четверти настоящаго вѣка, то найдемъ массу аналогичныхъ явленій, подтверждающихъ вышесказанную мысль.

Въ Испаніи эти явленія выражены особенно рѣзко. Въ то время, какъ высшіе интеллигентные классы, проникнутые философскими идеями XVIII вѣка, увлекались политическими идеями французскихъ якобинцевъ, народъ служилъ слѣпымъ орудіемъ реакціи въ рукахъ поповъ, монаховъ и іезуитовъ. Политическая исторія Испаніи новѣйшаго времени до послѣднихъ дней состоитъ изъ безпрерывныхъ, упорныхъ, сопровождаемыхъ съ обѣихъ сторонъ ужасными жестокостями междуусобицъ двухъ партій: либерально-конституціонной, опирающейся на войска и городское населеніе, реакціонно-монархической, опирающейся главнымъ образомъ на духовенство, крестьянъ, разбойниковъ, и разнаго рода подвижной, бродячій элементъ. Не проходило года безъ мятежа или государственнаго переворота.

То побѣждаютъ одни, то другіе. То заводятся конституціонныя учрежденія, широкая политическая свобода, кипитъ либеральная дѣятельность, то все это уничтожается однимъ ударомъ: во-

дворяется «законный порядокъ», упраздняются и уничтожаются нововведенія, начинаются гоненія, преслѣдованія, неслыханныя жестокости и казни. Революціонная мысль, лишенная возможности высказаться открыто, работаетъ тайно, подпольно. Вся Испанія покрывается сѣтью тайныхъ обществъ, заговоровъ. Ожидается подходящій моментъ, чтобы поднять знамя возстанія. Такъ было, напр., въ 1820 году, когда войска, собранныя въ Кадиксѣ для отправки въ Америку, совершили военную революцію и возстановили конституцію 1812 года. Король испанскій, «возлюбленный» Фердинандъ, торжественно клялся въ вѣрности конституціи. Но реакція не дремала. Она пошла работать тѣмъ же путемъ, что и революціонеры. Начинается сильная агитація въ средѣ преданныхъ реакціи крестьянъ, вербуются волонтеры во имя «священной войны противъ еретиковъ-революціонеровъ», составляются банды, вспыхиваютъ повсемѣстныя возстанія. Фердинандъ благословляетъ «священную войну», призываетъ французское оружіе и при помощи его подавляетъ революцію. Снова начивается реакція—реакція, неслыханная въ лѣтописяхъ исторіи. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ казнено до 3.000 революціонеровъ!

Совершенно такую же картину, съ небольшими лишь оттѣнками, представляетъ намъ революціонное движеніе въ Италіи.

Слухъ о революціи въ Испаніи быстро облетѣлъ всю Европу и вызвалъ такія же движенія, во имя тѣхъ же идеаловъ и принциповъ, въ Италіи. Въ Сициліи, Неаполѣ и Сардиніи почти одновременно вспыхиваютъ возстанія. Миланъ былъ взятъ инсургентами-карбонарами, которыхъ въ то время насчитывали въ Италіи до 300.000 человѣкъ. Созвана была юнта и введена конституція, буквально списанная съ испанской. Король Фердинандъ съ слезами на глазахъ присягнулъ конституціи. Но потомъ пошла «старая, но всегда новая исторія». Реакція, встревоженная этими повсемѣстными возстаніями, затрепетала, и «союзныя арміи» Меттерниха поспѣшили потушить революціоный пожаръ.

Такова была судьба политическихъ переворотовъ въ первой четверти текущаго столѣтія въ большой части Европы. Мы видѣли во имя какихъ идеаловъ они совершались, какія общественныя группы въ нихъ участвовали, какія средства и орудія борьбы ими практиковались и, наконецъ, каково было отношеніе къ нимъ массы крестьянскаго народа. Но традиціи конституціонной свободы не умерли. Грянула февральская революція. Революціонная волна изъ Франціи быстро распространилась по всей Европѣ. «Божіею милостью» монархи то бѣжали въ страхѣ, то должны были уступить требованіямъ времени и, волею-неволею, дать конституціи.

Такимъ образомъ, конституціонныя идеи, послѣ долгой и упорной борьбы, восторжествовали во всей Европѣ въ 1848 году.

Но торжество конституціонныхъ идей стало торжествомъ буржуазіи.

Съ этого момента она выступаетъ борцомъ и проводникомъ ихъ въ политической жизни западныхъ народовъ. Для нея эти идеи нужны, какъ средство борьбы противъ враждебныхъ ей эле-

ментовъ: королевской власти, гдѣ таковая есть, съ одной стороны, и массы рабочаго сословія повсюду—съ другой.

Чѣмъ сдѣлалась буржуазія для народа слишкомъ хорошо извѣстно.

Февральская революція—это первый массовый протестъ французскаго рабочаго противъ буржуазной формы эксплоатаціи его труда. Съ этого момента на историческую арену выступаетъ рабочее сословіе, выразителемъ мнѣній и стремленій котораго въ научной формѣ является соціализмъ. Лучшіе передовые люди на Западѣ отказались въ настоящее время отъ идеаловъ политической свободы, какъ отжившихъ свое время, и избрали своимъ лозунгомъ соціализмъ, во имя котораго они организуютъ, сплачиваютъ и подготовляютъ массы.

Задача ихъ—реорганизація экономическихъ и общественныхъ отношеній при посредствѣ народа и самимъ народомъ.

Если для васъ неубѣдительны вышеприведенные мною факты изъ европейской исторіи, то я попрошу васъ вспомнить кое-что изъ исторіи польскихъ движеній, особенно послѣдняго времени. Главная тенденція этихъ движеній—политическая независимость Польши, казалось, должна была бы обѣщать полный успѣхъ иниціаторамъ.

Политически-національная независимость во всякомъ случаѣ—принципъ слишкомъ понятный для народа, чтобы не откликаться на него, чтобы не возстать во имя его. Образованіе въ новѣйшее время независимаго итальянскаго королевства, автономія Венгріи, независимость Румыніи, Черногоріи, Сербіи и проч.,—все это факты, говорящіе въ нашу пользу.

Отчего же польскія возстанія окончились такъ плачевно? Главная, по нашему мнѣнію, причина заключается въ томъ, что польскіе заговоры, агитація по преимуществу ограничивались привиллегированнымъ и городскимъ сословіемъ, масса же литовскаго и польскаго крестьянства не была пріобщена къ этимъ движеніямъ.

Партія «бѣлыхъ», состоявшая главнымъ образомъ изъ знатныхъ и богатыхъ дворянъ, вообще всегда была очень умѣренна и только впослѣдствіи, когда движеніе разрослось, она пристала къ нему. До крестьянъ этой партіи никогда дѣла не было: по своимъ традиціямъ дворянскимъ, она слишкомъ презирала это «быдло», чтобы о немъ думать, и слишкомъ высоко цѣнила свои сословно-дворянскіе интересы.

Партія «красныхъ», состоявшая изъ интеллигентной молодежи, сразу поставила вопросъ, какъ слѣдуетъ: она поняла, что масса только тогда станетъ за нихъ, когда ей обезпечатъ необходимыя экономическія льготы. А отсюда понятно, почему «красные» потребовали освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права и надѣленія ихъ землею безъ всякаго выкупа. Къ сожалѣнію, «красные» сосредоточили свою дѣятельность въ городѣ, гдѣ ихъ сторонниками были ремесленники, фабричные и заводскіе рабочіе. Если бы «повстанцы» догадались сорганизовать крестьянство, то успѣхъ возстанія былъ бы несомнѣненъ. Не только русское правительство,

но и союзъ трехъ сосѣднихъ государствъ врядъ ли могъ бы что-либо сдѣлать съ партизанскимъ народнымъ возстаніемъ.

Если опытъ западной Европы неизбѣжно приводитъ насъ къ отрицанію идеаловъ политической свободы, какъ средствъ, способныхъ осуществить народныя желанія, то собственная наша исторія приводитъ насъ къ тому же, но инымъ путемъ.

Споконъ вѣку наша исторія шла такимъ образомъ, что между государствомъ и народомъ не образовались и не могли образоваться промежуточныя, самостоятельныя общественныя группы. Наша исторія выработала лишь двѣ самостоятельныя враждебныя одно другой силы—государство и народъ.

Отсутствіемъ указанныхъ промежуточныхъ группъ объясняется бѣдность нашей общественной жизни. Общественное мнѣніе, какъ выраженіе преобладающаго въ данное время направленія, у насъ едва зарождается. До этого у насъ были отдѣльныя лица, группы лицъ—кружки того и другого направленія, съ тѣми или другими оттѣнками. Эти лица или кружки, не имѣя опредѣленныхъ сословныхъ традицій, то приставали къ государству, служа ему непосредственно—во вредъ народу, то стояли особо, образуя центръ, вокругъ котораго группировалось все молодое, честное и интеллигентное. Задачи и цѣли ихъ кружковъ, широта ихъ умственнаго кругозора, кругъ ихъ дѣятельности, естественно, должны были измѣниться со времени и сообразно тѣмъ условіямъ, посреди которыхъ имъ приходилось существовать.

Но, несмотря на это видимое различіе кружковъ, въ нихъ нельзя не замѣтить общаго, такъ сказать, основнаго тона. Этотъ основной тонъ выражается въ томъ стремленіи къ умственному развитію, которое составляетъ характерную черту всѣхъ нашихъ кружковъ въ разныя времена. Таковы были, напр., кружки Новикова во времена Екатерины и кружки Станкевича и Бѣлинскаго въ новѣйшее время. Умственныя завоеванія, сдѣланныя западноевропейской наукой въ разнообразныхъ сферахъ знанія, а особенно въ соціологіи, усилили умственное броженіе нашихъ кружковъ, пробудили въ нихъ критику мысли въ опредѣленномъ соціальномъ направленіи. Разъ мысль начала работать въ этомъ направленіи, она неизбѣжно должна притти къ отрицанію современныхъ государственныхъ и общественныхъ формъ, какъ тормазовъ нормальнаго развитія отдѣльныхъ личностей и массъ. Изъ кружковъ, такимъ образомъ, исключительно «самообразованія», «саморазвитія» съ теченіемъ времени вырабатываются группы съ опредѣленными политически-экономическими тенденціями. Являются кружки радикальные. Изъ области толкованій, преній и самоуясненій они переходятъ въ сферу практической дѣятельности—они становятся революціонными. Таковы были кружки декабристовъ и петрашевцевъ. Первые имѣли характеръ по преимуществу политическій, вторые—экономическій. Декабристы, проникнутые политическими идеалами французскихъ революціонеровъ, задумали, подобно имъ, государственный переворотъ съ цѣлью освобожденія Россіи отъ ненавистнаго имъ правительственнаго гнета! Это былъ первый и единственный въ нашей исторіи строго-задуманный планъ

военнаго заговора. Сомнительно, чтобы они, въ случаѣ даже полнаго успѣха, сумѣли удержаться на высотѣ своихъ задачъ и стремленій. Мы видѣли, къ чему привелъ якобинизмъ въ Европѣ. Дальнѣйшая исторія нашей радикальной мысли есть исторія развитія нашей революціонной партіи, задачи и стремленія которой болѣе или менѣе извѣстны.

Изъ этого бѣглаго очерка явствуетъ, что нашей прошедшей исторіей созданы такія условія, въ силу которыхъ дѣятельность лучшей части нашей интеллигенціи должна была по необходимости получить двоякое направленіе: либо служить правительству, либо стать особо, воспитывая и возбуждая вначалѣ лишь общественное самосознаніе, а впослѣдствіи, съ дальнѣйшимъ развитіемъ критики мысли,—и народное. Но становясь на сторону народа, она естественно должна была сдѣлаться носительницей его идеи, которая во всякомъ случаѣ не могла быть политической, или же потерпѣть фіаско, какъ это было, напр., на Западѣ. Вы, конечно, теперь легко можете убѣдиться, что мы сами заражены тѣмъ непріятнымъ для васъ «предразсудкомъ», который отрицаетъ политическую борьбу и политическіе перевороты.

Впрочемъ, считаю нужнымъ оговориться.

Мы возстаемъ противъ политической борьбы не безусловно, а ставимъ ее въ зависимость отъ предварительной революціонной работы въ народѣ. Въ отношеніи къ Россіи необходимость этого способа дѣйствія доказывается, по нашему мнѣнію, почти математически. Скажите, какимъ образомъ вы думаете осуществить политическій переворотъ въ Россіи? Думаете ли опереться на какія-либо сословія, или же на собственныя силы—силы партіи? Кромѣ заговоровъ—дворцоваго и военнаго—мы не видимъ другихъ путей для осуществленія политическаго переворота у насъ въ настоящее время.

Что касается дворцоваго заговора, то мы убѣждены, что вы не станете и рукъ своихъ марать въ этой грязной работѣ.

Какое значеніе и къ чему могутъ приводить военныя революціи, мы уже неоднократно говорили. Россія въ этомъ случаѣ не можетъ быть исключеніемъ. Романовы, надѣемся, не откажутся безъ борьбы, если такая понадобится, отъ своихъ «Божіею милостью» правъ. Для нихъ вдоволь хватитъ у насъ реакціонныхъ элементовъ во всѣхъ сферахъ, чтобы съ ихъ помощью устроить контръ-революцію и подавить заговоръ. Что за этимъ послѣдуетъ —извѣстно. На другія же сословія, кромѣ военнаго, врядъ ли сами вы разсчитываете. Это, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ вашихъ собственныхъ словъ, изъ той характеристики, которую вы даете современному государству нашему. Дворянство, молодая буржуазія наша, литераторы, ученые и проч. не имѣютъ у насъ пока никакой самостоятельной силы, а составляютъ лишь неотдѣлимую часть нашего государства, съ которымъ они связаны болѣе или менѣе искренно общими интересами. Они слишкомъ пассивны, неопытны, въ борьбѣ, безпринципны,—кромѣ принципа наживы,—чтобы рисковать своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, своимъ кошелькомъ ради борьбы съ правительствомъ, котораго они спoконъ вѣ-

ку покорно слушались. Остается наша молодая интеллигенція и многія отдѣльныя личности разныхъ сословій и положеній. Они-то и составляютъ главный контингентъ нашей революціонной партіи, ими она восполняется и растетъ.

Спрашивается, что можетъ сдѣлать эта, сравнительно, немногочисленная группа, полная энергіи и рѣшимости, вѣрующая въ себя и въ свои принципы, въ смыслѣ захвата власти, политическаго переворота? Не знаю, товарищи, представляете ли вы себѣ это конкретно. Единственное орудіе ея борьбы—это систематическая терроризація правительства, въ родѣ той, которая такъ ловко практиковалась польскимъ «жондомъ» въ послѣднемъ возстаніи.

Но исторія послѣдняго доказала, что кинжалъ революціонеровъ—недостаточно учтойчивая точка опоры для зданія не только политической свободы, но и національной независимости.

Положимъ, что вамъ повезетъ почему бы то ни было,—вѣдь вся система террора основана на случайностяхъ,—тогда правительство, напуганное и смущенное, вынуждено будетъ пойти на уступки, согласится созвать «обывателей», допуститъ Земскій Соборъ, словомъ, дастъ конституцію.

Не знаю, товарищи, задумались ли вы крѣпко надъ тѣмъ, какія серьезныя и важныя послѣдствія для народа (вѣдь вы все это, конечно, дѣлаете для «народа») могутъ возникнуть изъ этого вновь созданнаго вами положенія вещей? Вы потому именно теперь такъ сильно настаиваете на необходимости непосредственной борьбы съ правительствомъ и на необходимости конституціоннаго режима, что желаете, въ 1), задержать у насъ процессъ образованія буржуазіи какъ экономическаго и политическаго класса, и, во 2), очистить путь для болѣе плодотворной дѣятельности въ народѣ. Но поймите, что, дѣйствуя теперь такимъ образомъ, вы фатально, помимо своей воли, добиваетесь совершенно противоположнаго! Правда, наша буржуазія, какъ политическая сила, пока находится лишь въ потенціальномъ состояніи. Но, слабая политически, она въ настоящее время, при общей нашей экономической бѣдности—народа, дворянства и другихъ соціальныхъ группъ—составляетъ единственную солидную силу.

Правительство въ настоящее время принимаетъ всѣ мѣры для увеличенія роста ея. Покровительственный тарифъ, система внутреннихъ займовъ, субсидіи на желѣзно-дорожныя и другія крупныя предпріятія,—это первоначальное капиталистическое накопленіе совершается съ вѣдома правительства—для него самого и для излюбленнаго его дѣтища—буржуазіи.

Кромѣ этой непосредственной помощи, правительство способствуетъ ея развитію и косвенно—цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ, клонящихся къ «упраздненію» общины. Общинное вліяніе, очевидное зло, стоитъ на дорогѣ нашему буржуа, надо его, значитъ, убрать!

Каковы тенденціи нашей буржуазіи, привожу нѣсколько фактовъ изъ нашей недавней общественной жизни.

Въ 1870 году петербургское земство ходатайствовало о введеніи подворнаго владѣнія, а въ 1872 г. мнѣнія большинства лицъ-

выслушанныхъ комиссіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства, высказались въ томъ же смыслѣ. Наконецъ, разосланные въ 1878 г. въ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ вопросы о замѣнѣ общиннаго владѣнія подворнымъ, доказываютъ, что заключенія комиссіи приняты во вниманіе. Въ настоящее время, кажется, вошло уже въ силу правительственное постановленіе, которымъ облегчается выходъ общинника изъ общины.

Развѣ не характерно заявленіе московской биржи, недавно поданное Грейгу, о томъ, чтобы всѣ финансовыя мѣропріятія правительства совершались съ ея вѣдома, сообразно ея интересамъ.

Всегда осторожная, боящаяся всякихъ заговоровъ и смутъ, буржуазія наша, тѣмъ не менѣе, прекрасно сумѣетъ воспользоваться тѣмъ переполохомъ, который вы намѣрены произвести. Когда понадобится, она обнаружитъ немало энергіи, находчивости и ума. Найдутся писатели, ученые и ораторы, готовые защищать ее, облечь ея требованія въ законную форму. Да и теперь уже большинство нашихъ ученыхъ и публицистовъ, за весьма немногими исключеніями, работаютъ въ пользу буржуазіи. Возьмите хоть бы, напр., труды разныхъ нашихъ комиссій, проекты вольно-экономическаго, ссудо-сберегательнаго и другихъ обществъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что буржуазная тенденція, если не сказать наука, вполнѣ сложилась у насъ и что она ждетъ лишь политической арены... Вотъ эти-то люди,—ученые, адвокаты, литераторы, но больше всего и по преимуществу капиталисты, крупные и мелкіе хищники и проч., и проч.,—имя же имъ легіонъ,—съ остервенѣніемъ набросятся на тотъ «общественный пирогъ», который будетъ преподнесенъ имъ Александромъ II, или Александромъ III, или же временнымъ революціоннымъ правительствомъ—все равно, подъ видомъ конституціи. Въ то время, какъ эти жадныя акулы будутъ пожирать и упитываться этимъ «пирогомъ», вы будете стоять въ сторонѣ и... злобствовать.

Народъ же не станетъ за конституцію, какъ это было всегда и повсюду. Вы разсчитываете на избирательную агитацію, на депутатовъ, которые будутъ представлять крестьянство; напрасно—и вотъ почему: когда совершится переворотъ сверху, народъ будетъ захваченъ врасплохъ. Правительственная перемѣна, безъ всякаго сомнѣнія, вызоветъ въ немъ сильное броженіе. Начнутся, какъ это обыкновенно бываетъ, самые разнообразные толки, имѣющіе непосредственное, разумѣется, отношеніе къ его земельнымъ интересамъ, будутъ, можетъ быть, посылаться прошенія, ходоки. Могутъ быть даже мѣстные бунты и всякаго рода «нарушенія общественной тишины». Словомъ, движеніе будетъ сильное, но не настолько, чтобы оно послужило въ пользу народа. Что же изъ этого выйдетъ? Въ этомъ хаосѣ воспользуются прежде всего враждебные народу элементы, какъ это было и всегда. Вспомните, напр., исторію крестьянскихъ наказовъ передъ началомъ великой французской революціи. Какъ ихъ фальсифицировали, урѣзывали и передѣлывали въ среднихъ и высшихъ инстанціяхъ. Весьма также интересна въ этомъ отношеніи недавняя еще исторія плебисцита во Франціи. А какова избирательная система въ Великобританіи, мы

ссылаемся на рѣчь Гладстона, произнесенную имъ въ парламентѣ въ 1872 году по поводу ирландскаго земельнаго билля. Въ этой рѣчи ораторъ констатируетъ фактъ, что въ Англіи и Ирландіи помѣщикъ принуждаетъ фермера, подъ страхомъ изгнанія его съ арендуемаго имъ участка земли, подавать голосъ во всѣхъ общественныхъ и парламентскихъ выборахъ по приказанію лорда-вотчинника.

Подобная же система выборовъ будетъ несомнѣнно практиковаться и у насъ, какъ это уже происходитъ въ небольшомъ видѣ при выборахъ земскихъ и городскихъ гласныхъ. Какую роль играетъ народъ въ этихъ собраніяхъ—прототипа будущаго Земскаго Собора—слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно. Въ городѣ въ Земскій Соборъ попадетъ богатый, вліятельный купецъ, въ деревнѣ въ большинствѣ случаевъ — богатый, «знатный», «хозяйственный мужичекъ»,—надежда и радость нашихъ либеральныхъ публицистовъ и становыхъ приставовъ, которые съ рѣдкимъ единодушіемъ относятъ ожиданіе чернаго передѣла къ числу «историческихъ предразсудковъ нашего народа». Въ число депутатовъ отъ крестьянъ попадетъ также мѣстный землевладѣлецъ—«баринъ». Всѣ эти люди попадутъ главнымъ образомъ вслѣдствіе экономической зависимости населенія: подкупъ, интрига и систематическое спаиваніе или прямое запугиваніе выступятъ тогда въ полномъ блескѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что попадутъ въ Земскій Соборъ и честные люди, представители крестьянскихъ интересовъ, но таковыхъ, по необходимости, будетъ такъ мало, что вліяніе ихъ останется ничтожнымъ. Вы указываете на Галицію, гдѣ въ 1848 году представителей отъ крестьянъ было много въ рейхсратѣ. Къ сожалѣнію, вы не приводите числоваго отношенія этихъ дѣйствительныхъ представителей крестьянскихъ интересовъ къ фиктивнымъ; а безъ этого трудно судить объ участіи галицийскихъ крестьянъ въ избирательной агитаціи, а, слѣдовательно, и о значеніи этой агитаціи. Сколько бы ихъ ни было, присутствіе ихъ во всякомъ случаѣ не помѣшало галичанамъ поддерживать реакціонную политику вѣнскаго правительства, политику, которую вы, товарищи, едва ли рѣшитесь назвать выражавшею интересы галицийскаго народа. Разъ мы признали, что избирательная агитація, при указанныхъ выше условіяхъ, будетъ вестись у насъ неправильно, мы, конечно, не можемъ придавать какое-либо серьезное значеніе Земскому Собору, какъ выразителю народной воли, а, слѣдовательно, и той конституціи, которая будетъ продиктована этими представителями. Такъ я смотрю на нашу конституцію, всякую, которая добывается тѣмъ способомъ, какой вы рекомендуете. Но не думайте, пожалуйста, товарищи, что я вообще противъ конституціи, противъ политической свободы. Я слишкомъ уважаю человѣческую личность, всѣхъ честныхъ и искреннихъ людей, чтобы быть противъ политической свободы. Какъ на Западѣ, такъ и у насъ стремленіе къ политической свободѣ есть результатъ нашего прогрессивнаго умственнаго развитія, продуктъ нашего общественнаго самосознанія—понятіе вполнѣ опредѣленное, оформленное и ясно сознаваемое.

Для народа политическая свобода есть инстинктивное стремленіе къ свободѣ вообще, она у него всегда и непремѣнно ассо-

цiируется съ какимъ-нибудь конкретно-осязаемымъ представленiемъ-фактомъ (право равнаго пользованiя и владѣнiя землею, право каждаго человѣка пользоваться продуктами своего труда, право каждаго взрослаго рабочаго участвовать въ обсужденiи общественныхъ вопросовъ и проч.). Слѣдовательно, говорить, что идея политической свободы для народа—вещь непонятная, ненужная—не резонъ. Она для него такая же необходимая потребность, какъ для интеллигентнаго. Разница въ томъ, что эта потребность у народа сростается съ другими болѣе насущными, основными потребностями экономическаго свойства. Эти-то послѣднiя должна принять въ резонъ каждая соцiально-революцiонная партiя, если она пожелаетъ, чтобы политическая свобода была вполнѣ обезпечена и гарантирова отъ узурпацiй и искаженiй враждебныхъ ей элементовъ. А это можетъ быть достигнуто лишь организацiей въ народѣ боевой партiи на почвѣ экономическихъ отношенiй, какъ ихъ понимаетъ народъ. Задачи такой партiи: подготовлять умы, средства и орудiя борьбы—въ мирное время; регулировать, направлять движенiе—въ революцiонное. Чѣмъ раньше такая революцiонная партiя сорганизуется, тѣмъ влiятельнѣе она будетъ въ моментъ революцiи, тѣмъ больше она будетъ имѣть шансовъ утилизировать ее въ интересахъ народа. Для такой дѣятельности, понятно, требуются люди съ извѣстною выработкою характера, способные приспособляться къ народной средѣ, организовать, сплачивать народъ,—словомъ, требуется типъ народнаго организатора-революцiонера. Если этотъ типъ и рѣдкость пока въ нашей средѣ, то отчаиваться этимъ особенно не слѣдуетъ: онъ выработается практикой, опытомъ, какъ это бываетъ во всякой дѣятельности. Притомъ мы вовсе не думаемъ, чтобы вся тяжесть революцiонной дѣятельности въ народѣ лежала бы исключительно на интеллигенцiи. Наша роль въ народѣ—по преимуществу инициаторская, все остальное должно дѣлаться самимъ народомъ, лучшими его представителями. Народъ же давнымъ-давно выработалъ этотъ типъ. Я говорю о тѣхъ протестующихъ элементахъ, которые во всякое время можно найти въ народѣ,—будь это сектантъ, вродѣ Никиты Семенова, или же ловкiй смышленный агитаторъ, вродѣ Прядько *). Какъ энергично, ловко ведутъ свои дѣла эти народные организаторы можно видѣть, напр., изъ недавно помѣщенной, кажется, въ «Молвѣ» корреспонденцiи изъ Вологодской губ. о сектантѣ-бѣгунѣ 20-ти лѣтъ, проповѣдывавшемъ свое теологически-анархическое ученiе въ своемъ родномъ селѣ въ виду начальства. О другомъ подобномъ типѣ я недавно собралъ самыя вѣрныя свѣдѣнiя. Это—женщина-шелапутка, нѣсколько лѣтъ пропагандировавшая на далекихъ окраинахъ Россiи, а въ настоящее время она продолжаетъ ту же работу въ одной изъ центральныхъ губернiй. Эти типы и созданныя ими организацiи могутъ служить лучшимъ отвѣтомъ тѣмъ изъ нашихъ

---

*) Өома Прядько—одинъ изъ самыхъ дѣят[ельн]ыхъ „дружинниковъ" такъ называемаго „Чигиринскаго дѣла",—организ[ован]ной Стефановичемъ съ товарищами. Прядько былъ лишенъ всѣхъ правъ и сосланъ въ Сибирь. (См. „Чигиринское дѣло" „Приложенiе III" къ Туну, стр. 298). 4 декабря 1906 г. Авторъ.

скептиковъ, которые слишкомъ мало вѣрятъ въ народную самодѣятельность. Этотъ скептицизмъ обыкновенно происходитъ отъ недостаточнаго знанія народной жизни, либо отъ преднамѣреннаго игнорированія хорошихъ ея сторонъ. А между тѣмъ нѣтъ предразсудка болѣе вреднаго, болѣе опаснаго, чѣмъ этотъ. Обыкновенно думаютъ, что «сѣрая» народная масса совершенно однородна, и по двумъ-тремъ фактамъ позволяютъ себѣ дѣлать обобщенія. Люди, живущіе нѣсколько лѣтъ съ народомъ, знаютъ, какое громадное разнообразіе въ привычкахъ, взглядахъ, въ степени умственнаго развитія и способности къ активному протесту представляетъ этотъ народъ въ предѣлахъ даже одной волости. Такая разнородность массы составляетъ, по нашему мнѣнію, самое благопріятное условіе для революціонной дѣятельности.

Настоящій моментъ мы считаемъ наиболѣе благопріятнымъ и необходимымъ для этого. Правительственный гнетъ, правда, поставилъ намъ на пути новыя препятствія, но они не непреодолимы. Если трудно дѣйствовать въ извѣстномъ положеніи, то можно выбрать многія другія, менѣе уловимыя для правительственнаго надзора. Напрасно вы думаете съ авторомъ письма «Изъ деревни»*), что теперь созданы въ деревнѣ такія условія, при которыхъ революціонная дѣятельность крайне непродуктивна, такъ что приходится «биться объ народъ, какъ рыба объ ледъ». Единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ письма вашего автора, это тотъ, что въ настоящее время нельзя заниматься культурною дѣятельностью, такъ какъ приходится каждую минуту открыто сталкиваться съ такими элементами, для которыхъ эта дѣятельность помѣха. Но я спрошу: развѣ революціонеру необходима такая дѣятельность, чтобы объ ней печаловаться? Пусть объ этомъ плачутся культуртрегеры! Революціонеръ же всегда и при всякомъ правительствѣ найдетъ поле для своей дѣятельности—это тайная, подпольная агитація.

Развѣ меттерниховская реакція помѣшала организаціи массы тайныхъ обществъ въ Испаніи и Италіи? Развѣ у насъ военное положеніе мѣшаетъ дѣятельности городского террора? Намъ кажется, товарищи, что вы слишкомъ ужъ мрачно смотрите на деревенскую дѣятельность, слишкомъ мало вѣрите въ способность народа къ революціонной организаціи. Вы не вѣрите въ народъ, вы не вѣрите въ революцію! Но что значитъ, спрошу васъ, не вѣрить въ революцію? Развѣ можно не вѣрить въ то, что есть явленіе естественное, историческое, необходимое? *Даже такіе спокойные, объективные историки, какъ* Шлоссеръ и Циммерманъ, и тѣ *вѣрятъ въ неизбѣжность* революціонныхъ движеній. Да иначе и *быть не можетъ. Пока будутъ* существовать такія ненормальныя *общественныя отношенія, при* которыхъ большинство будетъ эксплуатироваться меньшинствомъ, пока существуетъ антагонизмъ, рознь интересовъ, до тѣхъ поръ, говоримъ мы, разнаго рода противорѣчія могутъ быть разрѣшены не иначе, какъ революціоннымъ путемъ.

*) См, „Народная Воля“ № 1, 1 октября 1879 г. Авторъ этого письма—Кудряшовъ (псевдонимъ). 4 декабря 1906 года Авторъ.

Если внимательно наблюдать общественныя явленія, то между ними всегда можно открыть такіе симптомы, на основаніи которыхъ можно съ нѣкоторой вѣроятностью діагносцировать приближеніе революціи. Надо только имѣть глаза, чтобы видѣть, и уши—чтобы слышать.

Такъ какъ революція обыкновенно подготовляется исподволь, то можно замѣтить нѣкоторую постепенность въ явленіяхъ. Сначала, пока патологическія явленія еще слабы, въ массѣ преобладаетъ настроеніе мирное, желаніе порѣшить многія недоразумѣнія соглашеніемъ, законнымъ путемъ. Это—періодъ пассивнаго протеста (посылка ходоковъ, прошеній и челобитныхъ всякаго рода).

Второй періодъ—періодъ активнаго протеста—начинается тогда, когда вѣра въ законный путь утрачена, когда одновременно съ этимъ патологическіе процессы обострились. Этотъ періодъ проявляется увеличеніемъ числа преступленій противъ собственности, разнаго рода аграрными преступленіями, — наконецъ, болѣе или менѣе крупными спорадическими бунтами. Этотъ же періодъ обыкновенно бываетъ богатъ разного рода толками и «превратными слухами», волнующими и возбуждающими народъ. Наконецъ, когда всѣ противорѣчія, экономическія, общественныя и государственныя, доходятъ до крайней степени своей интенсивности, тогда всѣ мелкія, изолированныя движенія быстро, почти мгновенно, подъ вліяніемъ случайной искры, объединяются и сливаются въ одно разрушительное революціонное движеніе. Это—третій періодъ—революціонный. Для революціонной партіи, въ подготовительномъ смыслѣ самый важный періодъ—это второй. Въ этотъ періодъ партія должна напречь всѣ свои усилія, всю свою энергію, чтобы во что бы то ни стало организовать революціонную партію въ народѣ. Въ противномъ случаѣ она рискуетъ быть застигнутой, какъ «тать въ нощи», т. е. не воспользоваться результатами революціи. Необходимость этой партіи во второй періодъ важна еще въ томъ смыслѣ, что партія можетъ значительно ускорить исходъ его, бросить ту искру, которая нужна для революціоннаго пожара. Она можетъ, если найдетъ нужнымъ, часть силъ отрядить въ городъ. Крупный террористическій поступокъ въ городѣ въ извѣстный моментъ можетъ быть очень кстати. Неожиданный, смѣлый ударъ сверху, цѣлый рядъ систематическихъ нападеній снизу разрушатъ старый экономическій и государственный строй, и на развалинахъ воздвигнуто будетъ новое, созданное самимъ народомъ общество.

Какова будетъ форма новаго общества, и какъ скоро и быстро совершится процессъ разрушенія стараго, мы объ этомъ пока говорить не будемъ. Но что мы въ настоящій моментъ переживаемъ второй, критическій періодъ, мы въ этомъ глубоко убѣждены.

Положеніе нашего крестьянства, по сознанію даже легальной литературы, поразительно напоминаетъ положеніе французскихъ крестьянъ въ концѣ XVIII вѣка, наканунѣ революціи. Всѣ остальные симптомы, которыми характеризуется второй періодъ, выражены теперь очень ясно.

Ближайшей задачей нашей, слѣдовательно, должна быть организація теперь той народно-боевой партіи, о значеніи которой мы уже говорили. Если мы этого не сдѣлаемъ, если мы къ этому не подготовимъ народъ, революціонное движеніе, какъ всякое стихійное движеніе, можетъ пройти грозою черезъ всю Россію, ни принося народу ничего существеннаго.

Революціонная партія, которая отказалась бы теперь отъ народа, стала бы партіей застоя и реакціи.

Тяжелое, подавляющее впечатлѣніе производятъ на насъ теперешнее положеніе революціонной мысли.

Подъ вліяніемъ исключительныхъ условій минуты, люди фактически отказываются отъ живыхъ, признанныхъ наукою принциповъ, ради будто «новыхъ», но въ сущности давнымъ-давно отжившихъ и отвергнутыхъ наукою. И люди вздумали расходиться въ самый критическій моментъ какъ партійной, такъ и народной жизни.

8 декабря 1879 года.

